Индекс 70544

В ФОНД ПОДДЕРЖКИ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

(Ответ читвтвлей на обращение редакции журнала)

В фонд поддержки журнала «Молодая гвардия» продолжают поступать денежные переводы читателей. Переводы прислали:

Алабердян Д. (г. Самарканд), Акимов А. Н. (г. С.-Петербург), Анисимова Л. А. (Краснодарский край), Безносенко А. Г. (г. Симферополь), Бирюков А. М. (г. Тобольск), Бломенко А. А. (г. Одесса), Богер Ю. П. (г. Новосибирск), Боброва А. М. (г. Павлодар), семья Борисовых (г. Харьков), семья Боярских (г. Тюмень), Бурдауков Н. Н. (Липецкая обл.), Вахрушева В. П. (Кировоградская обл.), Васильева Л. А. (г. Екатеринбург), Вильчинский А. Д. (Литва), Вольхин А. Д. (Алтайский край), Волох П. П. (г. Энгельс) — вторично, Воронин С. А. (Псковская обл.), Васильева Е. Д. (г. Ставрополь), Володина Ю. П. (г. Новосибирск), Гальчук В. П. (Москва), Горбатовская Е. А. (Московская обл.), Гламаддина Л. Н. (г. Тогучин), Дашкова О. С. (г. Киев), Добрышева В. Г. (г. Новосибирск), Дочук Е. А. (г. Львов), Данилович В. А. (г. Красноярск), Дворников Т. С. (Тюменская обл.), Дьяченко В. Н. (г. Севастополь), Дерюгин А. Н. (г. Ростов-на-Дону), Ермаков А. И. (г. Луганск), Жданов Г. П. (Саратовская обл.), Журавлев Р. П. (г. Игарка), Захарчук Н. В. (г. Н.-Уренгой), Зеленцова Н. И. (г. Рига), Заварницын А. Д. (г. Курган), Зарницын В. Р. (г. Оха), Згода М. И. (Черниговская обл.), Зюкин П. Н. (г. Павлодар), Иванов А. П. (г. Икша), Изотова М. М. (г. Ростов-на-Дону), Каширина Л. В. (Калининградская обл.), Кармановская Л. В. (г. Черкассы), Каутная З. В. (г. Житомир), Кардаполова Р. И. (г. Новосибирск), Коломоня В. Т. (г. Донецк), Киссюк В. В. (Москва), Косенков В. Н. (Москва), Кожевников В. А. (г. Херсон), Комарова Л. П. (г. Алма-Ата), Кулев В. С. (Орловская обл.), Кузнецова Н. А. (Москва), Куклина Г. И. (Обь-2), Лифенцов П. Д. (г. Набережные Челны), Любова С. В. (Москва), Малинин С. (г. С.-Петербург), Маркинь В. Н. (Херсонская обл.), Макушев Г. П. (г. С.-Петербург), Мандро Л. Ю. (г. Алма-Ата), Матреничева В. (Москва), Матвиенко Н. С. (г. Мурманск), Мухина А. В. (г. Донецк), Муллин М. С. (г. Саратов), Налинкин Б. К. (Ровеньки-2), Непочтов В. В. (г. Н.-Уренгой), Нарочкина Н. В. (г. Уфа), Охрименко А. Г. (г. Невельск) — дважды, Правдина Н. И. (г. Мариуполь), Подомев Г. М. (г. Барнаул), Рябухин А. И. (г. С.-Петербург), Русалев В. И. (г. Екатеринбург), Скупова Н. А. (Иркутская обл.), Самоходкина Н. Ф. (г. С.-Петербург), Себекина В. И. (Москва), Сергеев С. С. (г. Белгород), Сатюкова Е. А. (г. Челябинск), Суслонова А. Ю. (г. Н.-Тагил), Серговский С. В. (г. Иваново), Слюсар А. И. (Херсонская обл.), Сучкова Р. Н. (Москва), Тумка В. И. (Чукотка), Тимошенков И. М. (г. Великие Луки), Тыщенко О. Ф. (Иртышск), Таранкова А. А. (г. Дзержинск), Трушкина Г. Ф. (Москва), Ханов А. М. (г. Дзержинск), Харин Р. К. (Липецкая обл.), Ханзаров Р. Н. (г. Самара), Хранцов И. К. (Москва), Чередиц Т. Д. (Приморский край), Шарафигуллина Ф. Г. (Москва), Шевардина Л. Д. (г. Кременчуг), Шевцова К. Д. (г. Донецк), Щербаков А. П. (г. Краснодар) — трижды, Щербенко С. К. (г. Черкассы), Эркенова И. Н. (г. С.-Петербург), Юшкевич А. П. (г. Киев), Ягодкин А. И. (г. С.-Петербург), Беспамятнов В. Е., Боровикова В. Е., Иванова А. И., Самойлова Т. Б.

1992
10
ISSN 0131—2251

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Патриоты, объединяйтесь!

Распространяйте и пропагандируйте патриотический журнал «Молодая гвардия»! Создавайте клубы журнала «Молодая гвардия». Добивайтесь открытия на Центральном телевидении постоянных передач устных выпусков журнала «Молодая гвардия».

Патриоты! Организуйте и проводите подписку на журнал «Молодая гвардия» на предприятиях, в организациях, в России и за рубежом.

О ПОДПИСКЕ НА 1993 ГОД

Подписка на 1993 год будет проходить в два этапа: на первое полугодие — с 1 августа по 15 октября 1992 года и на второе полугодие — с 1 марта по 30 апреля 1993 года. Каталожная цена на месяц — 40 рублей, на 3 месяца — 120 рублей, на полгода — 240 рублей.

Вниманию читателей из стран СНГ, в которых не проводится подписка на журнал «Молодая гвардия»!

Вы можете подписаться на «МГ» с любого месяца, направляя денежные переводы непосредственно в адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а, журнал «Молодая гвардия», ответственному секретарю Кротову Александру Анатольевичу. С учетом пересылки номеров журнала за счет редакции стоимость одного номера 50 рублей (для стран Прибалтики — 150 рублей). Не забудьте прислать отдельным письмом в адрес редакции квитанцию о переводе и свой точный почтовый адрес. Москвичи могут подписаться на «МГ» непосредственно в редакции по 40 рублей за номер.

Библиотеки из стран СНГ могут осуществить подписку, перечисляя деньги по безналичному расчету на счет редакции: р/с 000608075 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка г. Москвы, МФО 201553, код Д-9 с пометкой: «для журнала «Молодая гвардия», подписка» и обязательно прислать в адрес редакции копию платежного поручения и свой точный почтовый адрес, указав количество необходимых экземпляров.

На этот же счет читатели журнала могут присылать деньги в фонд помощи журналу.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, акционерное общество «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: Художник Мстислав Боровский. «Покров и спасение».

«Молодая гвардия», 1992, № 10, 1—256

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции: для справок: 285-88-58, 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14.

Юрий БОНДАРЕВ

ЗАПИСКИ ПО ПОВОДУ...

ЛИТЕРАТУРА

В наше время все новое связано с риском, несмотря на расчеты, на компьютеры, на «математические ожидания».

Через все искусы, поиски, заблуждения и находки прошла за двадцать лет литература Европы, Азии и Америки — в разных концах света печатались романы апокалипсиса, устрашающие картины конца технологической цивилизации, романы — фуги и битников, повествования готические, респектабельные в викторианском стиле, историко-декоративные, феминистские, порнографические, сексуальные, модернистские, экзистенциалистские, социально-бытовые, экспериментальные, событийные, негритянские, экзотические, колониальные, романы воспитания, предостережения, романы сознания, мысли, роман-поток, наконец — ретророманы, роман-хроника.

Мировая критика, особенно американская, не стеснялась в рекламе и каждый очередной бестселлер называла «великий роман», что прекрасно усвоила и ультрагрупповая критика наша в период перестройки, ежедневно и неустанно конструируя «великих гениев» своего политического клана.

Высокая литература во всем мире день ото дня теряла былое влияние, традиции и тяжким трудом завоеванные духовные плацдармы, а массовая культура все решительнее и властнее искажала правду и реальность вещей, конфликтов в обществе, подменяя жизнь видимостью жизни, рассматривая человека как аполитическую особь, жестокость — как природный феномен вне морали, которая якобы уродует и угнетает личность. Мировую печать захватывали писатели-абсурдисты, поборники эстетизированного эротизма, гедонисты, торговцы страхом, насилием и мерзостью. И это уже был не интеллектуальный нигилизм и не только деньги, а было бегство от жизни в паутину незаторможенных инстинктов, порока и вседозволенности, бегство к тому же в дешевый готический роман (ужасы, похищения, убийства), имя которому — чепуха.

В Америке паралитература достигла размеров национального бедствия, как бы приближая закат подлинной культуры в эру тирании телевидения, коммерческого кинематографа и коммерческой прозы, беззастенчивой поэзии без поэзии, в век пластмассовых чувств.

В Японии, начиная с 70-х годов вплоть до полуфантастического реализма Абэ, выделяется послевоенное поколение писателей, как бы обращенных в себя, подчиненных методу холодного самоанализа, в то время как в Западной Германии серьезная литература была занята расчетами с «непреодоленным прошлым», без сильного героя, и в то же время возникает оголенный роман воспитания, где на дидактических крыльях незримо витает над бытом персонажей обновленная конституция ФРГ: «Достоинство человека неприкосновенно, все равны перед законом, никто не может быть ущемлен из-за своего пола, происхождения, расы, языка, религиозных и политических взглядов».

В эту же пору в Италии — небывалый успех политического детектива, а в далекой от Европы южноамериканской прозе входит в моду прием «литературного коллажа», перешедшего затем в постреализм Сильвы и Маркеса.

Я же всецело предан той литературе, где покоряет психологизм, искренность, серьезность, простота. Я уверен также, что любому методу и стилю, выбранному писателем, точнее — являющемуся его природной сущностью, противоестественно сектантски огораживаться, фанатично находиться в состоянии изоляции. По своему отношению к действительности художник не должен отвергать безоглядно все достижения, познания и эксперименты мирового искусства, к примеру: гипербола, гротеск, фантастика, деформация сознания издерганного цивилизацией человека, что в той или иной степени отрицает иллюзию гармонии в обществе, прямолинейный взгляд на формы жизни, всегда неоднородной. И здесь стереотип мышления некоторых наших теоретиков, обращенных к обособленности, пагубен, ибо напоминает древний китаизм, запрещающий под страхом смертной казни проникновение чужой культуры, чужеземной мысли. Но коли так, не возникает ли синтезированный реализм, теряющий свой характер, личные или национальные особенности? Что ж, порой заблуждения серьезного писателя вырастают в великие достоинства.

Римляне и древние италийцы из убийства делали зрелище. Теперь во всем мире арену Колизея заменяют желтые и черные серии криминальных романов.

На баррикадах, воздвигнутых из мусора паралитературного бульвара, триумфальные победы одерживает пошлость, испорченный вкус обывателя, которого коммерческая критика развращает обманными крайностями, внушая, что Марк Твен и Джек Лондон наивны и нечитаемы, дедушка Бальзак давно устарел и забыт, Диккенс до невозможности сентиментален, Толстой тенденциозен, а русская литература вообще пресна, потому что в ней отсутствует секс. Боже, как все это тенденциозно и наивно!

Иные литературы, вместе с ними живопись и музыка искали спасение в авангардизме, но авангард — обратная сторона кича, а в сущности приложение к смещенному искусству, идея которого приблизительно такова: «каждый безумен».

Можно ли говорить сейчас об искусстве как об удвоенном духе в сознании (по Гегелю), если зложелатели блаженного ужаса хотят представить всю жизнь нашу сточной канавой, которую так возлюбила то ли лево-либеральная, то ли радикально-левая

теория, кричащая «осанну» новой скандальной журналистской прозе и драматургии, извращающим литературу, о чем предупреждал Бунин в 1913 году.

Уживаются в противоестественном браке язык и антиязык, роман и антироман, реализм и авангардизм, в свою очередь, соединяющий декаданс, физиологический натурализм и вербасонию, одновременно бок о бок существуют высокая трагедия и пошлый фарс, пасквиль и анекдот.

Когда я думаю о Павле Флоренском, о французе Поле Валери, американце Пирсе, которые пытались понять, определить, какие видимые и невидимые задачи выполняют в человеческом обществе символ, знак, слово (как посредники между человеком и окружающей его средой), я вспоминаю любимого мною титана — Леонардо да Винчи, — его прием в живописи, имеющий название «сфумато» — голубая дымка, как бы тень летнего тумана, подернувшего реальность, волшебно и грустно снимающего неразрешимое вселенское противоречие между настоящим и уходящим в «никуда». Да, где граница вечности, прошлого и настоящего? Художество и разум — феномены земные или космические? Возможно ли даже гению на все вопросы дать ответы?

Спускаясь же на землю, вспоминаю систему фраз югославского критика С. Ласича из его книги «Столкновения в левой литературе», где заявляется абсолютная свобода писателя категоричной формулой из теории противоположностей: «Художник всегда предает революцию, а революция предает искусство». Тут сразу же искажается точность и непогрешимость слова («всегда предает»), но встает в памяти незабвенная мысль украинского философа Григория Сковороды, сказавшего свету: «Мир ловил меня, но не поймал», — в этой жизненной позиции утвержден истинный внепристрастный простор и свобода мыслителя по отношению к действительности.

И здесь следует вспомнить небезызвестного Сартра, пришедшего к невеселому выводу в конце жизни: создание жизнеспособной моральной доктрины в классовом обществе невозможно. Тем не менее в 18 лет он был пленником идеалистического иррационализма, к 45 годам стал аморальным реалистом, затем мораль стала для него основой реализма. Это была вежливая форма спора с самим собой, где слова и фразы складывались в систему исключений, открывающих возможность нового вывода, ибо ничего нет в мире, что можно считать законченным.

Думая об этом посреднике между людьми, я говорю сам себе: что бы мы все ни исповедовали, истинность не в бездумной клоунаде слова и мысли, не в придуманном символе и знаке, а в вечных и сквозных темах мировой словесности, проще говоря — литературы: красота жизни, трагедия бытия, свобода, любовь, необходимость. Здесь главные действующие лица: гомо сапиенс, гомо героикус, гомо фобер, гомо моралис, гомо люденс (человек думающий, человек-герой, человек-строитель, человек моральный, человек играющий) — то есть персонажи, в которых личность и характер в единстве с идеей либо в борьбе с ней либо с предрассудками, которые в современных обществах присвоили понятие истины — деньги, технократический прогресс,

секс, индивидуализм: «я — остров», «я хочу получить свое, если бы это стоило и беды миллионов собратьев».

Задумывались ли вы над тем, как проходило на наших глазах развитие мировой литературы за последние 40 лет?

В 50-х и 60-х годах на Западе стал заметен кризис нравственных и этических ценностей, вирус равнодушия стал поражать отдельную личность, начал распространяться нигилизм, болезнь беспричинного насилия, возникла эпидемия натуралистических романов, рассказов ужаса, комического сюрреализма и вместе массовидного порнокитча, то есть романов порнопохождений типа «Кэнди» Торри Саузерна, где нет желания видеть даже тени фиговых листочков. Что касается кинематографа, то в 50-х годах в Японии выходили серии фильмов о «солнечном племени», которые вызвали бурный рост преступности, надругательств и убийств ради наслаждения.

Движение американского романа шло от жестокого реализма, где главный герой искал самого себя в стране «безродных и заблудших» (Сэлинджер, Джонс), к мифическому символизму (Апдайк) и от беспокойного экзистенциализма (Беллоу) к ироничному субъективному письму и «новой журналистике» (Мэйлор), занимавшей основные позиции до конца 70-х годов. Затем жанр политического и психологического детектива потеснил остальные формы.

Однако страшновато подумать, что в США только избранные, только утонченные интеллектуалы знакомы с творчеством Фолкнера и Хемингуэя, широкая же публика едва ли слышала о больших художниках — Драйзере и Вульфе, она верна «полицейским сериям», почитывает безобразно хилые таланты «бульвара» — Жаклин Сьюзен и Лямура, тиражируемых десятками миллионов, или Барбару Картленд, издавшую 200 романов общим тиражом 100 миллионов экземпляров, вдвое больше, чем тиражи знаменитой Агаты Кристи.

Быть может, поэтому каждая десятая выходящая на Западе книга — детектив. Вопрос интереса «кто?» теперь заменился психо-политическим вопросом «почему?», так как общество потеряло, что называется, добрую, старую успокаивающую стабильность, и нейтральная истина исчезла в поиске истоков и противоречий преступления и непреступления, вины и невиновности, правды и лжи.

Кто спасет этот безрадостный, внешне сияющий благоденствием современный мир, его электрическое, нейлоновое, синтетическое, рекламное, витринное счастье, которое было и есть неприемлемо, тошнотно всем пророкам, ясновидцам, жрецам тайн человеческой души, мечтателям о материальной, эстетической и этической гармонии? Кто спасет всемирную духовность? Спасителя земного пока нет. Какая страна родит его? Россия? Китай? Индия?

Время создает некий центральный лик эпохи. Этот лик — зловещий оскал мускулатуры. Это образ — сращенная в литературное чудовище банальная мелодрама, фальшивая сентиментальность, порнография, ханжество садизма, глупость черно-желтого детектива. Искусство, лишенное высокой моральной цели, дегенеративно. Книга становится лишь системой знаков, предназначенных для легкого раскодирования обывателем, в скуке и сытости ищущим бездумных развлечений.

«Я — ОСТРОВ»

Сколько бы ни тщились филологи от века воспрепятствовать порче родного языка, он, язык, всегда подвергался унижению и размыванию с особой, модной жестоковыйностью.

Дом строится несколько лет, душа человеческая — столетиями. Антикварный и умиленный подход к реальности смертоподобен в наши дни. 50 лет назад все мы были другими и, разумеется, 500 лет назад нравственность народа была иной.

Пришла пора национального самосознания, я бы сказал, запоздалая пора в конце XX века, когда будто в тумане лежит только один путь во спасение слова — путь к Пушкину, Толстому, Шолохову.

Нашей полуграмотной прессой производятся над русским языком скороспешные и неумелые операции — тупым зазубренным ножом невежества. Русское поле языка в опасности, окруженное иностранными сорняками, готовыми заглушить живое, естественное, как дыхание. Конечно, возможно высказать возражение самому себе: язык способен к самовосстановлению, к выталкиванию из своего тела инородных клеток. Но это не совсем так, ибо мы видим, как, подобно ядовитой пыли, впилось в плоть русского языка чужое, засорившее, примитивно сузившее, обескрасившее его, к примеру: консенсус, шанс, имидж, плюрализм, парламентарий, адекватный, конвергенция, дефицит, компенсация. В перечислении подобных слов мы можем уйти в бесконечность — для этого стоит развернуть любой номер любой газеты.

Я способен понять необходимость, скажем, эзопова языка, но испытываю чувство сопротивления, когда язык Толстого и Бунина превращают в мусорный ящик космополитического общения политиков и политиканствующей прессы. Вспоминаю слова Достоевского: «явится пресса» — и думаю о том, что (если верить пифагорейцам) все повторяется на белом свете, но то, мучительное для Достоевского в XIX веке, сейчас, в 90-х годах XX века,— оккупация языка и порабощение культуры.

Христианская формула просветительского гуманизма XVIII века: «каждый человек — часть континента» — заменилась пагубной формулой XX века: «Я — остров». И наступил крах былого миропорядка, и уничтожены «добрые старые» традиции, и вместе с ними моральные «предрассудки» — и во всем мире, иллюзорно разрушая одиночество сладким дурманом рекламной свободы, ложной демократии, установилась эра потребления языка по американскому образцу: я потребляю, и счастье в этом, а не в духовной пище, которой сыт не будешь.

Наша несокрушимая власть прессы, особенно комсомольской, ежедневно и ежечасно внушает молодежи отвержение нравственных принципов, ненависть к прошлому и настоящему, независимо от плюсов и минусов, от цвета знамен, то есть неприятие опыта прожитой и сегодняшней реальности. Пресса неустанно, как по программе, предлагает свое завоевание и познание действительности: неограниченная свобода воли, сексуальная революция, погоня за удовольствиями, нелюбовь к отечеству, любовь к грошовой моде, потребление и одновременно — презрение к труду.

Единица, деленная на нуль, есть бесконечность. Просмотрите хотя бы комплект «Московского комсомольца» и «Собеседника»

за любой месяц, и вы увидите эту бесконечность растления души, начатого несколько лет назад и набравшего космическую скорость в наши дни.

Что ж, «лучше давать народу идеалы, чем житейскую пошлость» (Пушкин).

Космополитический примитив языка и прессы нужен, разумеется, для туристов, развращенных купленными удобствами, нашей лестью и желающих видеть за окном у нас сценки разорванного сознания и физиологического натурализма «черного русского быта». Здесь я должен добавить также, что наши современные города с их однообразно унылыми, индустриальными конструкциями — мертвая земля технократической пустыни, где еще с детства умирает потерянная душа человека вместе с первозданностью языка.

С позволения сказать, сенсационный шум нашей «тюремно-лагерной прозы», о которой много писали в течение пяти лет, — это все-таки фальшивый восторг мстительности, открытие без торжества, проза без художества и слова. Это ужасающая и одновременно больная информация, захватившая внимание в хрупком и непокорном царстве читательского сознания. Затем эта правда стала не чем иным, как модой, обернувшейся в конце концов влиянием непрочным. Длительная власть всякой моды в искусстве, собственно говоря, самопощечина и вместе бессознательное разрушение восприятия и вкуса. Если в каждом книжном киоске будет лежать «Архипелаг Гулаг», он потеряет к себе даже маломальский интерес, как назойливый лозунг.

Я люблю Восток, таинственный, мудрый, благоухаянный, неисчерпаемый, как сама вечность. И вот сейчас, в конце XX века, приходит в голову исмаилитский принцип: нет внешнего без внутреннего, нет внутреннего без внешнего. И я думаю о мудрейших и бесподобных ибн Сине и Омаре Хайяме, для которых есть диалектика единого и множественного, то есть справедливость — мера и связь с вечностью, в то время как веру нельзя заменить силой; она, вера, создает гармонию, спокойствие души, целостность мироощущения, любовь и тоску по истине.

Где начала и где концы? Цивилизация со всеми ее искажениями истин стала цивилизацией потому, что не заботилась о братстве людей, добре и справедливости. Цивилизация — итог лености и жадности человечества. Парадокс? Ни в малой степени. В конце концов, чудовищно гигантские города, не соединяющие духовно людей, а обманно объединяющие нас светом реклам, вымрут, как динозавры, и мы будем вспоминать о них, как о библейской гибели Вавилонской башни, как о страшном сне.

Не нахожу смысла спорить с банальным максимом: серьезный роман подобен айсбергу. В самом деле, верхняя его часть — лежащие на поверхности факты, поступки и события, но подводная, скрытая часть принадлежит тишине, молчанию, где покоится самый важный смысл. Истинное наслаждение для читателя преодолевать в литературе эту глубину тишины и молчания. В мелочах жизни познать неразгаданную правду — много ли это? Наш бренный или «плывущий» мир, как обычно определяют его японцы, не может быть познан до конца даже наивысшим классическим разумом. Но приблизиться к познанию возможно через

проникновение к подводной части айсберга, то есть через осознание и оценку поступков перед тайной вечности.

ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ С САМИМ СОБОЙ

— Батюшков считал, что поэту для пользы дела желательно писать и прозу. У Сухово-Кобылина стихи получались любительские, зато шла поэтически живая, прекрасная драматургия.

— Что касается прозы и поэзии, что чему помогает, то вопрос этот весьма проблематичный, потому что Лев Николаевич Толстой стихов не писал.

— Шуточные.

— На день рождения детей — это не стихи. Есть, конечно, один пример чрезвычайно интересный — Иван Алексеевич Бунин. Он начинал как талантливый поэт, а кончил как великий прозаик. Что, собственно, способствовало стать ему прозаиком: талант поэта или же другое качество, которое можно определить иначе? Думаю, что качество поэта дало очень много: краткость и точный эпитет. Это качество необходимо и для поэзии, и для прозы. В последние годы он писал только прозу.

— Последние произведения Бунина были стихотворными.

— Но весь он был в прозе, весь был предан глаголу и эпитету, имеющим отношение не к поэтическому размеру, а к ритму прозы, которая у него в высшей степени музыкальна, что идет, конечно, от поэзии.

— Говорят, что Вячеслав Иванов, слушая неизвестное ему стихотворение, мог назвать имя автора уже по одной строчке и даже по полустишию. Но ведь трудно спутать и фразу Гоголя, Тургенева, Толстого, Шолохова. Однако ныне почему-то упрекают только критиков, принужденных петь безликие дифирамбы современникам. Зато критикам предоставлена неограниченная возможность отводить душу на ушедших из жизни авторах: «Пушкин не понял», «Лермонтов не понял», «Достоевский не понял»... Собрать эти «не понял», пришитые к Толстому, — получится, что Толстой вообще ничего не понимал. Создается впечатление, что стали ценить не «лица необщее выраженье», а нечто иное. Или и в самом деле у писателя есть некое другое оружие, кроме Слова?

— Это называется индивидуальностью писателя, без чего художника представить себе невозможно. Действительно, если бы мы сейчас эксперимента ради положили перед собой разные тексты классиков и задан был бы вопрос: чей этот текст и чей этот? — видимо, все-таки не так уж много было бы ошибок. Различие, особенность, выраженный характер стиля — это и есть индивидуальность писателя, его «я». Толстой узнаваем по своей мощной, разветвленной фразе с подчинениями, с деепричастиями, с возвращением в конце фразы к тому смыслу, который заложен в ее начале. Толстой обладал очень мужественным ритмом. Если в музыкальности Бунина чувствуется присутствие женского рода, то в ритме Толстого везде господствует мужской род. Это не умаляет ни того, ни другого. Я просто говорю о том, что фраза Толстого несколько груба, неотесанна, мускулиста, угловата, а фраза Бунина — округлая, мягкая, душевная, лирическая, она несет в себе, я бы сказал, больше чувства, чем мысли.

Лесков тоже обладал большой способностью выявлять себя в стиле.

У молодого Гоголя была удивительно раскованная фантазия. В ней поражает нечто озорное, игривое, связанное с реальностью, со сказкой, с легендой и даже с народной украинской песней. Молодой Гоголь совершенно беззастенчив в употреблении эпитетов. Красота для него не прикрывалась скромностью, а была щедро открытой, что принадлежит, собственно, ирреальности, фантазии, снам.

— Мифологичность, любовь к гиперболе?

— Да, любовь к гиперболе. А потом Гоголь периода «Шинели», «Мертвых душ». Здесь уже не встретишь такого пиршества эпитетов, таких неуемных красок. Здесь Гоголь сдержан, строг, привередлив, скромен во внешних средствах, ибо меняется сам метод и образ мышления. Известны же слова Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Это была новая проза, которая стала познавать душевные тайны человека и смысл человеческого бытия.

В последнее время я перечитывал Тургенева. Как ни странно, в «Записках охотника» на меня наибольшее впечатление произвел совершенно бесхитростный «Бежин луг». В рассказ этот вложено нечто такое, что не подвержено тлению. Когда вышли в свет «Записки охотника», они произвели сильное впечатление на всю читающую публику своей социальной и вместе злободневной значимостью. Теперь мы достаточно знаем, что произошло, почему произошло и как произошло. И наше опытное внимание захватывают те художественные вещи, которые, минуя временные вехи, прикасаются к человеческим категориям, к вечности. Так живут «Дон Кихот», «Братья Карамазовы», «Война и мир», «Тихий Дон».

— Из любви к Толстому была написана фраза: «Гениальный художник никогда не поражал нас и, видимо, не хотел поражать «обнаженным мастерством», той выпирающей щеголеватостью фразы, что были свойственны, например, Бунину». А перед тем с чувством восхищения приведена цитата из рассказа Паустовского «Дождливый рассвет»: «Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью» — фраза, исполненная как раз в стиле Бунина. Так где же здесь «обнаженное мастерство»? Есть не «щеголеватость», а своего рода пышность (страсть к образности, фигуральности речи), обязанная южному происхождению Бунина, подобная еще большей пышности Гоголя и Шолохова, вышедших из еще более южных районов Руси.

— Мы почему-то сегодня много говорим о стиле и мало о критиках. А между тем, когда вышли «Отцы и дети» Тургенева, читающая публика разделилась на два лагеря: враждебный и встретивший роман с восторгом. Критики, не принявшие роман, считали, что Тургенев не понял нигилиста, молодого человека, пришедшего в этот мир, чтобы отрицать его. Упрекал Тургенева и самый демократический журнал того времени «Современник», а время показало, что как раз Тургенев понял Базаровых, а не критика уважаемого читателями журнала.

Величайшее создание Толстого «Войну и мир» даже некоторые знаменитые писатели приняли кисло, скептически, недоверчиво: мол, это «сказки бабушек и мамушек», а критика определяла

персонажи Толстого как фигуры слишком картовные, ни в чем не убеждающие. Я не говорю уже о романе «Анна Каренина», вокруг которого долго кружила Вальпургиева ночь с пляской ведьм, чертей, либералов и охранителей.

Травля Гоголя, которая продолжалась несколько лет, свела его в могилу. Он был слишком впечатлительный человек. Думаю, что после смерти Гоголя каждый серьезный русский писатель должен был занять непоколебимую позицию: не слушать никого, не оглядываться по сторонам, а идти вперед, опираясь на свой талант. Так делал Толстой. Так делали Лесков, Чехов, Писемский, Шолохов, Михаил Булгаков.

Кстати, я сейчас вспомнил судьбу Лескова. Его роман «Некуда» не был п о н я т и либеральной и охранительной критикой. Его оклеветали. Непризнанный Лесков держал оборону в течение пятнадцати лет. Роман принес ему славу, но и невероятные осложнения в жизни. Его не печатали. Он буквально голодал. Но вот что восхитительно в Лескове — он оказался человеком чрезвычайно твердым: прошло много лет — и он опять пишет роман о нигилистах «На ножах»...

Вспомним историю Писемского с его романом «Взбаламученное море», когда после всех нападок он вынужден был уехать из Петербурга в Москву... В нашей критике есть какой-то недопустимый экстремизм. Я думаю, что в ней, за некоторым исключением, всегда господствовала вульгарная социология, прямолинейная тенденциозность, мстительная вспыльчивость, подверженность настроению.

Вкус воспитывается с детства и постепенно потом отшлифовывается. Поразительный феномен: в четырнадцать лет Лермонтов знал то, что мы познаем, пожалуй, в пятьдесят... Когда разрушается вкус, разрушается самое главное: система мышления.

— Теряется лицо?

— Теряется лицо, и исчезает культура. Многих наших критиков можно упрекнуть в том, что они не обладают никаким вкусом и, не обладая им, разрушают вкус читатели.

К сожалению, критикам нашим не хватает общей культуры. Их учителя в университетах случаются не самого высокого класса, то ли случайно, то ли по каким-то еще другим причинам оказавшиеся на кафедре литературы и искусствоведении. Таким образом, эстетическое образование будущих критиков основывается на тех жалких знаниях, которые почерпнуты из лекций недалеких преподавателей. Разрушен вкус — разрушено самое святое, прерваны родственные связи со всем прекрасным в этом мире.

Что такое «Дон Кихот»? Памфлет? Гротеск? Пародия, выросшая в высокий реализм?

Всякое категорическое определение — это тщеславный шаг, чтобы приспособиться к глупости или доверчивости читателя.

— Кто из писателей более всего отвечает сегодня насущному вкусу?

— Именно сейчас всех потеснил Толстой. Стоит только задуматься над современным состоянием мира, где в целом властвует технократическая тенденция, как станет ясно, что вопрос самосовершенствовании человеческой души, вопрос духовности дол-

жен быть выдвинут на первое место. Иначе человеческий феномен погибнет. Даже не познание всех извивов души и всех глубин психологии, отклонений и познания ее тайн, которые вчера нас очень занимали, а вопрос совершенствования; духовное здоровье Толстого — вот что сейчас делает его всемирно необходимым писателем.

— В романе «Тишина» офицер Уваров проявил на войне трусость и гнуснейшую подлость, а в миру, в быту преуспевает. Есть и немало тех, кто и вовсе не бывал там, на войне, а преуспел больше Уварова. Они и впрямь «герои нашего времени», ведь лучших из лучших своих граждан страна потеряла в войну. Автор занимает ясную гражданскую позицию. Его лозунг: «Не прощу!» Даже разделяя его, трудно согласиться с приложением этого принципа к Васильеву, персонажу романа «Выбор». Простая человеческая слабость Васильева, склонность к рисовке, свойственная артистическим натурам, вызывает едкую иронию повествователя. Васильев — талантливый художник. И это «Не прощу!», отнесенное к таланту, звучит очень романтично. Талант — это человек в человеке. Ответственность таланта перед обществом предполагает и реальную ответственность. А срабатывает ли она, ответственность общества перед талантом?

— Васильев — человек не слабохарактерный. Мягкость характера, доброту, раскаяние, самонаказание, недовольство собой — все это я не считаю слабым характером.

Такие характеры, как Васильев, Никитин или Крымов — это характеры не те, которые изо дня в день разрабатывала наша литература. В силу многих причин большая часть нашей прозы строила характеры на иной основе — на движении внешнем, на энергии, на глаголе: вошел, сказал, сделал, ушел. Самопознание почти отсутствовало, оно отсутствует и сейчас во многих вещах. Стало бы моим полным провалом, зато удовлетворило бы многих критиков, покажи я Васильева или Никитина на пути в люди, путь из драных штанов в хорошие брюки — как им это удалось или не удалось. Чепуха! Когда человек внешне благополучен, вроде бы счастлив для чужих глаз, а в действительности неудовлетворен и недоволен собой, он в жизни что-то не смог, не совершил, вернее — не сделал еще один шаг к добру, который необходимо сделать, но, может быть, так и не сделает — вот что интересно мне в современном гомо сапиенс.

Мне интересны люди искусства потому, что эти люди с обнаженными нервами и должны по роду своей профессии совестливо проживать десятки чужих жизней. Мне интересен герой думающий, сомневающийся, идущий не кратким путем между двумя точками на плоскости, а зигзагообразно — ведь путь наш вообще зигзагообразен, жизнь человеческая такова.

В «Выборе» есть ряд сцен, где ясно, какой выбор мог сделать и сделал Васильев. Но, может быть, это не выбор, а полувыбор, как и вся жизнь многих из нас.

— Видимо, самая благодарная тема — это тема любви. Каково значение «Темных аллей» Бунина?

— «Темные аллеи» — вершина творчества Бунина. Это проза величайшего качества. Здесь я полностью расхожусь и с Твардовским, и со многими другими исследователями, которые утверждали, что «Темные аллеи» — неудача угасшего на чужбине таланта.

К этой книге Бунин, должно быть, шел всю жизнь. Она написана безупречно, пожалуй, выше даже, чем «Жизнь Арсеньева», хотя, как известно, сравнение всегда хромает. «Темные аллеи», несмотря на множество нескромных сцен, к чему наш читатель не привык, — это гимн любви, женщине, юности, молодости, вечному чувству. И Бунин исполнил это с такой силой, как никто в литературе русской, да и мировой. Поражает, что эту молодую книгу он закончил, когда ему было за семьдесят. Многие рассказы были написаны в войну, в холодном, голодном Грассе, оккупированном немцами. В «Темных аллеях» Бунин достиг олимпийского совершенства и мастерства абсолютного. Знаю, что наша молодежь любит эту книгу, как будто действие «Темных аллей» относится не к началу века, как будто она была написана не в 40-х годах.

— В вашем романе «Берег» интригой служит коллизия «Никитин — госпожа Герберт». Коллизия эта по сути та же, что и в бунинской новелле «Темные аллеи»: нечаянная встреча некогда влюбленных через тридцать лет разлуки. Случайно ли это совпадение?

— Должен сказать, что это бродячий сюжет. Почти в каждой литературе мира он есть.

О СТИЛЕ ТОЛСТОГО

Чрезвычайно поучительно время от времени возвращаться к Толстому, внимательно вчитываясь в его тексты. Вот сцена у Берга. Как вы помните, капитан гвардии Берг, вернувшись после Аустерлица с видом исполнившего долг воина, всякий раз показывал свою раненую правую руку, в то же время держа совершенно ненужную шпагу в левой руке. Он так упорно, долго, с пылкой значительностью говорил об аустерлицком сражении, что в конце концов все подумали, что он достойно вел себя там, — и Берг был, конечно, награжден. В финляндскую войну он также был отмечен наградой за то, что поднял осколок гранаты, убившей адъютанта главнокомандующего, и поднес начальнику этот осколок.

Как вы помните, с выгодой женившись на графине Вере Ростовой, расчетливый и эгоистичный Берг устроил у себя вечер, разумеется, похожий, как две капли воды, на петербургские вечера, с обязательным присутствием генералов, со светскими разговорами, с таким же печеньем к чаю, какое было у Панина.

Знак таланта чувствуется в любом слове, в любом описании Толстого. Вот, к примеру, одна ясновидящая фраза: «Берг встал и, обняв свою жену, осторожно, чтобы не помять кружевную пелерину, за которую он дорого заплатил, поцеловал ее в самую середину губ». Многого стоит это «в самую середину губ» и многого стоят его слова после этого: «Хорошо, если у нас скоро не будет детей». Какая убийственная точность, какая сатирическая беспощадность видения персонажа!

В поразительной сцене охоты Наташа Ростова (это поэтиче-

ское существо) вдруг неистово визжит, увидев, что убит заяц, визжит восторженно и радостно, хотя в другой обстановке ей было бы стыдно за этот безобразный визг. Здесь Толстой не то чтобы намеренно разрушает прелестный образ героини, он видвт ее всю и не щадит свою любимицу, так же, как безжалостен он и в тот момент, когда Андрей Болконский объясняется Наташе в любви. Она искренне и наивно говорит: «Я так счастлива», — и рыдает. Андрей посмотрел на нее, плачущую, и прежнего поэтического чувства к ней уже не было у него, а была только жалость.

Нахожу особо любимые страницы, посвященные описанию возвращения Ростовых с охоты, останавливаюсь на фразе:

«В деревне, которую проезжали, были красные огоньки и весело пахло дымом». Почему Толстой не написал иначе: «В деревне, которую проезжали, мерцали (или горели) красные огоньки и сладко пахло дымом...» Мог ов употребить эти глаголы? Так, возможно, написал бы Бунин, рисуя особенно мокрую ночь, позднее возвращение с охоты, поставив вместо «были» — «мерцали» или «горели», вместо «весело пахло» «сладко пахло». Толстой написал «были» и «весело» — в этих словах есть нечто более прочное, патриархальное, что необходимо художнвку для создания жизнерадостного кастроенвя Наташи. Ведь сейчас она уже не вспоминала своего дикого визга, она испытывала легкость в душе, радость, ожидание тепла в уюта дома после недавно пережитой охоты. И в этом пленительность Наташи — в восторженном, безобразном визге, в ее живой детской непосредственности, в наивно страстном отношении ко всему сущему. И дальше у Толстого такая фраза: «А! еще огонь в гостиной», — сказала она, указывая на окна дома, красиво блестевшие в мокрой бархатной темноте ночи». Здесь, казалось бы, слово «красиво» вырывается из строгого стиля — ведь о красивом говорить в прозе красиво не очень ладно. А Толстой употребляет вроде бы непривычное для его стиля слово, подчеркивая радостный взгляд Наташи, ее веселое настроенве.

Вот еще пример: Андрей Болконский после бала приходит к Сперанскому, новому кумиру «думающих» молодых людей, и уже в дверях слышит его деревянный, рубленый смех. За столом рассказывали анекдоты, но было в этом веселье что-то фальшивое, неприятное, наигранное. И Толстой замечает: тонкий голос Сперанского действовал на князя Андрея. Уходя, он посмотрел в глаза Сперанскому, и все показалось ему пустым, ненужным, и бессмысленными представились его увлекающие занятия с законодательством.

Известно, что Европа барокко была великан Европа Вольтера, Моцарта, Гёте. XIX век — золотая эпоха взрыва гениев в России дала Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Достоевский, заглянув в область подсознания, поразился темным глубинам человеческой души, бездне ее тайн, страстей, желаний, пороков. Может быть, он не успел сделать еще один шаг — к познанию добра, но этот шаг решвтельнее его сделал Толстой, не выпуская в то же время из поля зрения зло.

Что же касается современной проблемы отчуждения, то Толстой сказал об этом острее и глубже, чем вместе взятые современные западные писатели. Он, Толстой, видел в отчуждении

человека от человека главным образом отчуждение от добродетели. Более того — даже мысль о славе для него является качеством отчуждения, а именно: слава и тщеславие — это отрыв от разумения и здравомыслия, от самого себя.

И тут хочется вспомнить представителей французского «нового романа», настойчиво доказывающих, что задача литературы состоит не в создании характеров и персонажей (это уже сделано великими писателями), а в раскрытии сложных и напряженных состояний, напоминающих те процессы, с которыми сталкивается сегодняшняя физика. Это, конечно, сверхинтересно. Но литература подошла к иному — не к глубинной философии (о, зачем эта роскошь!), не к напряженным душевным состояниям, уйдя от идеалов, понимания красоты, познания, естественного и чудовищного (Шекспир, Сервантес, Толстой, Достоевский), она пришла к маркизу де Саду, к жестокости, насилию, человеческой грязи, где нет ни Бога, ни веры, а где весь мир продан с молотка и потоплен в подавленных желаниях, злобе, ярости, ущербности, лицемерии, инфантильности, малодушии, наивной бесхребетной доброте, тупости, жадности, бесполой чувственяости. Такова новая волна в новой литературе, если ее можно назвать литературой. Бессмысленность земного существования, впрочем, всегда лежала в модернизме.

УЛЬТРАПРЕССА

Известный политический деятель в интервью по телевидению (после совещания философов, кажется) глубокомысленно заявил, что всех нас разделяет высокомерие, что ово причина всему, что происходит несуразного. Но не причина ли всему развалу нашему некомпетентность руководителей? И наоборот — полнейшая компетентность в том, как надо разрушать последние очаги социализма.

Какие бы крупные и мелкие причины нашего тяжелейшего положения мы ни искали, мы в конце концов придем к главному и неизменному — к нашей ультрапрессе, которая начала захватывать плацдармы давно, к середвне же 80-х годов овладела почти всеми командными высотами. Кто же стал Верховным учредителем этой прессы? И есть ли в природе такой сатанински всесильный человек? Он есть. Он достаточно могуществен и сейчас. Совсем недавно был он вторым лицом в государстве, членом Политбюро, секретарем ЦК, властвовал над всей идеологией и с цепкостью Игнатия Лойолы держал всю печать в ухватистых своих руках.

Извве и изнутри ведется нацеленная пропаганда против России, и происходит, по существу, разоружение российской культуры.

Может быть, беззастенчивая клевета определяется бессилием доказательств? Что же будет, коли сама жизнь не рассудит нас, коли не появится новая философская идея, способная помочь вере в ее эстетическом и политическом противоборстве с соблазнами властей и жаждой тщеславного возвышения одного человека нвд другим? Кто носитель истины? Литература? Новоявленный политический авторитет?

В то же время мы перестаем как бы удивляться, то есть постепенно отходим от начала мудрости (по Сократу) и как будто вновь осознаем свое «я» в тумане непознания, где граница «я» соприкасается с бесконечностью неправд и раздоров. Известно: бессознательное, фрейдовское — это дурно подавленное. Если добавить, что пределы бессознательного в нас — от Бога до черта, то это есть мистицизм невоздержанности. Пресса выбрала беспредел.

В наше время, ничего доброго и умного не сделавши, можно слыть за прогрессивного человека, за демократа, либерала, радикала, защитника народа и правды. Все дело в том, что надо только быть эхом чужой ненависти, вмещать вещи и понятия в рискованные крайние положения — и «революционер» готов, вооруженный криком или менторским тоном.

Быть истинным историком сейчас невозможно. Мы развалили свою биографию, как карточный домик, по-детски веря провокаторам, истошно кричащим: все карты крапленые! Это говорит, к сожалению, о падении культуры, о нашей наивности, лености ума и воли, о нашей доверчивости, о том, что мы не отличаем слова «чистого» от слова «нечистого», о том, что мы еще верим бульварному клише, оголтелому наговору на правду, на самих себя, о том, что историю в своем движении нельзя поделить на главные и второстепенные периоды. Поэтому мы не хотим согласиться, что между прошлым и будущим — не беспредельная ненависть и кровь, а вся наша жизнь со светом дня и темнотой ночи.

Наверное, юмор — это преодоление тоски и отчаяния смехом. Едва сдерживая горький смех, вспоминаю вещие слова великого художника: «...исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и морем разлились вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый. Испорчен русский язык в тесном содружестве писателя и газеты, утеряно чутье к ритму и органическим особенностям русской прозаической речи... И сколько скандалов было... Чуть не все наши кумиры начинали свою карьеру со скандала!.. В русской литературе теперь только «гении»... Как тут быть спокойным, когда так легко и быстро можно выскочить в гении?»

Я привел слова И. А. Бунина, сказанные им на юбилее газеты «Русские ведомости» в 1913 году, горькие и терпкие слова, которые оказались сбывшимися в конце 80-х и начале 90-х годов, пророчеством великого художника.

Наступила ли пора серьезно говорить об искусстве, если зложелатели блаженного ужаса хотят представить всю прожитую жизнь нашу, не зная жизни, сплошной сточной канавой, которую возлюбила то ли либерально-радикальная, то ли радикально-либеральная критика, кричащая «осанну» новой самоубийственной эстетике.

Известно, что древнегреческие стоики непоколебимо верили, что произнесенное на земле слово бесследно не исчезает, а вечно живет в мировом пространстве. Если это так, то при желании можно вообразить, как загрязнено в последние годы пространство «небесной России», какие тонны ядовитых отходов кислотными дождями выпадают на нашу литературу.

Пушкин и Блок умерли от того, что им не хватило воздуху, от того, что вокруг них устраивали сатанинские радения ненавистники драгоценнейших черт русской культуры. И, помня век прошлый, никак уж нельзя назвать нашу родную публицистику полетом над горами и равнинами отечества, где еще угольками тлеющие истины (неистребимость жизни, бескорыстие, материнская любовь, красота) давно уже подвергаются «революционерами» презрительной обструкции, коли нет уподобления кому-то и чему-то, произросшему вдали от дома, и коли нет фельетона об извращенной действительности, затопленной пошлостью черного цвета.

Когда западная бульварная печать сочувственно пишет, что поэт Евтушенко, сделавший не поэтическую, а политическую карьеру, ради сенсации, игры в оппозицию, ради привлечения внимания к себе может нагишом пройти из конца в конец дневной Бродвей, мы пожимаем плечами: сказано зло, разумеется, но на этом свете многое возможно во имя почетного занесения в книгу Гиннесса.

При попытке понять нашу непреходящую, «новаторскую» суть перестроечных статей и комментариев возникает, кроме изысканного удовольствия, от почти базарного стиля ощущение стыда и неопрятности, щегольски-нечистоплотной предвзятости, журналистского шулерства, даже в подборе так называемой аргументации. И не покидает чувство неловкости от удручающе низкого теоретического уровня публикаций, как будто тебя, провинциального простофилю, безобразно надули и вместо Большого театра привели в комнату смеха в парке культуры, заставляя неестественно смеяться, дебилообразно восторгаясь открытием такого, например, образца мысли:

«В чем разница между Толстым и Пастернаком? (По неразумению своему едва догадываюсь, что речь идет об Алексее Толстом. Впрочем, в поэтическо-полемическом полете наш философ готов па все. — Ю. Б.) Толстому не хватило одного, чтобы стать классиком, — мук совести. В его произведениях история всегда выше любви человеческой как таковой. А Пастернак — за что его поносили и запрещали — стал первым писателем советского периода, который поставил в трудах своих историю любви выше фатума истории вообще. Я прошел огромную эволюцию и пришел к выводу — ... если история как таковая топчет историю человеческих жизней и любовей, она становится преступницей» (интервью «Комсомольской правде» 24 ноября 90 г.).

Право же, после этих наивностей перестроечного «поэта, горлана, главаря» становится очевидным, что преступницей является и земля, уродующая себя и человека землетрясениями, оползнями, обвалами; совершает преступление и небо со своими грозами, стихиями, ураганами; разумеется, преступницы и звезды, перемещаясь по своим вечным законам, от которых зависит жизнь планеты, ее лесов, вод, атмосферы...

Кто может ответить, когда началась история и когда кончится она? Существует ли в мире суд, который может вынести справед-

ливый, единственно верный и безупречный приговор истории, а также земле, небу, воде?

В данном случае я, конечно, не имею в виду всю жизнь благополучного, процветающего в ранге поэта вполне официального, нажившего однажды «дивиденды» полудиссидентской известности на своей «крамольной биографии», напечатанной за рубежом. Я сочувствую его прошлым душевным страданиям (побранил Хрущев), после чего опальный поэт пришел к успеху и свободе, к сытой, эпикурейской, почти, так сказать, беспечной жизни. Но преувеличенные политикой репутации не способны родить нового гения.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ИСТОРИЯ?

История — это как все произошло и случилось. Это цепь кровавых войн, жестокости, обмана, зловонной грязи неисправимых и неискупимых ошибок, разочарований, поражений, зыбких побед и глупостей при непреложной мудрости всемирных законов, не подвластных нам. Насилие, подавление личности, борьба за власть, процветание государств, падение их и увядание морали, наконец, любовь к женщине — не всемирные ли это законы? Можно ли историю, ее периоды, ее разнодинамичную энергию разделить на главную и второстепенную? Нет, на главное и неглавное нельзя разумно разделить всякое движение, а история — течение мирового всепоглощающего потока, которому свойственно и самоусыхание, и самовосстановление. Попробуйте разделить поток на главные и неглавные составные части, определив их слабость и силу.

Попробуйте это сделать с книгой вечной — Евангелием или же с самой истиной искупления, которую нес ее главный герой. Здесь все важно — и любовь, и ненависть, и жертва, и палач, и не история-преступница распяла Христа в муках, а сами люди, лишенные любви, милосердия, ослепленные темнотой и завистью.

Чтобы пытаться в «муках совести» решать вопросы добра и зла, надо ответить хотя бы самому себе, что лежит в основе истории — случайность или предопределенность соответственно вселенскому движению, неподвластному нашему разуму?

Общечеловеческая любовь и вера — это преодоление отчаяния темноты, коварства, предательства, интриги, что меняют флаги в истории, большей частью подчиненные формуле Лойолы: цель оправдывает средства.

Общечеловеческая любовь — это любовь духовная, братская, наивысшее проявление разумного чувства: «Твоя боль — моя боль», «Ты — это я».

Если же художник поставил в трудах своих «историю любви выше фатума истории вообще» — это говорит о его страстной любвеобильной душе (что само по себе прекрасно), но это никак не выделяет его из числа других художников, ибо мысль не нова. Впрочем, о какой любви ведет речь поэт-трибун — о любви как элементе физическом (по Полю Бурже или Мопассану) или о любви духовной (по Сервантесу, Достоевскому)? Надо полагать, речь идет о любви вообще, и здесь ни Алексей Толстой, великолепный прозаик, ни Борис Пастернак, великолепный поэт, не подымаются над фатумом истории, да и подняться не могут, так же как часть, хоть и великая, не может подняться над общим целым. Ибо одной лишь любви невозможно вырваться из единого гигантского организма истории и подняться над ней, царствуя и волшебно повелевая и добром, и злом, подлостью и коварством.

Кстати, история любви у А. Толстого (Даша — Телегин, Катя — Рощин) написана несравнимо сильнее, нежели история любви у Б. Пастернака (Лариса — Юрий Живаго), Толстой (как художник) лишен рационалистичности, чего не избежал Пастернак во всей своей прозе.

Сравнительный метод в применении к талантам всегда неоправдан и унизителен. Так или иначе четыре крупных романа о революции, о гибельных годах России — это четыре разных континента. Если до сих пор почти неизвестная широкому кругу читателей «Россия, кровью умытая» А. Веселого, мученика, погибшего в краях проволочных и ледяных, и величайшая книга XX века «Тихий Дон» Шолохова, всемирного художника, прошедшего через все круги Дантова ада, явления жесточайшей правды, то «Хожденяе по мукам» А. Толстого и «Доктор Живаго» Б. Пастернака — это беллетристика, немыслимо далекая по художеству и идее от двух первых романов, причем «Хождение...» написано счастливцем и удачником в литературе, а «Доктор Живаго» — уединенным за городом и изгнанным из Союза писателей страдальцем, однако в теплых ботинках идущим по проложенной романной лыжне, уже довольно-таки заезженной, несмотря на «вето» цензуры. Лишь политического цвета премии и поздняя безудержная тенденциозно-хвалебная критика возбудили к роману временное любопытство, быстро погасшую сенсацию, как, впрочем, ко многим другим «крамольным» вещам, прошумевшим, как мгновенный дождь.

Недавно мой знакомый сказал мне насмешливо. «Каждое утро встаю с благодарственной молитвой о том, что пришлось жить, страдать, любить и радоваться в осиянии гениев — некоего Вячеслава Кондратьева; громко оправдывающей политическое убийство Татьяны Толстой; инкогнито раскрепощенной во всех сексуальных смыслах Петрушевской; таинственного Казанова-Ерофеева; какого-то Пьецухи! О, пусть сопутствует им вечная слава!»

Перед «черным» мертвым искусством, разрушающим человека, никогда не стояла и не стоит задача создавать образы, наделенные способностью думать, с душой ранимой, с болью, с попытками сопротивления судьбе, как это бывает в жизни обычной.

По шабашу критических бесов и ведьм, который не прекращается несколько лет, может создаться впечатление, что позади у нас не было, к примеру, ни Шолохова, ни Алексея Толстого, ни Малышкина, ни Шишкова, ни Сергеева-Ценского, ни Василия Федорова, ни Рубцова, ни Луконина, ни Сергея Орлова, а были только гениальный поэт Борис Слуцкий («Книжное обозрение»), великий Солженицын, великая актриса Алиса Коонен («ЛГ»), великий интернационалист Мариэтта Шагинян («Правда»), талантливейший Войнович (ТВ).

Мы произнесли в прессе всеубеждающие слова в защиту «человеческого фактора» — и что же? Засияла заря Эдема? (Кстати, что за унизительное определение: «человеческий фактор», украденный у западной социологии, понятие, низводящее человека до понятия?)

Так же можно заявлять, что неимоверно далекие от совершенства романы, к примеру, разновидные вариации «Детей Арбата» — шедевры («человеческий фактор»). Но в этом я вижу желание задвинуть за декорации тех некрикливых художников, которые не вскакивали на ходу в трамвай литературного тщеславия, пинками сталкивая с подножек своих соперников, имеющих несчастье обладать талантом. Они, эти соперники, либо тихони провинциальные, либо застенчивые «почвенники», либо по-городскому страдают «философским выпендрежем» по причине антидемократического ожирения, благодаря пристрастию к супу в обед из языков фламинго и ежедневным оздоровительным ваннам из ослиного молока. («Человеческий фактор», Древний Рим.)

Даже обретя бодрое настроение духа, трудно вывести читателя из тупика испорченного вкуса, потому что все-таки с упорством короедов нашей почтенной прессой подточены критерии надоевшей всем бесам и бесенятам художественности и то и дело оскаленный фельетон выдается за эпохальное явление, за «знамение времени». (Как в интервью определил свое произведение один современный романист.)

Когда райская птица удачи заглядывает в окна писателя, он, по-видимому, не должен думать о том, что вот оно случайно явилось, признание его усилий. В литературе нет ничего случайного. Без некой бессознательной дерзости, убежденности и предчувствия открытия «новой земли» работать невозможно. Кроме того — писатель не имеет права не судять себя как бы со стороны.

Бесформенное содержание — мертво, но форма — это уже выстроенное содержание. Правда искусства — не прямое копирование мира. Книгу творят и реальность и сознание. В самом деле, ведь невозможно поймать зеркалом искусства всю энергию солнца и отразить весь жар его.

В музыке — звук, в живописи — цвет, в литературе — слово несут в себе огромную силу, если художник верен самому себе. Заслуга литературы не в том, что она улавливает факты, а в том, что осмысливает их, и таким образом возникает правда открытия. В обыденной жизни не всегда бывает разумным говорить друг другу оголенную правду-матку. А литература жестока, она не считается с «хорошим тоном», с приличием и способна сказать больной матери, что сын, надежда ее, эгоистичен и глуп, сказать мужу об измене любимой жены, отцу — о предательстве сына и т. д.

Что должен выбрать писатель? Смирение перед придуманной теоретиками жизнью или вражду с ложью и искажениями сущности человека? Смирение — это покой, удобство и благоустроенность таланта. Справедливая война с лжецами истории — это возвращение украденной лжеписателями и лжеучеными истины.

С середины 50-х по середину 80-х годов русская литература создала поистине шедевры о человеке на войне, о человеке деревни, о городской интеллигенции. Здесь перестала довлеть выверенная симметрия. Здесь литература совпадала с правдой, вернее — не лгала ей, не льстила, не лукавила.

Ничто из талантливого, пришедшего из мировой культуры, никогда не было чуждо русской литературе. Нам близок классический и современный французский роман, который исследовал душевный и социальный кризис героя: основой его, конечно, являлась история любви, а это всегда история самой жизни. Английский классический и современный роман с его семейной драмой и трагедией одиночества. Североамериканский роман с крушением надежд, конформизмом бессильной личности перед силой политики и золотого тельца. Немецкий роман с его жалостью и беспощадностью к слабости человека, отравленного войной.

Известно, что каждый день выходят газеты и книги, каждый месяц — журналы. Они — как символы — возникают перед нашим вниманием и, обреченные просуществовать короткий срок, уходят в небытие. Продолжает жить то, что имеет духовную ценность, что создает так называемое силовое поле воздействия на нашу душу. Художественное чувство организует магнитное пространство, в котором живет мысль.

«ВОЙНА И МИР?»

За 77 лет нашего столетия войны велись в течение 62 лет в масштабах всей планеты. В итоге погибло 70 миллионов людей, 125 миллионов ранено.

Нашу эпоху перемирия можно назвать гранью Великого противостояния, не снявшей трагизм возможной мировой катастрофы, тем более что смертельные разрывы нового оружия уже испробовали свою силу во Вьетнаме, Африке, на Ближнем Востоке, в разных концах земного шара. Я говорю об этом потому, что наше искусство и наша литература подошли к рубежу, когда они не могут обойтись без всей широты возможностей, представляемых разнообразнейшим материалом прошлой войны и современности. Что ж, наступила пора современной эпопеи «Войны и мира»? Время рождает своих художников, и брать за модель великие образцы по меньшей мере рискованно, подобно тому, как, скажем, в XIX веке было странным утверждать в качестве эталона формы «Илиады» и «Одиссеи».

Любое искусство — подражание объективному миру, но искусству едва ли нужно подражание искусству. В противном случае возникает некое самоизбранное насилие над историческим временем, диктующим художнику соответствующие своему ритму формы.

Жажда абсолюта затемняет разум, и, может быть, поэтому такой гуманист, как Томас Манн, в годы первой мировой войны отрекся от здравого смысла и стал националистом.

Как это ни парадоксально, наша литература о войне нравственна в понимании общечеловеческом, ибо проявление силы несло в Европу не подавление, не господство одного человека над другим, а освобождение целых народов и всего мира от тирании фашистского режима, просуществовавшего 12 лет.

Кроме того, в 1941—1945 годах столкнулись в непримиримой борьбе кровавая ницшеанская вседозволенность со своими девизами «сила — выше права» и «совесть — химера» с народной нравственностью, человеческой надеждой и подзвездной стойкостью беспримерной.

Мы забыли или хотим забыть, как президент самой западной страны на Западе, с которой мы хотели бы жить и живем сей-

час в обманчивом мире, объявил «крестовый поход» против коммунизма со странными радиошуточками, от которых мир приходил в оцепенение: «Мои соотечественники американцы! Я рад сообщить вам, что только что подписал законодательный акт, который навсегда ставит Россию вне закона. Бомбардировка начинается через пять минут». Другой политический деятель США уже со всей непреклонной серьезностью объявляет Россию «государством-аномалией». То есть государством, над которым надо бы произвести хирургическую операцию американским методом.

Я говорю сейчас обо всем этом тоже к вопросу о памяти и отсутствия памяти, к разговору о том, что В. И. Даль определил словами «свойство души хранить, помнить сознание о былом».

...Да, от голода в осажденном Ленинграде умерли 641 803 человека. Это намного больше, чем число жертв в Хиросиме и Нагасаки.

Общая стоимость уничтоженных материальных ценностей во всех воевавших странах превзошла 316 миллиардов долларов. Только на территории Советского Союза гитлеровцы превратили в пепел и развалины 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень; разрушили десятки тысяч промышленных предприятий, железнодорожных станций и мостов.

Приведу одно фронтовое письмо немецкого солдата, бывшего актера, воевавшего под Сталинградом в декабре 1942 года.

«Ты можешь подтвердить, что я всегда был против этого, потому что боялся Востока и войны вообще. Я никогда не был солдатом, а только носил форму... Я десятки раз играл смерть на сцене, только играл, а ты в это время сидел в зале. Я потрясен тем, насколько мало похожа смерть на сцене на настоящую смерть. Ведь смерть всегда должна быть героической, не бесцельной, а служащей большому делу или убеждению. В действительности люди издыхают. Они умирают от холода. Замерзают до смерти. И никого это не трогает. Их даже не хоронят. Они валяются повсюду... Эту скотскую смерть восславят впоследствии, изображая умирающих солдат с руками и ногами в повязках. На пьедесталах. В церквях будут служить мессы. На родине некоторые господа будут потирать руки, потому что им удалось сохранить свои места... Я бы все вокруг разнес от злости, но никогда еще я не ощущал такого бессилия. Прощай».

Память пробуждает совесть, а совесть, по В. И. Далю, — это «чувство, побуждающее к истине и добру, отвращение ото лжи и зла».

Мы не имеем права забывать о том, что вся история человечества насчитывает около 15 тысяч больших и малых войн, унесших 3 миллиарда 340 миллионов жизней, в том числе миллионы советских людей, спасших мир от фашизма.

Когда-то Герцен писал, что некая комета может задеть Землю, перевернет все вверх дном, возникнут газоиспарения, на полчаса людям нечем будет дышать — вот вам и финал истории. За это время все живое прекратит свое существование.

Ныне, увы, не о комете идет речь, а об угрозе второй гражданской войны в России.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Наверное, для того, чтобы возникло высокое самосознание русского народа, нужна новая русская идея. Почти все в истории происходит так, как мы совсем не предполагаем, ибо история движется по вселенским, вне нашей воли законам, сообщающим человечеству общее направление, а мы с вами являемся только пунктирами этой направленности, наделенные некой способностью чуть-чуть изменить зигзаг исторической цели.

Возвращаться к прошлой русской идее, исповедовать ее сейчас (как открытие), я думаю, будет заблуждением, хотя знать истоки необходимо — как движущей нравственной силы.

Можно осмыслить факт и факты, но трудно выявить определенную идею, которая прочно завладела бы умами во времена смутные, раздерганные, голодные, мало помогающие осознанию самих себя.

Что ж, была великая идея у Льва Толстого — идея самосовершенствования и опрощения. И были последователи, и было толстовское движение; оно и сейчас еще не заглохло окончательно.

Была великая идея у Достоевского — это поиски правды, то есть Бога в себе и поиски Бога вне себя. Возникла захватывающая людей формула о человеческом братстве и милосердии (все богатства мира не стоят слезинки ребенка), но главная идея Достоевского прекрасно выражена в «Братьях Карамазовых» через Ивана и Алешу (материальное и духовное) и в «Дневнике писателя».

«Наше назначение быть другом народов». «Всемирность и общечеловечность — вот назначение России».

Не могу сейчас назвать ни одного философа, ни одного писателя, у которого была бы своя собственная нравственная идея, потому что идея заемная — это всего лишь подражание, а не творчество для возрождения народа в его тяжкие дни.

Земство, по Солженицыну, община, столыпинская реформа — возвращение назад — это сейчас никого не может увлечь как архаизм истории. Что-то изменилось, что-то случилось со всеми нами, и уже бессмысленно оглядываться назад, ища спасения в прошлом. Нельзя идти вперед, пятясь в историю.

Думаю, если мы все осознаем хрупкость человеческой жизни, мотыльковую недолговечность ее; если мы осознаем, что чужая боль — это и твоя боль, а твоя боль — это боль ближнего; если мы начнем относиться ко всему данному природой с таким же чувством внимательной любви, как каждый относится к самому себе; если с этим же чувством мы все поймем, что жизнь наша висит на тончайшей ниточке, которую нечаянный или намеренный случай может оборвать; если люди ужаснутся в связи с этим, что земной жизни у нас второй нет и все мы равны перед вечностью; если мы задумываемся над естественным и трагическим в судьбе всякого, кто обречен самой природой, то в конце концов мы придем к главным вопросам — о смысле человеческой жизни. Во имя чего, каким образом и как мы должны прожить свой короткий срок, который нам дан как подарок божеской силы Вселенной — ведь мы появляемся на свет не только потому, что наши родители любили друг друга.

Коли каждый для себя найдет смысл жизни, объединенный

смыслом общим, то в этом уже лежит зерно идеи, несмотря на то, что для одного смысл жизни — это материальное благо, для другого — сфера духовная, для третьего — желание жить во имя самой жизни.

Говорят, у нас нет лидеров, так же как нет идеи. Идея рождается в народе, но оформляется группой интеллектуальных индивидуумов. Это вполне естественно, потому что нет монополий на неоспоримо единственное слово. Что касается меня, то я вижу нынешнюю русскую идею не в революционировании, а в просвещении, в самосознании народа, который, наконец, должен различать пшеницу от плевел и провидеть будущее земли своей.

«КАРАМЕЛЬКА ГОЛОДНОМУ?»

Думаю, что судьба человечества во многом зависит от влияния этих двух божеств — от силы практической и силы духовной.

Наука призвана отвечать на вопросы действительности, а литература ставит вечные вопросы, разгадывая тайну человеческую, которую бессильна раскрыть наука, ибо она, современная наука, наполовину безнравственна. Многоречевые рассуждения интеллектуалов по поводу традиционности таких открытий, как «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Дон Кихот», не имеют никакого смысла. Достоевский занимает сейчас первое место в мире по своему влиянию на читателя, в то время как снобы зачисляют этого гения в разряд традиционный. Всякий серьезный роман — новое узнавание общества. Литература, эта наука в образах, будет отвечать своему назначению, когда она не будет озадачиваться политическим преобразованием мира, а будет надеяться изменить отношение человека к действительности через возвращение на круги своя морали, потерянной людьми на определенном витке истории. Поэтому в искусстве существует один гид, один Вергилий, один посредник, которого я назвал бы политикой нравственности. Не могу представить себе, чтобы в наше недоброе время главенствующую роль стал бы играть такой тип повествования, как роман Марселя Пруста «В погоне за утраченным временем», роман, лишенный мук, зова на помощь и крика боли, изображающий литературные страдания и ликования умственной игры грустящего возле осеннего камина интеллектуала. Пруст и Тургенев интересны сейчас, пожалуй, с точки зрения ушедшего в прошлое стиля, ритма, метафоры и фразы, однако такие гиганты, как Толстой, Достоевский и Сервантес, — современны в высшем понимании этого слова.

Главное: художественная истина лежит в умении писателя создать самую жизнь, ее трагизм, нелепость, любовь, отчаяние, и эти разные полосы чувств, эти противоположности, коли они выражены талантом, отделяют истинную литературу от нелитературы, независимо от того, как теоретики, утопающие в архаизмах, назовут роман — традиционным или нетрадиционным. Все-таки искусство бессмертное наделено тревожным восприятием человека в безбрежности непостижимого мира — и здесь уже речь идет о смысле жизни.

Есть и иная литература с изощренным слогом, проза описательная, которая «высказала» о предметах все метафоры и эпитеты, но она по-музейному мертва, статична, декорационна. Только та литература останется вечной, что говорила о человеке с любовью, горечью и смехом.

Всемирное искусство говорит о том, что человек — пока еще не царь природы, не венец творения, это некое промежуточное состояние наделенного разумом существа, которому слово должно сообщить нечто новое и тайное о нем самом. Постулат оптимизма в оценке познаваемости человека, так называемый недиалектический рационализм порождает крайность, болезненное высокомерие, экстремизм, обожествление личности подретушированного сатаны, откуда происходит распространение зла в отношениях между людьми, между мужчиной и женщиной, прародителями всего земного. Вне всякого сомнения, это с внушительной силой делает так называемый психологическо-философский роман. Английского писателя Голдинга я считаю одним из интереснейших писателей на Западе, нашедшего свою форму. Способность Голдинга разбивать обезличенный дух обывателя остротой, казалось бы, неправдоподобных сюжетов, резких ситуаций — способность незаурядная. Но, вероятно, в Англии у него «потребитель» избранный, и читают его, видимо, в основном люди, знакомые с серьезной прозой.

Воздействует только та литература, которая увлекательна, чувственна и мудра, она рождается в гуще нашего грешного, непонятного, бренного мира. Вся остальная литература может быть любопытной, забавной, милой, развлекательной, обаятельной, но это — вместо хлеба сладенькая карамелька голодному.

Подчас вконец задураченному читателю ничего не остается, как, пожимая плечами, узнавать о «человеконенавистничестве» одного писателя, о «шовинизме» и «фашизме» другого, об «антидемократичности» третьего или же о панихиде по живому режиссеру, крупнейшему в киноискусстве. Нередко нашему замученному сенсациями и скандалами читателю приходится тоскливо веселиться, слыша заявление чрезвычайно легкого в мыслях и постоянно молодого драматурга, убеждающего нас, что жизнь плюралистична и хороша потому, что ему все время хочется соврать, едва лишь кем-то произносится слово «правда». Он, этот драматург, по всей видимости, устал, утомился от правды, пресытился ею до неприличной отрыжки, до зловредной изжоги...

Не пора ли правду и художество назвать мистицизмом, поддерживая критика прошлого века Антоновича, беззастенчиво определяющего талант как бесталанность, как служение запредельным силам? И даже чувство всякое мы давно пережили и прожили, а мысли любой выражение мы давно уже читали и слышали — ах, какая зеленая скука, какая невыносимая тоска от этих традиций, истин, красоты, боли и этих опостылевших правд! Это же путы, оковы, кандалы, а не новая сияющая благостью модерна путеводная звезда.

Почему так архаично, так традиционно говорят: «Появился новый талант»? Нет, нет, надо искать другие ошеломительные слова, подобные поп-музыке, року, ультрасовременной панк-одежде, панк-форме, революционно-освежающей и низвергающей осточертевшую традицию естественности и простоты. Например, ту

же фразу сказать надо таким образом: «Раскупорен шляпой на самоваре гениальный континент на карте искусства, а я люблю грацвю, сенсацию, реставрацию!»

Да, естественность осточертела, старая форма романа, до истерики надоевшего своим повелительным реализмом, умирает, она в агонии, она при смерти, и тут рождается на нашей памяти новый французский роман — Роб-Грийе, Натали Саррот, Бютор — роман без сюжета, без героя, без идеи, без стиля — поток сознания, подчиненный одному лишь предметному миру. Несчетное количество статей было написано о «новом романе» у нас и за границей. Но роман этот умер в младенческом возрасте, не успев порадовать нас силой, умом, красотой. Так как «новаторство» его прямым путем было заимствовано в некоторых главах «Улисса» Джойса, только, разумеется, в чрезмерно удешевленном виде.

Несколько лет наша перестроечная пресса сумрачно ворчала, что в современной прозе романисты интеллектуально неспособны к движению от частного к целому и нет, стало быть, никаких особых достижений, кроме документальных вещей. Наша неунывающая критика доказывала, что эстетическое чувство никто и ничто не радует, однако же сама литературная теория умна, глубока, энергична, ее несравненные достижения заслуживают высоких похвал, так как шла она впереди прогресса и, конечно, литературы и независимо ни от чего занимала благороднейшие позиции наставника и принципиального учителя. И эта пресса с солидной лихостью призывала к критике «разносной», «хулиганской», которая якобы бодрит и очищает душу.

Теоретические труды, виртуозно насыщенные рецензионным анализом и соблазняющим романистов синтезом, выказывали заботу о процветании современной изящной словесности — и мы, читатели, уже невольно запомнили несколько пленительных афоризмов, в муках рожденных теоретиками бессонными ночами, отданными искусству: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя. Но ведь вышли, а не закутывались в нее!» Или: «Полнота художественной правды — чаще всего не правда, а разлом». Или: «Обворожительная неточность — так, наверное, можно определить один из главных секретов художественной правды», и т. д. и т. п. И с восторженной признательностью усвоив данные афоризмы, мы думаем, как это хорошо, справедливо и полезно для нашего нравственного уровня, что многие из плодовитых теоретиков работают на кафедрах советской литературы в университетах, учат студентов мыслить, ценить слово, разум, отечественную культуру и, следовательно, ни о каком духовном упадке речи быть не может, разумеется.

Писатель в смысле литературном должен чувствовать себя родившимся в пленительном окружении родных и классических традиций.

Не знаю, явился ли Джозеф Конрад (Коженевский) предтечей модернистского направления в англоязычной прозе XX века, о чем я читал не раз, однако у него в прозе не было соития лжи и искусства, измены разуму, ухода в края зыбкие и топкие, признавая аморальность как мораль, как свободу творчества. Нет, правда ему не наскучила и коварно не подменилась жаждой удовольствий.

Почему им овладел дух скитальчества? Пусть каждый ищет свой ответ, тем не менее Конрад не забыт, и мы читаем и наслаждаемся его талантом.

Теоретикам, самоуверенно нарисовавшим для себя чертеж ожидаемого бытия, стало быть, и схему настоящей и будущей литературы, уже недостает воли отказаться от придуманных идей, стилей, литературных имен, отойти от групповых и политических постулатов. Они бессильны вырваться из ожесточенного топтания по кругу. При попытке разорвать его отступник и отщепенец начинает чувствовать свою оголенность, более того — угрозу единомышленников и коллег. Джозеф Конрад познал свободу.

СВОБОДА

Мудрейший русский мыслитель Николай Федорович Федоров замечал в «Философии общего дела», что мать, родившая ребенка, утрачивает свободу — любовь налагает обязанности и делает человека несвободным в лучшем и достойнейшем понимании этого слова.

Пустота свободы ждет всякую свободу, коли в ней не заложено исполнение долга и обязанностей перед людьми, выраженных в отзывчивости, терпимости, справедливости отношений. Скорее всего это служение ближнему своему как самому себе, проявленное в искренности душевной.

Что же все-таки есть наша свобода? Это индивидуальное и общественное освобождение от страха и псевдоавторитетов, от фальшивых кумиров и тирании расхожей или насильственной мысли, от ложных идей и придуманных истин, от националистических предрассудков и навязанных местом и временем аморальных обстоятельств, от внушенной злобы и иррационального человеческого феномена. Свобода — давняя мечта о людском братстве и всеобщем искуплении грехов, о возвращении к истокам и первоначалу после изгнания из рая. Наконец, свобода — это смерть, освобождение от телесной оболочки, последнее познание как следствие целой гряды горьких откровений жизни, соединение с природой, растворение в ней.

Так свободен ли человек во всех этих освобождениях? Так свободны ли мы с вами, каждое утро просыпаясь с мыслью о полной независимости вне обстоятельств и случайностей?

Аксиома сверхбанального порядка: мы не свободны от физических законов, то есть мы не можем приостановить вращение земли, день заменить ночью, капли росы сделать, положим, квадратными. Так же несвободен человек от законов самой природы, родившей и сконструировавшей его.

Лишь нравственное служение человека человеку — истинная свобода, смысл всех экономических и духовных преобразований, совершаемых через революции, бунты и политические катаклизмы, которые за десять тысяч лет истории не достигли и тени счастливого идеала: дорога в земной рай была залита кровью и постоянно искривлялась, вела вкось, мимо цели.

В 50-х и 60-х годах бритоголовые и длинноволосые молодые люди заполнили весь мир охрипшими и осипшими голосами, криками, измеряемыми предельными децибелами, песнями о по-

литиках и генералах, атомной бомбе и Че Геваре, сексуальных девочках и буржуазных запретах, о кровавых войнах и благе анархической свободы...

Это был протест молодых, тоска по переменам, мечта об идеях Руссо (возвращение к природе и человеку), о раскрепощении личности и вольной любви через отрицание брака («тюрьма», «атавизм»), через отрицание традиций отцов с их деньгами, жадностью и расчетом, вещизмом цивилизации, которая порождает всевластный конформизм в обществе материального сверхпотребления.

Кроме того — это был крик молодых о свободе ради свободы, обозначившей в студенческий бунт 1968 года утопические девизы: «Воображение — к власти!», «Мостовые — под пляжи!», «Вива эмансипация!» — и на мостовые, так и не приспособленные под пляжи, пролилась кровь, а позднее, в 1972 году, — в университетских дворах Рима — загрохотали взрывы гранат террористов.

Совершенно ясно было, что наступил кризис постиндустриальной цивилизации XX века. И вот уже вылупилась из буржуазного яйца на Западе реформация среди молодежи — цель: не каяться, падая ниц перед золотым тельцом, а взорвать старый мир, обветшалые его ценности.

Вспомните катехизис хиппи: антиинтеллектуализм, отрицание всяких материальных благ, культ чувственности, бродяжничество, ничем не ограниченная свобода. Но если Бога нет (по Карамазову), если нет идеи добра, то культ неограниченной свободы перерождается в культ жестокости и убийства — и наивысшее благо (свобода) хоронит самое себя. Так закончилось движение хиппи.

Истина делает нас и свободными и рабами. Если человечеству постоянно внушать, что масса плутония, равная массе обычного ананаса, способна уничтожить всю современную цивилизацию, то это в конце концов уничтожает и саму мораль, рождает агрессивные выплески «свободы» перед концом света, свободы жестокости и звериной необузданности. Эта идеологическая «ядерная война» длилась много лет, последовательно умертвляя дыхание морали, доверия друг к другу, преданность единой для всех земле.

В культуре Европы в это время торжествовала экзистенциалистская теория Сартра и Франкфуртская школа философов с их проблемой выбора в пограничной ситуации: необходимость, личная воля к свободе, возможность, тупик.

Смешно, когда мировая пресса пишет о том, что для западного человека «нет ничего важнее, чем человеческая свобода». И печально правы жесткие поборники правды; те, кто на Западе трезво придерживается истины: «Свобода — это миф, который должен поддерживать существующий общественный порядок».

Сейчас мы видим две свободы — нашу и западноамериканскую. Одна близка к расхристанной анархии, другая поддерживает существующий порядок; одна разрушает, другая стабилизирует. Если после студенческих волнений 68-го года появился новый фасон брюк «сорбоннская модель», фасон брюк майской революции, то, быть может, и бунт стал модой, бунт, умело направленный власть имущими политиками и торговцами в тихое русло быта. И эта так называемая революция 68-го года, а затем

феминистские волнения в Римском университете, наделавшие много шума в мире, кончились, в сущности, ничем, хотя вожди ее, ставшие сейчас солидными отцами семейств, работниками фирм, изредка дают ностальгические интервью, потерив жар борьбы и страсть к разрушению.

Наша революция 1985 года, названная перестройкой, переживает такой мучительно затяжной кризис, что конца ему не видно, высокие консилиумы не помогают, лекарства обещаний бездейственны, и теперь мы вступили в новый период болезни. Болезнь тяжела еще и потому, что невыносимая боль человеческих утрат не проходит, а срок ожиданий время отмеряет с чрезвычайной медлительностью.

Что ж, справедливость — это свобода. Свобода — это справедливость. Свобода — результат опыта и самопознания, рождающих необходимость поступка. Свобода — не внешняя сторона бытия, не показной знак на сцене мирового театра, а это освобождение внутреннее, нравственное, подобное осознанию смысла жизни.

ПРИТЯЖЕНИЕ И ОТТАЛКИВАНИЕ

Известно, что без притяжения и отталкивания нет прогресса и нет движения. Ну что же это за прогресс, если противоположности могут уничтожить саму нравственность, то есть основу Евангелия? Что же это за прогресс, если мы теряем энергию исторической памяти, а значит, силу самосознания, что скрепляет всякую нацию! Не сам ли человек решил отобрать у человека нравственное и эстетическое настроение духа?

Какой дух выражает, скажем, гостиница «Россия», съевшая исторический район Зарядья и уныло и чужеродно загромоздившая пространство перед Кремлем? Какой дух выражает Калининский проспект, поглотивший старый Арбат, эту жемчужину Москвы? Что несет в себе ужасающий подражательной безвкусицей небоскреб Академии наук, который возводится возле Андреевского монастыря — дух американского образа жизни с его бездушной вертикалью?

Как только посредством слова у человека произошло доброе движение в душе, он начинает иначе чувствовать тепло солнца, зелень деревьев, звездное небо, блеск воды. И он уже иначе воспринимает боль или радость ближнего своего. Без этого книга писателя — непроверенная, враждебная, чужая цитата, точнее: исковерканная чужая цитата.

Вымысел — это реальность, которая воображением писателя обретает крылья надежды. Роман — не зеркало «пристрастных» архивных документов, а освобождение памяти, стало быть, погоня за самим собой, самовыражение.

Если мы вспомним поступки знаменитых романных персонажей, скажем, Гамлета, Дон Кихота, Вертера, Нана или мадам Бовари, то русская классическая литература, пожалуй, покажется нам сложнее литературы мировой, которой все-таки свойственна некая схема ума. В русской классике нет пределов и чувству и разуму, в ней нет и рационального отражения жизни. Она не объясняет бытие, она создает его в мыслях и образах, то есть содержание заключается в форму, и вырастает идея. Здесь и

вспоминаю Белкина, Печорина, Наташу Ростову, братьев Карамазовых, Григория Мелехова, персонажей позднего Чехова.

В эпоху царствования совсем уж не «тишайшего» императора Николая Первого в литературе был невиданный расцвет гениев, взлет русской словесности: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев, Некрасов, Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин...

Гений обладает несравненной способностью несколькими словами создавать отношения людей, что есть главнейшее качество в литературе. О драматурге Островском говорили: из указанной Гоголем тропинки он сделает широкую дорогу. И не так ли это было, когда в те времена русский театр имел «Недоросля», «Горе от ума», «Ревизора» и все сравнивалось с Западом, как обычно в бедной России: «Банкрот» — это наш русский «Тартюф» и т. д.

Если на секунду представить, что погибло, исчезло, уничтожилось праведное искусство, то, значит, разрушились, порвались душевные связи, естественное общение и, стало быть, мгновенно обесценились главные нравственные понятия — совесть и справедливость. Этика, как и правовые законы, существующие от века, они определяют круг вопросов поведения отдельного члена общества, однако правила и установления не воссоздают реальность жизни, как это делает художественное слово. Для достижения цели писатель использует энергию глагола и эпитета, самых действенных средств словесности. Язык писателя — это тяга для движения мысли. Живописец использует энергию цвета, что являет собой тот же глагол и эпитет, выраженные красками на холсте.

Нет сомнения, что литература — не легкая забава скучающего сноба, не эгоистическое наслаждение, а тяжелый, смертный крест, который мы несем все вместе и каждый в отдельности, как нес его Иисус.

Расколотые и половинчатые души большинства критиков не могут слиться с талантом. Кто из недругов Толстого сказал, что Лев Толстой требовал от Шекспира не быть Шекспиром?

Можно ли истрепанную на чужих плечах «новизну» выдавать за талант? В швейных мастерских этот обман называется перелицовка, в политике — тактический ход, в этике — беспринципность, в безнравственности — поклон врагу.

В поле нашей досягаемости нет второго варианта жизни. Смешно сейчас говорить о цели эволюции — о слиянии человеческого и космического (божественного), когда люди станут подобны самой рождающей природе (конечный синтез), смешно говорить о «покорении космоса» и завоевании пространств Солнечной системы для человека, в то время как он не разобрался в своих земных делах.

В 50-х годах («запуганные пятидесятые») в литературе Запада стала господствовать безнадежность и свобода всех и всяческих желаний. Затем долгие годы мы как бы наблюдали деградацию культуры, художественной жизни Америки, пошлую мишуру, трюки, приемы кича, унылый восторг перед жестокой неограниченной силой, утверждение вкуса массового обывательского

сознании. Через десять лет американцам надоела «жестокая проза» с ее нелепыми сюжетами и фальшиво-психологическими описаниями, и тогда рядом с кичем вновь замаячил реализм.

Непроницаемый Ницше не испытывал сострадания, не воспринимал чужую боль; так же безразличны были к ней и авангардисты. Они, однако, видели земную муку как одну из красок в буйстве и мятеже цвета. Кафка пытался нащупать точки человеческой боли в нелепейших ситуациях бытия и быта. Достоевский чувствовал ее всю жизнь кончиками обнаженных нервов. Томас Манн взирал на разъятую душевную рану спокойными глазами созерцателя. Лев Толстой — с диагнозом евангельской нравственности. Чехов — невозмутимо, как усталый земский врач, привыкший ко всему. Бунин — с тоской о былой любви и ушедшем здоровье России. Шолохов страдал от чужой боли, как от своей, не скрывая сочувствия и соучастия, и этим был молод и чуток до последних своих дней. Шолохов — столпник русской литературы, совестливый художник, который делает честь нашему горестному и грешному веку.

Если говорить о живописи, то пространственно-предметная концепция мира была альфой и омегой искусства Возрождения, ей были верны классицисты XVII, XVIII, XIX веков и также реалисты — до Курбе и Мане, Сурикова и Нестерова, Кустодиева и Репина, Шишкина и нашего современника Коржева.

До барочного стиля (XVIII век) три столетия полновластно господствовала готика. Живописцев барокко (Рубенс), рококо (Ватто, Гейсборо), романтизма (Делакруа, Констебль) интересовали уже стихия мира, бурный поток бытия, состояние природы, изменчивость действительности. Они создавали новую систему изображения, охватывая пространство и время.

На взаимодействии двух абсолютных начал — света и тени — строилась вся светотеневая система Ренессанса: свет выявлял цвет, тень его «съедала». Импрессионисты писали не в мастерской, а на природе, поэтому «солнечный пейзаж» на их полотнах — стихия света с контрастами теней, которые имеют разную окраску: холодную (ближе к синей) и теплую (ближе к оранжевой) — все это создавало противопоставление и сочетание холодных и теплых тонов.

Сто лет назад поистине великий импрессионизм был частицей самого естества природы, переданной нам через чувство страстного художника, подчиненного правде. В двадцатых годах Гертруда Стайн была убеждена, что в XX веке эмоции не могут волновать, но может заинтересовать только концепция, которую предлагал кубизм — конструирование объемной формы на плоскости, как делал это Пикассо.

Великая русская живопись вобрала в себя все течения в искусстве и напоминает своей мощностью бескрайний океан. «Новая журналистика» нашего времени громко заявила, что писатель должен увидеть все проблемы насущные в сухом документе сегодняшнего дня, что талант должен быть направлен на «фотографическое освоение факта» публицистикой, которая взрывает всякую художественность. Но для нас несомненно, что «Не могу молчать» Л. Толстого не взрывает «Войну и мир», так же, как «Анна Каренина» не взрывает «Исповеди». Не есть ли эти при-

зывы к фактографии лишь общие места, наследство, полученное нами еще в незрелом возрасте от надуманных вульгарных теорий и схем митингового свойства?

Несмотря на то, что западноамериканские литературоведы и русские ренегаты десятилетиями снижали, огрязняли, ниспровергали художественный авторитет нашей литературы, крича об ее ангажированности, бесформенности, старомодности (роман якобы отжил) или о неких заимствованиях ныне покойного автора «Тихого Дона», она жила, развивалась и была известна всемирно. Когда вашего слуха достигает понятие «критический реализм», вы невольно представляете облик Бальзака; когда же вы слышите почти бранные слова «социалистический реализм», возникают фигуры Горького и Фадеева — этакая нерасторжимая повенчанность, воображаемая людьми, испорченными поверхностными теориями и прессой.

Давно уже появилось чувство усталости от этой брани, поэтому хочется повторить одно: бессмертен лишь «реализм» (без всяких эпитетов), вбирающий в себя все иные «измы» и все иные формы, он неиссякаем, как вечная жизнь, как мировое вместилище всех художественных направлений, где сознание невозможно прервать в своем течении. Разумеется, я не имею в виду современное вульгарное смешение стилей, что есть, в общем-то, измельчание личности в искусстве.

Художник-реалист обязан знать все, даже и то, что в часы пиршества римлянин возлежал, опираясь на правую руку, а не на левую. Впрочем, важна ли эта деталь? Разве меняет она задачу романиста?

И я готов повторить и согласиться с австрийским прозаиком Петером Хандке, высказавшим мысль о том, что хороший писатель тот, у кого язык замечает себя, великий писатель лишь тот, у кого язык сверх меры становится свободным для чего-то другого, что не есть он сам. И Хандке добавляет: и «конкретная поэзия, и Фрейд, и структурализм — все это рассыпалось, и ничто не давит на меня больше, кроме тяжести мира».

Что же, реализм — это тяжесть и боль мира с его редкими радостями.

Мне кажется, что самое непостижимое пространство лежит между реальностью и словом, безобразием и красотой. Это пространство мучений писателя, которые кончаются только тогда, когда завершится так называемое воплощение.

Все неестественное, грубо насилующее природу умирает быстро и переходит в иное качество. Если все мы будем удручающе одинаково видеть действительность, подчиняясь уродливому сооружению моды или болезненному торжеству кричащего авангарда, то никто из нас не увидит и не выявит правду, не покажет радость радостью, страдание страданием.

Зло и раздраженно судить ваятеля за его приверженность к красоте, вечным вопросам — значит быть рабом, который намерен раскалывать и обмазывать грязью мраморную статую, не ведая или, наоборот, слишком хорошо зная, сколько душевных сил вложил в нее художник.

Все искусство скопом не способно заменить незаурядный талант, который только сам может погасить себя в конечной своей точке.

Бессмертие искусства — в незавершенности его.

МУЖЕСТВО

Привожу цитату из древнейшей книги: «Знай же, что наступят времена тяжкие, ибо будут люди самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, имеющие вид благочестия, сила же его отрекшеся, ибо будет время, когда здравые учения принимать не будут, от истины отвратят слух, и обратятся к басне».

Разумеется, можно спорить с этой мудростью, можно и согласиться.

Так или иначе — в наше время, необыкновенно противоречивое, драматичное и многогрешное, нам не хватает парковых скамеек, где мы могли бы хотя бы несколько минут побыть наедине с собой, чтобы подумать о том, для чего все мы живем и куда идем мы. Житейские мелочи уводят нас от главного, и повсюду царят сиюминутные страсти, зависть, злоба, мстительность, недоброта, соблазны тысячелетних пороков.

Иногда нам кажется, что род людской и его трагедии настолько стары и так одряхлели, а всемирная история прошла такой длинный путь и так обессиливала в пути, что уже где-то не за горами маячит финал, конец движения. Ведь все исчерпывает себя — я отдельная короткая жизнь, и длительное существование всего человечества. Финал — это самоисчерпаемость. Однако мы забываем о том, что 10 тысяч лет истории человечества в мировом времени и пространстве — это только начало, утренняя заря, хотя за этот период мировая история уже переполнилась страданиями, кровью, потом, гибелью высочайших цивилизаций, убийством великих талантов и непревзойденной красоты. Но всякое однозначное определение не истинно. В большой и малой истории каждый из нас должен найти свое место, то есть смысл жизни. Это и рождение детей, и любовь, и нравственность, и вера, и мужество, и разумение, и здравомыслие, и красота, и справедливость, те добродетели, без которых мы не можем представить наше бытие.

Когда-то природа безжалостно бросила человека на оголенную землю и без слов сказала ему: рискуй, испытывай себя, поднимайся, борись и иди вперед, познавая окружающий мир и себя в этом мире. Только так придешь к благу. Это цель и смысл, и это соль жизни. И человек стал себя познавать. В муках и страданиях, глотая слезы и смеясь, он искал смысл мироустройства и свое положение на земле, преодолевая в этих поисках самого себя. Величайшее несчастье — неумение пережить, достойно справиться с неудачами и поражениями, которые обрушиваются на хрупкого и в то же время сильного человека. К робости близка самоисчерпаемость. Тогда человек теряет опору, прочную землю под ногами, и угасает движение. Ведь преодоление беды, неудач, ошибок, заблуждений — это тоже движение. Я называю его высочайшим мужеством.

Древние греки считали, что главные душевные качества человека — это боль и наслаждение. Под наслаждением они объединяли не только понятия плотские. Что ж, перед болью и перед смертью все равны. Но не все равны в поступках. К такому древнему понятию как добродетель я отношу человеческое мужество — душевную способность твердо выстоять перед самым крутым и опасным поворотом судьбы. Мужеству свойственны тер-

пимость и терпение, которое проверяется в борьбе так же, как золото огнем. Мужество необходимо нам каждый день в нашей трагически неустроенной, многоконфликтной жизни, где опасно для общества утрачиваются милосердие, сострадание, доброта, где нередко командует поступком зависть, озлобленность, враждебность, гнев, — в этом неуравновешенном мире необходимо иметь мужество, чтобы сохранять самоуважение и добропорядочность.

Быть нравственным — значит быть в согласии со своей совестью и — как следствие — с природой. Вечнозеленое древо жизни выше и мудрее всех вместе взятых прагматиков и доктринеров. У нас нет времени, чтобы посмотреть на звездное небо, вдруг поразиться в зрелые годы царственной красоте зимней Кассиопеи, весенней Венеры, с детства знакомой Большой Медведицы или чистым серебряным блеском Ориона в осенние ночи, поразиться и представить себя, пылинку, на этой родной маленькой Земле, сравнить это бесконечное величие, великолепие и вечность мира и свою кратковременность. Только вот это соотношение самого себя, хрупкой и небессмертной частицы природы, с этой необъятностью великого мироустройства, где человек должен не поле перейти, а свою краткую жизнь достойно прожить, только это приближает к нравственному чувству и рождает в душе совестливое внимание к ближнему, отвергая вражду, ибо не бывает победителей и побежденных на все времена. Тают льды, проходят бури, никто не знает, откуда завтра подует ветер.

Да, мужество связано с моралью, в то время как мы часто не сдерживаем злого чувства и приносим боль другому неосторожным словом, действием, даже мстительным или трусливым молчанием. Мужество делает нас справедливыми. Мужество нужно нам в обыденной жизни каждый день — на улице, в трамвае, в магазине, на вокзале. Оно необходимо нам, чтобы совесть не мучила как после бесчестья. И как хотелось бы, чтобы в нашей повседневности хватало воли твердо выбирать «да» или «нет». Когда же мы придерживаемся равнобедренной морали середины — ни «да» ни «нет», — это приводит к конформизму, к предательству святых законов. Мужество заключается в прочном осознании своей позиции, в отстаивании убеждений, в защите униженных, оскорбленных и обманутых, даже если для этого недостает сил. Собственная позиция возникает тогда, когда человек осознает, чего он реально хочет, когда он живет какой-либо идеей, которая греет его надеждой, заставляет думать, сомневаться, принимать решения, отрицать. Как только человек занял позицию убеждения и веры, это почасту становится смыслом его жизни.

Что бы ни было, стоять на месте — это двигаться назад. И мы можем усовершенствовать душу только через осознание цели земного предназначения — ведь в природе ничего бесцельно и бессмысленно не существует.

Все имеет цель, смысл и направление.

●

Виктор КОЧЕТКОВ

ЗАМЕТЕННЫЕ СНЕГОМ

* * *

О, эта ярость,
с ума сошедшая,
на поводу у вражды идущая,
о, эта ненависть,
душу палящая!
Легче всего разносить прошедшее.
Легче всего
возносить грядущее.
Труднее всего
выносить настоящее.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Отец мой, выпивши немного,
тревожил песнею село:
«И-эх, всю-то, всю мою дорогу
сыпучим снегом замело».

В углу на лавочке, бывало,
сидит, раздетый до кальсон.
И тянет грустно и устало:
«И-эх, все оно прошло, как сон».

Не помнил дальше он ни слова.
С годами песню растерял.
И лишь с обидой старой снова
одно и то же повторял:

«И-эх, не суди, судьба, нас строго,
В ночной степи белым-бело.
И-эх, всю-то, всю мою дорогу
сыпучим снегом замело».

Внимая жалобе бесслезной,
я не сумел понять тогда,
с какой мечтою доколхозной
он расставался навсегда.

Какой он мучился виною,
недолгий на земле жилец?
Погиб на фронте он весною
под псковским хутором Стрелец.

И песнь отцова позабылась...
Но все приходит чередом.
Она недавно возвратилась
в уста иные, в отчий дом.

И, на лавчонке сидя с краю,
найдя мелодию сперва,
со сладкой болью повторяю
ее нехитрые слова:

«Ах, не суди, судьба, нас строго.
В ночной степи белым-бело.
И-эх, всю-то, всю мою дорогу
сыпучим снегом замело».

Мы переделать мир хотели,
но, в жизнь шагнув не с той ноги,
в такую вьюгу залетели,
что не видать кругом ни зги.

Никто на зов не отзовется,
кричи, приятель, не кричи.
И только петь нам остается
в глухой, метелистой ночи:

«Ах, не суди, судьба, нас строго,
в ночной степи белым-бело.
И-эх, всю-то, всю мою дорогу
сыпучим снегом замело».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАЛЯПИНА

Свершилось все в исконно русском стиле,
по этике одной шестой Земли.
Живому возвратиться запретили,
а мертвого с почетом привезли.

И речи надмогильные звучали,
и, словно бы итожа торжество,
стояли в государственной печали
вчерашние хулители его.

И тут же возвращенцу удружили,
чтоб никогда спокойствия не знал,

его в родную землю положили
в соседстве с теми, кто его изгнал.

Ужель и там лукавый Луначарский
с апломбом многодумного спеца
пугает диктатурой пролетарской
великого российского певца?

Неужто вновь какой-нибудь Ягода,
чекистские раскинув невода,
как в те крутые, яростные годы,
ему «клепает» вышку без суда?

* * *

У нас не как у всех людей.
И ценник свой, и свой ценитель.
Коль строил Родину — злодей,
коль разрушал ее — воитель.

Отвага дедов и отцов,
на память нашу не надейся.
Сегодня мужество бойцов
заносится в графу «Злодейство».

Сегодня — Господи, прости! —
кого героем вы сочтете?
Уже бандеровцы в чести.
Уже и власовцы в почете.

Безвестны столькие сыны,
не забывавшие о долге,
а Стеньки Разина челны
из века в век плывут по Волге.

И чтоб в потемках не гадать,
кто славен чем, кто что содеял,
пора нам серию издать:
«Жизнь замечательных злодеев».

Начистоту поведать в ней,
как Русь «злодеи» сохранили,
Пока Азефы наших дней
Суворовых не заслонили.

ПОРА

Пословица про нас:
«Преданья не храним.
Что есть не бережем,
а гонимся за новым».
Вся жизнь и вся судьба

ушли под Псевдоним.
Весь неохватный мир
был переименован.

Как в лихорадке злой
ты, Родина, жила.
Не ветошь из избы,
а веру выносила.
Сталиной была,
Свердловией была,
Горбатней была,
но только не Россией.

Какой-нибудь упырь,
расстрельщик-демократ,
купавшийся в крови
чахоточный сутулец
в названьях площадей
звучал тысячекрат
и миллионократ
звучал в названьях улиц.

С отвагой молодой
свергая все и вся,
мы классовым чутьем
превозмогли законы.
И новый Саваоф
с библейской бородой
для всех большевиков
стал главною иконой.

Достоинство веков
мы держим под замком.
Историю свою
мы отнесли к гонимым.
О Русь, заговори
природным языком!
Да сколько ж можно жить
тебе под Псевдонимом!

Пусть прошлое войдет
по праву в города.
Мы — вековой народ,
а не слепцы-мутанты.
Пора нам, земляки,
отбросить навсегда
всю эту чужину,
как робу арестанта.

ОТЧИНА

Влажной прохладою день ознобило.
Смолкнул петух, отгорланив в селе.

Память моя ничего не забыла
здесь, на отеческой тихой земле.

Вспомнил всему я окрестному имя —
каждой травинки и каждой тропы,
имя полянки в лазоревом дыме,
где понаставлены густо снопы.

Имя ручья, что бежит из-под камня,
мимо обдутого ветром куста.
Вот доверительно шепчет река мне,
как назывались ее омута.

Все здесь душе отозваться умеет,
здесь самобытность себя сберегла.
Девять несхожих названий имеет
даже ночная, безглазая мгла.

В Фединовом озере шилохвость крячет.
Луг Балахоновский в росах скупых.
Будто бы в мир моих родичей зрячих
я возвращаюсь из мира слепых.

Зябкая тишь. Ни грозы ни угрозы.
Зоркий подорлик кружит в синеве.
Да у проселка четыре березы
стайку малиновок прячут в листве.

Москва

Владимир ЧОБАН-ЗАДЕ

КАРЕТА ОСЕНИ

* * *

Над миром, где царствует ветер,
Чужую свободу поправ,
Ты мчишь в золоченой карете,
Сплетенной из веток и трав.

Пахучие волны взлетают,
И падают вновь, и опять
К высотам тебя подымают,
Судьбой продолжая играть.

Летит и летит позолота,
Быстрее вращенье колес,
И видно: за шторками кто-то
Уже огорчился до слез.

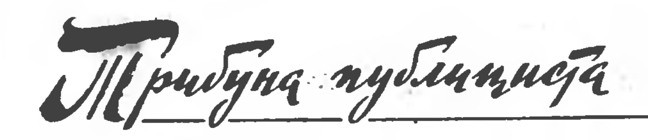
До слез, что так мало, так мало
Осталось у осени дней,
Что царственным ветром сломало
Карету из трав и ветвей.

* * *

Я ночью не ищу во тьме останки дня
И днем не грею рук над пеплом прошлой ночи.
Я сам произошел от яркого огня,
И яростный мой дух еще горяч и сочен.

Внутрв пустых лесов и мертвенных морей
Не насыщаю я животворящей плоти.
Чем непроглядней мрак, тем жизнь моя видней,
Как пламя кумача на черном эшафоте.

Москва



Николай ЯКОВЛЕВ

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН «БАРБАРОССА»

Еженедельник «Ю. С. Ньюз энд Уорлд Рипорт» в номере от 18 июня 1990 года писал: «Если в американо-советских отношениях продлится оттепель, в США появится культура с меньшей склонностью рассматривать мир в черно-белых тонах. Возможно, как размышляет социолог Тодд Гитлин, Америка закончит культурой Достоевского, когда каждый будет носителем как добра, так и зла. Если этот день придет, американская культура наконец избавится от наследия «холодной войны». Вопреки надеждам Тодда Гитлина — если судить по американской политической жизни — до этого состояния стране очень далеко, хотя предварительное условие, «оттепель», наличествует и, по крайней мере с нашей стороны, каждодневно подогревается.

Разумеется, нет дефицита в жестах доброй воли и с той, заокеанской, стороны. Как нет недостатка и в объяснении целей США. О них нам полезно судить со слов тех, кто безоговорочно является носителем твердого «американизма». К числу их, при всем его плюрализме, относится, например, и Ричард Никсон. Бывший президент ныне пишет книги. В седьмой уже по счету — «1999. Победа без войны», увидевшей свет в 1989 году, сказано: «Мы добиваемся победы не над какой-нибудь другой нацией или народом, а победы идеи свободы над тоталитарной диктатурой... Советы считают, что история на их стороне. Мы должны добиться того, чтобы, когда будет написана история следующего столетия, история оказалась на нашей стороне... Если мы соревнуемся с Советами в материальном плане, мы победим, ибо наша система работает, а их нет. Нашей величайшей силой со времен достижения независимости были наши идеи. Москва в этой области не может даже соперничать. У марксизма-лениинизма не осталось ничего сказать миру».

Для обоснования этих положений Никсону и потребовалось написать книгу в триста с небольшим страниц. К нему в США относятся отнюдь не как к болтливому пенсионеру. В июле 1990 года на родине Никсона в штате Калифорния открылась его библиотека, сооружение которой обошлось почти в 30 миллионов долларов, а ее ежегодное содержание будет стоить 2—3 миллиона (см.: «Нью-Йорк таймс», 11 июля 1990 года). Вообще, как заметила та

В статье, написанной около полутора лет назад, текущие события, естественно, освещаются на тот период. Время подтверждает ее оценки.

же газета 2 мая того же года по поводу книг и многочисленных выступлений Никсона по телевидению, «он вдохновляет других своим примером». Так что не стоит сбрасывать его со счетов.

А. Льюис в статье «После холодной войны» в «Нью-Йорк таймс» (быть может, в развитие сентенций Никсона?) пишет: «Американские идеалы свободы и открытости во многом вдохновили революцию в Восточной Европе. Они на уме у истинных демократов в Советском Союзе. И мы должны возобновить свои обязательства перед ними, когда заканчивается холодная война» (10 июля 1990 года). З. Бжезинский поторопился предсказать «революцию румынского типа» в СССР, что «с международной точки зрения отнюдь не будет катастрофой. Это будет означать, что СССР, вероятно, будет долго занят своими внутренними проблемами. А США тем временем смогут разрешить ряд региональных разногласий с СССР. США смогут заняться своими отношениями с Японией» и т. д. «Словом, отнюдь не утопия ожидать оптимистических последствий для мира» («Ю. С. Ньюз энд Уорлд Рипорт», 23 апреля 1990 года).

Только нужно еще ликвидировать кое-какие препятствия, например, развалить КПСС. А. Розенталь в «Нью-Йорк таймс» суровейшим образом распекал Запад за то, что он мирится с существованием в Советском Союзе КПСС: «Из-за того, что Горбачев по-настоящему не реформировал партию, Борис Ельцин, мэры Москвы и Ленинграда пошли на него и партию... Быть может, способного приспособляться Горбачева когда-нибудь удастся убедить, что дни партии сочтены. Возможно, в этот день он выйдет из нее со своими сторонниками, что будет означать ее разрушение. Возможно, но только в том случае, если Запад прекратит поощрять надежду, что партия способна продолжать править» (22 июля 1990 года).

Такие цели, если верить Никсону, Бжезинскому, «Нью-Йорк таймс» и К°, преследуют США в отношении Советского Союза. Что это? Озарение, вклад в современное развитие международных дел или логическое развитие прежней американской политики? И почему суть ее уже не является предметом для размышлений и анализа в наших ныне многоречивых средствах массовой информации? Нужно ли это?

Современные проблемы в мире подготовлены итогами второй мировой войны. В сущности, Запад потерпел в ней поражение, поскольку не была реализована его генеральная цель — восстановление целостности капиталистической системы. В 1945 году мир приобрел биполярные очертания: США и СССР стали олицетворять противоположные цвета политического спектра. Больше того, тщательное изучение соотношения сил высшим американским генералитетом привело к неутешительному выводу — в военном отношении возможности США и СССР равны. Комитет начальников штабов на исходе войны нашел, что разгром государств фашистской «оси» — Германии, Японии, Италии — «приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые за последние 1500 лет можно сравнить только с падением Рима». В случае войны между США и СССР «исключена возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя».

Механизм «баланса сил» рухнул, ибо для проведения известной политики — «смеющегося третьего» нужно несколько центров мировых сил, то есть необходима возможность использовать одни

державы против других для достижения собственных целей. Потерял практическое значение едва ли не важнейший постулат классического наследия Дж. Вашингтона, которому США следовали с удивительным постоянством: «Когда бы между европейцами ни возникал конфликт, если мы мудро и должным образом воспользуемся преимуществами, дарованными нам географией, мы сможем, действуя осмотрительно, извлечь выгоду из их безумств». О каких комбинациях в плане «баланса сил» могла идти речь в 1945-м, когда после освободительной войны неслыханно вырос международный авторитет нашей страны?

Все это, увы, не устраивало правящую элиту Соединенных Штатов, которая (и это не преувеличение!) никак не могла понять, почему Советский Союз вышел победителем из невиданной в истории человечества войны.

По ряду обстоятельств «идейным наставником» американцев в оценке СССР стал Дж. Кеннан, служивший на рубеже войны и мира в посольстве США в Москве.

Родившийся в 1904 году, он вырос в семье, жившей в густой тени главного американского русиста Дж. Кеннана-старшего. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Кеннан-младший решил связать свою жизнь с нашей страной. Его дипломатическая служба началась в конце двадцатых годов. В относительно откровенных мемуарах Кеннан признавался: «В отличие от многих других, ставших профессиональными исследователями советской политики, я никогда не проходил через «марксистский период»... Это развело меня с официальным мышлением в Вашингтоне по крайней мере на десяток лет» (с конца тридцатых годов. — **Н. Я.**).

В дни, когда Европа праздновала Победу, Кеннан составил для просвещения чиновников госдепартамента аналитическую записку «Международное положение России по завершении войны с Германией», где писал: «В короткий отрезок времени — два десятилетия — Россия повторила большую часть истории царизма в минувшие два столетия. В первые десять лет своего правления Сталин возродил эпоху Петра Великого. Начало войны в Европе застало его в момент, когда он уже наслаждался русской мощью в величественной манере Екатерины II. В конце войны он оказывается в положении, поразительно напоминающем место Александра I в завершении эры Наполеона. А тень Николая I уже видна в растущей тяжести поступи и негибкости русской полицейской мощи, во многих целях и методах русской политики... Если это сравнение уместно, тогда мы можем ожидать, что уже разбрасываются семена новых потрясений, как семена русской революции посадили осужденные декабристы почти за сто лет до революции. И если это сжатие времени продолжится, то через пять-десять лет над Россией вновь нависнут те же тучи гражданского распада, которые омрачали русское небо в начале этого столетия».

Запад, по мнению Кеннана, должен приложить руку к развитию событий в Советском Союзе. В посольстве, в Москве, он критиковал среди своих курс правительства США, который находил недостаточно «жестким» по отношению к СССР. В кознях Москвы Кеннан усматривал первопричину того, что на его взгляд казалось дестабилизацией обстановки в мире, а на деле было маршем левых сил в итоге антифашистской войны. Мучительные раздумья подготовили тон и даже содержание пресловутой «длинной телеграммы» (8 тысяч слов), которую он отправил в госдепартамент

22 февраля 1946 года, в день рождения Дж. Вашингтона. С величайшим интеллектуальным высокомерием он этой телеграммой отвечал на запросы начальства — почему СССР себя ведет не так, как ожидали в США. То было не озарение чиновника, а философское эссе. Сочинитель прежде всего «вписал» марксистско-ленинскую идеологию в традиционные русские ценности, указав:

«Отнюдь не случайно марксизм, бесполезно тлевший полстолетия в Западной Европе, укрепился и впервые вспыхнул ярким пламенем в России. Только в этой стране, никогда не знавшей дружественного соседа или даже терпимого равновесия различных сил, внутренних или внешних, могла расцвести доктрина, в соответствии с которой экономические конфликты в обществе нельзя разрешить мирными средствами».

Американскую стратегию победы над Советским Союзом Кеннан свел к пяти положениям:

1. Трезво подходить к отношениям с СССР, как «врач подходит к буйному и неразумному пациенту».

2. Сделать достоянием американской публики кеннановский анализ Советского Союза, «не опасаясь, что «предоставление обильной информации о трудностях с Россией неблагоприятно скажется на русско-американских отношениях... Наша заинтересованность в России даже после недавних событий и громогласных демонстраций дружбы к советскому народу поразительно мала. У нас нет там инвестиций, которые нужно защищать, нечего терять в торговле, практически нет американских граждан, которых нужно оберегать, культурных контактов, нуждающихся в поддержании, очень мало».

3. «Многое зависит от здоровья и энергии нашего собственного общества. Международный коммунизм, как зловредный паразит, находит пищу только в больных органах».

4. «Мы должны развернуть перед другими нациями значительно более позитивную и конструктивную картину мира, который хотим видеть».

5. «Величайшая опасность для нас в схватке с советским коммунизмом таится в том, что мы станем такими же, как те, с кем мы боремся».

Через 20 лет в своих мемуарах по поводу всех тех документов Кеннан меланхолически заметил: «Перечитывая эти пассажи, я признаю, что их можно было расценивать так, будто я собирался стать штатным советником покойного сенатора Джо Маккарти или Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Дж. Кеннана отозвали в Вашингтон и назначили главой Управления планирования политики госдепартамента. Пост, надо думать, учрежденный специально для него. Он уверенно взялся за дело, разрабатывая со своим штатом планы нанесения поражения СССР, обнародовав их в статье за подписью «г-н X» в июне 1947 года.

Стратегия, начертанная Кеннаном и воплощенная в доктрине «сдерживания», предусматривала в конечном счете падение нашего строя в результате внутренних потрясений. Тоталитаризм, как недавно показала нацистская Германия, был неуязвим для внутренней оппозиции (только при тоталитаризме возможна атомизация общества), и его можно сокрушить лишь извне.

В официальных американских заявлениях в эпоху доктрины Трумэна вместо термина «коммунизм» использовался термин «тоталитаризм». «Это не оставляет Советскому Союзу возможности протестовать, — одобрительно написал пресс-секретарь Белого дома Айрс, — ибо, если Советы выступят с обвинением, что имеется в виду их страна, мы ответим — вот и призиались, что у вас тоталитарное общество».

В классическом труде «Потрясенный мир. Истоки холодной войны и государство национальной безопасности» (1977) Д. Ерджин более чем на пятистах страницах доказал: холодную войну развязали Соединенные Штаты. По мотивам, безупречным в глазах заокеанских политиков, — уничтожить «советский тоталитаризм», то бишь сокрушить Советский Союз, непохожий на другие страны.

Задача представлялась неотложной, ибо пока американская администрация занималась дискуссиями, СССР ликвидировал тяжкое наследие войны, а ответом на бряцанье Запада оружием явилось создание в СССР в августе 1949 года атомной бомбы. На подходе как у нас, так и у США, было ядерное оружие, обещавшее внести качественные изменения в вооруженную борьбу. В 1950 году в Вашингтоне была разработана основополагающая стратегическая установка в отношениях с СССР, директива Совета национальной безопасности № 68 (СНБ-68). Пространный документ — 70 машинописных страниц — впервые был полностью предан гласности в 1975 году.

Его составитель — Управление планирования политики госдепартамента, который вместо Дж. Кеннана возглавил П. Нитце, — не колеблясь, определил наш строй как «тоталитарную диктатуру» и, исходя из этого, вычислил самое уязвимое место Советского Союза:

«Величайшая уязвимость Кремля заключена в самом характере отношений с советским народом.

Эти отношения характеризуются всеобщей подозрительностью, страхом и репрессиями... Отношения Кремля со своими сателлитами и их народами — другое уязвимое место».

Что касается тогдашних социалистических стран, то желательный образ действия излагался так: «Для нас практически осуществимый курс — содействовать еретическому процессу отдаления сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и Коммунистической Реформацией».

Если США преуспеют в этой политике, подчеркивалось уже в документах Кеннана, тогда перед ними откроются возможности применения самого испытанного оружия Вашингтона в сфере внешних дел: «Мы сможем пустить в ход механизм баланса сил в коммунистическом мире».

В директиве СНБ-68 цели политики «сдерживания» подтверждались, а именно: «1. Положить конец дальнейшей экспансии советской мощи. 2. Разоблачить ложь советских претензий. 3. Сократить зону контроля и влияния Кремля. 4. В целом взращивать семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить свою политику в соответствии с общепринятым международным стандартом».

В концепции «сдерживания» сохранение сильной военной позиции представляется жизненно важным по двум причинам: «1) конечной гарантии нашей национальной безопасности, 2) необходимой опоры для проведения самой политики «сдерживания». Без превос-

ходящей в своей совокупности наличной или быстро мобилизуемой военной мощи политика «сдерживания», по сути своей являющаяся политикой рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф».

Разумеется, в директиве СНБ-68 много говорилось о том, что США должны быть готовы вести ядерную войну и никогда и ни при каких обстоятельствах Вашингтон не должен заявлять, что США не прибегнут к ядерному оружию.

Гонка вооружения началась, но главенствующим методом стал метод открытой психологической войны.

Основные положения директивы СНБ-68 определили политику США вплоть до наших дней. Хотя в следующие двадцать пять лет (после 1950 года) полное содержание директивы оставалось в тайне, действия Вашингтона говорили сами за себя, и журналисты упражнялись в попытках представить, как произойдет «завоевание СССР». Осенью 1951 года журнал «Кольерз» выпустил специальный номер, в котором красочно описывалось, как американские войска оккупируют разгромленный Советский Союз. «Фантастическое шутовство», — отозвался много спустя Кеннан, признавший, однако, что «Кольерз» просто иллюстрировал его теории.

Администрация Эйзенхауэра истово верила, что под просвещенным американским руководством народы Восточной Европы и Советского Союза сами положат конец социализму. С 50-х годов конгресс США обязывает президента в июле каждого года проводить неделю «порабощенных народов», открывающуюся специальной президентской прокламацией. Дж. Кеннан с большим отвращением писал об этом беспримерном набеге конгресса на деликатную сферу внешней политики. «Резолюция, — гневался Кеннан, — обязывает Соединенные Штаты, насколько это во власти конгресса, «освободить» двадцать две «нации», две из которых никогда не существовали — Козакия и Удел-Урал, а название еще одной выдумано в нацистском министерстве пропаганды в минувшую войну».

Но тут случилось эпохальное событие, потрясшее мир, — 4 октября 1957 года взлетел советский Спутник. Вашингтонская реакция на величайшее свершение в научно-технической области сначала носила только милитаристский характер. В самом широком смысле. Спутник подтолкнул американскую гонку вооружений, подготовку «первого удара». Президент — генерал Эйзенхауэр, разумеется, подогнал американскую программу ракетостроения, но все же полагался главным образом на флот пилотируемых бомбардировщиков. С 1955 года стратегическое командование ВВС США стало перевооружаться бомбардировщиками «Б-52», а количество ядерных боеголовок в арсеналах США выросло с 1350 в 1950 году до 18 тысяч единиц в 1960 году. В 1959 году ВВС США достигли максимума — около 500 бомбардировщиков «Б-52», свыше 2500 бомбардировщиков «Б-47» и тысячи винтовых и реактивных самолетов-заправщиков. Оружие «первого удара»...

Один из вариантов Эйзенхауэра предусматривал использование против Советского Союза и его союзников 1400 единиц ядерного оружия суммарной мощностью 2100 мегатонн. Тут соперниками ВВС США выступили адмиралы, протолкнувшие программу строительства 45 подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис». Наконец, достроили триаду — на территории США начали срочно размещать стартовые позиции межконтинентальных баллистических

ракет. Планировщики ядерной агрессии готовили многократное поражение целей до семнадцати раз! Хотя случалась и «экономия», так, если первоначально планировалось взорвать ядерную бомбу прямо над Кремлем, то позднее точку прицеливания сместили на несколько сот метров — между Кремлем и электростанцией за Москвой-рекой. Дабы поразить одним ударом обе цели!

Администрация Дж. Кеннеди, пришедшая к власти в 1961 году, под лозунгом ликвидации «ракетного отставания», невероятно укрепила составные части стратегической «триады». Ради этого советская «ракетная угроза» была преувеличена в 15—20 раз. В арсеналах США к 1962 году насчитывалось уже 26 500 ядерных боеголовок. Вашингтон изготовился к Армагеддону. Вашингтон усмотрел вершину айсберга поступательного развития социализма прежде всего в области науки, а также в постановке высшего и среднего образования в СССР. Американские эксперты провели надлежащие сравнения, выяснив крайне неприятные для американского престижа истины, которые были немедленно преданы огласке. Не только на страницах газет и на телеэкранах, но и в речах высших должностных лиц США. Особо в выступлениях Джона Кеннеди: «Не будет преувеличением сказать — исход битвы, которую мы ведем, будет решен в классных комнатах Америки».

Физик Э. Теллер (отец американской ядерной бомбы в 1953 году, а ровно через 30 лет, в 1983, автор СОИ — «звездных войн») после запуска спутника четко сказал: «Десять лет назад и вопроса не было, где лучшие ученые в мире, — конечно, в США... Через десять лет лучших ученых мира придется искать в России. В СССР наука — почти религия, выделяют самых способных и к ним относятся как к привилегированному классу, в то время как их американским коллегам не доплачивают, в обществе они не пользуются уважением и ничем не могут поощрить своих способных учеников». Спустя примерно 10 лет в США положение решительным образом изменилось. Если в последний, предспутниковый год расходы на высшее образование составили 3,5 миллиарда долларов, то в 1970 году — 21 миллиард долларов. Студентов было соответственно 2918 и 7920 тысяч человек. Расходы на среднее образование составили 10,9 и 40,7 миллиарда долларов. Примеру Соединенных Штатов в области образования последовали и другие страны капиталистического мира.

Мы, уже потрясшие мир спутником, пошли по иному пути. Отношение расходов на одного студента к национальному доходу на душу населения, составлявшее 2,3, в первые годы перестройки упало до 0,4, то есть в 6 раз. В 40-е и 50-е годы относительные расходы на высшую школу в 1,5 раза превышали американские, теперь они в 4 раза уступают им. Или скажем по-другому. В 1950 году в СССР на образование шло 10 процентов национального дохода, в США — около 4 процентов. Ныне Соединенные Штаты тратят на образование 12 процентов национального дохода, мы — 7 процентов. ЮНЕСКО предложило собирательный индекс — уровень интеллектуального развития молодежи. В конце 50-х мы стояли на третьем месте (я же думаю, что все же на первом), а к 1987 году скатились на 57-е!

Спутник дал могучий толчок развитию США, у нас от него, пожалуй, следует начать отсчет прежде всего планомерному разрушению единой системы образования — от начальной школы до вуза, обеспечившей наше «лидерство». Сразу после 1957—1958 го-

дов передовую науку просто и бесцеремонно выставили из студенческой аудитории, ликвидировав «совместительства». Перед учеными был поставлен выбор: работа либо в НИИ, либо в вузе. Понятно, что подавляющее большинство предпочло первое.

Рука об руку с подрывом системы образования велся подкоп под фундаментальную науку, представленную у нас Академией наук СССР. С 1948 года заработная плата ученых оставалась на одном уровне, в то время как оплата практически во всех отраслях народного хозяйства постепенно росла. В результате, писал академик Л. Таусон в 1989 году, «научные сотрудники академии получают заработную плату, которая составляет в среднем 160—170 рублей, на 50 рублей меньше средней заработной платы рабочих и служащих нашей страны (в 1990 году этот разрыв достиг почти 100 рублей, при 257 рублях средней зарплаты по стране. — **Н. Я.**). Высококвалифицированные старшие научные сотрудники получают столько же, сколько водители автобусов, а доктора наук могут только мечтать о зарплате бульдозеристов Минводхоза СССР. Не способствует высокой отдаче и скудость социальной сферы в наших академгородках». Результат: «что посеешь, то и пожнешь».

Еще одна причина отставания лежит на поверхности — некомпетентность тех, кому по долгу службы было вверено изучение США. В 1967 году в рамках Академии наук СССР был основан Институт США и Канады. Возглавил его вынырнувший из недр аппарата ЦК КПСС товарищ Арбатов Г. А. На момент назначения о нем знали: чиновник, имеющий степень кандидата юридических наук, в должности директора быстро стал доктором исторических наук, а в 70-е годы при залповом выбросе в науку ряда лиц такого же разбора еще приобрел звание сначала члена-корреспондента, затем академика, по специальности — экономика. Итак — юрист, историк, экономист. В одном лице и с одной книгой (она же — докторская диссертация «Идеологическая борьба в современных международных отношениях». Политиздат, 1970).

Вклад Арбатова в науку, судя по книге, содержится в следующем «открытии»: происходит «огромный, поистине качественный рост роли идеологической борьбы в международных отношениях». Богатая мысль?

В интервью газете «Неделя» (март 1988 г.) Арбатов поведал о генезисе своего мировоззрения. Он припомнил своего учителя О. В. Куусинена, который в конце 50-х приблизил к себе работника аппарата Арбатова и вовлек его в написание учебника «Основы марксизма-ленинизма». Работая в авторском коллективе этой книги, Арбатов, по его признанию, «получил второе высшее (сказал бы даже — «более высшее») теоретическое и политическое образование. До кончины, до 82 лет, Куусинен поражал неортодоксальным, бескомпромиссным творческим почерком... Когда партия начала борьбу с культом личности, то там, то здесь складывались такие оазисы теоретической и политической мысли. Авторский коллектив учебника Куусинена был одним из них». Изложив прекрасные планы Н. С. Хрущева, авторы «учебника» настаивали, что к 1970 году Советский Союз превзойдет «по производству промышленной продукции на душу населения» США, «Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству на душу населения».

Пока Арбатов и К° трудились в «оазисах» (на спецдачах), научно

предрекая нашу победу над США, другой коллектив — зять Хрущева А. Аджубей и К° — бойкой журналистской скороговоркой выразили свое мнение по той же проблеме в книге «Лицом к лицу с Америкой». Описав в этой пухлой книге тринадцатидневный визит Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 года, они провозгласили «новый триумф миролюбивой политики Советского Союза», которая «заколачивает крышку гроба на империалистической политике «с позиции силы», и, конечно же, ответили на вопрос, стоящий перед человечеством.

Ныне В. А. Печенев, бывший помощник бывшего Генерального секретаря, уверяет, что его-де посетила поразительная мысль: «Вот уже два десятилетия первый же шаг вступающего в нашу партию — это шаг к вранью и лицемерию». Высказался, значит, за миллионы коммунистов. Здорово же он обучился! Теперь понятно, почему он помалкивал в роскошном угодье в Завидове, что под Тверью, созидая шедевры брежневского политического мышления.

Новые процессы в Советском Союзе не проходили мимо внимания американской политической элиты. Наши идеологи твердили о росте, скажем, нашей демократии, в Вашингтоне расценивали это по-другому, приветствуя «изменения» советского строя.

Крупный советолог А. Улам провозгласил: тоталитаризм для СССР не был неизбежным, то, что его элементы прослеживались в сталинские времена, отнюдь не означает, что они имеют будущее.

Пятидесятая годовщина Октября ознаменовалась изданием на Западе бесчисленных книг о нашей стране. Во многих из них звучала отходная по теории тоталитаризма и приветствовался рассвет доктрины конвергенции — пути развития индустриальных обществ сходны, и они неизменно сольются, СССР и США. Обозревая достижения советологии на то время, влиятельнейший У. Лакер четко и ясно суммировал главные постулаты конвергенции: «Итак, возникают не только сходные формы производства, но и политические институты. Индустриализация ведет к дифференциации в обществе, множатся группы интересов, складывается плюралистическое общество. С ростом благосостояния, рассуждают далее, слабеет революционный порыв и партия утрачивает свои претензии на монополию власти».

В начале 1967 года «Нью-Йорк таймс» направила в СССР ударную бригаду лучших журналистов и публицистов, чтобы оценить обстановку. Несколько месяцев они, числом 22, брали интервью у самых различных советских деятелей, да и у людей с улицы, объехали всю нашу страну. Осенью 1967 года под эгидой «Нью-Йорк таймс» вышел отлично изданный том «Советскому Союзу 50 лет». Организатор проекта Г. Солсбери открыл книгу своей статьей «50 лет, которые потрясли мир». С ее страниц представало организованное общество на марше, с отличной системой социальных услуг. «Здоровье и счастье русских обеспечено» — под этим заголовком описывалась наша система здравоохранения, оставлявшая позади в ряде сфер американскую. Естественно, высоко оценивались достижения в космосе. Специалист по финансам и торговле Э. Хейнеман отмечал: «В магазинах много товаров, но их качество неважное, а цены очень высоки... Колхозные рынки процветают не из-за того, что нет продовольствия (уже много лет нехваток нет), но потому, что громоздкий механизм советской экономической машины пока не сумел обеспечить своих граждан скоропортящимися фруктами,

овощами и мясной продукцией потребных им сортов и качества». И так далее.

Общий вывод исследования: «За пятьдесят лет правления наследники Ленина достигли многого. Они превратили Россию во вторую державу мира. Они дали советскому народу новый и более высокий уровень жизни и культуры. Они твердо ведут Россию в основном русле мировой политики».

СССР и США тогда стояли на пороге разрядки. К исходу 60-х США прочно увязли в войне в Юго-Восточной Азии, которую сами начали в широких масштабах еще в 1964 году. Когда к власти пришла администрация Никсона — Киссинджера (1969), вашингтонские мудрецы сочли полезным увязать войну во Вьетнаме со всем комплексом американо-советских отношений.

Между Вашингтоном и Москвой шли интенсивные негласные переговоры по самым различным вопросам. Тактически американцам нужно было освободиться от Вьетнама, стратегически — остановить рост ракетно-ядерной мощи нашей страны. Если СССР посодействует высвобождению американских агрессоров из трясины войны, тогда будет прогресс на переговорах о стратегических вооружениях. Иными словами, в награду за давление на своего союзника мы будем вознаграждены: будем содействовать разоружению, в первую очередь собственному. Разумеется, план этот был укутан многими слоями словесной шелухи.

Поздней весной 1972 года американо-советские переговоры привели к договоренности по многим до тех пор спорным делам. Оставалось оформить ряд из них на совещании в «верхах» в Москве. Но в начале мая президент Р. Никсон впал в неистовую ярость. Вьетнамцы беспощадно гнали американских агрессоров. Президент США усмотрел в этом результат активных поставок советского вооружения Северному Вьетнаму. Собрав советников, Никсон объявил им: «Совещание в верхах не стоит и полушки, если ценой его будет проигрыш войны во Вьетнаме. Мой инстинкт говорит — страна может пережить провал совещания, но не проигрыш войны».

9 мая Никсон выступил по телевидению, объявив, что ВВС США минируют все порты ДРВ и резко усилили бомбардировки. А затем высказался в адрес Советского Союза: «Обе наши страны добились значительных сдвигов в переговорах в последние месяцы. Мы подошли вплотную к соглашению об ограничении стратегических ядерных вооружений, о торговле, по множеству других вопросов. Не будем снова сползать в густую тень прошлого».

Дальше произошло вот что (цитирую по мемуарам Никсона):

«ТАСС резко осудил минирование как «чреватое серьезными последствиями для международного мира и безопасности». Наутро в Кремле после моей речи состоялось чрезвычайное заседание Политбюро. Я был полностью готов к официальному заявлению с осуждением моих действий и отменяющему совещание в верхах. На следующий день Добрынин встретился с Киссинджером. Без обычных любезностей Добрынин холодно заявил, что по поручению своего Правительства он зачитает ноту. С величайшим облегчением Киссинджер выслушал относительно мягкий личный протест по поводу блокады и о том, что в порту Хайфон случайной бомбой убит советский моряк.

На следующий день Добрынин снова пришел к Киссинджеру с посланием из Москвы. Оказалось, что оно касается деталей процедуры на совещании в верхах. Добрынин даже коснулся вопроса об обмене подарками. Советская сторона намеревалась подарить мне катер на подводных крыльях для использования в моей резиденции в Ки-Бискейн, а Брежнев не возражает получить новую машину для его коллекции роскошных автомобилей».

Теперь — к мемуарам Г. Киссинджера. Во время встречи в верхах в Москве Брежнев пригласил Никсона и других на дачу. Спустились к реке, к причалу, прокатились на катерах на подводных крыльях. «Брежнев подарил Никсону один из этих катеров в обмен на «кадиллак», который мы предоставили для его коллекции». Потом Брежнев, Косыгин, Подгорный уселись за стол напротив Никсона, и, как пишет Киссинджер, «трое советских лидеров по очереди произнесли филиппики в адрес Никсона». Бегло изложив их содержание, Киссинджер далее написал: «Внезапно меня осенила мысль — несмотря на громкие слова и грубость, мы участвуем в игре. Хотя тон был очень воинственным, а манера говорить резкой, ни в одном из советских заявлений не было, так сказать, оперативного содержания. Вожди определенно воздерживались от угроз... Они оказывали на нас только словесное давление. Они говорили для протокола, а когда наговаривали достаточно, чтобы отослать его в Ханой, то останавливались... Брежнев, очевидно, решил, что протокол полный. Он вскользь признал: мы провели «серьезное обсуждение проблемы мирового значения», как будто речь шла об абстрактных профессорских дебатах. Он сказал, что из слов Никсона сделал вывод — США готовы на разумное решение вопроса, с чем было трудно спорить. Косыгин вставил — ни одно советское судно не идет с военными грузами во Вьетнам, везут «только муку, продовольствие, но никакого оружия». Это могло означать — Москва оказывает давление на Ханой или могло ничего не значить, в любом случае доступ в порты Ханоя был закрыт минами».

От стола переговоров — к банкетному. «Русские романтично и гордо говорили об озере Байкал, его громадных размерах, красоте и — главное — чистоте. Брежнев пожаловался, что Никсон в своей речи об окружающей среде был не прав, говоря о загрязненности озера. Великие Озера очень грязны, сказал Брежнев, но не Байкал. Наверное, предположил Брежнев, эту речь Никсона составил д-р Киссинджер, виновника нужно сослать. Никсон — в Сибирь его. Сибирская ссылка стала предметом буйного веселья, по крайней мере на советской стороне стола».

В Москве Брежнев и Никсон подписали немало соглашений, вызвавших самые высокие надежды. Соглашение о торговле, например, признавшее режим наибольшего благоприятствования. Увы, в 1974 году конгресс поправкой Джэксона — Вэника к закону о торговой реформе связал этот режим с еврейской эмиграцией из СССР. Потом последовали другие «увязки», и соглашение так и не вступило в силу.

По ОСВ-1, признав принцип «равной безопасности», стороны устанавливали стратегический паритет. Установив примерное равенство в стратегических ракетах наземного базирования и на подводных лодках, США добились согласия СССР ограничить число тяжелых ракет, известных на Западе, как СС-9 в 313 единиц. Никаким ограничениям не подвергались стратегические бомбардировщики, по которым США уже имели трехкратное превосходство (540 против 130). Не учитывались американские средства передо-

вого базирования, исключались ядерные ракеты Англии и Франции. Пожалуй, самое основное — ОСВ-1 не пресекал модернизацию стратегических наступательных средств — установку на ракеты разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГУ ИН). Таких головок на одной ракете могло быть и десяток. Итог: в 1972 году у США было 7,2 тысячи, у СССР 2,4 тысячи боеголовок. В 1974 году соответственно — 9,7 тысячи и 2,8 тысячи боеголовок.

По ОСВ-1 СССР пришлось уничтожить для обеспечения установленных уровней 192 наземные пусковые установки и 255 ракет на подводных лодках. США не ограничивали свои стратегические бомбардировщики и РГУ ИН, дав понять: если угодно, уравнивайтесь! И мы пошли догонять, а это миллиарды и миллиарды рублей. Снова расходы. А к тому времени уже была наполовину сооружена система радиолокационного оповещения вокруг Москвы, оставались неприкрытыми два сектора по 90° с северо-восточного направления и с запада. Потом спохватились было их закрыть Красноярской и Мукачевской РЛС. Гнев за океаном, нарушение-де ОСВ-1. Со скандалом закрыли обе станции, оставив вне СПРН два ракетоопасных сектора, в совокупности 180° окружности, приняв за центр Москву.

Еще в 1972 году договорились — создаются по две системы ПРО в СССР и США. В итоге построили по одной: мы — вокруг Москвы, США прикрыли район базирования МБР «Минитмен» в Грэнд-Форкс. По кольцевой автодороге вокруг Москвы установили более 50 ядерных (!) противоракет. США очень скоро законсервировали ПРО в районе Грэнд-Форкс, эффективность невелика.

СССР и США в 1972—1973 годах подписали больше соглашений, чем за весь предшествующий период после установления дипломатических отношений в 1933 году. Последнее, третье совещание в верхах в Ореанде, в Крыму, в конце июня — начале июля 1974 года. Злоязычный Киссинджер не преминул отметить: важнейшая встреча между руководителями с глазу на глаз состоялась «в гроте, пещере, в основании скалы, романтическом, заносчивом, в стиле XIX века сооружении, довольно неуместном для лидера, исповедывающего материалистическое понимание истории».

И далее: «Разрядка помогла усилиям США в военной области. Конгресс в первое президентство Никсона на 40 млрд. долларов сократил военные ассигнования. После подписания Договора ОСВ-1 наш военный бюджет возрос, а администрации Никсона и Форда провели такие программы стратегических вооружений (ракета МХ, бомбардировщик Б-1, крылатые ракеты, подводная лодка «Трайдент» и более совершенные боеголовки), что и через десять лет они являются становым хребтом нашей обороны».

Цели Вашингтона, начиная с провозглашения политики «сдерживания», не изменились: как минимум это внутренние «изменения» советского строя, максимум — его ликвидация. Каждый, кто бросал вызов порядкам, существующим в СССР, мог рассчитывать на симпатию из-за океана. Если верить проф. Дж. Кэддису, Дж. Кеннан как-то сказал ему: «Генри понимает мои идеи лучше, чем кто-либо в государственном департаменте».

В мемуарах Киссинджер клянет Уотергейт, укоротивший президентство Никсона. «Никсон сумел бы продемонстрировать консерваторам, что разрядка предназначена для ведения идеологической борьбы, а не уклонения от нее».

При ретроспективном взгляде сказанное Киссинджером и Гэдлисоном в книгах 1982 года оказалось прологом 80-х.

В сентябре 1990 года в нашу столицу завернул экс-президент США Р. Рейган с супругой. В МГУ он беседовал со студентами. Их там собралось два-три десятка во главе с ректором — академиком Логуновым. Ректор рассказал президенту, между прочим, анекдот «с бородой», который мы даем без сокращений, как и опубликовано в «Комсомольской правде» (19 сентября 1990 г.):

«Значит, революционер сидит в царской тюрьме. Его охраняет какой-то человек, который работает полицейским. Проходит некоторое время — ситуация меняется: полицейский сидит в тюрьме, а революционер его охраняет. Проходит еще какой-то период — они оба сидят в тюрьме. И наконец, наступает последний период, близкий к нам, значит, они встречаются, причем бывший революционер торгует пирожками, и бывший полицейский подходит к нему и говорит, что неужели царь запретил бы тебе торговать пирожками...» Последовал перевод и сдержанный смех гостя».

Не только академик, наши политики, журналисты, общественные деятели с самоуничижительным восторгом реанимировали определение СССР как «тоталитарного государства».

Этот процесс представлен в обширной статье, подписанной «Z» («Зет») и увидевшей свет в сугубо научном американском ежеквартальнике «Дедалус» в январе 1990 года.

«Зет» издевательски написал: «Парадоксально, что как раз в то время — примерно в 1970 году, когда даже сам термин «тоталитаризм» изгонялся из западной советологии, он стал широко применяться в Восточной Европе».

Поразительные, мягко говоря, суждения, публиковавшиеся в советской прессе, явно укрепили уверенность «Зет» в том, что он встал на вернейший путь. Доктор исторических наук А. Кива в «Известиях» (16 апреля) обнародовал личное открытие: «Где-то в середине 70-х годов, на мой взгляд, произошел второй политический переворот в нашей послеоктябрьской истории. (Первым был сталинский «великий перелом».) В те годы бюрократия окончательно сформировалась в правящий класс, со своими специфическими интересами, отличными от интересов масс... Это также означало окончательное сформирование тоталитарной командно-административной системы». В «Правде» (12 июня) на первой странице я обнаружил, что, по мнению редактора газеты по отделу писем Т. Самолис, за нами «десятилетия тоталитарного режима». С трибуны XXVIII съезда КПСС Ч. Айтматов («Правда», 9 июля) признался, как он страдал «под спудом насильственного тоталитарного режима». Фазиль Искандер («Правда», 3 декабря) поделился своей мудростью: «Тоталитарное государство, каким оно было у нас семьдесят лет, безусловно, и есть орган насилия».

Взглянем на статистику министерства юстиции США. В 1990 году в США насчитывалось 1058 тысяч заключенных, из них 455 тысяч негры, 15 процентов от общего числа сидят в тюрьмах за нарушения положений условных осуждений. «Нью-Йорк таймс» вздохнула: «США занимают первое место, неоспоримый лидер мира по карательной политике, по отправке своих граждан в тюрьмы — у нас более миллиона по сравнению с 769 тысячами в СССР... Страна свободных и дом храбрых далеко ушла вперед Южной Африки с ее системой апартеида. Там на 100 тысяч населения в тюрьмах 333 человека, у нас заперто 426 человек на 100 тысяч. По этому

показателю Советский Союз скатился на третье — 268 человек на 100 тысяч» («Нью-Йорк таймс», 9 января 1991 года).

Что до политического сыска, то ФБР в США, как всегда, на высоте. Дж. Макартур, глава совета директоров фонда «Дж. Родерик Макартур», пожаловался в «Нью-Йорк таймс»: «Подобно многим американцам, я полагал, что с концом «холодной войны» пришел конец правительственной слежке», — увы, как и другие, он ошибся. «Очевидно, ФБР теперь безразлично, что наш фонд многие годы финансировал подпольные публикации в Восточной Европе и Советском Союзе», — оправдывается Макартур и в заключение заявляет (держа фигу в кармане): «Теперь многие подумают дважды, перед тем как дать денег организациям, выступающим за права человека в разных странах, включая нашу собственную, где правительство само нарушает эти права. Кому захочется иметь досье в ФБР?» («Нью-Йорк таймс». 6.12.1990).

Подхватив эстафету у отечественных критиков страны, «Зет» сразу же «объяснил», как именно мы оказались в пресловутой пропасти, почему наша гордость — социалистический способ производства — да вдруг отказал.

Но уместно ли принимать всерьез сочинение «Зет»? Этим вопросом задались творцы общественного мнения в США. В. Сафайр 4 января 1990 года отметился в «Нью-Йорк таймс» лихой статьей «Документ Z — «мистер икс» нашего времени». Сафайр высмеял тех в США, кто заявляет: «Холодная война» пришла к концу, свободный мир победил... Теперь остается разве с энтузиазмом разделить дивиденды мира».

Рано ликовать, предостерегает Сафайр, «стоит Западу улучшить экономическое положение (СССР. — Н. Я.), необходимость в гласности и свободном предпринимательстве исчезнет. И вот, хороша ложка к обеду, статья «Зет» и является интеллектуальным подкреплением мнения «не спасайте коммунистическую банду».

Кто же такой «Зет»? В ход пошли громкие имена — Киссинджер, Бжезинский, Фукуяма, только что отличившийся предсказанием «конца Истории». «Нью-Йорк таймс» с некоторым раздражением припомнила — в 1947 году публицисту А. Кроку потребовалось всего два дня для раскрытия псевдонима «м-ра Х» — Дж. Кеннана. Через три дня еженедельник «Ю. С. Ньюз энд Уорлд Рипорт» продлил список кандидатур на псевдоним «Зет», включив в него самого Дж. Кеннана, который, многозначительно добавил журнал, «по слухам, согласен с «Зет». Наконец объявился автор статьи. Им оказался весьма известный советолог М. Малио, ныне подвизающийся в университете Беркли в Калифорнии. Он удовлетворенно сообщил, что «Советский Союз, который скромно ставит себя на один уровень с США в ООН, больше не является сверхдержавой». Принимая решение о применении силы против Ирака 12 января 1991 года (в сенате 52 против 47, в палате представителей 250 против 183 голосов), члены конгресса толковали о Сократе и Линкольне, о войне США против Мексики в 1848 году, о Пелопоннесской войне Афин и Спарты, цитировали Св. Августина и Ф. Аквинского, Дж. Мэдисона и У. Черчилля.

А когда начались военные действия, «Ю. С. Ньюз энд Уорлд Рипорт» (28.01.1991) отметил появление на поле боя новейших видов оружия, необычайно повысивших эффективность ударов с воздуха — крылатых ракет «Томагавк», бомб с лазерной наводкой и пр. «Исчезновение советской угрозы трансформировало этот кризис. Только при помощи СССР США сумели ввести в дело ООН. Только потому, что Западная Европа теперь в безопасности, США сумели вывести половину сил из Германии и добиться массирования их в зоне Персидского залива. И только потому, что теперь не нужно опасаться СССР, американцы дерзнули применить свои самые новейшие виды вооружений».

Можно привести немало суждений, высказанных в США о том, что Вашингтон ныне пожинает плоды политики, намеченной в директиве СНБ-68. Так без войны достигаются цели, для которых в иных условиях потребовался план «Барбаросса».

Вадим ПЕРВЫШИН,
доктор экономических наук

ОГРАБЛЕНИЕ РОССИИ

Только слепой может не видеть сейчас, как грабят и убивают русский народ, только глухой может не слышать, какой стон народа идет по всей Руси великой!

Предатели и изменники, захватившие власть с помощью якобы «демократических» выборов, на которые они любят часто ссылаться, нагло врут. Закон о выборах и сами выборы готовили деятели из ЦК КПСС, те самые, которые сейчас именуют себя «демократами». Выборы они готовили «для себя» — под себя готовили депутатские места. То есть выборы были никакие не демократические, а реакционные и антинародные в угоду правящей партократии. Выборы были направлены на укрепление власти тех, кто десятилетиями сидел в уютных кабинетах ЦК, крайкомов, обкомов, горкомов.

Люди русские! Проснитесь! Оглянитесь вокруг! Вы видите те же самые пустые, надменные лица. Те же бездельники продолжают вами управлять и разваливать страну!

Члены Политбюро ЦК КПСС стали «выборными» президентами тех самых республик, а ныне суверенных независимых государств, где они раньше княжили.

А Свердловский обком партии в полном составе переехал в столицу — в «Белый дом» на Краснопресненской набережной.

В Москве секретари райкомов партии стали именоваться на французский манер, префектами, но живут они по-старому, ни о чем не тужат, ни за что не отвечают. Что же можно ждать от этих партократов — нынешних «демократов», если они и раньше никогда не думали о простых людях, а сейчас тем более забыли.

Вчера эти партократы звали нас в светлое коммунистическое будущее, а сегодня, накинув на шею народу веревку, тащат в мафиозный коррумпированный капитализм.

Сначала эти перевертыши — кравчуки, назарбаевы, снегуры, шеварднадзе — клялись в любви и дружбе между всеми народами, населяющими нашу страну, а сегодня по их приказам азербайджанцы и армяне убивают друг друга, грузины — осетин, молдаване — русских. А наша «славная» армия во главе с горбачевскими маршалами и ельцинскими генералами хранит нейтралитет, ни во

что не вмешивается — нет приказа защищать мирных и безоружных людей от вооруженных и озверелых бандитов. Армия безучастно взирает, как убивают русских людей — женщин, стариков, детей.

Средства массовой информации — печать, радио, телевидение — такую армию хвалят. «Молодцы!» — говорят, в политику не вмешиваются. Ну а то, что бьют русских — это внутреннее дело «суверенных республик». Пусть, мол, сами между собой разбираются... Пусть русскоязычное население выкручивается само, как может. Пусть изучает литовский язык, латвийский, эстонский или молдавский, если хочет там оставаться и подметать улицы. А не хотят, пусть убираются вон — только в чем мама родила, а все добро, нажитое десятилетиями русскими дедами и отцами, пусть оставляют новым хозяевам.

Эти продажные средства массовой информации, которые так говорят о трагедии народа, не средства массовой информации, а средства сионистской дезинформации, средства одурачивания и оболванивания людей.

Они даже не называют русских людей русскими. Русских называют «русскоязычным населением». А делается все это для того, чтобы унизить, оскорбить, создать невыносимые условия жизни и ограбить 25—30 миллионов русских, оказавшихся волею судеб «за границей» нашей урезанной Родины, в бывших союзных республиках, названных уже «ближним зарубежьем».

Но ведь ограбление и истребление русских происходит и в России. Сначала было 3—5-кратное «павловское», «коммунистическое» повышение цен в апреле 1991 г., а затем — «демократическое» повышение. Их астрономический рост в 50—60 раз с 1 января 1992 г. на продовольственные и промышленные товары привел к тому, что все граждане нашей страны были ограблены до последней нитки.

Абсолютное обнищание народа привело к тому, что людям не хватает денег на еду. Старики и младенцы умирают от голода. Отчаявшиеся люди кончают жизнь самоубийством.

Нынешнее правительство начало настоящее истребление нашего народа. Впервые за всю тысячелетнюю историю России в мирные годы началась убыль населения страны.

Если в 1960 г. естественный прирост населения в Российской Федерации составлял около 2 млн. человек, то в 1991 г. он снизился до 112 тыс. человек, то есть в 17 раз (!!).

А в новом, 1992 г. благодаря якобы «заботе демократов о народе» уже нет никакого естественного, даже самого маленького прироста населения — началась неестественная абсолютная убыль населения.

В январе 1992 г. в России родилось 147 тыс. человек, а умерло 167 тыс. Убыль — 20 тыс. человек, это только за один месяц. В феврале, марте, апреле, мае этого года неестественная абсолютная убыль населения еще более возросла и достигла 50 тыс. человек!!

Идет планомерное, целенаправленное истребление русского народа, планируемое из-за границы и осуществляемое теперешними властями.

Нас всегда пугали «страшным 1937 годом», когда в застенках НКВД только за 2 года (1937—1938) погибло 43 тыс. командиров Красной Армии.

Однако посмотрим, какой из трех лет 1937-й, 1941-й или 1991 год был «самый страшный».

Те, кто читал «Военный дневник» генерал-полковника Франца Гальдера — начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии, помнят, что он приводил в своем дневнике еженедельные сводки о потерях немецких войск на Восточном фронте. С 22 июня 1941 г. по 30 июня 1942 г., то есть за один год войны, на фронте было убито 277 тыс. немецких солдат и офицеров, из них офицеров — 10 292 человека.

Мы знаем, что за два года мирной жизни в СССР (в 1937—1938 гг.) в застенках НКВД погибло 43 тыс. командиров Красной Армии, а за один год — 21,5 тыс. Следовательно, скорость истребления советских офицеров в мирное время была в два раза больше, чем гибель немецких офицеров в годы войны. Естественный прирост в 1937 г. по стране в целом составлял 3427 тыс. человек.

Теперь обратимся к 1991 г. По данным нашего Министерства обороны, в 1991 г. только в армии погибло 5500 человек и получили увечья и травмы 98 700 человек. Кроме этого, еще на гражданке погибло 673 тыс. человек в результате несчастных случаев.

Вот краткий перечень жертв геноцида в мирное время на гражданке: убито 32 тыс. человек, самоубийцы — 61 тыс. человек, пропали без вести — 100 тыс. человек (трупы не найдены), погибли в автомобильной катастрофе — 63 362 человека, а с учетом аварий на железнодорожном, речном, морском, авиационном транспорте в стране погибло 90 тыс. человек! Отравились — 40 тыс. человек, утонули — 40 тыс. человек, сгорели на пожаре 42 тыс., разбились с высоты 13 тыс., погибли на производстве — 15 тыс. и т. д. и т. д.

Итак, 637 тыс. человек убито на гражданке за год в мирное время! И 277 тыс. немцев на фронте за год войны! Это страшные цифры! Уму непостижимо! Чтобы на гражданке гибло в 2,5 раза больше, чем на фронте, где стреляют!

Составляя пропорции гибели русских людей в 1937-м и в 1991 гг. и немцев в 1941 г., получаем, что если в 1937 г. пропорция уничтожения русских была 2 : 1, то в 1991 г. стала 2,5 : 1. Какой же год страшнее: 1937-й, 1941-й или 1991 г.? Оказывается, более страшный год — 1991-й.

Если в 1941 г. было ранено почти 1 млн. немцев, то у нас в 1991 г. было ранено более 19 млн. человек, то есть более 19 млн. человек получили травмы и отравления — из них 603 тыс. человек стали инвалидами I и II группы, а еще 10 лет тому назад инвалидами становились 500 тыс. человек. Вот забота партократов и «демократов» о людях.

Нынешнее положение в народном хозяйстве страны более тяжелое, чем было в 1941—1942 гг. — которые являлись самыми трудными военными годами. Тогда объемы производства промышленности упали до 77%, а сегодня производство на заводах упало в 4 раза — до 25—30% по сравнению с 1985 г. — этим первым годом перестройки.

Производство промышленное и сельскохозяйственное продолжает падать. И конца этому не предвидится. Стоят наши гиганты — тракторные, автомобильные, металлургические, электротехнические заводы. Промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство искусственно разрушаются — здесь и безумный рост цен на

энергоносители, и безумные налоги на товаропроизводителей, и открытая поддержка спекулянтов.

Разве в каком-либо, как у нас любят говорить, «правовом цивилизованном государстве» может быть нечто подобное?

Конечно, нет. Такой **хаос и беспорядок искусственно созданы у нас в стране нашим правительством** в угоду воротилам международного империализма, которые и во сне не могли представить такого развала некогда бывшей великой державы.

А правительство говорит: «дело идет хорошо», все идет по плану... только не по созидательному, а по разрушительному плану МВФ (Международного валютного фонда).

Буханка хлеба уже стоит 12 руб. (а стоила 20 коп.), разгоняют колхозы и совхозы, скоро начнется полное вымирание русского народа, а мы все сидим и молчим и чего-то ждем. Неужели так и будем попрошайничать и ходить по миру с протянутой рукой за этой «гуманитарной помощью»?

Тем временем под шумок, под разговоры о суверенитете и независимости, о какой-то мифической помощи какими-то миллиардами долларов МВФ грабит Россию. Грабеж наших национальных богатств идет днем и ночью — круглосуточно, нагло, в открытую.

Если в 1942—1943 гг. грабежу немецких оккупантов мешали наши партизаны — пускали под откос поезда с награбленным добром, то сегодня дорога на Запад открыта всем шкурникам и мерзавцам. Вывозят все, что под руку попадает: от электролампочек, утюгов, телевизоров до леса, нефти, газа, золота, алмазов. Грабеж наших национальных богатств достиг гигантских размеров. Вот официальные данные государственной статистики о внешней торгоале СССР за 1985—1990 гг.

Экспорт из СССР важнейших товаров

	1986	1987	1988	1989	1990
1. Нефть сырая, млн. т	129	137	144	127	109
2. Нефтепродукты, синтетическое жидкое топливо, млн. т	56,8	59,2	61,0	57,4	50
3. Горючий газ, млрд. куб. м	79,2	84,4	88,0	101	109
4. Электроэнергия, млрд. кВт. ч	30,2	34,9	38,9	39,3	36
5. Каменный уголь (включая шихту) и антрацит, млн. т	33,5	35,5	39,4	37,5	35
6. Каменноугольный кокс, млн. т	2,6	2,2	2,3	2,3	1,6
7. Железная руда, млн. т	36,0	34,6	32,2	29,4	26
8. Марганцевая руда, тыс. т	1101	714	982	895	128
9. Чугун, млн. т	5,5	6,0	6,1	6,5	6,2
10. Ферросплавы, тыс. т	770	756	850	871	844
11. Прокат черных металлов, тыс. т	8868	8710	8517	9298	8426
12. Трубы, тыс. т	437	408	397	412	255
13. Фосфорные удобрения, тыс. т	955	686	680	808	845
14. Калийные удобрения, тыс. т	5127	5412	5790	5315	5480
15. Азотные удобрения, тыс. т	5857	5830	5705	6472	7160
16. Круглый лес, млн. куб. м.	18,1	19,3	20,5	18,8	21
17. Пиломатериалы, млн. куб. м.	8,1	7,9	8,2	7,8	7,1
18. Фанера клееная, тыс. куб. м.	445	485	416	418	365
19. Бумага, тыс. т	717	763	695	668	568
20. Картон, тыс. т	471	489	404	353	284

Продолжение

	1986	1987	1988	1989	1990
21. Пушнина и меховое сырье, млн. руб.	102	143	103	73,8	51
22. Хлопок-волокно, тыс. т	713	783	731	792	490
23. Зерно (кроме крупяного), тыс. т	1460	1775	1793	1287	1218
в том числе: пшеница	1181	1460	1355	1028	799
ячмень	42,3	38,8	40,4	32,6	63
кукуруза	212	251	365	200	322
24. Растительные масла продовольственные, тыс. т	141	118	140	139	116
25. Металлорежущие станки, тыс. шт.	9,1	8,9	9,0	9,0	10,1
26. Кузнечно-прессовое оборудование, млн. руб.	41,7	43,6	48,1	54,4	58,5
27. Энергетическое оборудование, млн. руб.	1260	1290	1394	1655	1563
28. Электротехническое оборудование, млн. руб.	185	214	234	203	269
29. Оборудование для пищевкусовой промышленности, млн. руб.	86,9	109	84,4	87,3	109
30. Оборудование для текстильной промышленности, млн. руб.	141	179	198	237	325
31. Оборудование для химической промышленности, млн. руб.	124	103	142	173	181
32. Тракторы, тыс. шт.	39,1	41,4	47,8	51,3	42
33. Сельскохозяйственные машины, млн. руб.	268	287	398	290	325
34. Грузовые автомобили, тыс. шт.	38,9	40,7	36,3	37,9	47,0
35. Автобусы, шт.	2919	2766	2904	2576	2338
36. Легковые автомобили, тыс. шт.	306	330	341	365	361
37. Швейные машины бытовые, тыс. шт.	130	109	135	82,5	94
38. Холодильные шкафы бытовые, тыс. шт.	1147	1263	1341	1130	1088
39. Часы бытовые, включая механизмы, млн. шт.	17,6	18,6	17,0	15,7	22
40. Фотоаппараты, тыс. шт.	922	905	832	797	1060
41. Телевизоры, тыс. шт.	1045	1101	1231	1090	1665
42. Радиоприемники, тыс. шт.	1236	1090	1113	838	1095

Чтобы было понятно читателям, что значит отправлять на Запад ежегодно 36 млн. т каменного угля, представим эти объемы в виде железнодорожных составов. Известно, что в один железнодорожный вагон можно нагрузить 60 т каменного угля. Один железнодорожный состав состоит из 50 грузовых вагонов — 3 тысячи т угля. Следовательно, для вывоза 36 млн. т угля потребуется 12 тысяч железнодорожных составов за год, или 33 состава за сутки. Для простоты и удобства рассуждений составим таблицу

«Ежегодный вывоз важнейших товаров из СССР железнодорожными составами»:

Каменный уголь	— 33 ж. д. состава в сутки
Кокс	— 2
Бурый уголь	— 4
Железная руда	— 25
Чугун	— 6
Лом черных металлов	— 2
Прокат черных металлов	— 8
Круглый лес	— 22
Пиломатериалы	— 9 ж. д. составов в сутки
Тракторы	— 2
Грузовые автомобили	— 2
Легковые автомобили	— 6 и т. д. и т. д.

Грабеж наших национальных богатств осуществляется днем и ночью, и единственным сдерживающим фактором, ограничивающим вывоз богатств, является не совесть нашего правительства, а пропускная способность железных дорог.

Что касается сырой нефти, то за 1985—1990 гг. — за эти 5 лет грабежа — было отправлено за рубеж «море» сырой нефти — 647 млн. т и «озеро» нефтепродуктов — 285 млн. т, а с учетом поставок бензина, дизельного топлива, смазочных масел было вывезено более тысячи млн. т нефтепродуктов. Чтобы наглядно представить объемы вывоза нефтепродуктов, вообразите себе реку нафти в виде автомобильной дороги от Москвы до Петербурга длиной 651 км, шириной 65 м (в 5 раз шире имеющейся дороги) и глубиной 3 м.

Европейцы запаслись нашей нефтью и газом впрок на десятки лет!! Что же касается японцев, то они быстренько развернули строительство гигантских подземных нефтехранилищ. Одно из них строится на острове Снкоку вблизи города Кикума в скальном грунте на глубине 60 м. Это семь тоннелей протяженностью до 450 м, шириной 20 м и высотой 80 м. Только в семи таких резервуарах будет храниться 1,5 млн. т сырой нефти, а из России вывезены тысячи миллионов тонн нефти!! Сотни подземных хранилищ находятся вблизи городов Кудзи, Катосима и других.

Не менее разорителен и страшен для нашей страны и вывоз стратегических товаров. Если в октябре 1941 г. Советский Союз, остро нуждавшийся в поставках алюминия, олова, свинца, никеля, меди, был согласен на любые, даже самые малые, объемы поставок по ленд-лизу, лишь бы быстрее вооружить армию, то в 1991 г. из СССР было вывезено 354 тыс. т меди — в 10 раз больше, чем СССР получил в 1942 г.

В 1991 г. из СССР было вывезено 1044 тыс. т алюминия — в 22 раза больше, чем СССР получил в 1942 г.

Было вывезено огромное количество стратегических товаров: 1383 тыс. т никеля, 36 тыс. т цинка, 84 тыс. т свинца, 11 тыс. бронзы, 2,0 тыс. т латуни, 5,0 тыс. т олова — это в 3—8 раз больше, чем вывозили в 1985 г.

Оголен весь наш внутренний рынок. Стоят электротехнические заводы из-за отсутствия меди и алюминия, стоят станкостроительные заводы из-за отсутствия электродвигателей, стоит Харьковский тракторный завод, Горьковский автомобильный из-за отсутствия

шин, а нашему правительству хоть бы что, оно думает, как бы что приватизировать, вернее — прихватизировать, четко исполняет волю Международного валютного фонда.

В экспорте наших товаров за рубеж все преступно, начиная от номенклатуры товаров и их объемов и кончая ценой продажи. Что это за внешняя торговля такая, которая торгует себе в убыток — продает товары на внешнем рынке по ценам ниже себестоимости?

Вот данные за 1990 г. Например, средняя себестоимость трактора в СССР составляла 7631 руб., а средняя стоимость нашего трактора за рубежом составляла 6690 руб., то есть на каждом тракторе убыток был в 941 руб., а продали за рубеж 41 600 тракторов, то есть убытки составили около 40 млн. руб.

Аналогичная картина с легковыми автомобилями: средняя себестоимость в СССР — 2848 руб., а цена за рубежом — 2227 руб., на внутреннем же рынке — 25 тыс. руб., и продали таких автомобилей — 361 тыс. штук. Убытки составили 225 млн. руб.

Ниже себестоимости продаем телевизоры, холодильники, электропылесосы, электроутюги, фотоаппараты, часы, фосфорные, калийные и азотные удобрения, бумагу, картон. Разве это не преступная внешнеэкономическая деятельность? Это что? Глупость? Измена? Разве мыслимо продавать литр водки за границу за 1 руб. 31 коп.? Бутылку марочного вина — за 1 руб. 90 коп., а литр виноградного вина — за 1 руб. 19 коп.?..

Разве это не предатели и не преступники сидят в правительстве? Как назвать тех, кто продавал:

Часы — 22 млн. шт. по цене 4,4 руб.	себестоимостью	9,8 руб.
Фотоаппараты — 1 млн. шт. по 30 руб.	«	53 руб.
Холодильники — 1 млн. шт. по 103 руб.	«	141 руб.
Радиоприемники — 1,1 млн. шт. по 27 руб.	«	73 руб. *

(В наши дни эта статистика выглядит еще абсурднее.)

Жульнические операции по обогащению чиновников-стяжателей из Министерства финансов СССР и Госбанка СССР и одновременному грабежу национальных богатств нашей Родины придумал знаменитый гэкачепист Павлов, о котором его сторонники, оставшиеся на воле, говорят как о «радетеле народа» и который хотел навести «порядок» 19—21 августа 1991 г., да не успел и так напился к концу дня 19-го, что «не просыхал» до помещения в тюремную камеру и был в нее внесен своими же отважными и преданными охранниками, переметнувшимися тут же служить «новым властям». Именно этот Павлов, будучи министром финансов, начиная с 1985 г., нагло врал о выполнении планов Государственного бюджета СССР за 1985—1990 гг., утверждая, что доходы превышают расходы, когда на самом деле дефицит Госбюджета в 1990 г. превысил 100 млрд. руб.

Именно по распоряжению Павлова в 1990 г. было продано за рубеж 450 т золота по баснословно низкой цене — менее 7 руб. за 1 г золота. Это с его помощью был ликвидирован золотой запас страны. Если в 1985 г. в подвалах Госбанка СССР хранилось 2500 т золота, то к концу 1990 г. осталось менее 250 т!

Это тот самый Павлов, который, став премьер-министром, посмеиваясь, объявил 22 марта 1991 г.: «Если американцы тратят на свои

* Цифры вычислены автором нв основанни даииых из справочников Госкомстата СССР: «Внешние экономические связи СССР в 1990 году» и «Средние оптовые цены и рснтабельиость важнейших видов промышленной продукцни за 1990 год», т. 1—6.

военные расходы ежегодно 300 млрд. долларов, то мы для поддержания равновесия тратим не меньше!» Хотя он всегда клялся и божился, что расходы на оборону у нас всегда составляли 20 млрд. рублей.

Именно этот Павлов установил три курса рубля по отношению к доллару: официальный, коммерческий и туристский. Можно ли представить себе, чтобы в какой-либо стране существовало одновременно три курса иностранных валют? Но в одно и то же время 100 долларов США в одном и том же отделении Внешэкономбанка СССР стоили 59 руб., 118 и 3200 руб. Это ли не разгул спекуляции и финансовых махинаций в государственном масштабе?

Павлов создал казнокрадам и проходимцам всех мастей самые благоприятные возможности для жульнических операций, не выходя даже из банка.

Именно этот Павлов умышленно, искусственно занизил курс рубля по отношению к доллару, а его последователи довели этот абсурдный курс уже до 150—200 руб. за 1 долл.

Однако на этот счет Управление зарубежной статистики бывшего ЦСУ СССР располагает совершенно другими данными. Сопоставляя уровни промышленного производства в СССР и США, а также стоимостные показатели различной продукции, выяснили, что «советский рубль был сильнее американского доллара» вплоть до конца 1990 г. как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и на транспорте, и соотношения рубля к доллару следовало бы оценить не как 1 долл.=150—200 руб., а наоборот: 1 руб.=1,5—6,0 долл. Точнее, по нефти: 1 руб.=6 долл., по бензину: 1 руб.=3,7 долл., по газу: 1 руб.=4,73 долл., по углю коксующемуся: 1 руб.=1,5 долл. и т. д.

Россия — богатейшая страна! Мы радоваться должны, что живем в такой стране, а нас сравнивают и ставят на одну доску с Японией, у которой ничего нет.

МВФ нам говорит: «Вы должны платить за нефть так же, как японцы!» Зачем нам это делать, когда нефти у нас изобилие, а у японцев ее нет. Пусть японцы и европейцы подстраиваются под нас (если у них ничего нет), и пусть они нам платят за нефть, газ, бензин, смазочные масла так, как нам это надо.

Абсурдность сегодняшних официальных валютных курсов рубля и доллара, вернее, их злонамеренность, придуманная подкупленными чиновниками из Минфина и Госбанка, послушно исполняющим волю воротил Международного валютного фонда, видна даже по тому, что́ и сколько сто́ит у нас и у них. Обратимся к цифрам по состоянию на 1 января 1991 г.

Стоимость	СССР	США
Проезд в метро	5 коп.	50 центов
1 кг. хлеба	14 «	2 долл.
Железнодорожный билет Москва — Ленинград	13 руб.	100 долл.
10 литров бензина	3 «	3 долл.
1 кВт час электроэнергии	2 коп.	50 центов
Квартплата за однокомнатную квартиру 20 м² в месяц	10 руб.	500 долл.

Даже по этим примерам видно, что советский рубль вовсе не «деревянный», он обеспечен огромным количеством товаров и ма-

териальных ценностей в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве. Соватский рубль был «сильнее», дороже американского доллара, а **наше продажное правительство искусственно, умышленно, спекулятивно занизило покупательную способность рубля и нанесло колоссальный ущерб стране.** СССР — единственное государство в мире, где официальные власти делали все, чтобы понизить курс своей валюты!

Что это? Глупость? Измена?

И после этого правительство обижается, когда его называют продавшимся и предательским. А как его называть?

Схема становления советского миллионера, придуманная Павловым для обогащения партийной и советской номенклатуры, очень проста. Нужен первоначальный капитал — желательно в долларах. Рассмотрим один из возможных вариантов обогащения, ничего не производя, а только занимаясь куплей и продажей. Положим, что мистер Гопкинс из США подарил советскому гражданину Рабиновичу (из Минфина или Госбанка) 200 долларов за некие услуги по развалу народного хозяйства страны.

Рабинович немедленно идет на валютную биржу, находящуюся в центре Москвы, и обменивает эти американские доллары на советские рубли, например, по курсу 150 руб. за один долл. — и получает 30 тыс. руб. На эти деньги он покупает 5 (60-тонных) цистерн сырой нефти (за 1 т сырой нефти он заплатит в Зап. Сибири 98 руб.) и гонит их на Запад, где продает по цене 100 долл. за одну тонну нефти и получает 30 тыс. долл. И вновь Рабинович мчится на валютную биржу, находящуюся в центре Москвы, и обменивает 30 тыс. долл. на 4,5 млн. руб., на которые он уже покупает не 5 цистерн сырой нефти (по 60 т каждая), а 765 цистерн или 15 железнодорожных составов — по 50 цистерн в каждом составе. На сей раз Рабинович продает на Западе сырую нефть уже не по 100 долл. за тонну, а за 95 долл. — чтобы быстрее продать (сбыть краденое), и получает 4,3 млн. долл.

3 миллиона долларов Рабинович оставляет в западных банках, а с одним миллионом долларов он возвращается в Москву и вновь бежит на валютную биржу, вновь дает взятки и подкупает всех чиновников, начиная от банка и кончая таможенниками на границе, то есть всех стоящих на пути следования товара из нашей страны на Запад. И грабит, и грабит, и грабит.

Другой Абрамович скупает за рубли древесину, третий Мейер Залманович Гольдман скупает металл, четвертый — пушнину, и конца края нет этим Рабиновичам, Абрамовичам, Гольдманам, скупающим по дешевке и продающим наше сырье за границей по бросовым ценам — значительно ниже мировых, затем они обменивают доллары на рубли и получают за бесценок вновь наше сырье, и грабят, и грабят, и грабят.

Поэтому в стране нет ни сырья, ни товаров, а вся валюта — сотни миллиардов долларов — осела в западных банках на счетах отечественных казнокрадов и предприимчивых дельцов типа Абрамовичей.

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ! ЛЮДИ РУССКИЕ!

Эти страшные цифры истребления и грабежа нашего народа показывают антинародную, реакционную сущность нынешнего правительства, послушно исполняющего волю воротил Международного валютного фонда!

Русские патриоты! Опомнитесь! Встаньте с колен! Разогните сгорб-

ленные спины! Родина в опасности! Пора прекратить издевательские эксперименты над народом! Нельзя допустить повышения цен в дальнейшем ни на одну копейку! Народ должен понять, что так называемые демократы, в том числе и президент, его обманули. Они вовсе не демократы, а обыкновенные партократы. Народ должен потребовать их отзыва и предать суду.

Валерий ХАТЮШИН

ПОРА ГОВОРИТЬ ПРЯМО

Наверное, многим известны слова Виктора Астафьева, сказанные им по антирусскому телевидению в отношении тех, на кого обрушивал свои дубинки преступный ОМОН в кровавое февральское воскресенье 1992 года: «Мало вас били 23 февраля...»

С одной стороны, совершенно непонятно: чем это так понравилась изолгавшаяся демократическая власть известному писателю? Ведь в любые времена считалось просто неприличным для уважающих себя деятелей культуры так лизоблюдствовать перед властью... (Или, может, сидя в своей деревне под Красноярском, писатель, как и многие простые люди с периферии, не способен понять и оценить того, что происходит в Москве и в России в целом?..) Но вот с другой стороны...

С другой стороны, дорогие соотечественники, может быть, и впрямь нас еще слишком мало били, если мы все продолжаем из года в год, несмотря ни на что, оставаться столь безразличными, столь непростительно апатичными по отношению к судьбе своего государства?! Может быть, и вправду нам недостаточно того, что чуть ли не каждый день демократические власти поднимают цены на хлеб, масло, молоко, на проезд в транспорте, если мы как ни в чем не бывало гуляем, улыбаясь, по городу, покупаем у спекулянтов вино, пиво, пепси-колу, жвачку, ходим в кино на американские боевики? Может быть, нас и вправду слишком мало били, если после бомбардировки приднестровских сел и городов румыно-молдавскими фашистами мы как ни в чем не бывало ковыряемся на своих дачах, рассказываем друг другу дешевые анекдоты, ходим в театры и на эстрадные концерты, где от души гогочем над плоскими хохмами еврейских пародистов, издевающихся над нами же? Наверное, нас действительно слишком мало били, если большинству населения абсолютно наплевать на то, что выбранные им мэры-миллионеры продают иностранным миллиардерам целые жилые кварталы наших городов вместе с домами и жильцами — с последующим их выселением из этих домов... Можно перечислять очень долго жуткие факты, подтверждающие то, что нас еще слишком мало били.

Да, как это ни прискорбно, население наше продолжает оставаться населением, а не народом и, бессмысленно уставясь в телевизор, — ничего не понимать. Конечно, число патриотически мыслящих людей постепенно становится выше. Но слишком уж постепенно и чаще всего с какой-то застенчиво-трусливой оглядкой: как бы этого не заметили, не узнали на работе, в семье, среди соседей по даче, не говоря уже о прямом участии в патриотических митингах и собраниях. К тому же многие потеряли веру в демократию лишь на животном уровне, то есть не через сознание, а через собственный желудок: стали хуже питаться. А верни им сейчас демократы отнятый кусок сала — побегут они за гайдарошвондерами хоть в преисподнюю...

То и дело читаем, как патриотическая пресса называет демократическую власть предательской. Но в том-то и суть, что она вовсе не предательская. Власть эта не что иное, как агентура западных монополий, выполняющая здесь весьма четкое задание. И выполняет его жестоко, нагло, цинично, откровенно и... очень успешно. Изменники — это бывшие партийно-кагэбэшные чиновники, пошедшие на службу агентурно-демократической власти. Им — ничтожным и безродным — все равно кому служить, лишь бы хорошо платили (ведь они и впрямь по природе и сознанию интернационалисты, не имеющие Родины). Но и они не делают погоды в моральном оправдании развала и разграбления государства. Любое предательство в глобальном, государственном масштабе всегда происходит только и исключительно с молчаливого согласия и, следовательно, поощрения всего народа данной страны. С одной лишь оговоркой: не народа, а населения, так как народ всегда мыслит патриотически и никогда ничего подобного не допустит. Правильно говорят: люди любой страны достойны той власти, которую себе выбирают.

Действительно, о недовольстве совершенно абсурдными, дикими ценами приходится слышать со всех сторон. От жалоб на беспредельную, чуть ли не поощряемую властью преступность уже становится дурно (вспомним, как в начале лета дикторша Центрального телевидения Татьяна Марковна Комарова на всю страну бодрым голосом и с ясной улыбкой объявила: «Наступило время летних отпусков, очень удобное для квартирных краж!..»). От фактов изуверских уголовных преступлений приобрела кроваво-красный оттенок вся демпресса. От фотографий изувеченных детей Приднестровья и Осетии стынет в жилах кровь. Демократическая власть бьет, убивает и калечит патриотов, лишь бы не допустить русских на телевидение... Но отчего, отчего же тогда 12 июня на митинг в Останкино, объявленный заранее на всю десятимиллионную Москву, пришло не более двадцати тысяч, а 22 июня — у Рижского вокзала собралось лишь около десяти тысяч человек? Где была бы сейчас эта мерзкая власть, приди сюда хотя бы два миллиона москвичей? Весь российский ОМОН спрятался бы в подвалы при виде этих масс...

Но массы стояли в очереди в «Макдональдс», пили просроченное пиво по 30 руб. за бутылку, смотрели русофобский телевизор, ковырялись на своих шести сотках и мечтали выжить... Каждый думал: «Меня это не коснется, я как-нибудь проскочу, переживу, спекульну, а до остальных мне дела нет». Вот оно, подлинное предательство. Вот оно, истинное лицо нашего населения (во все времена в подобных исторических ситуациях в первую очередь вымирали от голода и болезней именно те, кто придерживался такой вот трусливо-эгоистической позиции).

Власть же все это видит и делает выводы. Она, наблюдая поголовное безразличие, массовую пассивность и трусость населения,

наглеет еще больше. Она понимает, что с **таким** населением можно делать все, что угодно.

Наша православная церковь, прежде всего в лица ее главы, также запятнала себя предательским потворством античеловечным действиям преступной российской власти. Достаточно вспомнить, как подобострастно улыбался Патриарх всея Руси Алаксий, когда Ельцин перед отчетной поездкой в Америку посетил для благословения Сергиев Посад и с балкона резиденции патриарха крикнул собравшейся толпе: «С поста президанта меня может убрать только Бог!» Толпа же в ответ зааплодировала (и телевидение, то ли от наглости, то ли по глупости демократов, нам все это продемонстрировало).

Впрочем, церковь не в первый раз ведет себя подобным образом. В 1917 году она тоже трусливо промолчала, когда к власти пришли враги России и православия. Многие могут возразить: не дело церкви вмешиваться в политику и в светскую жизнь. Согласиться с этим возможно только в одном случае: когда народ живет мирно и достойно. Когда же встает вопрос о его повсеместной гибели, физических страданиях, о его преднамеренном уничтожении, тогда именно церковь **обязана первой** сказать свое слово в защиту страны и народа и призвать аго к борьбе с мучителями, как это сделал шестьсот лет назад Сергий Радонажский.

Но после прихода сатанинской власти в 1917 году русская православная церковь не только трусливо промолчала, но даже и залебезила перед ней, прячась за «спасительные» слова: «всякая власть — от Бога». Русский философ Василий Розанов по этому поводу писал: «Теперь все... иереи, под-иереи и сверх-иереи подскочили под социалиста, под жида и не под жида; и стали вопить, глаголить и сочинять, что «церковь Христова и всегда была в сущности социалистической», и что особенно уже никогда не была монархической, а вот только Петр Великий «принудил нас лгать». Ныне же все иереи заговорили о том, что их «принудили лгать» коммунисты. И думается, недалеко то время, когда они скажут о «принуждении ко лжи» демократами... Не объясняются ли заложенные в душе русского человека покорность и пассивное смирение перед власть предержащими еще большей покорностью и проповедуемым смирением со стороны нашей церкви? Не отсюда ли надо начинать откапывать причины русского молчания и терпения? Хотя нельзя не согласиться и с тем, что атеистическое воспитание семи десятилетий сыграло, как это ни парадоксально, еще большую роль в подавлении личности основной массы «советских» людей.

О современной армии даже и говорить не хочется. Советская Армия не только предала Россию, бросив на произвол судьбы гибнущее в региональных бойнях мирное население, но оказалась настолько недееспособной, нерешительной и деморализованной, что не способна даже защитить сама себя. А ведь сколько было угроблено средств на обучение офицеров в военных училищах и на многолетнее военно-патриотическое воспитание молодежи! Все — впустую. Бандиты из «суверенных республик» бессчетно убивают военнослужащих, день за днем грабят оружейные склады, но армия все продолжает делать предупреждения... «Нейтралитет» же 14-й армии на фоне бомбардировок Приднестровья не может иметь не только нравственного объяснения и прощения, но даже чисто словесного определения, настолько этот «нейтралитет» мерзок и бесстыден. Трусость и продажность — вот нынешнее лицо

армии. Слишком стыдно в это время быть офицером, получая приличную зарплату (за что?!) и отсиживаясь в тепле, когда льется кровь тысяч наших сограждан.

В будущем мы должны создать новую армию с новыми командными кадрами (сменив демократизированный, зажравшийся и забывший свое предназначение генералитет), моральный дух которой будет расти из новых государственно-патриотических идей, а если быть более точным — из новой русской идеи. Но для этого русские люди обязаны сбросить с себя оцепенение и пассивность. Цель этой статьи — встряхнуть их и заставить задуматься.

В печати и в разговорах нередко можно встретить мнение, будто бывший генсек Горбачев предал партию, которую возглавлял. Не оспаривая этого, бесспорно, верного мнения, все же необходимо сказать, что оно — лишь часть правды. Вся же правда — гораздо прискорбнеа. И не для Горбачева, а для самой партии, трагедия которой заключается в том, что она предала себя **сама**. Все подлейшие дела ае генсека — только следствие этого предательства.

Некогда кичившаяся своей монолитностью, а на деле трусливая, беспринципная, ко всему равнодушная почти двадцатимиллионная бывшая КПСС, испугавшись указа Ельцина о ее запрете, начала судорожно прятать и сжигать собственные партбилеты, суетливо освобождать парткомитеты всех уровней и, затаившись, выжидать своей участи. Эта партия предала все: народ, страну, ее историю и саму себя, до самого своего конца терпя в руководстве откровенного мерзавца, расконспирировавшегося провокатора. Двадцать миллионов человек — это не просто политическая партия, это население крупного европейского государства. И если это население в страхе разбежалось, когда на него рявкнул **один** не совсем трезвый хулиган, то с подобным населением — все ясно, оно не стоит даже такого пастуха, как бывший гансек, оно просто не заслуживает ничего другого, кроме «предательства» своего президента и всеобщего презрения.

Коммунистическая партия России (РСДРП, РКП(б), ВКП(б), КПСС), пролив реки крови, а затем предаа все и вся, в своем первоначальном, «истинном» виде действительно больше не имеет права на существование и возрождение. И не только потому, что преступлениям ее нет числа, но еще и по той причине, что коммунизм — это фикция, блеф, а коммунистическая идеология — величайшая ложь всех времен и народов. Не эта ли партия реабилитировала и еосстановила в своих рядах страшнейших палачей русского народа: Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и многих других, расстрелянных по заслугам при Сталине? Называть себя большевиками (или необольшевиками) могут только люди закостенело невежественные или очень хитрые и безмерно коварные. Большевизм изначально праступен, бесчеловечен. И не надо тут вспоминать о героических подвигах коммунистов и грандиозных свершениях СССР. Эти подвиги и свершения принадлежат вепикому, терпеливому и несчастному **народу**, а вовсе не партии. Давайте посмотрим правде в глаза. Партия эта основательно наложила в штаны, как только ее генсек обнаружил свое подлинное лицо — физиономию Иуды...

Маркс, Троцкий, Гитлер, Пол Пот были очень похожи в своей партийной идеологии, а трое последних — и в практическом ее

осуществлении. Но, наверное, вряд ли преувеличу, если отмечу, что никто из них не сравнится по пустой демагогии с Горбачевым. Этот кровавый краснобай мог с сатанинским хладнокровием говорить часами и не сказать ничего настоящего, живого, конкретного, на чем можно было бы строить реальную жизнь. Все его речи — это пример классической бессмысленной паранойи (вспомним его зацикленность на «общеевропейском доме», «общечеловеческих ценностях», «цивилизованном обществе», «новом мышлении» и т. д.). Слушая его, люди начинали тупеть (а в первые годы «горбачевщины» его слушали практически все в России), и к концу «перестройки» наше население оказалось как бы подготовленным, то есть отупело настолько, чтобы проголосовать за Ельцина, зацикленного на «суверенитетах», так как любое скрипучее, резкое ельцинское слово на мгновение выводило людей из всеобщего оцепенения и казалось по-настоящему реальным и правдивым. Но многие и по сей день пребывают в загипнотизированном состоянии, ничего не видя вокруг себя и не понимая того, что происходит со страной. Горбачев — самый коварный преступник, когда-либо дорывавшийся до власти. Ему место не в тюрьме и не на эшафоте, а в сумасшедшем доме закрытого типа, так как его паранойя неизлечима и представляет опасность для всего человечества. Ведь он уже пообещал нам, что вернется к власти в России... Вот только в качестве кого и каким путем?..

Коммунистической партии нельзя простить ни Троцкого, ни Свердлова, ни Берию, ни Хрущева, ни Брежнева, ни Горбачева. За каждым — шлейф преступлений. (О Сталине — разговор особый. Он в отличие от всех названных возродил великое Российское государство, уничтожил многих палачей русского народа и в конце жизни, занимая пост Председателя Совета Министров, упразднил должность генсека.) И потому такая партия действительно не имеет права на существование, публично и осознанно не отмежевавшись от своих преступных «основателей» и лживых идей.

Только самые большие авантюристы мира могли додуматься до того, что людям нужен рай на земле — коммунизм ли, общество ли всеобщего благоденствия или еще какая-нибудь нелепица о «светлом будущем». Понятно, что далекие от физического труда русские интеллектуалы под тлетворным влиянием западной философской мысли размечтались о том времени, когда ничего не нужно будет делать и все им дастся само собой, только лишь по одному их желанию. Но отчего вдруг нормальные труженики, простые работолюбивые люди поверили в этакий блеф? Ведь каждому нормальному человеку в принципе должно быть ясно, что такого общества, такой жизни для всех быть не может. Об этом писали даже коммунистические фантасты-утописты: «коммунистический рай» Томаса Мора обеспечен исключительно обязательным трудом рабов... Или, может, русские в будущем «коммунизме» и должны были стать такими рабами?

История человечества доказывает: люди обречены в поте лица своего добывать себе пропитание (даже и в роботизированном обществе). Так устроен наш мир, потому что так предначертано Природой. Хотя, конечно, можно сказать, что в «процветающих» странах западной «цивилизации» коммунизм уже наступил. Но даже и там он зиждется единственно на ограблении России и стран «третьего мира», то есть опять же чуть ли не на рабском труде и бесправном существовании нашего населения. И не за тем ли

именно нам подбросили идею коммунизма, чтобы мы, увлеченные ею, не переставали задаром трудиться и верить?..

Нет, не может быть на земле никакого машинного рая, освобождающего человека от повседневной работы (машины, как показала жизнь, только прибавили людям забот и опасностей). Труд и только труд — залог существования разумной человеческой жизни на Земле, залог народного счастья и благоденствия. Давно пора отказаться от навязанной нам иноземными революционерами-марксистами идеологической фикции о «светлом бесклассовом будущем» под названием «коммунизм», когда можно будет ничего не делать и все иметь. Это мечта кретинов, политических проходимцев и всякого рода паразитов. (Бесклассовость на языке «профессиональных революционеров» означала в прямом смысле физическое отсутствие всех классов, так как рабы, обязанные обеспечить для них «коммунистический рай», за людей бы уже не принимались, а лишь служили бы в роли двуногих рабочих скотов. Подлинную же бесклассовость совсем не обязательно связывать с понятием коммунизма.)

Нет на свете идеальных систем существования человеческой жизни. Да и не в них вовсе дело. При любой системе только каждодневный упорный труд всех членов общества принесет людям радостное, полноценное и достойное существование. И социализм скорее всего благороднее, честнее, человечнее и перспективнее капитализма, но с одним лишь условием — если он в качестве самых приоритетных выдвигает национальные ценности (основных народов, населяющих государство), то есть является по коренной сути своей национальным социализмом. В виде наглядного примера для нас должна быть экономика современного Китая.

И второе: какая-либо партия (то есть группа людей, объединенных некой политической идеей) вообще не должна иметь нравственного права управлять государством. От принципа партийности в достижении власти над народом в будущем наверняка придется отказаться. Этот принцип себя не оправдал нигде. Даже и в Китае коммунистическая идеология уже уступила место национально-государственным интересам. Что же касается КПСС, то ее руководство везде и во всем пренебрегало чаяниями русских, охраняя через демагогию о пролетарском интернационализме клановые, иждивенческие привилегии партийной буржуазии.

Но двадцать миллионов ее бывших членов в ней не виноваты, они — советские трудяги — достойны разве что жалости: кроме взысканий и инфарктов, большинство из них не получило от партии ничего. Партийных же главарей (самую верхушку), тех, что живы, надо судить за их конкретные дела. А рядовые члены партии, искренне заблуждавшиеся, должны открыто и прямо раскаяться в своем заблуждении.

И наконец, самое главное: если патриоты России желают понимания и всенародной поддержки, то им ничего не остается, как решительно и честно сказать современным защитникам «ленинских идей» о том, что им с необольшевиками — не по пути, так как краснознаменные «ленинцы» в конце концов всегда предадут. Партия эта, все еще не осознавшая глубины своего нравственного падения, заражена вирусом предательства. В своих генах она несет порок «горбачевщины». Об этом надо помнить и Виктору Анпилову.

Члены Верховного Совета России от «оппозиции» — не многим

лучше. Похоже, они просто-напросто боятся народного взрыва, стихийных выступлений, судя по их отношению к активным действиям «Трудовой Москвы» во главе с Виктором Ампиловым по пикетированию «империи лжи» — сионотелевидения. Так, после народных волнений в Москве 22 июня 1992 года, жесточайше подавленных диктаторской демократической властью, эта «оппозиция» на своей пресс-конференции объявила В. Ампилова «вождем толпы», а пикет у телестудии в Останкино — глупой затеей. «Ну что, господа экстремисты, — обратился один из депутатов-«оппозиционеров» к представителям «Трудовой Москвы», — ну, прорвали вы милицейский кордон, а дальше что? Нет, это путь к гражданской войне. Мы должны добиваться власти конституционным путем...»

Просто диву даешься! Неужели наши «оппозиционеры» столь наивны, что до сих пор не поймут: «конституционным путем» прийти к власти им никто не позволит! Ведь это для них Ельцин прямо сказал: «С поста президента меня может убрать только Бог!» И разве не сами они в своих выступлениях на митингах называют правящий режим «оккупационным» и «бандитским»? А какие же оккупанты, какая же банда соблюдают законы? Тем не менее они этот самый «оккупационный режим» за два месяца предупреждают о «предупредительной забастовке»! Как говорится, напугали ежа... Можно себе представить, как смачно причмокивал и трясся от смеха Егор Гайдар, узнав об этом предупреждении...

Но с другой стороны: если по отношению к банде и оккупантам они собираются действовать «в рамках конституции», то не поощряют ли сами, вольно или невольно, нынешний государственный разбой, не выражают ли, таким образом, моральной поддержки этому разбою и разграблению страны? Виктор Ампилов — единственный, кто реально, практически что-то делает, кто сумел вывести людей на улицы и за кем люди пошли, в отличие от всех наших парламентских словоблудов. Чего же вы так испугались, господа «оппозиционеры»? Не за свои ли депутатские кресла и оклады? Ведь когда демократы начнут террор в отношении патриотов (а они, продолжатели дела Троцкого и Свердлова, рано или поздно террор начнут), то не поздоровится и вам. Вы это хорошо понимаете. Вот и переполошилось ваше «оппозиционное» «Единение» с бывшими демопатриотами, желая оттянуть депутатский погром. Вот и бросились вы наперегонки оправдываться на пресс-конференциях: «Мы пойдем конституционным путем», «Ампилов — экстремист», «Долой большевистские лозунги!» и т. д. Да не большевистских лозунгов вы боитесь, а утери имиджа «парламентской оппозиции» в случае настоящей, открытой, бескомпромиссной всенародной борьбы с бесчеловечной сатанинской властью международных преступников. Борьбы, которую вы будете не в состоянии возглавить. Борьба эта неизбежна. И лидер придет не из ваших «конституционных» рядов.

Вот только до настоящей всенародной борьбы пока слишком далеко: не сформировался еще русский народ, как именно народ, после многолетней поголовной дебилизации населения. Плоды этой самой дебилизации налицо: несмотря ни на какие предупреждения патриотической печати последних лет, население России вновь купилось на лживые посулы подлых и враждебных нам демократов и выбрало себе в президенты Ельцина. Да и саму патриотическую печать оно в массе своей до сих пор не жалует вниманием. Что читают в Московском метро? В основном «Известия», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Коммерсантъ», «Куранты» и т. п., то есть — антирусскую, сионизированную прессу... Читают — и не сознают ее таковой.

Процесс дебилизации был пущен давно, через него прошло несколько поколений. Из русских его не избежал практически никто — от младых ногтей до преклонных лет, начиная с вреднейших детских прививок, отрицательно влияющих на мозг, продолжая иссушающим душу неорганичным, скучнейшим образованием, навязыванием спортомании как именно «боления», алкоголизацией и кончая разрушающим мыслительные способности, дебилизирующим телевидением, держащим всех как бы на привязи. Через телевидание можно всячески манипулировать сознанием населения, ставшего, как это ни трагично, до такой степени неспособным самостоятельно мыслить, что по сей день (!!!) верит каждому сказанному «по ящику» слову!

И все же имеется немало людей, которые инстинктом, сердцем, с помощью своей сильной и здоровой природы прорвались сквозь сети всеобщей дебилизации. Вот они-то и понимают все то, что сейчас происходит в стране, вот они-то и болеют сильнее всех за Родину, вот они-то и ходят на все патриотические митинги, они-то и есть истинные патриоты, настоящий русский народ. Это им и их детям принадлежит будущее России. Это они, рискуя здоровьем и своей жизнью, ведут неравную, но освященную истиной борьбу с демократическими холуями и подонками, спрятавшимися за бронежилетные спины дебилизированных омоновцев.

Сейчас совершенно ясно, что несколько лет назад партократы, готовясь к перекраске в демократов и к обретению статуса «другой» власти, сформировали ОМОН не для борьбы с преступным миром (они всегда были в союзе с мафией), а исключительно для пресечения стихийных народных выступлений. И мы отчетливо видим: ОМОН проявил себя как преступная организация. Это, так сказать, специальная армия, воюющая со своим народом, и нет никаких сомнений в том, что ОМОН должен быть распущен.

Вспомним: кто первым встал на защиту рижского и вильнюсского ОМОНа, когда их начали отлавливать в Прибалтике и в России? Кто требовал от российской прокуратуры освобождения Сергея Парфенова? Кто в течение целого года каждое воскресенье приходил на пикет к латвийскому представительству в Москве с плакатами, осуждающими арест «особистов» рижского ОМОНа? Это были русские патриоты. Именно те, кого затем безжалостно избивал (а по свидетельствам очевидцев — и убивал) московский ОМОН... Но даже и после этого возле Музея Ленина в Москве продолжают собирать деньги в помощь бывшему вильнюсскому ОМОНу...

Но вернемся к тому, с чего мы начали: к причине молчаливого безразличия ко всему происходящему русских людей. Это безмолвствие, помимо всего сказанного, все же имеет под собой глубокое оправдание. И пусть даже такое оправдание не в силах замолить все наши грехи перед Родиной, тем не менее оно несет хоть и очень горький, но значительный смысл. И заключается этот смысл в том, что русское население, а теперь уже лучше сказать русский народ остался в современном мире в полном одиночестве. Его предали, продали и бросили на погибель все: и бывшие враги, и бывшие «друзья». Весь «цивилизованный» мир, даже и не сговариваясь, теперь объединился против России, против русских. Во-

когда мы зримо убеждаемся в истинности слов Александра III, сказанных старшему сыну: «Помни, у России друзей нет».

Да-да, наши бывшие «друзья» готовы первыми вцепиться нам в горло и разодрать на части. Вся прозападная «цивилизация», правящая миром, с каким-то нетерпеливо-ехидным вожделением наблюдает за истекающим кровью, извивающимся в конвульсиях гибнущим Советским государством, спасшим эту самую подлую «цивилизацию» от порабощения германским фашизмом. Все силы зла сконцентрировали свою энергию на подавление воли к сопротивлению русского народа, так как только этот народ способен по природе своей и по высшему призванию противостоять мировому злу и победить его. Западная «цивилизация» — это и есть подлинная Империя Зла, во все времена предававшая, ненавидевшая, грабившая и гробившая Россию.

Мы, русские, одиноки на Земле. Мы так долго, веками, искали себе друзей, союзников, братьев по духу и по вере, отдавали ради этого последнюю рубаху, миллионы своих жизней жертвовали на защиту названых «братьев», вступали на их стороне в бессмысленные для нас войны в надежде на истинную дружбу и верность, но всегда, в конечном счете, получали насмешку, неблагодарность, а нередко и нож в спину.

Нас слишком много били! Ничто в истории не проходит даром: ни Ленский расстрел, ни 9 января 1905 года, ни гражданская война, ни зверства ЧК, ни расказачивание, ни раскулачивание, ни Гулаг, ни Новочеркасск, ни 23 февраля, ни 22 июня 1992 года. Весь двадцатый век русские видели, что они преданы не только целым миром, но и собственным правительством. И видели они это не с семнадцатого года, а намного раньше. Отречение царя от престола народ уже воспринял с глухим молчанием. Не отреагировал он и на приход большевиков, и на разгон Учредительного собрания, и на Брестский мир, потому что уже тогда, в самом начале века, четко чернели вдали контуры будущих концлагерей по всей Европе и Азии, потому что не била в набат православная церковь, потому что не было русских лиц среди тех, кто встал у власти в России... И выхода, просвета, морального освобождения — не предвещалось.

Лишь дважды в этом веке народ воспрял духом и вздохнул с облегчением: в мае 1945 года, когда Сталин обратился с благодарным словом к русскому народу, победившему фашистскую Германию, — и в апреле 1985-го... Но радость оказывалась недолгой. Каждый раз русские обманывались в своих ожиданиях. Партократная «перестройка» возбудила народный подъем и, использовав доверчивость русских, а также коварство «пятой колонны» и национальный эгоизм «братских народов», вновь привела к власти антирусскую демократическую элиту, начавшую с еще большей энергией давить и разрушать все русское. Был еще минутный всплеск радости 19 августа 1991 года, уже через день сменившийся полным разочарованием и безразличием к там бездарностям и ничтожествам, что возглавляли до этого дня все структуры власти. И население наше, в очередной раз обжегшись и разуверившись, снова замкнулось в себе, теперь уже не веря вообще никому.

Нас слишком много били и обманывали! И будут еще долго обманывать и бить. Запад тысячу раз предавал Россию. И тот, кто сейчас выпрашивает, ради сохранения своей власти, у Запада милостыню и надеется на его помощь, обрекает нас на вечное закабаление. Тот же, кто вновь ищет друзей — теперь уже в стане нашего извечного врага, — или глуп, или желает нам гибели.

Порой начинаешь думать, что русские остались одиноки не только на земном мире, но и во всей вселенной: кажется — само Провидение отвернулось от нас. Однако напрасен соблазн увязывать проявление высшего Духа с логикой человеческого мышления. Эти две формы сознания несопоставимы. Возможно, высший Дух равнодушен к потере нравственности и преступности общества, обреченного на гибель, и горько наказывает тех, кому надлежит спастись... Да разве и человек не так же строг и не чаще ли наказывает того ребенка, которого более всего любит?..

Но если мы оказались одиноки среди мировых сил зла, то должны научиться защищаться. Мы обязаны помогать друг другу, выручать друг друга из беды, а не грызться между собой. Надо, наконец, понять и запомнить: нам на свете никто не поможет, мы лишь сами поможем себе. Когда убивают русских в Молдавии, мы, живущие в центре России, не имеем права сидеть и помалкивать в тряпочку. Национальное предательство народа по отношению друг к другу — самое последнее на свете предательство.

Не отчаивайтесь, русские! Мы все еще — огромная сила. Если встанем все как один и грозно, вразумительно скажем свое слово — от власти лжецов и ничтожеств останется одно воспоминание. Бог помогает тем, кто не опускает рук и продолжает сопротивляться. Мы сильны и талантливы. Вокруг нас — несметные природные богатства. Нам ничего не стоит наладить человеческую жизнь в своей стране без «помощи» пустой и бедной Европы. Мы вновь станем великим народом, когда обретем в себе смелость прямо, свободно и громко произнести, да так, чтобы услышал весь мир: мы — русский народ!

Июль 1992 г.

Галина ТЕПЛОВА

НАД РОССИЕЙ НАБАТ

НАДЕЮСЬ. ВЕРУЮ. ЛЮБЛЮ

Не мы, так другие, так правнуки наши
Зарю будут с песней встречать...

Андрей Белый

1

Взгляните на Небо — Оно угасает,
Оно убывает, как души людей...
В платке безузорно-печальном, босая,
Стоит Богоматерь у наших дверей.

Сегодня впервые пусты Ея руки
И накрепко сухи глазницы Ея, —
Суха и сутула, как наши старухи
Средь жалких руин своего жития.

Во имя Отца и во имя Исуса,
Во имя оболганной Смертной Черты,
Где в Слове Господнем сливаются души,
Прошедшие путь от Мечты до Меты, —

Взгляните на Небо! В последний взгляните —
На Вечную Память, на вечную боль, —
Предавших закланью Земную Обитель
Слеза не прожжет, не воскресит Любовь.

Стоит Богоматерь пред замкнутой дверью, —
Застыло мгновенье на Божьих Часах...
И хочется верить — как хочется верить! —
Что в смеркшихся душах взойдут Небеса.

2

Помилуй и прости ты нас, Земля! —
И воскреси нас в Истине нетленной
От древних стен Священного Кремля
До беспредельной Вечности Вселенной.

Мы слуги нерадивые Твои,
Твои развоплощенные холопы, —
Помилуй нас! — и памятью прозри
Потомков незадачливой Европы.

Забыли мы родные Голоса
И Слово Безначальное — забыли, —
И нам остались только Небеса,
Которые пока не подменили.

Они пылают пурпуром Святым,
Высокой Звездной Думою тревожат,
Но мы в иное зеркало глядим,
Иные думы гнут нас и корежат.

И потому — свирепствует война
Во всех пределах — в море и на суше,
И душ невоплощенных Имена
Твою, Земля, развоплощают душу.

...Уж счислены тугие паруса,
Расхищены и Китежи, и Трои,
Распят Исус, на мушке Небеса, —
Все на распыл — и Боги, и Герои.

А, в сущности, мы все одна семья,
Другой семьи и нет на Этом Свете:
Они Тебе — по крови Сыновья,
А мы — по Духу горестные Дети.

Но плоть Твои из тех и из других, —
Мы все в нее ложимся без изъятья.
О, вслушайся, как горек этот стих:
«Товарищи! — мы станем братья!»

Так невоскресший Сын Небес сказал,
Сходя в Твое истерзанное Лоно...
И вот уж вновь отравленный кинжал —
По рукоять! — в стволе вечнозеленом.

И вновь грядут уже былые дни, —
Все той же мачты напрягают стропы!..
Помилуй нас! — Спаси и сохрани
Потомков незадачливой Европы.

3

И грянет День! —
И расточится тьма! —
И содрогнется древняя равнина! —
И выйдет Богородица Сама
Припасть к груди Разгневанного Сына.

И обожжет Всесудного слеза,
С Ея очей скользнувшая невольно, —
И Этот Миг восславят образа
По всей Руси — Святой и богомольной.

Из края в край очистится Земля
От всех менял и торжников проклятых! —
И в воплые, прозябшие поля
Прольется жизни солнечное злато.

Да. Это будет.
Будет! —
А пока —
Еще молчат над селами набаты,
И девочка — беспечна и легка, —
Еще смеясь, прощается с солдатом...

Россия, Русь! — Любовь моя и боль, —
О, возликуй о Деве и о Сыне! —
Ведь разойтись с Воскресною Судьбой
Какой же Русский злоумыслит ныне?!

ЛЮБИМОМУ

Да хранит тебя Бог! — на закатной заре,
На вершине крутой, на распятье дорог,
И в полуночной тьме, и в предутренней мгле,
И под ветром сквозным — да хранит тебя Бог!

Да хранит тебя Бог — не для черного дня,
Не для мытарских свор, не для нищенских крох, —
Для Священной Любви, для Святого Огня,
Для Воскресной Стези — да хранит тебя Бог!

Над Россиею смрад, над Россиею тьма —
Помраченье Небес, потрясенье Эпох, —
Над Россиею вновь моровая чума,
Над Россией набат! — Помогай тебе Бог!

Москва

Иван ШЕВЦОВ

НАД БЕЗДНОЙ

(ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА 3-Й КНИГИ РОМАНА «НАБАТ»)

Перестройка с ее варварским рынком поставила писателей в условия вымирания, а издательства на грань банкротства. Одобренные и подготовленные к изданию рукописи возвращаются авторам, так и не увидев свет. В числе возвращенных рукописей оказалась третья книга моего романа «Набат», в которой рассказывается, кем и когда готовилась «перестройка».

Рукописи, конечно, не горят и ждут своего часа, то есть лучших времен. Рано или поздно времена эти наступят, и НАШИ придут, и задержанные «перестройкой» книги дойдут до читателя. А пока я предлагаю читателям «Молодой гвардии» последнюю главу из романа «Набат».

1

Генерал Бойченков Дмитрий Иванович сидел на своей подмосковной даче в Старой Рузе и читал «Черную книгу» Эдмона Дюкана. Это был перевод с испанского, сделанный по спецзаказу и изданный в полсотню экземпляров с грифом «Секретно». Из рассказа Макса Веземана Бойченков знал, при каких обстоятельствах погиб Эдмон Дюкан, и что причиной жестокой расправы с ним была вот эта самая «Черная книга». В ней речь шла о мировом сионизме, стремительно идущем к своей стратегической цели, точнее — к заветной мечте — мировому господству, которое должно наступить в 2000 году. Книга была насыщена обилием фактического материала, убедительным авторским анализом, изложенным четким слогом опытного публициста-профессионала. Ее автор в качестве журналиста много путешествовал, можно сказать, объездил весь мир, встречался и беседовал с разными людьми, среди которых были политические и государственные деятели, представители науки и культуры. В их числе были воинствующие сионисты и просто евреи, если и не осуждающие национальный экстремизм, то и не разделяющие эгоизм и высокомерие своих соплеменников. Случались и доверительные беседы, в которых в пылу откровенности либо самоуверенной спеси говорилось то, что не предназначалось для слуха непосвященных гоев, то есть неевреев, которых «божьи избранники» считают людьми низшего сорта и даже вообще не считают за людей. «Двуногий скот» — именно так назвал человечество один лауреат Нобелевской премии, с которым Дюкан беседовал на палубе океанского лайнера у берегов Новой Зеландии.

Эдмон Дюкан утверждал, что евреи — это не нация, а всемирная организация, управляемая из единого центра, штаб-квартира которого находится вовсе не в Израиле, а с некоторых пор даже не в Европе, а в Соединенных Штатах Америки, стране, представляющей финансово-экономический, политический и военный бастион сионизма. И этот спрут, располагающий не одним триллионом долларов, правит миром через своих хорошо оплачиваемых ставленников — продажных партийных боссов, из которых делают президентов, премьеров, министров и их многочисленную челядь. Крупнейшие капиталистические государства мира, прежде всего Европы, Америки, включая Канаду, а также Австралия, даже Индия, Турция и Греция — это вотчины сионистов. Там не только экономика и финансы, но и культура, идеология, вся духовная жизнь общества находится под неусыпным контролем сионистов. Владея всеми средствами массовой информации, монополизировав кино, телевидение, издательства, они навязывают общественности свою стряпню, оболванивают народ, растлевают души людей, прежде всего молодежи, превращают человека в бездуховное существо с примитивными полуживотными интересами.

Когда ты владеешь газетой или телекамерой, совсем нетрудно выдать черное за белое и наоборот. И выдают без зазрения совести уродство за прекрасное, бездарного шарлатана за гения. И «шедевры» такого «гения» щедро оплачиваются, благо в деньгах у них нет недостатка — так создается мировая известность и слава. Дюкан вспомнил своих соотечественников Сезанна и Сислея и позднейших Сальвадора Дали и Марка Шагала, чья бездарность возмущала разум и раздражала своей бесстыжей наготой и пошлостью. А подобных Шагалу «гениев» сионисты расплодили по всему миру, чтоб подменить ими подлинную красоту, убить и унизить настоящее национальное искусство. А тех наивных и отчаянных патриотов, которые посмели воскликнуть «А король-то голый!», подвергали жестокой травле, издевательской насмешке и обрекали на забвение. Вершить такое не составляло особого труда, имея в своих руках лживую, ядовитую прессу и иные средства оболванивания и растления. Дружно, по единой команде они венчали лаврами своих, чужих казнили, предавали анафеме, припечатав на них свое страшное веками испытанное клеймо — «антисемит».

Дюкан анализировал руководство коммунистических, социалистических и прочих «левых» «демократических» партий и приходил к заключению, что большинство из них, во всяком случае руководящее ядро, состоит из явных или тайных сионистов — евреев, либо женатых на еврейках. «Институту жен» в книге Дюкана была посвящена отдельная глава. На нее Дмитрий Иванович Бойченков обратил особое внимание, о чем будет сказано несколько погодя.

Особенно много примеров сионизации общественной жизни и культуры Дюкан брал из французской действительности. Он рассказывал, как дико и цинично травила сионистская пресса национального героя Франции генерала де Голля. Он приводил иногда без всяких комментариев общеизвестные (но, к сожалению, забываемые) факты, — например, что сенат США почти полностью состоит из евреев, что свыше восьмидесяти процентов американской, да и вообще западной прессы контролируется сионистами.

Дойдя до того места, где Дюкан утверждал, что из великих держав лишь СССР, Китай и Япония не подвержены тлетворному воздействию сионистов, генерал Бойченков положил книгу на круглый столик и задумался. Что касается Китая и Японии, размышлял про себя Дмитрий Иванович, то, вероятно, Дюкан прав: у народов этих стран глубоко развито чувство национальной гордости, бережное, ревностное отношение к традициям, то есть все то, что принято называть патриотизмом. В отношении же нашей страны французский публицист определенно заблуждается. Так называемый еврейский вопрос (кто-то остроумно заметил: где есть евреи, там есть и еврейский вопрос), а следовательно, и непременно сионизм с давних пор удушающим смрадом висел над Россией. Еще в 1909 году А. И. Куприн писал: «Все мы, лучшие люди России (себя к ним причисляю в самом хвосте), давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот «избранный» народ столь же страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы сознаем это, но в сто раз ужаснее то, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно, иносказательно обругать царя и даже Бога, но попробуй-ка еврея — ого-го! — Какой вопль и визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, адвокатов, докторов, и особенно громко среди русских писателей, ибо, как сказал один очень недурной беллетрист — Куприн, — каждый еврей родится на свет божий с предначертанной миссией быть русским писателем».

Еще десятью годами раньше философ и публицист В. В. Розанов в статье «Европа и евреи» писал: «Секрет еврейства состоит в том, что они по связности подобны конденсатору, заряженному электричеством. Троньте тонкою иглою его — и вся сила, и все количество электричества, собранное в хранителе-конденсаторе, разряжается под точкою булавочного укола. В Париже три миллиона французов, но ведь евреев там столько, сколько на земном шаре, — семь миллионов; в Вильне русских около сорока тысяч человек, а евреев в Вильне те же семь миллионов. И конечно, евреи побеждают в Париже столь же легко, как и в Вильне».

Позже, в 1914 году, в голосе Розанова прозвучали оптимистические нотки, к сожалению, не оправдавшиеся: «Россия теперь «сама», — писал он, — и эта «сама Россия» справится с евреем и еврейством, которые слишком торопливо решили, что если они накинули петлю на шею ее газет и журналов, то задушили и всяческий голос России, страданья России, боль России, унижение России... Но русский народ имеет ум помимо газет и журналов. Он сумеет осмотреться в окружающей его действительности без печатной указки. Сумеет оценить «печатную демократию», распластанно лежащую перед «гонимыми банкирами», «утесненными держателями ссудных лавок», «обездоленными» скупщиков русского добра и заправил русского труда».

Не сбылись надежды русского философа-патриота, не сумел наш русский народ «осмотреться в окружающей его действительности», не сумел сбросить накинутую на его шею петлю еврейских газет и журналов ни до октября 1917 года, ни после. И особую трагическую остроту «еврейский вопрос» приобрел по-

сле свержения самодержавия в феврале семнадцатого года. Начало положил первый «демократический» премьер России полуеврей Керенский. Но поскольку он был «полу», то это не устраивало претендентов на российский престол политиканствующих вождей всевозможных политических партий, рядящихся в кожаные мундиры революционеров. Особенно много их вертелось вокруг энергичного, деятельного политика Владимира Ульянова, которому отводили роль трамплина для последующего прыжка Лейбы Бронштейна-Троцкого или кого-нибудь ему подобного на царский трон. Они делали революцию руками русского и других народов, но не для народа, а для себя. Народ они презирали, для них он всегда был быдлом, рабочим скотом, слепым орудием, при помощи которого они устраивали свое благополучие «божьих избранников». Цепляясь друг за друга, как обезьяны, они расселись на вершине власти: Троцкий (Бронштейн), Свердлов, Каменев (Розенфельд), Зиновьев (Радомысльский), Мануильский, Урицкий, Володарский (Гольдштейн), Склянский, Волин (Фрадкин), Гусев (Драбкин), Сольц, Яковлев (Эпштейн). Ярославский (Губельман), Литвинов (Валлах), Радек (Собельсон), Розенгольц, Пятницкий (Таршис), Сокольников-Бриллиант, Лозовский (Дриздо) и тысячи рангом пониже в губерниях, уездах, вплоть до волости — в Советах, наркомах, карательных органах, в культуре. Они «воспитывали», «учили», непокорных казнили без суда и следствия, покорных миловали, услужливым бросали кость и подбирали жен из своего племени. Женатыми на еврейках из высшего эшелона власти были Бухарин, Рыков, Молотов, Ворошилов, Куйбышев, Киров, Андреев и дальше по нисходящей лесенке — министры, военачальники. Каганович не в счет. Ленин мешал циникам и фарисеям, и тогда Фанни Каплан хладнокровно разрядила в него пистолет с отравленными пулями, освобождая трон для будущего коммператора Троцкого. Но произошла осечка, неожиданная для Троцкого и его команды: Ленин, вопреки уверенности убийц, оказался жив, он чудом уцелел. Троцкий растерялся. Коварный замысел рушился.

Зато не растерялся Сталин. Его острый аналитический ум разгадал и правильно оценил стратегический замысел выстрела Фанни Каплан. И начал действовать. Он поклялся перед самим собой: сорвать амбициозный замысел Троцкого и его камарильи. Хитрый, прозорливый грузин, непревзойденный стратег политических интриг, он поставил перед собой чрезвычайно трудную задачу — обезвредить зарвавшегося «престолонаследника» Троцкого и его ближайших сподвижников — Бухарина, Зиновьева, Каменева. Осторожный, коварный игрок, он вступил в рискованный поединок с матерыми хищниками, самоуверенными в своей неуязвимости. Он ловко, элегантно сталкивал их лбами, ссорил и мирил, натравливал их друг на друга и в конце концов из сложнейшей борьбы вышел победителем. Он понимал, что победа над верхушкой не дает основания для благодушия. В стране на руководящих постах, как в центре, так и на местах, оставались многие тысячи соплеменников Троцкого. Карательный аппарат держали в своих руках евреи — Ягода, Фриновский, женатый на еврейке Ежов, начальники лагерей, руководители главков. Тревогу вызывало и положение в руководстве армии. Не внушали доверия Тухачевский, Гамарник, Якир, Фельдман. Это были люди, близкие к Троцкому. Особую опасность представлял молодой выскочка Тухачевский с темной биографией, выкормыш Лейбы

Бронштейна, жестокий и кровожадный, как и его шеф. Сталин помнил, как Тухачевский утопил в крови матросов и их детей и жен (сам Сталин был против кровавого побоища в Кронштадте). Помнил, сколько невинной крестьянской крови пролил Тухачевский на Тамбовщине. Начались чистки, репрессии, «разоблачения врагов народа». Но «чистильщиками» опять же были, как правило, все те же ставленники Ягоды и Фриновского, родственники Троцкого и Свердлова. Они-то свирепо усердствовали, нагоняя процент «разоблаченных врагов». С особым пристрастием они следили за выполнением закона о борьбе с антисемитизмом, изданного по инициативе Бухарина и его тестя Ларина (Лурье) летом 1918 года. За одно слово «жид» угоняли на каторгу, «забыв», что до семнадцатого года это слово на Украине и Белоруссии не считалось оскорбительным, было обычным. Таким оно и по сей день «официальным» сохранилось в Польше. И нелегко было украинскому или белорусскому крестьянину привыкнуть к новому для него слову «еврей». Даже Уинстон Черчилль, выступая в палате представителей 5 ноября 1919 года, констатировал: «В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть в проведении террора, учрежденного чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, была осуществлена евреями и, в некоторых случаях, еврейками».

Позже, через год, Черчилль снова возвращается к еврейскому вопросу. В 1920 году он писал: «...Начиная от Спартака, Вейсхаупта до Карла Маркса, вплоть до Троцкого в России, Бела Куна в Венгрии, Розы Люксембург в Германии, Эммы Гольдман в Соединенных Штатах, это всемирный заговор для ниспровержения культуры и переделки общества на началах остановки прогресса, завистливой злобы и немыслимого равенства продолжал непрерывно расти... Он был главной пружиной всех подрывных движений XIX столетия; и наконец эта шайка необычных личностей, подонков больших городов Европы и Америки, схватила за волосы и держит в своих руках русский народ, фактически став безраздельным хозяином громадной империи. Нет нужды преувеличивать роль этих интернациональных и большей частью безбожных евреев в создании большевизма и в проведении русской революции. Их роль несомненно очень велика».

Бойченко нисколько не сомневался в правоте Черчилля: это действительно был и есть, добавил от себя Дмитрий Иванович, всемирный заговор международного сионизма — зловещего спрута, запустившего свои щупальца во все уголки планеты с целью господства над миром, порабощения человечества. И было чему возмущаться и удивляться не только Черчиллю. Доверчивые, добродушные славяне, обманутые лживыми лозунгами, не смогли разглядеть за эффектными псевдонимами — Урицкий, Володарский, Свердлов, Склянский и тому подобных — обыкновенных иуд. Впрочем, многие понимали, видели, но были бессильны перед немыслимой звериной жестокостью всевозможных ягод и берманов. Даже номинальный глава Советского государства Калинин вслед за Черчиллем вынужден был признать трагический факт. В одной из своих речей в 1926 году он говорил: «...Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции и в канун революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская еврейская масса... Для еврейского народа, как для нации, это явление, то есть участие евреев в

революционных органах, имеет огромное значение. И, я должен сказать, значение отрицательное. Когда на одном из заводов меня спросили, почему в Москве так много евреев, я им ответил: если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал всех евреев, едущих в Москву на советские должности, ибо они потерянны для своей нации».

Вспоминая эти слова «всесоюзного старосты», генерал Бойченков мысленно говорил: «Очень жаль, что Калинин не был старым раввином. Да и едва ли послушались бы евреи, мутным потоком хлынувшие в обе столицы Советской России. Они не считали себя потерянными для своей нации и были в этом правы».

Работая в Комитете государственной безопасности, по долгу службы Дмитрий Иванович интересовался деятельностью сионистов в нашей стране и потому был знаком со многими материалами, касающимися «еврейского вопроса». Об участии евреев в февральской и Октябрьской революции в 1917 году материалов было предостаточно. Правда, сами евреи предпочитали их не афишировать. Хотя находились среди них и «хвастливые головы», которые не прочь были пооткровенничать. Один из таких, некий Коган, в 1919 году в газете «Коммунист» писал: «Можно сказать без преувеличения, что великий русский социальный переворот в действительности является делом рук евреев. Разве темные угнетенные массы русских рабочих и крестьян были бы в состоянии собственными силами сбросить иго буржуазии? Безусловно нет: евреи были теми, кто дал русскому пролетариату зарю Интернационала, и не только дали, но и теперь ведут дело Советов, крепко находящееся в их руках. Мы можем быть спокойны, пока верховное командование Красной Армии находится в руках товарища Троцкого. Хотя среди рядовых Красной Армии евреев нет, но, находясь в комитетах, в советских организациях и в командном составе, евреи ведут храбрые массы русского пролетариата к победе...»

Сталин, конечно же, понимал, что дело Советов крепко находится в руках евреев, и это его беспокоило. Он считал ненормальным и недопустимым, просто абсурдным, что все командные посты в партийном, государственном и хозяйственном аппарате занимают евреи. Коренному населению была уготовлена участь рабов. Однажды в конце 1935 года в Москве, в ЦК ВКП(б) проходило совещание по вопросам строительства. На нем присутствовали члены Политбюро во главе со Сталиным. Открыл совещание Молотов, жену которого, еврейку Полину Жемчужину, Сталин откровенно презирал. Было два докладчика: председатель Госплана Межлаук и начальник главного управления строительной промышленности Наркомтяжпрома Гинзбург. После докладов начались выступления. Один за другим поднимались на трибуну лица одной и той же национальности: начальник строительства «Большая электросталь» Кац, начальник Челябинского ставкостроя Каттель, начальник Южжилстроя Суховальский, начальник управления Лентрестом стройматериалов Перельман, директор кирпичного завода Лейбович, начальник строительства Азовсталь Гугель, начальник Дзержинскстроя Познанский, начальник строительства канала Москва — Волга Коган, замначальника Главугля по строительству еще один Коган, главный инженер Главстроя Штаерман, начальник строительно-квартирного управления Армии Левензон, начальник Золотоустроя Валерпус, начальник строительства Архангельского целлюлозного завода Маршак, начальник Криворожстроя Весник.

Начальники, начальники и только начальники, ставшие таковыми не в силу своей профессиональной компетентности, а по национальному происхождению. Сталин считал такое положение совершенно ненормальным, и в конце тридцатых годов им была сделана попытка заменить этих «прирожденных начальников» компетентными национальными кадрами. На места, занятые «детьми Арбата», назначались дети рабочих и крестьян с вузовскими дипломами. Начавшаяся война приостановила этот процесс. Но не успели отгреметь победные салюты весной сорок пятого, как «божьи избранники» шумною толпою снова хлынули в начальники, прежде всего в сферу культуры. Еще в годы войны Илья Эренбург горделиво объявил своих соплеменников «донорами духа», из чего следовало, что именно им принадлежит пальма первенства в разгроме гитлеровской Германии. Такой «пассаж» возмутил Сталина и его ближайших помощников Жданова, Маленкова, Щербакова. И, как ответная реакция, началась борьба с «безродными космополитами». Что бы впоследствии, спустя четверть века, ни говорили о ней «дети Арбата», но факт остается фактом: борьба с космополитами нашла горячую поддержку в народе. Она вызвала всплеск патриотизма, который «божьи избранники» сразу же после окончания войны начали издевательски, циничо унижать и оплевывать, запустив в обиход оскорбительное словцо «квасной». И уже гордость фронтовиков своими ратными подвигами получала клеймо «квасного патриотизма». Совершенно естественно, что борьба с космополитизмом не понравилась Молотову, Ворошилову, Андрееву и другим деятелям высших эшелонов власти, связанных родственными узами с «божьими избранниками». Что же касается «божьих избранников» в мировом масштабе, то вся их сионизированная пресса, а вместе с ней парламентарии дюжины больших и малых государств, главным образом Европы и обеих Америк, денно и нощно, не щадя глоток своих, клеймили позором «разгул антисемитизма» в Советском Союзе. Титула главного антисемита удостоился сам Сталин, его правой рукой — Андрей Александрович Жданов.

В год смерти Сталина Бойченков находился за рубежом — он был резидентом в одной из европейских стран. Помнит большую статью в буржуазной просионистской газете, в которой излагалась версия о насильственной смерти диктатора. Мол, Сталин решил раз и навсегда покончить с «еврейским вопросом» в своей стране — переселить евреев в Биробиджан. И таким образом лишить их кастовой привилегии. Тогда сионистский центр приказал своему агенту Лаврентию Берия умертвить Сталина. Берия не мог ослушаться, иначе ему грозило разоблачение и неминуемая смерть, и он выполнил приказ.

«Не случайно, — подумал Дмитрий Иванович, — сразу же после смерти Сталина Берия лично освободил из-под стражи супругу Молотова, и сразу же вокруг нее закружился рой «божьих избранников». Подобные рои кружились и вокруг Екатерины Давидовны Ворошиловой» Вспомнил Дмитрий Иванович, как и его, молодого и «перспективного», в сорок шестом пытались женить на очаровательной и тоже перспективной Анджеле Зицер — студентке Института театральных искусств. Отец будущего режиссера и худрука работал в Президиуме Верховного Совета, имел персональную машину, кремлевский паек и четырехкомнатную

квартиру, в которой возможного зятя Диму Бойченкова в голодном послевоенном году щедро угощали черной икрой и прочей деликатесной снедью, о существовании которой он и не подозревал раньше. После ужина ему, захмелевшему не столько от невестиных чар, сколько от марочного коньяка, хозяева любезно предложили остаться заночевать — стоит ли в столь поздний час да еще в состоянии опьянения появляться на улице? Поначалу доводы показались Диме убедительными, и он, хотя и не без колебаний, согласился и уже начал было в отведенной ему комнате готовиться ко сну. «Твоя комната», — многозначительно улыбнулась Анджела и ушла в свою спальню и спустя минуту предстала перед ним терпко надушенная, в ярком шелковом халате, призывно обнажавшем соблазнительно белую грудь. Вот в этот самый миг как протест, как видение Бойченкову явилась его знакомая озорно-улыбчивая Катя, тоже студентка, только не ГИТИСа, а мединститута, живущая с матерью-вдовой и младшей сестрейкой (отец не вернулся с войны) в одной комнатушке густо населенной коммуналки. Явилась в своем неизменном единственном платьице из желтого ситца, усеянного голубенькими незабудками. И враз протрезвевший Дима Бойченков вдруг что-то вспомнил и, сославшись на это «что-то», проворно ускользнул из четырехкомнатной квартиры, не простившись с несостоявшимися тестем и тещей. На пустынных просторных улицах Москвы дышалось вольготно и умиротворенно.

А уже потом, плыли в памяти Дмитрия Ивановича воспоминания, много лет спустя, когда Катя стала его женой и у них появились дети, к их сыну-студенту повадилась прекрасная Зорина Фильшина. Ее атака была так стремительна и до смешного откровенна, что вызвала вполне обоснованные опасения отца: устоит ли сын? И он решил вмешаться, как бы между прочим, но не без умысла, обронив в присутствии жены и сына: «Ну и хватка у этой Зорины, сразу виден... характер. Этакая амбициозная самоуверенность». Сын понял намек и попытался рассеять подозрения: «Ты ошибаешься, папа, она не то, что ты думаешь. Она — узбечка». Дмитрий Иванович иронически улыбнулся и ответил: «Она такая же узбечка, как ты эфиоп. Я знаю ее отца. — И после паузы сказал: — Впрочем, меня это не касается». И атака, говоря военным языком, захлебнулась. И была отражена.

Институт жен... В стратегических планах сионистов ему отведена одна из первейших ролей. Бойченков знал, что главный экономический штаб страны всегда возглавляли, начиная с Куйбышева, товарищи, женатые на еврейках. Он помнит, как в Москве среди государственных служащих ходили разговоры, что кадры сотрудников формирует жена председателя Госплана Первухина из племени «божьих избранников», а затем жена его преемника Байбакова, и это естественно: экономику Страны Советов международный сионизм решил держать под своим контролем любой ценой. Стремительный экономический подъем Советского Союза в первые послевоенные годы буквально потряс западных советологов. Им и во сне не снилось, что страна, до основания разрушенная войной, могла за такой короткий срок залечить немыслимо тяжелые раны и снова возвысилась могучей и гордой державой, на которую с горячей надеждой смотрел мир униженных и оскорбленных. С приходом к власти Хрущева «божьи избранники» облегченно вздохнули: Никита, как и они, считал Сталина своим непримиримым личным врагом. В одном из заграничных

турне журналисты спросили, как он относится к евреям. И Хрущев с игривой определенностью ответил: «Как дедушка к внукам».

И тем не менее «внуки» не были довольны «дедушкой»: он раздражал их своими непредсказуемыми действиями и часто нарушал хорошо спланированную программу, рассчитанную до рокового 2000 года. Он был неуправляем и поддавался порой диаметрально противоположным влияниям: с одной стороны, зятя, представляющего интересы «внуков», с другой — патриотически настроенных партийных кадров, верных идеям социализма. А в стратегическом плане «внуков» — к 2000 году на развалинах когда-то могучего государства СССР должно возникнуть несколько мелких и хилых государственных образований с допотопным капиталистическим укладом и пещерными повадками двуногих хищников. Для этого требовалось прежде всего разрушить до основания экономику страны, приостановить технический и научный прогресс, развалить сельское хозяйство, растранжирить природные богатства — газ, нефть, лес, пушнину, одновременно воспитывая поколение иждивенцев, бездуховных, способных за жвачку и джинсы продать самому дьяволу все нажитое предками многих поколений, в том числе дедов и отцов. А это мог сделать человек «свой в доску», лидер, готовый послушно выполнять тщательно разработанную в Колумбийском или другом каком-нибудь университете США программу бескровного, «мирного» покорения СССР.

Так появился на троне все еще великого государства Леонид Ильич Брежнев — серенький, впрочем, импозантного вида, не блестящий умом-разумом человечек. Для роли, предназначенной «божьими избранниками», он подходил по всем статьям. Покладистый, снисходительный, сентиментальный, простой в обращении и в то же время тщеславный, без твердых принципов и убеждений, пылкий женолюб и выпивоха. Но главное — женатый на Виктории Гольдберг — дочери состоятельного ювелира, имеющей природное пристрастие к драгоценным камешкам. И сама Виктория, и камешки впоследствии сыграли злую шутку в жизненной судьбе и карьере генерала Бойченкова. Но об этом чуть позже.

Бойченков вспомнил, как однажды его пригласил Председатель КГБ и подал ему пространное, на 25 страницах, письмо группы ученых-экономистов, адресованное в КГБ. «Ознакомься и выскажи свое мнение», — попросил Председатель. Это было в его характере — выслушивать мнение подчиненных по любому, иногда даже бесспорному вопросу.

Авторы письма не носили высоких титулов «академик», «лауреат», «заслуженный». Это были мыслящие, компетентные в вопросах экономики ученые-патриоты, искренне болеющие за судьбу Отечества. С цифрами и фактами они убедительно доказывали, что страна неотвратимо катится к экономическому краху, чего правительство либо не видит и не понимает, либо не желает понять. Бойченков — аграрий по образованию, разделял тревогу авторов письма, о чем откровенно доложил Председателю. В ответ тот лишь спросил: «Ты считаешь, что это не провокация?» — «Это серьезно и честно. Я с ними согласен», — искренне ответил Бойченков. Колючие жесткие глаза Председателя, прикрытые пенсне, скользяще резанули по Дмитрию Ивановичу и затем с усталой задумчивостью уставились в лежащий на столе тревож-

вый документ. Пауза была долгой, напряженной, и Бойченков не решился ее нарушить. Наконец Председатель, не поднимая глаз, тихо выдавил: «Хорошо» — и слабым жестом руки дал понять Дмитрию Ивановичу, что он свободен.

По-прежнему для Бойченкова Председатель оставался загадочной личностью, одетой в непроницаемую кольчугу.

«Институт жен», созданный еще на заре Советской власти, не очень пострадал в годы сталинских чисток. По крайней мере во времена Брежнева он так же процветал, как и во времена Троцкого. Бойченков знал, что из секретарей ЦК семь, включая и самого Брежнева, были женаты на еврейках, впрочем, как и многие зампредсовмина, министры, их замы, начальники главков. Не составляли исключения наука и культура, пресса. Старшим помощником у Брежнева работал Эммануил Цуканов, человек влиятельный, пользующийся доверием своего хозяина больше, чем иные члены Политбюро.

Жены власть имущих! Любопытная общественность не обделяет их своим вниманием, особенно, если они сами, своим поведением дают повод для пересудов. Иные из них имеют бо́льшую власть, чем их всесильные мужья. Конечно же, бывают исключения, встречаются среди них и скромные, и даже умные, которые считают неэтичным вмешиваться в государственные и служебные дела. Но эти скромницы и тихони иногда позволяют себе обращаться к мужьям по мелочам. Скажем, у ее подруги или знакомой проворовался муж, сын или зять. Случайно, по оплошности, как говорится, бес попутал. А следователь уже и дело завел, а там глядишь — и суд и приговор. Жалко человека, ведь он не хотел. Ну просто так получилось, само собой. «Пожалуйста, позвони кому следует. Да, может, он и не воровал, злые люди напраслину навели». Или еще мягче, деликатнее: «А нельзя ли что-то сделать, как-то помочь? Ну чтоб не было суда?» Есть и такие — сами звонят «кому следует», без ведома мужа.

В этом смысле не составляла исключения Виктория Брежнева. За одних просила Леню — помочь, посодействовать, за других — сама звонила «кому следует». Но чем выше должность, тем серьезней и просьбы об услугах. Просила и за соотечественников, и за приезжих к нам иностранцев, которые своей, мягко говоря, нескромной деятельностью привлекали внимание органов государственной безопасности.

Генерал Бойченков и сейчас еще не был уверен, что супруга Брежнева понимала подлинный смысл услуг, которые она оказывала ходатаям, едва ли осознавала она, что, выполняя их просьбы, наносит урон государственным интересам страны, ее безопасности. Понятно, что такая деятельность Брежневой не могла пройти мимо сотрудников КГБ, служебный долг которых обязывал решительно вмешаться.

Вооружившись бесспорными, неопровержимыми фактами, материалами и документами, Бойченков явился на доклад к Председателю. Дмитрий Иванович отдавал себе отчет в том, что дело это весьма щепетильное, что своим докладом он ставит Председателя в сложное положение. Он даже пытался предположить, как будет действовать, какие меры или решения примет Председатель, — скорее всего доложит шефу-куратору Мирону Андреевичу Серому, который по непонятным причинам питал к Бойченкову откровенную неприязнь. Зато с Председателем у Бойченкова были если не дружеские, то ровные, доброжелательные отношения. Председатель ценил Дмитрия Ивановича как работника, которому доверял без сомнений и колебаний. Всегда сдержанный, корректный и осмотрительный, он и на этот раз встретил Бойченкова холодным проницательным взглядом, в котором невозможно было что-нибудь прочитать, выслушал его краткий доклад спокойно, не проронив при этом ни звука, затем молча внимательно прочитал положенные ему на стол материалы с конкретными фактами и именами. С напряжением наблюдал Дмитрий Иванович за Председателем, когда тот читал, пытаясь проникнуть в его душевное состояние, хотя бы приблизиться к его мыслям. Но тщетно: ни один мускул не дрогнул на каменном лице Председателя, в глаза, прикрытые пенсне, оставались холодными и недоступными. Закончив чтение, он прикрыл документ широкой крепкой ладонью и, уставившись на Бойченкова все тем же, без эмоций, взглядом, негромко и как будто даже доброжелательно спросил: «Кто еще об этом знает?» — кивок на докладную. «Я никому не докладывал», — так же тихо ответил Бойченков. «Хорошо, — выдохнул Председатель. — Я посоветуюсь с Мироном Андреевичем».

Последняя фраза, как показалось Дмитрию Ивановичу, сорвалась у Председателя невольно: он был явно огорчен и расстроен, хотя и старался скрыть свое состояние.

Какие дальнейшие шаги предпримет Председатель? — спрашивал себя Дмитрий Иванович. Доложит Серому — это понятно. А как поведет себя Мирон Андреевич — человек вспыльчивый, нервный, самоуверенный и жестокий. Именно Серому обязан Председатель своей карьерой — выдвижением на пост шефа КГБ. Председатель — человек принципиальный, но и осторожный и, пожалуй, в сложной обстановке может поступиться принципами. Слывет интеллектуалом, любит поэзию и, говорят, сам сочиняет. Но, как считает Бойченков, интеллект его внешний, без прочного фундамента и глубоких корней. Кто его родители — неизвестно. Говорят, детдомовец. Как разведчик, скорее любитель, чем профессионал. Любитель, но не дилетант. Отличается широтой взглядов, убежденный ленинец, в то же время не чернит Сталина, не отрицает его заслуг перед страной, особенно в войне с фашизмом. Таким виделся Дмитрию Ивановичу Председатель КГБ.

Приблизительно через неделю Председатель пригласил к себе Бойченкова. На этот раз ему не удалось скрыть своего волнения. Он был подчеркнуто любезен и предупредителен, но какое-то смятение, чувство неловкости, беспомощности и стыда уловил Дмитрий Иванович в его смущенном взгляде. Он встретил Бойченкова, стоя у окна, и затем предложил сесть не у стола, а в стороне, на диване, и сам сел рядом, давая понять, что разговор будет носить полуинтимный, доверительный характер. «Я пригласил тебя, Дмитрий Иванович, в связи с делом Виктории, — начал Председатель и запнулся, состроив гримасу на своем лице, отливающем нездоровой желтизной. Поправился: — Собственно, никакого «дела» нет. Вчера у меня состоялся, откровенно скажу тебе, очень серьезный и неприятный разговор с Мироном Андреевичем. Он был взбешен. Он говорил буквально следующее: кто нам, то есть Комитету, дал право собирать компромат на первое лицо партии и государства?! Кто позволил? Ну и так далее... И, как итог — решение: всех, кто причастен к этому делу, уволить. В том числе и тебя».

Громом среди ясного неба прозвучали для Бойченкова послед-

ние слова Председателя. Волновало не только увольнение. Он не забыл, как во время разговора о масонах раздраженный Серый уже предлагал Дмитрию Ивановичу добровольно уйти из КГБ в сельское хозяйство. Знал он и о вседозволенности и беззаконии, царящих в брежневском клане, о криминальных похождениях дочери Брежнева и ее мужа. Но здесь же особый случай. Не какие-то там бриллианты-сапфиры, а безопасность государства. «Что же — жена Цезаря вне подозрений», — с горькой иронией произнес Бойченков, на что Председатель, дабы упредить вспышку эмоций Бойченкова, сказал:

— Я прошу тебя не горячиться. Я тебя глубоко понимаю, но и ты должен меня понять. Есть вещи, которые выше наших возможностей. Короче, я уговорил Мирона Андреевича оставить тебя в Комитете. Только не в центральном аппарате. Временно.

— Я не о себе, — ответил Бойченков, с большим усилием сдерживая себя. — Я о товарищах. За что такая кара? В чем их вина? Что честно выполняли свой долг?

— Я постараюсь позаботиться о них, — проникновенно ответил Председатель.

— В таком случае я хочу помочь вам. Искренне прошу уволить меня. Всю вину беру на себя. Думаю, что это вполне удовлетворит товарища Серого, и он не станет требовать других жертв. Да, я лично, по своей инициативе собирал этот «компромат», за что и несу персональную ответственность.

Так генерал Бойченков оказался отставным.

Дремавший было ветер внезапно и резко встрепенулся, сорвал с клена золотистый лист и бросил на ступеньку крыльца. Потянуло осенней прохладой, и сдуло нить воспоминаний. Его внимание привлек этот одинокий, упавший на крыльцо кленовый лист с бирюзовыми капельками, вкрапленными в звонкое золото. В нем было что-то таинственное, загадочное — не предвестник осени с ее слякотью и холодами, а, напротив, какой-то благовест, неожиданный и приятный, который мы всегда ждем даже в самое безысходное время, как последнюю надежду. Лично для себя генерал Бойченков уже ничего не ждал. Ровесник Октября — он родился 7 ноября 1917 года и гордился, что свой день рождения отмечает «вместе со всей страной», — физически он чувствовал себя вполне трудоспособным и у себя на даче, хотя и без особого увлечения, занимался садом-огородом, чтобы только отвлечься от тягостных дум. И думы эти — не о себе, а о стране, о трагической судьбе великой державы — одолевали его неотступно, непрестанно преследовали и не давали покоя. Он видел, понимал, наконец, доподлинно знал, что страна уже не сползает, а неотвратимо катится к экономическому краху, что относительная стабильность и благополучие достигаются за счет благополучия потомков, их нефти, леса и пушнины, что нынешнее поколение живет по страшному принципу: «После нас хоть потоп». Он располагал достоверной объективной информацией о деятельности, а вернее, о бездеятельности наших научно-исследовательских и технических учреждений, всевозможных НИИ, которые работают вхолостую, в том числе и Академия наук, возглавляемая престарелым Александровым. Добрую половину этих «двигателей прогресса» составляют бездарные начетчики в степени кандидатов и докторов, сидящие на чемоданах в ожидании израильских виз, и столь же бездарные академики, получившие из рук Брежнева Золотые Звезды Героя Труда за никому не нужные «открытия» и «изобретения». Бойченков считал, что полученные этими учеными почести имеют политический характер. Самым ярким, показательным в этом смысле был академик Аркадий Григорьевич Гарбатов, доверенное лицо и ближайший советник Брежнева в делах международных и доверенное лицо Виктории Брежневой, можно сказать, друг семьи. В домашней обстановке Брежнев называл Гарбатова по имени, но почему-то не Аркаша, а Абраша. И хотя научный багаж Гарбатова не поднимался выше уровня провинциального журналиста, он занимал высокую должность руководителя научного центра, был депутатом Верховного Совета, носил Золотую Звезду Героя Труда и был членом различных коллегий, редколлегий, советов и комитетов.

А сколько было подобных Гарбатову академиков-экономистов, преднамеренно разрушающих своими рекомендациями экономику, академиков-историков и социологов с примитивным мышлением!

Бойченков жил один на даче. Жена часто недомогала и в конце лета перебралась на московскую квартиру до новой весны. Дмитрий Иванович предпочитал уединение здесь среди природы, особенно в первые сентябрьские дни, когда уезжают дачники и устанавливается какая-то особая умиротворенная тишина и безлюдие. Молчал и дачный телефон, который казался теперь совсем ненужным. Первое время после его отставки друзья звонили, предлагали «повидаться», обсудить новости, которые его не интересовали, но всякий раз Дмитрий Иванович под явно надуманными предлогами уклонялся от встреч, и его оставили в покое. Одиночество его не тяготило: пожалуй, напротив — давало покой и отдых душе. Общение с друзьями и знакомыми ему заменяли книги. На них он набросился с жадностью проголодавшегося, словно старался наверстать упущенное.

Открытая веранда, на которой сидел Дмитрий Иванович, выходила не на улицу, а во двор, где на старых яблонях дозревали штрифлинги и коричная. Он не слышал, как к его калитке подкатила «Волга», и только мягкий хлопок закрываемой двери заставил его настороженно напрячь слух. Он никого не ждал, но сразу понял, что приехали к нему. Не тревога, а обыкновенное любопытство заставили его подняться из старого удобного кресла, вывезенного из московской квартиры, и выйти навстречу бывшему своему подчиненному, а ныне занявшему его должность генералу Слугареву. Бронзовое от загара лицо Ивана Николаевича светилось тихой, доброй улыбкой, а в глазах играли искорки радости и необъяснимого смущения. И этот свежий загар, и синие доверчивые глаза, и даже светло-голубой с серебристым переливом костюм излучали радость и дружелюбие.

— Не ждал, Дмитрий Иванович? Ты уж извини, что я без предупреждения. Домой позвонил: Галина Даниловна сказала, что ты на даче. А сюда я решил без звонка.

— Правильно решил, — дружески улыбнулся Бойченков, обнимая Слугарева. — Рад тебя видеть, Иван. Сегодня я дочитал «Черную книгу», подумал о тебе.

— Биотоки: за ней я и приехал.

— И только всего?

— Ну, не только. В общем, все связано с этим вопросом. С главным вопросом, — многозначительно повторил Слугарев, и Дмитрий Иванович догадался, что он имеет в виду под «главным вопросом», — конечно же, «еврейский вопрос».

— Тогда садись, рассказывай, кому и зачем понадобилась «Черная книга»?
Слугарев не спешил садиться. Он снял серебристо-голубой свой пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула, сказал:
— Я там тебе пильзенского пива прихватил. Не возражаешь?
— Какой русский человек откажется от пива, да еще чешского, как сказал товарищ Гоголь Николай Васильевич.
— Товарищ Гоголь, насколько мне помнится, говорил о быстрой езде.
— К черту детали, давай пиво.
Слугарев вышел в сад и прокричал шоферу:
— Толя! Тащи коробку.
Оба они были поклонниками пенистого напитка. Дмитрий Иванович пил покрякивая, демонстрируя подлинное наслаждение, и приговаривал:
— Ну, удружил... А то, может, чего посущественней? У меня есть бутылочка молдавского, берегу на всякий случай «Белый аист», марочный.
— Береги. Кто-нибудь нечаянно заглянет, вот и выстрелишь в него «белым аистом». — И, одарив Бойченкова теплым взглядом, спросил: — Не скучаешь? — И, не дождавшись ответа, вымолвил: — Хорошо у тебя, тишина и покой. Идеальная творческая обстановка — хоть пиши книгу. А что? Тебе есть что сказать людям.
— «Белую» едва ли станут читать. А «черную» никто не издаст. А потом — видишь, какая судьба ждет автора. — И, минуту помолчав, спросил о Максе Веземане: — Как там Вальтер?
— Работает. Все еще переживает за Дюкана. Казнит себя.
— Ну это он напрасно. Спасти Эдмона он не мог.
Бойченков открыл еще бутылку, налил Слугареву, потом себе, поднял пенистый бокал, но пить не стал, словно передумав, поставил на стол. Уставив на Слугарева пытливый взгляд, предложил:
— Ну так что там, давай выкладывай!..
Слугарев дотронулся до «Черной книги», лежащей здесь же на столе, приподнял ее и снова положил на место, заговорил негромко, медленно:
— Вчера Председатель вызвал меня и завел разговор о сионистах и масонах. Спросил: «Как, по-твоему, есть у нас сионисты и масоны?» Вопрос, конечно, праздный, хотя и неожиданный. Я говорю, что касается сионистов, то ответ однозначный: коль есть евреи, то есть и сионисты. Он перебил меня: «А ты что — в каждом еврее видишь сиониста?» Я говорю: «Зачем в каждом? Я так не думаю. Иное дело, что каждый сионист — еврей». Он и тут возразил: «Совсем не обязательно. Среди русских, женатых на еврейках, попадаются матерые сионисты». Так и сказал — «матерые». И потом снова вопрос: «А что думаешь о масонах?» Я не успел ответить, как он уточнил: «Об их связях с сионистами?» Своим уточнением он облегчил мой ответ. Я сказал: «Думаю, что сионисты контролируют масонские ложи». Он не возразил. Одним словом, Председатель поручил мне дать ему концентрированный материал о сионистах в виде справки с экскурсом в историю. Затем, как бы между прочим, заметил, что этим вопросом в свое время интересовался Бойченков, так что твои советы могли бы быть мне полезны. И еще он спросил, читал ли я «Протоколы сионских мудрецов». И советовал ознакомиться с этим, как он выразился, «основополагающим документом». Признаюсь, я был несколько удивлен: «основополагающим».
— Напрасно, — отозвался Дмитрий Иванович и прибавил: — Удивляться тут нечему: лично я не сомневаюсь в подлинности этого страшного документа. Вся последующая деятельность мирового сионизма подтверждает подлинность и незыблемость этой зловещей программы завоевания мирового господства. Об этом, между прочим, без всяких колебаний говорят честные американцы, на собственной шкуре испытавшие всю омерзительную сущность сионизма. Я имею в виду Генри Форда и Дугласа Рида. Сейчас я тебе покажу... — Дмитрий Иванович поднялся из-за стола и ушел в дом. Вернулся через минуту с толстой тетрадью в руках и, не садясь, сказал: — Вот послушай, что писал автомобильный король Генри Форд по поводу «Протоколов сионских мудрецов»: «Эти «Протоколы» полностью совпадают с тем, что происходило в мире до настоящего времени; они совпадают с тем, что происходит сейчас». Или вот свидетельство Дугласа Рида — блестящего публициста, писателя, глубоко изучившего «еврейский вопрос», о «Протоколах»: «Книга точно описывает, что произошло в течение полувека после ее публикации и все, что произойдет в последующие 50 лет, если только заговор не вызовет соответствующего его силе противодействия. В книге содержится богатейшее знание (в особенности слабости человеческой природы), источником которого может быть только опыт и изучение, накопленное в продолжение столетий и даже целых эпох».
Закончив чтение, он положил тетрадь на стол и, не садясь, продолжал:
— Точно, метко, убедительно. Лучше не скажешь! А противодействия не будет. Некому. Сталин попытался — они его умертвили.
— Ты в этом уверен?
— Совершенно. Это сделал Берия.
— И ты не видишь силы, которая могла бы предотвратить этот заговор?
— Нет. По крайней мере, у нас, в СССР, нет. Брежнев — ставленник Сиона. И все его окружение — это лакеи сионизма.
— Тогда скажи — зачем Председателю потребовался такой материал?
Бойченков медлил с ответом. Сосредоточенное лицо его хмурилось. Он напряженно искал ответ и, не найдя, выдохнул:
— Не знаю. — И, уже садясь за стол, спросил: — В чем должна выражаться моя помощь тебе? Я бы посоветовал ознакомиться с высказываниями по этому вопросу известных русских и иностранцев. В частности, из русских посмотри, что говорили Достоевский, Куприн, Розанов Василий Васильевич, Дикий Андрей Иванович, Чехов, Гоголь. Из иностранцев начни с Маркса и Энгельса. Потом Эразм Роттердамский, Мартин Лютер, Наполеон, Монтескье, Вольтер, Франц Лист, Вагнер, Бенджамин Франклин, Генри Форд, Дуглас Рид, Уинстон Черчилль. Могу предложить тебе эту тетрадь. С возвратом, конечно, и ненадолго. Что же касается Форда, Рида и Дикого, а также «Протоколов», то это надо внимательно, с карандашом, проштудировать.
Слугарев встал из-за стола, прошелся к окну, посмотрел в сад. Но взгляд его не замечал ни яркого багрянца черноплодной рябины, ни могучей еще зеленой кроны матерого дуба, освещенного тихим неярким солнцем. Взгляд его был обращен в себя, в

свои мысли, — это чувствовал искоса наблюдавший за ним Бойченков и догадывался, в какие мысли погружен его друг; оба они сейчас думали об одном и том же.

— И все-таки любопытно, зачем Председателю понадобилась такая справка? — как бы размышляя вслух, молвил Дмитрий Иванович.

— Я думаю, это связано с активизацией сионистов в нашей стране, — не оборачиваясь от окна, произнес Иван Николаевич. Бойченков выжидательно молчал. Тогда Слугарев подошел к столу, достал из кармана изящную в серебристом переплете записную книжку, полистал ее и сказал: — Вот послушай любопытное признание израильского профессора: «Славные сыны Израиля Троцкий, Свердлов, Роза Люксембург, Мартов, Володарский, Литвинов вошли в историю Израиля. Может быть, кто-нибудь из моих братьев спросит, что они сделали для Израиля? Я отвечу прямо: они непосредственно или посредственно старались уничтожить наших наибольших врагов — православных гоев. Вот в чем заключалась их работа. Этим они заслужили вечную славу!»

Он умолк и замер на месте в крайнем напряжении, устремив на Бойченкова жесткий, пронизывающий насквозь взгляд. Пауза была звонкая, напряженная, как струна. Никто не спешил нарушить ее: слишком весомо и неожиданно прозвучали зачитанные Слугаревым слова, слишком много глубинных мыслей вздымали они из душевных недр.

— Вот так-то, — прокомментировал Бойченков, и слова эти содержали в себе сотню резких, острых и гневных слов.

— А православные гои понаставили на своей земле своим палачам памятники, прославили их имена названием городов, заводов, колхозов, — стремительно выплеснул Слугарев и резко опустился на стул. — Город Свердловск — столица Урала — и бронзовый монумент в центре Москвы, площадь Свердлова, станция метро «Площадь Свердлова», фабрика имени Розы Люксембург, дворец имени Володарского...

— Площадь Урицкого, город Сергиев Посад, основанный великим патриотом России преподобным Сергием Радонежским, заменили именем пришельца Загорского-Лубоцкого и так далее и тому подобное, — в тон Слугареву добавил Бойченков.

— Ты говоришь, активизировались сионисты, — продолжал Дмитрий Иванович после недолгой паузы. — Это видно и невооруженным глазом. Недавно я разговаривал с товарищем из Прибалтики. Там сионистов особенно много среди творческой интеллигенции, где евреи составляют большинство...

— Как, впрочем, в Москве и Ленинграде, — вставил Слугарев.

— Да, Шапирасы, Фельдманисы, Гольдбергсы. Они активно разжигают и провоцируют русофобию. И я уверен — запрограммированно, целенаправленно.

— То же и в Молдавии, в Грузии, — добавил Слугарев и, полистав свою записную книжку, продолжал: — Есть документ ЦРУ об израильской разведке. В нем американцы раскрывают методы деятельности своих израильских коллег, буквально: «плотное наблюдение за антисионистской деятельностью во всем мире и нейтрализация этой деятельности», «вербовка лиц, занимающих в бюрократии Советского Союза и стран Восточной Европы стратегически важные посты, которые из идейных или корыстных соображений согласны помогать сионистам этих стран».

Думаю, что окружение Брежнева состоит в основном из таких элементов, работающих на Сион. Брежнев уже не правит страной, он живой труп, за спиной которого и бесчинствует сионистская мафия. Вся их деятельность направлена на развал СССР, ликвидацию компартии.

— Именно направлена, — согласился Бойченков, — при этом умелой, опытной рукой. Ты помнишь, как на одном из совещаний в Комитете Председатель говорил, что в США принят закон о необходимости развала СССР путем отделения от него союзных республик? И задача эта возлагалась на Сион. Возможно, Председатель готовит серьезный материал для Политбюро о подрывной деятельности в СССР международного сионизма. Естественно, по своей инициативе.

— Если даже ты прав и такой материал получат члены руководства страны, Председатель не найдет поддержки в Политбюро.

— Почему?

— Потому что те, кто понимает проблему Сиона, уже изгнаны из Политбюро: Мазуров, Шелепин, Полянский, Воронов. Шелест. Сион не терпит своих противников на вершине власти.

— Но там еще есть Кириленко, Романов. Насколько я знаю, эти товарищи отрицательно смотрят на деятельность сионистов.

— Именно смотрят, притом очень осторожно, — стремительно ответил Слугарев и положил в карман свою записную книжку. Он был крайне возбужден, глаза исторгали гневный блеск: — Первый безнадежно стар, а второй недостаточно решителен, чтоб отстаивать свое мнение, ибо знает на примере тех же Шелепина — Полянского, чем это кончается. Нет, дорогой Дмитрий Иванович, уже со времени Хрущева сионисты крепко держат в своих руках бразды правления. Ты думаешь, случай вынес Брежнева на вершину власти? Как бы не так! Все было заранее тщательно взвешено, продумано, рассчитано. Ты же читал письмо группы честных ученых-экономистов. Не академиков, не заславских-шаталиных, а русских патриотов, с болью видящих, в какую пропасть катится страна. А разве мы с тобой не видим, не понимаем, какая идет идеологическая диверсия, духовное растление общества, главным образом молодежи? Это старая тактика Лейбы Троцкого-Бронштейна завоевать молодежь, оболванить, растлить сексом, пробудить в ней звериные, животные инстинкты, воспитать жестокость, цинизм, страсть к удовольствию. И затем направить это дикое стадо на кого угодно: на отцов, на коммунистов, на ветеранов. И они пойдут громить и крушить все подряд. Разум будет отключен, его заменит инстинкт разрушения. Ты думаешь, случайно по телевидению денно и нощно рекламируют всяких оголтелых подонков, эту оглушительную музыку, рвущую барабанные перепонки, какофонию взбесившихся дикарей: песни, состоящие из трех слов: «я тебя хочу». Через десять лет эти дискотечные юнцы станут взрослыми гражданами, будут работать на предприятиях, в учреждениях. Представляешь их нравственный облик, их духовную основу, жизненный фундамент, их гражданскую совесть?! Вот с каким обществом нам предстоит столкнуться. И когда новоявленный Лейба Бронштейн бросит клич «Долой!..» — они пойдут за ним и будут делать все, что он им велит. Рушить до основания и жечь дотла. Ты видел бесчинства фанатов у стадионов? Так это цветочки. А ягодки будут очень ядовиты.

— Грустную картину ты нарисовал, гнетущую, — сказал Бойченков. — Я-то думал, что ты меня порадуешь. Конечно, главные гнезда сионистов — Москва, Ленинград, Свердловск, Новосибирск, столицы союзных республик, где сосредоточена интеллигенция.

— Но ее влияние, тлетворное, — подчеркнул Слугарев, — распространяется на всю страну через телевидение, кино, радио, прессу. Отсюда идут эти вирусы. И не только творческая интеллигенция сионизирована. К этим вирусам предрасположен столичный люмпен-интеллигент, который живет на зарплату в две сотни рэ, считает себя обиженным властью и мечтает о западном рае, о котором имеет превратное представление. По рассказам туристов да по кинофильмам.

— Люмпен-интеллигент, говоришь? Какая уж там интеллигентность. Просто дипломированный мещанин с философией неудачника-циника. За душой у него ничего святого нет. Он ведь никаких ценностей — ни материальных, ни духовных — не создает. На это он не способен, нет у него амуниции. Зато амбиций!.. Основа общества — трудящиеся, те, кто у станка и плуга, в том числе деятели науки и техники, творцы прогресса.

— Не заблуждайся в отношении творцов: их тоже поразил вирус бездуховности. Во-первых, они в юности прошли тлетворные школы дискотек, навязанных нам идеологическими диверсантами. Во-вторых, эту духовную пищу, этот яд они ежедневно вынуждены потреблять через то же телевидение, газеты и журналы. Выбора у них нет.

— Так что же? Выходит — никакого просвета, никаких надежд? — спросил Дмитрий Иванович, подняв опечаленный взгляд на Слугарева.

Иван Николаевич не спешил с ответом. Он встал из-за стола, снял со спинки стула свой пиджак, набросил его на плечи, не вдевая руки в рукава, задумчиво посмотрел в открытое окно. Бойченков ждал. Образовалась долгая настороженная пауза. Наконец Слугарев заговорил как-то издалека, словно рассуждая с самим собой:

— Человечество нравственно больно. Оно лишено иммунитета против страшной болезни — сионизма. Вирусы этой болезни поразили прежде всего мозг человечества — интеллигенцию и власть имущих, руководителей государства и государственных структур, лидеров политических партий. В былые времена роль иммунитета выполняла религия. Католицизм, православие, ислам, буддизм ревностно оберегали свои паствы от проникновения в них тлетворных сионистских вирусов, суть которых — разрушение: нравственное, духовное.

— Кстати, у Дюкана ты найдешь по этому поводу слова из Корана, — вставил Дмитрий Иванович и полистал «Черную книгу». — Вот что говорит Коран о евреях: «...их целью будет сеять на Земле разлад... Когда они будут разжигать факел войны, Бог будет тушить его. Их цель — вызвать раздоры на Земле, но Бог не любит сеятелей раздора». Да, вот еще откровение современного еврейского поэта Мориса Самуеля. Вот что он писал: «Мы, евреи, разрушители... Что бы ни делали другие народы для нашего блага, мы никогда не будем довольны». — Захлопнув книгу, Бойченков подал ее Слугареву. — Возьми. Эта страшная книга стоила жизни Эдмону Дюкану. Извини, я тебя перебил.

— И потому не случайно, — продолжал Слугарев прерванный

монолог, которым он отвечал на вопрос Бойченкова («Никакого просвета, никаких надежд?»), — банда Троцкого свой приход к власти России ознаменовала жесточайшим разгромом русской православной церкви, физическим истреблением духовенства, запретом веры как таковой. Отлучением всех граждан от религии, которая объявлялась опиумом народа... Да, религия была иммунитетом против духовного разложения. Сионисты тоже создали себе иммунитет: антисемитизм. Это сильнейший, безотказно действующий механизм самозащиты. Он лишил народы возможности бороться со злом, прикрываясь, как пугалом, словом «антисемитизм». Люди боятся не только бороться с этим злом, защищать себя от его яда, но и произносить вслух это слово. Иначе на тебя немедленно будет поставлено зловещее клеймо «антисемит», «черносотенец», «фашист». Даже слово «еврей» мы произносим шепотом. Человечество не знает всей правды о сионизме, потому что ему не позволяют ее узнать. Вообще в мире господствует ложь, дурман, который исторгают на общество сионистские средства массовой информации. Печать, кино, телевидение, радио во всем мире контролирует Сион. Он манипулирует общественным мнением в своих интересах. Ты уповаешь на трудящихся, на тех, кто создает материальные и духовные ценности. Тщетно! Они такие же гои, как и люмпен-интеллигенты, которых ты называешь дипломированными мещанами. Они не понимают проблемы сионизма, потому что им не дозволено ее понимать. А те, кто понимает, те безмолвствуют, потому что им строго-настрого запрещено о ней говорить. Запрещено сионистами и их верными лакеями — предателями интересов народа.

Слугарев внутренне воспламенился, лицо его полыхало багрянцем, взгляд ожесточился. Он сбросил с плеч пиджак и небрежно швырнул его на стул. Прижимая двумя руками к груди книгу Дюкана, он заговорил негромко, дрогнувшим голосом:

— Иногда хочется подняться над землей и закричать на всю планету: Люди! Человеки! Мои беспечные братья! Очнитесь от сионистского гипноза! Стряхните с себя мерзкое, отвратительное тряпье лжи, духовного и телесного разврата, который вселил в ваши доверчивые души Сион! Возьмитесь за руки и станьте грозной неприступной скалой в преддверье пропасти двухтысячного года и не дайте столкнуть себя в бездну сионистского ада! Вы не гои, не двуногий скот, как вас презрительно называют те, кто нарек себя «божьими избранниками». Вы люди, человеки, созидатели, творцы, гении. Вас миллиарды. Их — разрушителей, ничтожные миллионы. Наберитесь мужества и гордости, набросьте на их хищные, ядовитые пасти узду, вырвите у них смертоносное жало, лишите их воровски присвоенных себе привилегий и благ, заставьте их жить, как все, на равных со всеми, лишите их награбленного золота и тех кровавых триллионов, с помощью которых они диктуют свои условия и правила жизни народам и государствам, покупают президентов, премьеров и министров, генералов и дипломатов, художников и журналистов!

Он вдруг умолк и устало подсел к столу. Не говоря больше ни слова, налил себе пива и залпом осушил бокал. Облегченно вздохнул, словно сбросил с себя тяжелый груз. Бойченков смотрел на него долгим печальным взглядом. Произнес без упрека и сожаления, просто заключил:

— Ты так и не ответил на мой вопрос. То, что ты сейчас сказал, для меня не новость. Думаю, что и для Председателя.

Но свой пылкий монолог ты включи в справку — пусть почитает. Эмоции в данном случае полезны, конечно, в сочетании с фактами.

— Будут и факты, не сомневайся. А мне пора, надо ехать, — сказал Слугарев и поднялся.

Бойченков проводил его до машины. Задержав руку Слугарева в своей руке, подбодрил:

— Насчет нужности задания Председателя не сомневайся: он что-то серьезное задумал.

— В серьезность его я не верю. Но документ будет откровенный и весомый.

Бойченков поощрительно закивал головой, и тихая дружеская улыбка осветила его грустное лицо.

2

В тот же день, а точнее — вечер, придя с работы, Слугарев начал читать записки Дмитрия Ивановича, то есть его тетрадь, в которой без всяких комментариев были выписаны цитаты из разных авторов по одному и тому же вопросу. Как и советовал Бойченков, Иван Николаевич начал с Карла Маркса: именно его статья «К еврейскому вопросу» и открывала тетрадь. Слугарев был знаком с этой статьей, но сейчас он читал ее с особым интересом, поскольку именно словами Маркса он решил предварить справку о сионизме и «еврейском вопросе». Сам еврей по отцу, Маркс как никто другой знал и понимал характер и психологию еврея, знал, так сказать, «изнутри», и было бы глупо обвинять его в антисемитизме, как это делают сионисты в отношении любого, кто посмеет критически отзываться об их деятельности. Маркс писал: «Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Какой мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги... То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде — презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т. д. становятся предметом торговли!.. Еврейство не могло создать никакого нового мира».

Слугарева поразила фраза о презрении к искусству, к истории, к человеку, притом презрении сознательном (Маркс подчеркнул это слово). Сразу мелькнуло сомнение: прав ли Маркс? Не опровергается ли это опытом? Уж где-ни-где, а в искусстве евреи шумною толпой хозяйничают. Да и в исторической науке их полным-полно. «Хозяйничают — это так, а что выдающегося создали?» — с иронией спросил себя Иван Николаевич. И ничего достойного в искусстве так и не вспомнил. Зато имя академика Минца всплыло мгновенно, как только он подумал об историках. Уж этот «ученый» как никто другой «наследил-накопытил» в исторической науке, так что будущим поколениям придется переучиваться. Презрением к русской истории отдает от исторических трудов этого академика.

После Маркса следовало краткое, всего в несколько строк, замечание Энгельса: «Я начинаю понимать французский антисемитизм, когда вижу, как эти евреи польского происхождения с немецкими фамилиями пробираются повсюду, присваивают себе все, повсюду вылезают вперед, вплоть до того, что создают общественное мнение города-светоча...» Имелся в виду Париж. «А разве только во Франции присваивают себе все, повсюду вылезают вперед? — подумал Слугарев. — Такое происходило и происходит и в нашей стране. Происходит и сегодня, как и сто лет назад. Ничего не меняется. Но попробуй об этом вслух сказать, как тотчас же на тебя навесят ярлык «антисемита», «фашиста».

Листая страницу за страницей, Иван Николаевич читал нелестные отзывы о евреях разных людей, живших в разное время и в разных странах, и поражался, что, в сущности, все они говорит одно и то же. Вот римский философ Сенека: «Этот народ — чума, сумел приобрести такое влияние, что нам, победителям, диктует свои законы». Вот Цицерон: «Евреи принадлежат к темной и отталкивающей силе — кто знает, как многочисленна эта клика, как они держатся вместе и какую мощь они могут проявлять благодаря своей опасности». А вот слова короля франков Гунтрама, жившего в VI веке: «Да будет проклят этот дьявольский народ, который живет только обманом». Вот Джордано Бруно: «Евреи являются зачумленной, прокаженной и опасной расой, которая заслуживает искоренения со дня ее зарождения».

Французский писатель (XVII век) Жан Воевтер говорил: «Евреи являются не чем иным, как презираемым и варварским народом, который на протяжении длительного времени сочетал отвратительное корыстолюбие с ужасным предрассудком и неугасимой ненавистью к народам, которые их терпят и на которых они обогащаются». А вот голос из-за океана американского ученого и государственного деятеля Бенджамина Франклина, жившего в XVIII веке: «Где бы ни было, в стране, где поселяются евреи, независимо от их количества, они понижают ее мораль, коммерческую честность... строят государство в государстве и, в случае оппозиции к ним, стремится смертельно задушить страну в финансовом отношении. Если мы путем конституции не исключим их из Соединенных Штатов, то менее чем через двести лет они ринутся в большом количестве, возьмут верх, проглотят страну и изменят форму нашего правления. Я предупреждаю вас, джентльмены, если вы не исключите евреев навсегда, то ваши дети будут проклинать вас в ваших могилах».

И еще один государственный деятель — австрийская императрица Мария-Тереза с той же категоричностью, как и Франклин, заявляла: «Впредь ни один еврей, независимо от того, кто он такой, не будет оставаться здесь без моего письменного разрешения. Я не знаю никакой другой злополучной чумы внутри страны, как эта раса, которая разоряет народ хитростью, ростовщичеством, одолжением денег и занимается делами, отталкивающими честных людей». Ее современник, другой монарх, Петр Первый, говорит то же самое: «Я предпочитаю видеть в моей стране магометан и язычников, нежели евреев. Последние являются обманщиками и мошенниками. Они не получат разрешения поселиться и устраивать свои дела». Позже ему вторил другой монарх — Наполеон Бонапарт: «Нищета, вызываемая евреями, не исходит от одного индивидуального еврея, но является сущностью всего этого народа. Они как гусеницы или саранча, которые поедают Францию... Я не хочу их иметь больше, чем их есть в моем государстве. Я делаю все, чтобы доказать мое презрение к этой подлейшей нации мира». А еще позже президент Трансва-

аля Крюгер: «Если б можно было сбросить с шеи нации еврейских монополистов, не вызвавши войну с Великобританией, — проблема мира в Южной Африке была бы решена».

«Неужто все эти монархи находились в плену предрассудков и заблуждались в отношении евреев?» — спрашивал себя самого генерал Слугарев. Вспомнил, как он, прочитав «Черную книгу» Эдмона Дюкана, задал этот вопрос Бойченкову, и Дмитрий Иванович ответил ему кратко: «Не за то волка бьют, что он сер, а за то, что овцу съел». «Ну хорошо, — рассуждал Иван Николаевич, — предвзятость монархов можно чем-то объяснить (чем именно: он не знал), ну а как же быть с историками, писателями, с их извечным стремлением к правде, к объективному отражению действительности? Ведь они олицетворяют собой совесть народа, уж их-то обвинить в предвзятости было бы по меньшей мере несправедливо, к их голосу надо бы прислушаться повнимательней, все сказанное ими взвесить, обдумать, оценить». И Слугарев, листая дальше тетрадь Бойченкова, услышал честные голоса, выражаясь по-нынешнему, интеллектуалов. Говорит композитор Ференц Лист: «Настанет момент, когда все христианские нации, среди которых живут евреи, поставят вопрос: терпеть ли их дальше или депортировать? И этот вопрос по своему значению так же важен, как вопрос о том, хотим ли мы жизнь или смерть, здоровье или болезнь, социальный покой или постоянное волнение». А вот голос с другого конца планеты, из Страны восходящего солнца — голос японского ученого Мабучума Окума: «Евреи во всем мире разрушают патриотизм и здоровые основы государства». То же самое говорит и Америка устами мэра Нью-Йорка Джона Хайлана: «Настоящая угроза нашему государству в невидимом правительстве, которое, подобно гигантскому спруту, простирает свои щупальца над нашим городом, штатом и нацией. Во главе этого спрута стоит маленькая группа банкирских домов, которая обычно называется как «интернациональные банкиры». Эта небольшая артерия банкиров на самом деле управляет нашим правительством в своих эгоистических целях».

И еще один честный американец, писатель-публицист Дуглас Рид, с душевной болью восклицал: «Как мы дошли до жизни такой? Какими средствами довели Америку (и весь Запад) до такого состояния, когда ни один политик не займет важного места и ни один издатель не будет чувствовать себя спокойным за своим столом, пока не постелют коврики и распластаются на полу, выразив покорность Сиону?»

Из Америки опять в Европу. Французский историк Эрнст Ренан писал: «В Восточной Европе еврей подобен раку, медленно въедающемуся в тело другой нации. Эксплуатация других людей — это его цель».

Многие классики мировой литературы в своих произведениях обращались к «еврейскому вопросу»: Эмиль Золя, Болеслав Прус, Мопассан, А. Куприн, А. Чехов, Ф. Достоевский. Мопассан «видел в евреях властителей, которые повелевают королями-повелителями народов, поддерживают или низвергают троны, могут разорить или довести до банкротства целую нацию, точно какого-нибудь виноторговца, гордо посматривают на приниженных государей и швыряют свое нечистое золото в приоткрытые шкатулки самых правоверных католических монархов, а те вознаграждают их грамотами на дворянство, титулами и железнодорожными концессиями». Один из персонажей романа «Кукла» Б. Пруса говорит:

«Но это великая раса! Они завоюют весь мир, и даже не с помощью своего ума, а наглостью и обманом». В романе «Деньги» Э. Золя есть такие слова: «И он в бешенстве предсказывал конечную победу евреев над всеми народами, когда они захватят все богатства земного шара; ждать этого недолго, раз им позволено с каждым днем расширять свое царство и раз какой-то Гудерман уже пользуется в Париже большим почетом, чем сам император». «Таков весь еврейский народ, этот упорный и холодный завоеватель, который находится на пути к неограниченному господству над всем миром, покупая один за другим все народы всемогущей силой золота».

Иван Николаевич захлопнул тетрадь Бойченкова и поднялся из-за стола. Его охватило чувство смятения, тревоги и еще чего-то странного, смесь гнева и собственной беспомощности. Подобное он испытал раньше, когда читал книгу Дюкана. Сейчас она лежала на письменном столе рядом с тетрадью Бойченкова в мягкой черной обложке, на которой резко выделялись кроваво-красные слова: «Эдмон Дюкан. Черная книга». Слугарев нервно зашагал по кабинету, ощущая непривычный озноб и растерянность. В горле пересохло. Он вышел в кухню и открыл холодильник, извлек бутылку минеральной и залпом выпил стакан холодной воды. Движения его были резкими, угловатыми. Постояв с минуту у окна, уставившись в немом оцепенении на вершины деревьев, тронутых первым багрянцем, он вернулся в кабинет, и взгляд его, как магнит, устремился на «Черную книгу». Он подошел к письменному столу, раскрыл книгу наугад где-то в середине и прочитал: «В 1547 году Толедский архиепископ обнаружил письмо константинопольских евреев испанским евреям, в котором говорилось: «Дорогие братья в моисеевом законе. Мы получили ваше письмо, в котором вы извещаете нас о муках и горе, которые вы переносите, и заставляете нас так же страдать. Мнение великих сатрапов и раввинов таково: относительно того, что вы говорите, что короли Испании заставляют вас сделаться христианами, сделайтесь такими, ибо вы не можете иначе поступить. Относительно того, что вы говорите, что вас заставляют покинуть ваше имущество, сделайте ваших сыновей купцами для того, чтобы у них (испанцев) мало-помалу отнять их имущество. Относительно того, что вы говорите, что у вас отнимают вашу жизнь, сделайте ваших сыновей врачами и аптекарями, и вы отнимете у них их жизнь. Относительно того, что вы говорите, что они разрушают синагоги, сделайте ваших детей священниками и теологами, и вы разрушите их храмы. Относительно того, что вы говорите, что они причиняют вам и другие мучения, сделайте, чтобы ваши сыновья были адвокатами, прокурорами, нотариусами и советниками и чтоб они постоянно занимались государственными делами для того, чтобы, унижая их, вы захватили эту страну, и вы сумеете им отомстить за себя. И не нарушайте совета, который мы вам даем, чтобы вы путем опыта увидели, как вы из презираемых станете такими, с которыми считаются. Иосиф — глава евреев Константинополя».

«Эта инструкция, — комментировал Дюкан, — вот уже на протяжении свыше четырехсот лет неукоснительно претворяется в жизнь во всех странах мира. Собственно, она заложила фундамент «Протоколов сионских мудрецов», которые появились тремя столетиями позже. Совпадения настолько очевидны, что только матерый сионист или бесчестный лакей может отрицать под-

линность «Протоколов». Давайте обратимся хотя бы к нескольким строкам «Протоколов». «Администраторы, которых мы выбираем в строгом соответствии с их способностью к раболенному подчинению, вовсе не будут лицами, обученными искусству управления, и легко превратятся поэтому в пешки в нашей игре, в руках знающих и способных мужей, которые будут их советниками, являясь специалистами, воспитанными и тренированными с раннего детства для управления делами всего мира».

Прокомментировав эти строки с позиций их сегодняшнего воплощения в жизнь в разных странах мира, автор «Черной книги» рассказал, как скрупулезно воплощаются в современной действительности рекомендации «сионских мудрецов» в смысле оболванивания народа, а вернее, превращения целого народа в безмолвную, лишенную собственного мышления толпу. И он процитировал следующие параграфы из «Протоколов»: «Ни одно сообщение не достигнет читающей публики без нашего контроля. Уже сейчас мы достигаем этого тем, что все новости получаются немногими агентствами, в которых они собираются со всех концов света». И еще: «Чтобы забрать в руки общественное мнение, мы должны привести его в состояние полного разброса, дав возможность высказывать со всех сторон столько самых противоречивых мнений в течение столь долгого времени, чтоб народы окончательно потеряли голову в этом лабиринте, придя к заключению, что лучше всего вообще не иметь никакого мнения в политических вопросах, понять которые не дано обществу, ибо их понимают лишь те, кто им управляет... и мы вычеркнем из памяти людей все нежелательные нам факты прежней истории, оставив лишь те, которые будут расписывать лишь ошибки прежних правителей».

Эти последние строки вызвали на лице Слугарева горькую ухмылку: он вспомнил, как расписываются подлинные и мнимые ошибки Сталина. Иван Николаевич был полностью солидарен со своим партизанским другом Эдмоном Дюканом в отношении бесспорной подлинности «Протоколов сионских мудрецов». Как не сомневались в этом и два выдающихся патриота Америки — автомобильный король Генри Форд и писатель-публицист Дуглас Рид. Их высказывания Слугарев услышал из уст генерала Бойченкова, до того читал в книге Дюкана, которая лежала сейчас перед ним, раскрытая на страницах, где были воспроизведены эти вещие слова. Дуглас Рид, как и Генри Форд, ссылался на свой личный, притом очень горький опыт: «Закабаление печати произошло точно так, как оно предсказано в «Протоколах», и автор сам мог убедиться в этом благодаря принадлежности к своему поколению и своей профессии».

На открытии первого сионистского конгресса 29 августа 1897 года профессор Киевского университета Мандельштам сказал: «Евреи используют все свое влияние и власть, чтобы воспрепятствовать подъему и процветанию других наций, и полны решимости оставаться верными своей исторической надежде — завоеванию мирового господства».

Иван Николаевич перевел дыхание, отодвинул от себя книгу Дюкана и откинулся на спинку кресла. Волнение, которое нарастало в нем и ширилось с каждой прочитанной строкой, кажется, достигло предела. Нужно было остановиться, разобраться с мыслями, обрушившимися на него таким неожиданным мощным шквалом, успокоить разбушевавшийся в душе шторм неожиданных и жутких открытий. «И все, что произойдет в последующие пятьдесят лет, если только заговор не вызовет соответствующей ему силы противодействия...» — вслух повторил Слугарев слова Дугласа Рида. Пятьдесят лет, о которых пророчески говорил американский публицист, прошли, не вызвав со стороны мировой общественности никакого противодействия сионистскому заговору. В последнее полстолетие сионисты действовали, как и прежде, и продолжают действовать в соответствии со своей исторической программой, то есть «Протоколами», которые по-прежнему тщательно прячут от народа, по крайней мере в нашей стране. Еще совсем недавно по приказу Троцкого и Бухарина только за их чтение человека лишали жизни.

Лейба Троцкий. У России не было более жестокого разрушительного врага, чем этот сионист, с помощью международного кагала и заправил империалистических государств прорвавшийся к власти в семнадцатом году. Демагог-палач, безжалостный и беспощадный, он цинично издевался над поверженной в хаос страной, заливая ее необозримые просторы народной кровью и прежде всего кровью лучших людей нации — интеллигенции. Слугареву запомнилось, врезалось в память сердца высказывание о Троцком его соплеменника Арона Симановича — личного секретаря Григория Распутина. В своих «Воспоминаниях» Лейба Давидович Троцкий, который стремился к развалу величайшей в мире державы — России, по этому поводу говорил: «Мы должны превратить ее в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупления, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, — о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, писателей!»

Это была чудовищная программа, и Троцкий со скрупулезной точностью проводил ее на практике с помощью своих соплеменников — «юношей в кожаных куртках». Слугарев знал, что в наши дни сыновья и внуки тех «юношей», так же, как их деды и отцы, «умеют ненавидеть все русское» и готовят окончательный развал Советской России, полное крушение которой запланировано на конец нашего века. Знает Иван Николаевич, какой дружной, оголтелой травле в нашей стране подвергаются патриоты, дерзнувшие неодобрительно отозваться о сионистском Израиле или о каком-нибудь деятеле еврейской национальности. Знакомый писатель рассказывал ему, что автор, изобразивший в своем произведении отрицательным персонажем еврея, обрекает себя на пожизненные невзгоды. Прежде всего его книга может не

увидеть света или не дойти до читателя. А если по недосмотру издателей и появится на полках книжного магазина, то сионистская критика не откажет себе в удовольствии учинить испепеляющий разгром этого произведения, будь оно трижды талантливо. Автора объявят графоманом, бездарным проходимцем, злопыхателем, черносотенцем, фашистом. Подлецами можешь изображать русских, украинцев, татар, якутов, кого угодно, — только не еврея, которому в литературе самой судьбой предназначена роль героя, положительного персонажа. И тогда автор может рассчитывать на благосклонность критики. Невольно вспомнились ему слова Антона Чехова, записавшего в своем дневнике: «Такие писатели, как Н. С. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха, так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора, совершенно непонятного для них, и видящие в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного инородца. У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смешит ее».

Тот же знакомый писатель рассказал Слугареву, как посредственный роман Александра Фадеева «Разгром» просионистской критикой был поднят на Олимп, как наивысшее художественное достижение советской литературы. Главный положительный герой «Разгрома» первоначально носил русскую фамилию. Но «интимный друг» молодого писателя Раиса Самойловна Землячка посоветовала автору заменить русскую фамилию на еврейскую и обязательно из племени Левитов: Левин, Левитан, Левитин и тому подобное. Фадеев не мог отказать обожавшей его женщине, стоящей в то время на вершине власти. Так в романе «Разгром» появился Левинсон. Рассказывал Ивану Николаевичу его знакомый писатель, как из дремучей посредственности — будь то поэт, артист, художник, музыкант — критики, о которых говорил Чехов, делают классиков, гениев. Талантлив он или бездарен, не имеет значения, — важно, чтоб он был женат на еврейке («Институт жен», — мрачно подумал Слугарев). Тогда появятся всевозможные почести, лауреатские медали и Золотые Звезды Героя Труда, всемирная известность: для международного сионизма не существует государственных границ, а информация и связь там отработана безукоризненно. Примеров на этот счет — пруд пруди. Писатель называл имена Алексея Суркова, Степана Щипачева и многих иных, ныне позабытых, а когда-то при жизни обремененных всевозможными почестями и административной властью над своими куда более талантливыми коллегами, но униженными и оскорбленными, не связавшими свою судьбу с «институтом жен».

Слугарев вспомнил свою последнюю поездку на дачу к Бойченкову, разговор с Дмитрием Ивановичем на больную, кровоточащую тему, подумал: «А ведь я так и не ответил на его вопрос: есть ли просвет и где же выход? Не ответил, потому что сам не вижу и не знаю. В одном убежден: сионисты уготовили человечеству рабство. Они хотят превратить весь мир в поверженную, опозоренную Палестину и уже многого добились на пути к мировому господству. Самое трагическое, что беспечные доверчивые гои не видят этого и не понимают. Они, как стадо баранов, послушно бредут в преисподнюю дьявола. Или в диком экстазе, сытые и голодные, белые, черные, цветные, одурманенные наркотиками и сексуальным развратом, возбужденные вирусом жестокости и насилия в предсмертной агонии, пляшут чужой, навязанный им сатаной тлетворный танец, не ведая, что они уже не люди, не человеки, а двуногие животные, пребывающие в глубоком гипнозе. И некому их разбудить. Те, кто хотел бы открыть им глаза на смертельную опасность, схвачены за горло ядовитыми щупальцами сионистского спрута, скованы по рукам и ногам. Их трагический голос отчаяния и боли заглушается всеподавляющим бесовским гулом радиотелевизионной лжи и разврата. Стремительно приближается двухтысячный год, когда Сион намерен оповестить мир о своем триумфе, о победе зла над добром. Неужто такому суждено случиться?!»

Не хотелось верить. Нет-нет: человечество должно пробудиться. Правда должна победить.

Надежда... Чего стоит она без действий? Пустые иллюзии. Надежда утешает осужденного на казнь даже тогда, когда он идет на эшафот: авось в последние секунды поступит приказ о помиловании. Человечество не может надеяться на авось, жить в атмосфере иллюзий, апатии и беспечности. Нужна борьба, организованная, решительная и беспощадная. Сионисты создали свои организации во всемирном масштабе — официальные, полуофициальные и тайные. Для своего спасения человечество, весь род людской должны создать Всемирный антисионистский конгресс с широкой сетью низовых организаций, которые будут предавать гласности подрывные действия сионистов во всех сферах жизни и во всех странах мира. Мысленно Слугареву уже слышался ехидный вопросик какого-нибудь профессора из Московского института кинематографии: «А что вы подразумеваете под «подрывными действиями»?» — «А те, профессор, что вы принимаете в свой институт студентов исключительно еврейской национальности. И то, что в России нет русского кино. В Грузии есть грузинское, на Украине — украинское, в Латвии — латышское, а в России — еврейское. Вы возмущены, господин профессор от кинематографа? Не спешите с фейерверком изношенных от частого вами употребления слов: «антисемит», «черносотенец», «фашист»! Научитесь смотреть правде в глаза и считаться с фактами. А их — тьма-тьмущая на каждом шагу. Вы же знаете, как телезрители называют голубой экран — тельавидение. Почему? Вы тоже знаете: там ни Русью, ни русским духом не пахнет. А театры? Там тоже правят товстоноговы да марки захаровы, шатровы да гельманы. Коль есть Всемирный сионистский конгресс, то вправе быть и Всемирному антисионистскому конгрессу. Для равновесия добра со злом. Для справедливости».

Слугарева давно возмущала несправедливость: объявив себя «божьими избранниками», евреи фактически превратились в привилегированную нацию, притом привилегии эти получают за счет народов других национальностей и в ущерб им. По численности евреи в СССР составляют менее одного процента от всего населения страны. Вместе с тем в науке и культуре их — двадцать процентов. По официальным, как правило заниженным данным, от общего числа писателей — евреев 44 процента, врачей — 14 процентов, музыкантов — 23 процента. В кинематографе число их достигает 90 процентов. Чуть меньше в средствах массовой информации. Особенно разительное соотношение в сфере образования и науки. На тысячу человек русских приходится всего тридцать человек с высшим образованием, евреев же четыреста

человек, то есть почти каждый второй имеет высшее образование. Подобная картина в Академии наук: из 250 академиков 170 евреев. «Не в этом ли причина отставания нашей науки и техники?» — спрашивал себя Иван Николаевич и отвечал: «Липовые академики вроде Аркадия Гарбатова и Бориса Пономарева, липовые доктора-профессоры, липовые гении-писатели вроде Иосифа Бродского». И удивился: почему никто не протестует против такой несправедливости, почему молчит общественность? Впрочем, он знал ответ: потому что страной правят представители «божьих избранников» и их верные лакеи из «института жен» вроде Мирона Андреевича Серого да и самого Леонида Ильича. И вспомнилось ему стихотворение большого русского поэта Василия Федорова «Рабская кровь». Да, не подавили русские люди в себе раба, лакея. В этом трагедия народа.

Когда справка для Председателя была готова, Слугарев узнал, что Председатель уже не Председатель, что он занял пост умершего члена Политбюро и секретаря ЦК М. А. Суслова, которому непосредственно подчинялся Председатель.

3

В одной из стран Западного полушария в роскошных апартаментах гостиницы «Северное сияние» всего лишь на одни сутки остановились два почтенных американца: сенатор Сол Шварцбергер и представитель Всемирного сионистского конгресса Милош Савич — он же Мариан Савинский. Да, тот самый Савич, который прошел «школу» Симонталя, израильского «Моссада» и американского ЦРУ, да плюс еще западногерманского ведомства генерала-разведчика Гелена. Здесь предстояла их встреча с советским послом в этой стране и срочно прилетевшим из Москвы придворным депутатом Верховного Совета, Героем Соцтруда академиком Аркадием Гарбатовым, ведущим американистом, советником и вообще доверенным лицом самого Брежнева и его супруги Виктории Гольдберг. Встреча носила чрезвычайный характер, как явление всемирного масштаба, поскольку речь шла больше, чем о судьбе великой державы — СССР, ибо с ее судьбой были связаны судьбы многих стран и народов.

Извещенные по телефону послом о прибытии с секретной миссией Гарбатова Сол Шварцбергер и Милош Савич догадывались, о чем пойдет речь между ними и высокопоставленными советскими представителями: по своим каналам американцы же получили сообщение из Москвы о клинической смерти Леонида Брежнева, хотя для широких кругов советской общественности это была государственная тайна, которую строго хранил узкий круг медперсонала Кремля и приближенные к главе партии и государства бонзы.

Шварцбергер и Савич сидели в просторном холле за круглым столом, сервированным легкими сандвичами, соками, бутылками вина, коньяка и виски, и, поджидая академика и посла, вели неторопливый разговор. С академиком Гарбатовым оба американца (впрочем, у Савича, кроме американского паспорта, были паспорта Израиля и ЮАР) были знакомы, неоднократно встречались в США, куда именитый академик частенько наведывался. Для него перемахнуть океан не составляло никакой проблемы — ему было проще слетать в Нью-Йорк, чем неименитому советскому ученому в Киев или Минск. Осведомленный читатель может бросить мне реплику: «Так то ж ученому!» Совершенно верно: Гарбатов не был ученым в полном смысле этого слова, поскольку не имел никаких подлинно научных трудов. Его научный интеллект не выходил за рамки провинциального журналиста или рядового сотрудника какого-нибудь гуманитарного НИИ. Но ведь в нашей стране, чтобы быть академиком, совсем не обязательно быть ученым. Так что Аркадий Гарбатов совсем не составлял какого-то исключения. Таких, как он, немало в советском храме науки: В. Тихонов, П. Поспелов, Б. Пономарев, Т. Заславская, Г. Арбатов, С. Шаталин, всех не перечесть. Это своего рода особый отряд «деятелей», которых высшая власть за какие-то тайные, неизвестные широкой общественности заслуги награждала пожизненной рентой, которая давала возможность безбедно жить, ничего не делая. Потому-то многие ученые, недоучки и даже неучи мечтали об академической мантии, завидовали тем, кто ее имел. Мечтал и посол, которого мчал голубой «мерседес» в гостиницу «Северное сияние», мечтал и завидовал сидящему рядом с ним Гарбатову. Александр Яковлевич — так звали посла — считал себя более достойным академического звания, чем этот выскочка и придворный лизоблюд Гарбатов. Ведь как-никак Александр Яковлевич имел ученую степень доктора исторических наук и лет десять тому назад стремительно приближался к академическому святилищу, и уж было совсем приблизился к порогу, и уж было занес ногу, чтоб переступить этот порог, как вдруг судьба-злодейка подставила ему ножку, и он, кувыркаясь по жестким ступенькам карьеры, не скатился вниз, а, сумев сделать неожиданное сальто, оказался по другую сторону Атлантики в должности советского посла. Можно сказать, что ему повезло, хотя сам он так не думал и нещадно корил судьбу.

Александр Яковлевич принадлежал к той категории советских дипломатов, которая, в сущности, прямого отношения к дипломатии в профессиональном смысле не имела, но была широко распространена в хрущевско-брежневские времена. Это был довольно многочисленный отряд чрезвычайных и полномочных послов из числа проштрафившихся партаппаратчиков, для которых назначение на дипломатическую работу скорее означало почетную ссылку. Для большинства из них это была последняя ступенька служебной карьеры. Но случались, хотя и редко, исключения.

Александр Яковлевич до своего назначения послом работал в центральном партаппарате, занимался вопросами истории и теории КПСС, наследуя традиции небезызвестного Емельяна Ярославского (Губельмана), разоблачал «реакционную сущность» православной церкви, довольно часто выступал на страницах газет и журналов. Впоследствии его публицистические упражнения, собранные воедино, легли в основу докторской диссертации, которую он с помощью друзей из Академии общественных наук и Высшей партийной школы защитил без особых хлопот и усилий. Судьба ему улыбнулась — за его спиной маячила властная, зловещая фигура товарища Серого, покровительство которого вселяло беспроигрышную уверенность в победном финише. Но случилось неожиданное, что часто случается с азартными игроками. Увлекшись борьбой с патриотически настроенными «слоями» интеллигенции, со всяческими «почвенниками», «неорусофилами», поклонниками национальных традиций, духовных корней, Александр Яковлевич не учел, что среди его оппонентов есть и весь-

ма крупные деятели культуры и науки, такие, как Михаил Александрович Шолохов, академик Иван Матвеевич Виноградов, всемирно известные художники, музыканты, артисты. Да и на Старой площади многие партаппаратчики не разделяли космополитской прыти Александра Яковлевича. Особое возмущение общественности вызвала статья в центральной газете, в которой доктор исторических наук гневно клеймил писателей и публицистов, призывающих к патриотическому осмыслению своей истории, ее духовных и нравственных корней. Высокие партийные и правительственные инстанции захлестнул поток писем читателей, возмущенных статьей Александра Яковлевича. Идейный раскол, накопившийся в среде интеллигенции, угрожал выплеснуться наружу и пустить трещины в монолите «единомыслия» народа. А этого-то и опасался Брежнев, привыкший к блаженной тишине и покою. Тем более что «позицию» Александра Яковлевича не только не поддержали, но и осудили некоторые члены Политбюро. Последнее обстоятельство не на шутку встревожило автора скандальной статьи: угроза для карьеры приобретала реальные очертания. Об этом он откровенно рассказал Елизавете Ильиничне — супруге товарища Серого. Елизавета Ильинична нашла опасность преувеличенной, попыталась успокоить встревоженного историка и обещала поговорить с супругом. «Мирон Андреевич все уладит: у него с Леонидом Ильичом полное согласие». Но увы — Брежневу были дороже общественный покой и согласие с членами Политбюро, недовольными статьей. Доводы Серого, что молодой историк, мол, высказал свое личное мнение ученого, Брежнев парировал: «Он — лицо официальное, должностное, и его позиция воспринята как позиция ЦК». И посоветовал на какое-то время «передвинуть» возмутителя спокойствия. «Послом?» — спросил Серый, и в его вопросе звучали предложение и даже просьба. «Куда нибудь подальше», — согласился Брежнев.

Так Александр Яковлевич оказался в далекой северной стране. Напутствуя его, Мирон Андреевич покровительственно пообещал: «Это ненадолго. Время успокоит страсти».

В машине молчали, недоверчиво поглядывая на водителя, который тоже был нем, как рыба.

— Что ж, Александр Яковлевич, пробил твой час, — наконец нарушил молчание Гарбатов. Сутулый, тучный, он ронял спокойные слова своим гнусоватым, с пренебрежительными оттенками голосом. Во всем его небрежно-хмуром облике сквозила гипертрофированная вселенская важность и значимость, которую он придавал своей персоне.

— Что ты имеешь в виду? — негромко и мрачно, преднамеренно приглушенным голосом отозвался посол. Он вообще имел мрачный характер, и эту мрачность усиливал его внешний вид: тучная, угловатая большеголовая фигура, лицо бульдога с грубыми чертами, словно вырубленное топором запойного лесоруба — мясистый утиный нос над толстыми плотоядными губами, упрямый бычий лоб, нависающий над глубоко посаженными холодными глазами.

— Пора возвращаться тебе в Москву, — прогнусавил академик, в полусонном вальяжном голосе его звучали покровительственные нотки. Этот самоуверенный тон Гарбатова всегда раздражал Александра Яковлевича, в нем ему слышались нескрываемое высокомерие и даже пренебрежение. Посол промолчал, и

после паузы Гарбатов снова заговорил: — С Соломоном вы, кажется, знакомы. — В его словах не было вопроса, но посол ответил:

— С Солом Шварцбергером мы учились в Колумбийском университете. Это было давно. Тогда он был холост. Сделал карьеру, женившись на дочери мексиканского миллионера Хаиме Аухера. Их было два брата — Хаиме и Аарон. И оба уже в могиле. Умерли в один год в преклонном возрасте.

— Хаиме был великий человек с умом пророка, — почтительно отозвался академик. — О нем мне рассказывали Илья Эренбург и Константин Симонов. Они с ним встречались на каком-то конгрессе.

О своей учебе в Колумбийском университете США Александр Яковлевич предпочитал не распространяться. В то время там готовили советологов различного профиля с откровенно антикоммунистическим направлением.

И опять долгая пустая пауза. Каждый думал о предстоящей встрече, которая должна решить не только личные судьбы посла и академика, но главное — судьбы мира, по крайней мере Советского Союза.

— Что собой представляет Савич? — наконец нарушил молчание посол.

— С Милошем я познакомился лет двадцать, а может, и больше тому назад. Мне его отрекомендовали просто: Моше. У него несколько имен и фамилий. Тогда он был шустрым журналистом-международником. Думаю, это не основная его профессия. Он уже и тогда не просто был связан с некоторыми спецслужбами, а имел там влияние и вес. Родился в Польше. Дом его — вся планета. Владеет многими языками, в том числе и русским. Бывал в Москве. Сейчас важная фигура в сионистском движении. Острый ум, богатая эрудиция, необыкновенная осведомленность, своего рода банк информации, — как всегда тягуче и важно, словно делал одолжение, прогнусавил академик.

— Исчерпывающе, — резюмировал посол и прибавил: — Вот мы и приехали.

Встретились как давние знакомые, более того, как друзья. После обмена обычными в таких случаях светскими любезностями перешли к делу. Поскольку инициатором встречи выступил посол, ему и принадлежало первое слово. Александр Яковлевич был предельно краток: пальму первенства он предоставил московскому гонцу, прибывшему для кого с доброй, для кого с недоброй, но несомненно чрезвычайной вестью. Сообщение из Москвы слушали стоя.

— У Брежнева клиническая смерть, — торжественно, с напускной скорбью сообщил академик, и оба американца сделали вид, что слышат об этом впервые, и приняли соответствующее такому случаю выражение лица.

— Соболезнуем, — печально произнес сенатор низким грудным, но приятным голосом. Высокий, широкоплечий, он выглядел ухоженным и моложавым, умеющим следить за собой. Во всем его импозантном облике, в мягких жестах чувствовались тщеславно выработанные манеры.

— Пора. Всем свое время, — как-то уж слишком обыденно, попросту обронил Савич и первым сел за стол, бесцеремонно разглядывая бутылки. В недалеком прошлом лихой выпивоха, он и в преклонном возрасте сохранил почтение к Бахусу и иногда

позволял себе, конечно, в разумных пределах приложиться к рюмке коньяка. Другие напитки с некоторых пор он высокомерно игнорировал, как недостойные его персоны.

Сели к столу и другие. Самонадеянный циник, хитрый и наблюдательный, Милош Савич не очень считался с нормами приличия и нередко позволял себе непростительные вольности: должно быть, его журналистское прошлое наложило отпечаток на характер. Гарбатова покоробила неуместная бестактная реплика Савича по адресу Брежнева. Изобразив на своем вытянутом, усталом лице значительную мину, Гарбатов угрюмо произнес:

— Я думаю, Милош, вы не станете отрицать заслуги Леонида Брежнева в нашем общем деле. Он сделал все, что от него зависело.

— За свои заслуги он сполна вознагражден, — порывисто сказал Савич, наливая себе коньяк, и, не глядя на Гарбатова, язвительно прибавил: — Он весь в наградах — с головы до ног, спереди и сзади.

Раздался сдержанный негромкий голос сенатора:

— Мавр сделал доброе дело и может с достоинством покинуть этот мир. Нас интересует будущее: кто придет на смену? — Он пытливо уставился на Гарбатова.

— Неожиданностей пока не предвидится, никаких отклонений от расчета, — ответил академик, быстро мимоходом стрельнув пустыми глазами в посла, ожидая от него поддержки.

— Будет Андропов. На сегодня ему нет альтернативы, — отметил посол, положив на стол широкие пухлые руки. Неподвижные холодные глаза его глядели тупо и пристально. Мясистое, широкое лицо ничего не выражало.

— Андропов... — Савич презрительно поморщился. — Шеф КГБ — личность для меня загадочная и непредсказуемая. Он убежденный сталинист.

— Это временная фигура, — успокоил Гарбатов. — Он не жилец: неизлечимо болен.

— А кто его сменит? — Прицеливающийся взгляд Савича направлен на посла.

— Могут быть варианты. Черненко, Романов, Гришин, Щербицкий, Горбачев, Громыко.

— Только не Романов и не Щербицкий! — порывисто воскликнул Савич. — Их приход к власти разрушит все достигнутое при Брежневе. Этого допустить нельзя. Невозможно.

— Почему? — не повышая голоса, поинтересовался молчавший все время сенатор.

— Это истовые славяне-патриоты. Они не любят евреев и поощряют антисемитов, — возбужденно ответил Савич.

— Из названных Александром Яковлевичем кандидатов, — тягуче начал Гарбатов, — надо сразу исключить Громыко и Гришина. Первый безнадежно стар и, как умный политикан, не примет на свои дряхлые плечи пост первого лица, то есть Генерального секретаря. Его вполне устроит ритуальная должность главы государства, о чем он, как мне известно, давно мечтает. Гришин безнадежно глуп, и об этом знает все Политбюро.

— Глуп, груб, невоспитан, — поддержал Гарбатова Александр Яковлевич. — У него нет авторитета ни в партии, ни в народе.

— Он еврей? — спросил Савич. Гарбатов кивнул. А посол счел уместным добавить:

— Фамилию поменял недавно, упорно скрывает свою национальность, при случае не прочь продемонстрировать антисемитские штучки.

— Официально пишется русским? — спросил Савич.

— Половина евреев в Союзе пишутся русскими, белорусами, украинцами, грузинами, — ответил Гарбатов, и мимолетная вежливая улыбка заиграла на его губах. — Как и ваш покорный слуга. Что же касается Романова и Щербицкого, мы приняли меры по их дискредитации.

— А что собой представляет Черненко? — полюбопытствовал сенатор.

— То, что и Брежнев. Предельно ограничен, — сдержанно ответил Александр Яковлевич.

— Жена? — Это Савич.

— Тут все в порядке. — загадочно улыбнулись толстые губы посла.

— Но он, как и Андропов, неизлечимо болен, — добавил Гарбатов. — Это будет халиф на час.

— А дальше? — В голосе Савича нетерпеливая настойчивость.

— Дальше выход на финишную, — ответил посол.

— Я думаю, Щербицкий отпадает: он в преклонном возрасте, да и здоровьем не блещет. Останутся двое.

— Этот ваш интеллектуал-демократ и Романов? — уточнил Савич. — Романов серьезный конкурент?

— Против Романова мы приняли максимум мер: подключили прессу и «беспроволочный телеграф» — так у нас называют слухи, — сказал Гарбатов.

— Романов, Романов, — пробормотал Савич. — Фамилия русских царей... Он не потомок?

— Однофамилец. Распространенная в России фамилия, — ответил Гарбатов.

— Скажите, Александр, ваша кандидатура — как назвал его Милош, интеллектуал-демократ — достаточно надежная? — вдруг обратился к послу сенатор. — Может, еще несколько кандидатур? Чтоб на всякий случай был выбор?

— И резерв, — вклинился Савич.

— Да, и резерв, — повторил сенатор.

Александр Яковлевич был польщен приятельски-фамильярным обращением к нему сенатора и решил ответить тем же:

— Сол, — сказал он, дружески глядя на Шварцбергера. — Я понимаю вашу обеспокоенность, но тот, кого господин Савич назвал демократом-интеллектуалом, и в самом деле демократ по убеждению и человек незаурядного интеллекта. Он был здесь моим гостем, и я убедился, что это так. Он наш человек, наш душой и телом. Гибкий политик, в меру беспринципный, обаятельный, находчивый, без убеждений, на все готовый в экстремальных условиях... Хорошая биография — трудовой стаж, диплом МГУ...

— Я вас понял, Александр, — вежливо перебил сенатор и добавил: — Но альтернативный резерв не повредит.

— Господа, — вмешался Гарбатов, — резерв, конечно же, нужен, но это вопрос отдаленного будущего. Он появится в свое время в конкретных условиях. Не надо спешить: Брежнев еще жив, живы и его потенциальные преемники, а мы уже делим наследство. — Веселая улыбка осветила серое мрачное лицо академика.

— По нашим данным, все может решиться в течение двух-трех ближайших лет, — авторитетно заявил Савич. — Так что о резерве думайте.

— Думаем. Есть еще три кандидатуры. Присматриваемся, изучаем, проверяем. Все трое крупные партаппаратчики. Один — обкомовский секретарь. Импозантен, с популистскими замашками. Грубоват, самонадеян, непредсказуем и — непроходимый пьянчужка. Не хватает интеллекта, но зато избыток ненависти к коммунистам. — Посол умолк, и в комнате повисла выжидательная пауза. — Второй — князь республиканского масштаба. Прославился в борьбе с преступностью, у себя в республике сажал виноватых и невиновных. На этом сделал себе популярность.

— У этой кандидатуры есть существенное «но», которое не пускает его на первые роли, — заговорил Гарбатов, выслушав Александра Яковлевича. — Во-первых, сомнительное, жиденькое образование. Во-вторых, что в нынешних условиях существенно, он грузин, и тень Сталина будет его преследовать, если он займет пост номер один.

— Третий? — стремительно спросил Савич.

— Партаппаратчик из центра. Молодой, толковый, — продолжал Гарбатов. — Пока что неизвестен широкому кругу общественности. Детдомовец. Это плюс. По отцу — Иванович, что тоже имеет вес. Славяне любят: Иванович, значит, свой, не пришелец. Правда, внешность у него отнюдь не славянская.

— Интернациональная, прозападная, — весело заулыбался посол, вызывая улыбки своих коллег.

Внешне сдержанный, тщательно натренированный Соломон Шварцбергер — воспитанник Колумбийского университета, умеющий хорошо владеть собой, не терпел пустых и праздных разговоров. Высоко ценил время собеседников, но особенно свое. Считал, что любая мысль должна выражаться точными лаконичными словами и фразами. И сейчас опасался, что суть встречи может потонуть в словесной шелухе. А ведь речь шла о судьбе Советского Союза — великой державы, которая была единственным препятствием для сионистской Америки на пути к ее мировому господству. Ее агентура, главным образом из числа сионистов, занимающих видные посты в культуре, партийном и государственном аппарате, слаженно действовала в соцстране. И если Сталин не просто сдерживал, а решительно пресекал их деятельность, то Хрущев практически закрывал на них глаза под влиянием своего зятя. Но больше всех для развала СССР сделал Брежнев. Он предамеренно, с помощью своих советников привел страну к экономическому краху, который, по планам ЦРУ, должен доказать несостоятельность социалистической системы. Но как за океаном, так и внутри страны отдавали себе отчет в том, что сразу объявить об этом народу нельзя, переводить политическую стрелку на сто восемьдесят градусов нужно постепенно, поэтапно. Для этого нужен ловкий политикан на капитанском мостике и еще более ловкий штурман-авантюрист, называемый «серым кардиналом». На эту должность претендовали и Аркадий Григорьевич, и Александр Яковлевич. Гарбатов не подозревал в Александре Яковлевиче конкурента. А между тем американцы предпочитали на роль «серого кардинала» не липового академика, способности которого невысоко ценили, хотя и сполна пользовались его услугами, а посла. Их больше устраивал иезуитский ум Александра Яковлевича, его цинизм и отъявленное вероломство. И еще не менее важное, а может, даже главное обстоятельство делало выбор в пользу Александра Яковлевича: он был масон. А это означало, что в будущем и новый правитель страны, кто бы им ни был, не минует масонской ложи: уж «серый кардинал» постарается.

Соломон Шварцбергер и Милош Савич знали, что в СССР за последние пятнадцать лет создана мощная «пятая колонна», ядро которой составляют сионисты и лица нееврейской национальности, связанные родственными узами с «институтом жен». Среди «пятой колонны» нет рабочих и крестьян, и это закономерно: нечасто вы встретите еврея за плугом или у заводского конвейера. Отсутствие в «пятой колонне» представителей трудящихся беспокоило не только деятелей вроде Александра Яковлевича, но и таких, как Шварцбергер и Савич. С этой целью еще в первые годы брежневского правления на подобной встрече — а она проходила в Лондоне — была принята программа воспитания нового поколения трудящихся в духе нового мышления. Дух этот заключался в бездуховности, вещизме, цинизме, стяжательстве, эгоизме, жестокости, нравственном скотстве, вседозволенности и прочих «прелестях», ведущих к деградации личности. Шварцбергер считал, и с ним соглашался Савич, что их московские друзья упрощенно смотрят на осуществление стратегической цели — развал СССР и изменение государственного строя. Не упустили бы мелочей, на которых можно споткнуться и провалить так тщательно спланированную акцию. Вот и теперь, погасив на своем холеном лице вежливую улыбку и приняв официальный вид, Шварцбергер заговорил:

— Господа. — Он произнес это слово элегантно, но с едва уловимым оттенком торжественности, сделал небольшую паузу, требующую особого внимания. — Когда мы говорим или думаем о грядущих коренных переменах в судьбе России, меня всегда преследует вопрос: а позволит ли советский народ — я имею в виду не интеллигенцию, а простой народ, заводской, сельский, — произвести эти перемены? Готов ли он к ним психологически, и учитываете ли вы именно психологический аспект? — Он устремил вопросительный взгляд на академика и продолжил: — Советский Союз — это мощная держава с твердой идеологией широких слоев населения. Она сокрушила Гитлера. Не только танками и «катюшами» — идеями, верой в социализм. Насколько вам удалось скомпрометировать эту идеологию, довести до абсурда? Мы знаем — кое-что сделал Хрущев, больше сделал Брежнев. Есть многомиллионная партия коммунистов. Это сила, с которой нельзя не считаться.

— Мы это учитываем, — самоуверенно ответил Гарбатов. — Прежде всего запланированные революционные перемены будут происходить при совершенно новом рабочем классе, с новой психологией, новым мышлением. Сейчас экономика доведена до крайней черты. Через средства массовой информации мы обвиним в этом партию коммунистов. Коммунисты довели страну до ручки.

— И саму систему, — вставил Александр Яковлевич.

— Социализм себя не оправдал на практике. Значит, ложны оказались марксистско-ленинские теории. Страна живет в долг, хотя народ об этом не знает.

— Народ не знает — это возможно, — вклинился Савич. — Но мне непонятно: что, в Кремле среди руководителей нет ум-

ных людей, которые не видят или не понимают настоящего состояния экономики страны? Что там, все эти члены Политбюро — идиоты?

— Тех, кто понимал, Брежнев убрал по одному. Заменил некомпетентными или, как вы выразились, идиотами, — пояснил Гарбатов.

Сенатор сделал жест рукой, призывая к порядку:

— Господа, не надо отвлекаться на частности. Поговорим о главном, о тех действиях, которые нужно предпринять во время «икс», то есть когда у руля государства станет ваш демократ-интеллектуал.

— Во главе с «серым кардиналом», — добавил Савич и решительно плеснул коньяк в свой фужер. Он немножко захмелел. Сенатор бросил на него неодобрительный взгляд и, двусмысленно улыбнувшись, сказал:

— Я попросил бы Милоша вкратце изложить нашу точку зрения на перспективу.

Савич, который хотел было выпить свой коньяк, с деланным недоумением посмотрел на сенатора и поставил фужер.

— То, что я скажу, — начал он неторопливо, — наши московские друзья знают. Нам хотелось лишь уточнить некоторые детали. — Он вдруг резко вскинул голову. — Чтоб разрушить любое здание, достаточно разрушить фундамент. Что собой представляет фундамент Советской империи? Первое — это партия коммунистов с ее идеологией. Второе — союз национальных республик. Третье — армия, КГБ, ну и Министерство внутренних дел. Дальше — где силы, способные разрушить этот фундамент? Во-первых, средства массовой информации и прежде всего, я повторяю, прежде всего — телевидение. Во-вторых, наши люди в партийном и государственном аппарате, в науке, в культуре. И в-третьих — молодежь. Молодежь — это мощная слепая разрушительная сила. В ней живет фанатичный инстинкт экстремизма, бездумный, животный. Этот инстинкт надо организовать и направить, указать цель, и молодежь, как стадо взбесившихся слонов, пойдет крушить все на своем пути. Для нее нет ничего святого — ни родителей, ни нравственного долга.

— Извините, Милош, — вежливо вступил в разговор сенатор, — что касается животного инстинкта, то он присущ не только молодежи. Это разрушительный инстинкт толпы, жажда громить, крушить, ниспровергать, ее стремление к вседозволенности под лозунгом свободы. На пути вседозволенности стоит закон, который исполняют власти. И разъяренная толпа бросается на представителей власти. Так было во все революции, потому что вожди хорошо понимали психологию толпы и умело ею манипулировали. — Он замолчал и, вопросительно посмотрев на Гарбатова, спросил: — Господин академик не согласен?

— Нет, почему же, все правильно, — ответил Гарбатов. — Как мы знаем из истории большевистской революции, Лев Троцкий отлично использовал молодежь. Кстати, это понимал и Мао в «культурной революции». Мы уже начали работу с комсомолом. Мы создали по всей стране — через комсомол — сеть видеосалонов и дискотек, используем комсомольскую прессу. Во главе многих газет и журналов стоят люди Александра Яковлевича и ждут своего часа. Я хотел бы коснуться вопросов, о которых говорил Савич, о фундаменте. Прежде всего партии. Как в Центральном Комитете, так и в республиках, в обкомах есть наши люди, даже первые секретари крупных областей, члены ЦК. Дискредитацию партии мы начнем со сталинских репрессий.

— И Ленина, — резко вставил Савич. — Ленин — фанатик, жестокий экстремист, террорист.

— С Лениным будет сложней, — сказал посол. — Его сделали иконой.

— Я не думаю, что будут какие-то сложности, — возразил Гарбатов. — В двадцатых годах свергались и более древние иконы, рушились храмы самого Христа Спасителя. Все это делалось руками умело организованной и направленной молодежи, буйство которой не могли остановить даже родители. Дети шли против отцов, и мы это учитываем.

— Все гениальное — просто, и простое — гениально, — пробурчал Савич, — довести народ до голода, а потом твердить ему денно и нощно, что это сделали коммунисты, что социализм оказался утопией, и тогда народ возненавидит и коммунистов, и социализм.

— Это будет революцией сверху. Возглавят ее прогрессивные силы — антикоммунисты, — сказал посол.

— Прежде всего евреи, как наиболее радикальная и организованная часть общества, — уточнил Савич. — Как и все предыдущие революции. И я думаю, сионистам в России пора выходить из подполья и действовать открыто.

— По-моему, преждевременно. Это может вызвать волну антисемитизма. Сначала надо отменить решение ООН, объявившее сионизм формой расизма и расовой дискриминации.

— Ничего не преждевременно. Еврейский вопрос надо увязать с вопросом прав национальных меньшинств. Надо всячески поощрять национализм в республиках, стремление к суверенитету, — возразил Савич. — Национальные вожди не желают зависимости от центра, от Москвы. Таких надо иметь в каждой республике, особенно среди интеллигенции. Если хотите — и платных. Да, да, надо платить, если вы хотите сокрушить империю изнутри.

— Извините, господин академик, — с любезной улыбкой обратился сенатор к Гарбатову, — как вы думаете привлечь на свою сторону крестьян? Они — организованная сила в этих... как их — кооперативах?

— Колхозах и совхозах, — подсказал Александр Яковлевич.

— Через средства массовой информации мы внушим крестьянам, что насильственная сталинская коллективизация была ошибкой. Проведем идею фермерства, раздадим землю всем желающим, — сказал Гарбатов. — В каждом крестьянине живет собственник.

— В том-то и беда, Аркадий Григорьевич, — вклинился посол, — что тех крестьян-собственников уже нет. Это я говорю вам как крестьянин, выросший в деревне. — Александр Яковлевич любил подчеркивать свое мужицкое происхождение. Он делал это с таким усердием, к месту и не к месту, что само это подчеркивание вызывало сомнение в его крестьянском происхождении. Но он упорно рекламировал свое мужицкое происхождение, опровергая тех, кто ошибочно считал его евреем. — Для начала со ссылкой на Ленина мы выдвинем программу кооперации, — продолжил Александр Яковлевич. — Начнем повсеместно создавать кооперативы, предоставим кооперативам неограниченные кредиты. Государственный банк начнет испаряться, пой-

дет интенсивная штамповка новых банкнот. Подскочит инфляция. Из кооперативов появится новый класс зажиточных людей — будущие хозяева страны. Это будет новый класс, наша опора.

— Не повторяться, — предупредил сенатор, — мы определили главные направления: партия, идеология, патриотизм, молодежь, армия, КГБ, средства массовой информации. За каждое направление должен нести ответственность один из руководителей акции, которую мы считаем исторической. Я имею в виду господ академика и посла. Между вами распределены ведущие сферы деятельности?

— Да. — Гарбатов резко кивнул. — За мной — армия, военно-промышленный комплекс, КГБ, ученые. У Александра Яковлевича средства массовой информации, молодежь, партия, идеология.

— А национальные движения? — быстро спросил Савич.

— У нас есть ответственный и за это направление, — веско сказал Гарбатов.

Разговор подходил к концу. Первым поднялся из-за стола сенатор: у него были вопросы личного характера к своему коллеге по Колумбийскому университету, которого он подчеркнуто называл «господин посол», придавая такому обращению приятельски-веселый оттенок. Шварцбергер взял Александра Яковлевича под руку и отвел в сторону. Оба были рады встрече — как старые знакомые, почти друзья, они понимали друг друга с полуслова.

— Я думаю, Савич преждевременно форсирует еврейский вопрос, — сказал посол. — Излишняя активность, легализация в данное время может вызвать нежелательную ответную реакцию. Русский обыватель от рождения поражен вирусом антисемитизма.

— Не обращайте внимания: за Савичем водится такой грех — сторапливать события, — снисходительно улыбнулся сенатор.

А Савич тем временем с преувеличенной озабоченностью понимал Гарбатова:

— Скажите, профессор, какой процент гарантий, что этот наш Горбунов — именно тот будущий лидер, который сможет повернуть вспять судьбу России? По некоторым сведениям, он слишком... как это говорят русские?.. есть такое слово — плутоват?

— Стопроцентные гарантии редки, как сиамские близнецы. Но у него неплохой гарант, — прогнусавил Гарбатов.

— А именно?

— Михаил Суслов.

Имя это вызвало на лице Савича пренебрежительную гримасу:

— Масонам из гоев даже высокого градуса я не очень доверяю. Они имеют неприятную черту на крутых поворотах вылетать в кювет.

— В таком случае вам бы надо поговорить об этом человеке с Александром Яковлевичем. Он его лучше знает. Они встречались здесь. Он был гостем посла. Лично я более приемлемой кандидатуры на пост нового лидера не вижу. А что плутоват... так это не всегда минус. Чаще даже плюс.

Так закончилась эта встреча в гостинице «Северное сияние».

Впереди в зыбкой дымке то ли стылого тумана, то ли ядовитого смога неясными и ублюдочно-уродливыми очертаниями зловеще мерцало нечто неестественное, ниспосланное антихристом, — то, что через несколько лет было названо **п е р е с т р о й к о й.**

Лев **КОТЮКОВ**

ПРОЗРЕВАЕТ ДУША ИСЧЕЗАЮЩИЙ СВЕТ

В рабском виде Царь Небесный...

Ф. Тютчев

* * *

Что ты смотришь надменно, старик, сквозь очки,
Что ты смотришь надменно сквозь бездны и годы?!
Разорили именье твое мужики,
Души их задохнулись от рабской свободы.

И разъялась веков светоносная связь,
И кружит воронье над пустыми гробами,
И проходит по весям и градам, смеясь,
В царском виде Антихрист в обнимку с рабами.

Распадается в ядерных безднах Земля,
И душа распадается в ядерной стыни.
И хоронят в морях золотые поля,
И моря голубые хоронят в пустыне.

И целует Антихрист счастливых рабов,
И взлетают огни над пустыми гробами,
И летит черный пепел от белых садов,
И не знают рабы, что остались рабами.

* * *

Маются на кóрнях-якорях,
Дерева случайные в полях.
Мировая пыль летит по свету.
Рухнула германская стена,
Сгинула великая страна.
Одолжите, сударь, сигарету.

Сударь, одолжите огоньку!
Не сидите, сударь, на суку!
Этот сук давно уже спилили...
Жаль, не по карману нам кабак —
Мы бы посидели просто так,
Просто так за жизнь поговорили.

Мировая пыль летит в глаза.
За спиной взывают тормоза.
И у всех куда-то «едут крыши».
Сгинула великая страна.
Рухнула германская стена.
Но стена китайская все выше...

БЕДА

Горсть мерзлой земли с позабытой могилы
Добыл лиходей — и швырнул под порог.
И властвуют в доме недобрые силы,
И старый хозяин вконец занемог.

И люди бранятся, друг другу не внемля,
Пытаясь друг в друге врага распознать.
И топчут, и топчут могильную землю —
И а землю не могут, не могут втоптать.

ДУША

Душа всю жизнь тоскует о былом,
Всю жизнь грядущим мается со всеми.
Но обернется время — вечным сном,
Когда душа избыть захочет время.

И сна боится вечная душа,
И с временем не хочет быть в разладе.
И мнится ей, что жизнь моя прошла,
И грустно ей, как в сонном зоосаде.

Прости, душа! И не ищи меня!
Прости мой век, бессонница эфира!
Прости огонь, ушедший из огня,
Чтоб стать огнем в огне иного мира.

* * *

Где первая любовь? Где всемогущий свет?
Как одиноко быть самим собою.
Как одинок в песке прибрежном след,
Отмеченный отпрянувшей волною.

Где поздняя любовь? Друг друга не спасти!..
Друг друга поглощают отраженьи.
И с бешенством сожму пустой песок в горсти
И разожму ладонь в изнеможеньи.

Где вечная любовь? Друг друга не узнать...
Как тихо в засыпающем затоне...
Но что-то еще хочет рассказать
Последняя песчинка на ладони.

* * *

Какая жизнь еще минует нас,
Коль невозможной станет неизбежность?..
Когда страданье Божье и тайный час
Вернет душе утраченную нежность.

Какая жизнь промчится стороной,
Когда погаснут солнечные пятна?..
Когда душа вернет душе иной
То, что вовек нельзя вернуть обратно...

г. Пушкино, Московская обл.

Андрей ШОЛОХОВ

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

(Документальная повесть)

СМЕРТЬ, ПОТРЯСШАЯ РОССИЮ

Утром 26 июня (8 июля) 1882 года Москва напоминала растревоженный улей. На улицах собирались группы что-то горячо обсуждавших людей, местами они сливались в гудящие толпы. Всех потрясло трагическое известие: ночью при таинственных обстоятельствах в номере девицы легкого поведения скончался народный герой Михаил Дмитриевич Скобелев, прозванный за свое пристрастие к белым лошадям и кителям «белым генералом».

Гроб с телом Скобелева был перенесен в церковь Трех Святителей, что у Красных ворот, заложенную его дедом Иваном Никитичем (И. Н. Скобелев в сражениях потерял руку, но дослужился до генерала, одно время являлся комендантом Петропавловской крепости, был известен также как способный литератор. Генералом стал и его сын Дмитрий Иванович, отец нашего героя. — **А. Ш.**). Епископ Амвросий свою речь перед гробом Скобелева закончил следующими словами: «Ради любви его к нашему православному отечеству, ради любви к нему народа твоего, ради слез наших и сердечной молитвы нашей о нем, паче же ради твоей бесконечной любви, благоволительно приемлющей чистую любовь человеческую во всех ее видах и проявлениях, будь к нему милостив на суде твоем праведном».

На другой день вся церковь была окружена войсками.

На панихиду съехались высшие воинские чины: у гроба Скобелева стояли известнейшие русские генералы Радецкий, Ганецкий, Дохтуров... Черняев, заплаканный, положил серебряный венок от туркестанцев... Кругом сплошною стеною сомкнулись депутаты от разных частей армии, от полков, которыми командовал Скобелев. Гроб утопал в цветах и венках. Один из них от Академии Генерального штаба. На нем надпись: «Герою Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Александр III прислал сестре М. Д. Скобелева телеграмму: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии незаменимая и, конечно, всеми истинно военными людьми сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей».

Чем же заслужил такую популярность Михаил Дмитриевич Скобелев и почему его смерть породила множество слухов? Ответить на эти вопросы нам помогут факты и только факты.

Вспомним, что война — всегда трагедия, но нет народа, который не гордился бы своими военными героями, не вспоминал бы их подвиги и не стремился им подражать. Да, слава Скобелева связана как с русско-турецкой войной 1877—1878 годов, освободившей балканских славян от почти пятивекового турецкого ига, так и с присоединением Туркестана (Средней Азии) к России — процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным жестокостей. Да, в характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма; либеральные убеждения и консерватизм, вера в славянскую идею и бонапартизм. Это был типичный представитель российского дворянства, патриот, глубоко любящий и понимающий свой народ с его добротой и жертвенностью, терпением и неприхотливостью.

Скобелев являлся не только важным субъектом общественно-политической жизни России 70—80-х годов прошлого века, но и игрушкой в чьих-то руках, жертвой закулисных сил, куда более мощных, чем даже самодержавие. Гибель 39-летнего генерала в расцвете сил и по сей день таит в себе загадку.

Разобраться во всем этом трудно, порой невозможно. И все же, думается, сложность и противоречивость жизни и деятельности М. Д. Скобелева ни в коей мере не должны служить поводом для замалчивания его недолгой, но яркой роли в отечественной истории.

В последние годы жизни Михаил Дмитриевич называл главным врагом славянства немецкий национализм. И внешний ход последующих событий вроде бы подтвердил эту его мысль. Но нельзя не видеть за разразившимися двумя мировыми войнами интересов других стран, желавших поживиться за счет ослабления России и Германии. Стоит задуматься: не оказывается ли в конечном счете всякий национализм лишь орудием в руках мощных космополитических сил, рвущихся к мировому господству? На этот вопрос не так-то просто найти убедительный ответ. Думается, не все здесь понимал и Скобелев.

Зенит славы М. Д. Скобелева совпал с переломным для России временем рубежа царствования Александра II и Александра III, когда до предела обострилась борьба либеральных и консервативных сил, централистов и децентралистов, славянофилов и западников, а реформы в который уже раз сменились контрреформами. Из таких исторических точек обычно протягиваются нити и к прошлому, и к будущему.

В январе 1881 года генерал М. Д. Скобелев одержал свою последнюю военную победу, взяв туркменскую крепость Геок-Тепе (Денгиль-Тепе), тем самым присоединив к России Ахалтекинский оазис и укрепив ее позиции в Средней Азии, где в тугой узел переплелись интересы России и Британской империи.

Благодаря полководческому таланту Скобелева экспедиция обошлась всего в 13 миллионов рублей и была закончена в течение девяти месяцев вместо предполагаемых двух лет. Она была проведена с характерными для этого военачальника дальнозоркостью и расчётом, которые в наибольшей степени соответствовали изречению, записанному в его кожаной походной книжке: «Избегать поэзии в войне».

Официальный Петербург ликовал по поводу быстрого и успешного завершения Ахалтекинской экспедиции. Скобелева произвели в генералы от инфантерии и наградили орденом Георгия

2-й степени. В царском дворце назначили «большой выход с благодарственным молебствием». Военный министр Д. А. Милютин отметил, что овладение Геок-Тепе «несомненно поправит наше положение не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии».

Скобелеву очень хотелось, чтобы выстрелы 12 января 1881 года в Туркестане были последними. Он требовал умиротворения края к февралю. «Мы извлечем, — писал он, — несомненные выгоды, если сумеем сохранить в полности дорого купленное, ныне несомненное, боевое обаяние, затем, вводя наши порядки, не поставим всего дела на чиновничью ногу, как везде, в обширном отрицательном смысле этого слова».

В этом же письме Михаил Дмитриевич сформулировал принципы, на которых, по его предположению, должна строиться русская политика. «Наступает новое время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы. По духу нашей среднеазиатской политики перриев вет; это наша сила перед Англией. К сожалению, буйный нрав отдельных личностей не всегда на практике сходится с великими началами, корень которых следует искать в государственных основах великого княжества Московского. Ими только выросла на востоке допетровская Русь; в них теперь и наша сила. Чем скорее будет положен в тылу предел военному деспотизму и военному террору, тем выгоднее для русских интересов».

В Ахалтекинском оазисе, включенном в Закаспийский военный отдел, затем преобразованном в область с административным центром в Ашхабаде, довольно быстро установились новые порядки благодаря способности русских, по словам английского лорда Керзона, добиваться верности и дружбы тех, кого они подчинили силой.

КОНФЛИКТ С ИМПЕРАТОРОМ

Скобелев торжествовал победу над воинственными туркменскими племенами, когда в Среднюю Азию дошла весть об убийстве 1 марта 1881 года императора Александра II. Стало известно, что за несколько часов до гибели царь вызвал в Зимний дворец председателя комитета министров П. А. Валуева и возвратил ему одобренный проект правительства о привлечении местных деятелей к участию в обсуждении законопроектов. Фактически это был значительный шаг к созданию Российской конституции. Однако бомба, брошенная агентом Исполнительного комитета «Народной воли» И. И. Гриневицким, изменила ход дальнейших событий.

На престол вступил Александр III, который в отличие от своего слабовольного отца обладал определенной системой взглядов. Он весьма последовательно боролся за чистоту «веры отцов», незыблемость принципа самодержавия и развития русской народности. Кроме этого, новый российский самодержец не преклонялся перед германским императором Вильгельмом I, как его отец, нередко забывавший национальные интересы своей страны.

В манифесте 29 апреля (10 мая) 1881 года Александр III выразил программу внешней и внутренней политики: поддержание порядка и власти, наведение строжайшей справедливости и экономии, возвращение к исконным русским началам и обеспечению повсюду русских интересов.

Не исключено, что это могло в дальнейшем вызвать у Скобелева симпатии к новому царю. Пока же генерал встретил перемены на троне весьма настороженно. Ведь Александр II, хотя какое-то время и недооценивал Скобелева, но позже признал его дарование, доверял ему ответственные посты. Теперь все могло измениться...

Сдав управление Закаспийской областью генералу П. Ф. Рербергу (общее руководство было возложено на главнокомандующего Кавказской армией. — *А. Ш.*), Скобелев 27 апреля (9 мая) уехал в Петербург. Из Ахалтекинской экспедиции он возвращался триумфатором. Его встречали как народного героя. Чем ближе подъезжал он к центру России, тем торжественнее и многолюднее были встречи. В Москве, на площади перед вокзалом, собрались десятки тысяч людей, и сам генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков едва сумел протискаться в вагон, чтобы сопровождать Михаила Дмитриевича до столицы Российской империи.

Думается, что все же не с легким сердцем подъезжал Скобелев к Петербургу. Как уже отмечалось, внутреннее положение в стране было чрезвычайно тревожным. Убийство Александра II вызвало растерянность властей, страх перед новыми покушениями. Скобелев это чувствовал и как политик мысленно старался предугадать ход дальнейших событий. Он хорошо знал расстановку политических сил.

В высших правительственных сферах сформировались две группировки: консерваторы во главе с бывшим воспитателем Александра III обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым и либеральная бюрократия со своим лидером министром внутренних дел генералом М. Т. Лорис-Меликовым, сторонником конституции.

В 1893 году в издании фонда русской вольной прессы вышла анонимная брошюра «Конституция гр. Лорис-Меликова». Как утверждал историк Б. З. Нольде, она была написана М. М. Ковалевским. Этот известный устроитель масонских лож в России резюмировал свое повествование: «Так кончилась эта странная попытка примирения культурных классов с бюрократией и абсолютизмом, так устранен был единственный путь к мирному развитию русского народа, к завершению тех реформ, начало которых было положено 19 февраля 1861 года».

В следующем, 1894 году те же издатели выпустили в Лондоне брошюру Ф. В. Волховского, в прошлом революционера-народника, «Чему учит конституция гр. Лорис-Меликова?». Автор стремился доказать, что в неудаче, постигшей планы Лорис-Меликова, виноваты не революционеры, убившие Александра II, а в первую очередь он сам, представитель иной тактики.

Причина же неудачи задуманных преобразований, думается, все же не столько в тактике той или иной стороны, сколько в неизбежных изъянах самой стратегии проведения «революции сверху», когда противоборствующими политическими течениями не очень-то учитываются народные интересы.

Авторитет Лорис-Меликова постепенно падал, а Победоносцева — укреплялся. Появились и новые лица, влияние которых росло. Среди них — граф Н. П. Игнатьев, в прошлом посол России в Турции. Сохранилась его записка, излагающая программу правительственной деятельности. Он полагал, что прежде всего нужно освободиться от некоторых явлений общественной жиз-

ни, сгубивших «лучшие начинания» Александра II. Игнатьев писал:

«В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел.

Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны, и с крамолой. Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права — полякам и евреям, представительные учреждения — на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими критиками, твердящими о том, что нужно слушать только интеллигентный класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные».

Такая концепция, судя по всему, импонировала молодому императору и его идейному вдохновителю К. П. Победоносцеву.

Будучи еще наследником престола, Александр Александрович в узком кругу выражал недовольство по поводу пристрастия батюшки к инородцам. Его злило, что Россией фактически правит армянин Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, а пост государственного секретаря занимает Евгений Абрамович Перетц — сын еврея-откупщика, брат декабриста.

В конце апреля 1881 года вместо ушедшего в отставку М. Т. Лорис-Меликова министром внутренних дел стал Н. П. Игнатьев. Он начал с очищения государственного аппарата от различных оппозиционных, «либеральствующих» элементов. Так как «расстройство администрации и глумление над властью... началось с высших чиновничьих кругов Петербурга и пошло отсюда в провинцию, — рассуждал Игнатьев, — отсюда же надо начать лечение болезни, подтачивающей наши силы и здравый смысл». Он верил, что меры по обуздавию высшей бюрократии «будут встречены всей Россией, за исключением петербургской (читай: либеральной. — А. Ш.) прессы, с истинным удовольствием».

Однако новый министр все-таки не был законченным реакционером, как это можно представить из процитированных его суждений. Относясь резко отрицательно к либералам-западникам, он был известен своими славянофильскими настроениями, размышлял над тем, как преодолеть трагическое расхождение между властью и обществом присущими России мерами. По этому поводу М. Д. Скобелев в письме И. С. Аксакову отмечал, что «по моему глубокому убеждению политик у нас один — граф Николай Павлович Игнатьев».

Игнатьев считал, что Россия находится на «перепутье», дальнейшее развитие ее государственности может пойти по трем путям. Первый — усиление репрессий, как он полагал, не приведет к положительным результатам, а лишь заставит недовольство уйти глубже. Второй — уступки, также неприемлем, потому что «каждый новый шаг ослабляя правительство, будет самою силою вещей вынуждать последующие уступки». Опасность этого пути в том, считал министр, что в результате преобладающее значение в общественной жизни страны займет интеллигенция, которая «вмещает в себе все более опасных, неустойчивых элементов... ее участие в делах всего скорее приведет к ограничению самодержавия, что Россия несомненно станет источником вечной смуты и беспорядков». Единственно правильный, «спасительный путь», — резюмирует Игнатьев, — возвращение к старине, к «исторической форме общения самодержавия с землею — земским соборам».

Идею созыва Земского собора горячо поддерживал И. С. Аксаков. Чтобы помочь Игнатьеву к коронации разработать соответствующий проект, он послал ему в помощь П. Д. Голохвастова, хорошо знакомого с историей вопроса. Забегая вперед, отметим, что этим славянофильским планам не суждено было сбыться: царь не без оснований увидел в них шаг к ограничению своей власти. В середине 1882 года он дал отставку Н. П. Игнатьеву, министром внутренних дел назначил ярого консерватора Д. А. Толстого, изобретшего формулу: «Россия объелась реформами, ей нужна диета!» Период колебаний правительства кончился, началось наступление на либералов и нигилистов.

Весной, в мае 1881 года, М. Д. Скобелев прибыл в Петербург. Прямо с вокзала Михаил Дмитриевич, как полагалось, поехал в Петропавловскую крепость на могилу императора Александра II засвидетельствовать свое почтение. Новый самодержец Александр III встретил прославленного генерала крайне сухо, даже не поинтересовался действиями экспедиционного корпуса. Зато высказал неудовольствие тем, что Скобелев не сберег жизнь молодого графа Орлова, убитого во время штурма Геок-Тепе, и презрительно спросил: «А какова была у вас, генерал, дисциплина в отряде?»

Холодный прием Скобелева царем получил широкую огласку. «Об этом теперь говорят, — писал императору обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев, — и на эту тему ему поют все недовольные последними переменами. Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строганова, который очень озабочен этим. Сегодня граф Игнатьев сказывал мне, что Д. А. Милютин говорил об этом впечатлении Скобелева с некоторым злорадством». (Военный министр Д. А. Милютин, поддерживающий М. Т. Лорис-Меликова, к этому времени вынужден был уйти в отставку. Его сменил генерал П. С. Ванновский.— А. Ш.)

Оппозиция видела в лице Скобелева не только человека, недовольного режимом, но и военачальника всероссийской известности, народного героя, человека волевого, готового на самые смелые действия. Личная позиция Скобелева во внутренней политике еще не была ясна, но знали, что он сторонник некоторых мероприятий Лорис-Меликова, поддерживал Игнатьева и разделял многие суждения И. С. Аксакова. Все это вызывало беспокойство в окружении императора и порождало множество слухов.

Обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев был чрезвычайно обеспокоен обострением взаимоотношений Скобелева с императором, которому он настойчиво советовал постараться привлечь на свою сторону «белого генерала».

Вот что писал он Александру III: «Я считаю этот предмет настолько важным, что рискую навлечь на себя неудовольствие вашего величества, возвращаясь к нему. Смею повторить слова, что вашему величеству необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах. Бог знает, каких событий мы можем еще быть свиде-

телями и когда мы дождемся спокойствия и уверенности. Не надобно обманывать себя: судьба назначила вашему величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для вас лично: теперь или никогда, — привлечете вы к себе и на свою сторону лучшие силы России, людей, способных не только говорить, но самое главное, способных действовать в решительные минуты. Люди до того измельчали, характеры до того выветрились, фраза до того овладела всеми, что уверяю честью, глядишь около себя и не знаешь, на ком остановиться. Тем драгоценнее теперь человек, который показал, что имеет волю и разум, и умеет действовать, ах, этих людей так немного!..»

Побыв немного в Петербурге, Михаил Дмитриевич решил отдохнуть, удалиться куда-нибудь от сплетен и интриг шумной столицы. Вскоре он выехал во Францию.

В ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ

В Париже Скобелев «бросился в веселый омут» развлечений, стараясь отвлечься и забыться от всего. Но это удавалось ненадолго. Здесь он виделся с графом Лорис-Меликовым, с премьер-министром Франции Л. Гамбеттой, с которым установились тесные отношения. В разговорах с ними его мысли вновь возвращались к России. В те дни Михаил Дмитриевич стоял на распутье: «Возвращаться ли ему в корпус и продолжать командовать, или ехать обратно за границу, испросив продолжение отпуска до 11 месяцев. Тогда, само собою разумеется, с отчислением от должности».

По обыкновению, он попросил своего дядю, графа Адлерберга, разузнать настроения при дворе в этом плане. В письме к нему он высказал мысли, характерные для многих вдумчивых россиян: «Жилось за границей неохотно, а возвратился против воли. Эта двойственность чувств и стремлений присуща, думаю, не мне одному и, полагаю, есть результат наших общественных недугов, еще более прежнего, ныне затемняющих все. Впрочем, очень может быть, что, не надевая вновь известных зимницких зеленых очков, я, тем не менее, невольно смотрю через их тусклые стекла. Дай-то Бог... я охотно бы в данном случае ошибся. Тем не менее, я верую, что не отделяюсь ни мозгом, ни сердцем от всего мыслящего на Руси. Крайне разнородны виды нигилизма — только цель единая. Тем хуже для тех, которые того не сознают... Мы живем в такое время, что люди склонны к крайностям. Если не с нравственной, то с психической точки зрения это вполне объяснимо».

Эти строки говорят о том, что взгляды Скобелева по вопросам внутренней политики были далеки от крайностей славянофильской концепции. «Время такое, — писал далее Михаил Дмитриевич, — ведь мы живем теперь недомолвками. Невольно слышится слова Грановского по случаю смерти Белинского: «Какую эпоху мы переживаем. Сильные люди ныне надломлены. Они смотрят грустно кругом, подавленные тупым равнодушием. Что-то новое слышится... но где же правдивая сила».

Скобелев искал исторические аналогии. «За последнее время я увлекся изучением истории реакции в двадцатых годах нашего столетия. Как страшно обидно, что человечество часто вращается лишь в беличьем колесе. Что только не изобретал Меттерних, чтобы бесповоротно продвинуть Германию и Италию за грань неизгладимых впечатлений, порожденных французской революцией! Тридцать лет подобного управления привели в Италии — к полному торжеству тайных революционных обществ, в Германии — к мятежу 1848 года, к финансовому банкротству и, что всего важнее, к умалению в обществе нравственных и умственных начал, создав бессильное, полусонное поколение... В наш век более чем прежде обстоятельства, а не принципы управляют политикой».

К рассуждениям Скобелева можно добавить наблюдения за историей России, где уже почти пять столетий развитие шло по спирали: сначала политические реформы, перестройка, потом отступление, контрреформы. В основе такого развития, на наш взгляд, лежала борьба между либеральными и консервативными элементами. Существование и тех и других в общем-то оправдано. Если либералы движут прогресс, то консерваторы не дают ему отойти от реалий страны и тем самым сохраняют ее от разрушения. Но в России эта борьба протекает особенно остро, так как наши либералы слишком эгоистичны, оторваны от народа, часто не учитывают его интересов. В результате они провоцируют междуусобицу, приводящую к огромным потерям...

Судя по всему, летом 1881 года М. Д. Скобелев был резко настроен против нового императора. Так, П. А. Кропоткин в своих воспоминаниях писал: «Из посмертных бумаг Лорис-Меликова, часть которых обнародована в Лондоне другом покойного, видно, что, когда Александр III вступил на престол и не решился созвать земских выборов, Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву... арестовать Александра III и заставить его подписать манифест о конституции. Как говорят, Игнатьев донес об этом царю и, таким образом, добился назначения министром внутренних дел».

При этом Кропоткин ссылается на упомянутую нами книгу «Конституция гр. Лорис-Меликова». Однако в этом сочинении не приводятся никакие факты о предложении Скобелева Лорис-Меликову организовать государственный переворот. Почему же Кропоткин ссылается на вполне конкретное издание? Нет оснований обвинить его в умышленной фальсификации. Книга Лорис-Меликова издана русским эмигрантским революционным издательством, к деятельности которого был близок и Кропоткин. Возможно, он видел документы еще до их опубликования, о чем и записал в своем дневнике. При окончательном же редактировании книги эти материалы по неизвестным соображениям были изъяты.

Такое предположение наиболее правдоподобно, тем более что в рассказе самого графа М. Т. Лорис-Меликова о свидании с М. Д. Скобелевым, переданным А. Ф. Кони, содержатся определенные намеки на решительное настроение генерала. Эта встреча произошла в Кельне летом 1881 года по желанию Скобелева. Генерал ожидал Лорис-Меликова в специально приготовленном салон-вагоне.

«Встретил на дебаркадере с напускной скромностью, окруженный все какими-то неизвестными, — вспоминал Лорис-Меликов. — Умел играть роль!.. Когда мы остались одни в вагоне вдвоем со Скобелевым, я ему говорю: «Что, Миша? Что тебе?» Он стал волноваться, плакать, негодовать: «Он (то есть Александр III, при-

нимая Скобелева после завершения Ахалтекинской экспедиции) мне даже не предложил сесть!» — и затем пошел, пошел нести какую-то нервную ахинею, которую совершенно неожиданно закончил словами: «Михаил Тариелович, вы знаете, когда поляки пришли просить Бакланова о большей мягкости, он им сказал: господа, я аптекарь и отпускаю лишь те лекарства, которые предпишет доктор (Муравьев), обращайтесь к нему. То же говорю и я! Дальше так идти нельзя, и я ваш аптекарь. Все, что прикажете, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса, а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что если он приедет смотреть 4-й корпус, то на его «здорово, ребята» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте. Я ваш аптекарь...»

Я отвечаю ему, что он дурит, что все это вздор, что он служит России, а не лицу, что он должен честно и прямодушно работать и что его способности и влияние еще понадобятся на нормальной службе и т. д. Внушал ему, что он напрасно рассчитывает на меня, но он горячился, плакал и развивал свои планы крайне неопределенно очень долго. Таков он был в июле 1881 года. Ну, и я не поручусь, что под влиянием каких-нибудь других впечатлений он через месяц или два не предложил бы себя в аптекари против меня. Это мог быть роковой человек для России — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений». (С последним утверждением Лорис-Меликова нельзя согласиться. — А. Ш.)

Нет оснований сомневаться в правдоподобности рассказа Лорис-Меликова. Он хорошо рисует душевное состояние обиженного императором генерала. В новой политической обстановке Скобелев еще не разобрался, неясность его выводила из равновесия, он часто давал волю своим эмоциям.

Возможно, М. Д. Скобелев действительно вынашивал какие-то планы насильственного принуждения Александра III пойти на реформы и ограничение самодержавной власти. Лорис-Меликова, который никогда не был поклонником военного таланта Скобелева, он, конечно же, не захотел до конца посвятить в свои планы. Не случайно министр нашел их неопределенными. Но это было далеко не так. Скобелев великолепно знал, чего хотел. Его же поведение во время описываемого разговора — скорее всего хорошо разыгранный спектакль, чтобы уточнить взгляды и настроения либерального министра.

Как считал советский историк В. Б. Велинбахов, Скобелев имел собственную программу перестройки всех сторон жизни в России. Над этой программой он много и давно работал, оттачивал ее в мельчайших деталях. В одном из своих писем И. С. Аксакову Скобелев писал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более, чем когда-либо, проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомясь с нашею эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие это мыслимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный, как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться».

В другом послании он жаловался: «Эта будничная жизнь тяготит. Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня. Совсем нет ощущений. У нас все замерло. Опять мы начинаем переливать из пустого в порожнее. Угасло недавнее возбуждение. Да и как его требовать от людей, переживших позор Берлинского конгресса. Теперь пока нам лучше всего помолчать — осрамились вконец».

Скобелев считал, что только подъем национального сознания и православия может укрепить русское государство и дать ему новые силы. «История нас учит, — подчеркивал генерал, — что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве».

Скобелев много размышлял и о любимой им армии, которая в результате недавних реформ стала комплектоваться на основе всеобщей воинской обязанности. Михаил Дмитриевич писал по этому поводу:

«Реформы в Бозе почившего императора Александра II в нашей армии сделали солдата гражданином. Всякий шаг по пути возвращения к старому будет поставлен против принципа всякого уважения к личности. Этот-то принцип составляет главную силу нашей современной армии, ибо он защищает солдатскую массу от произвола». Скобелев сам принадлежал к новому поколению, но, разумеется, он практически знал и старую армию, поэтому имеет право судить о ней. «Старые порядки в армии были ужасны, ибо сверху донизу царствовал произвол вместо закона, слишком тяжело ложившийся преимущественно на солдат. Эти порядки, по словам очевидцев, делали из нашей армии массу без инициативы, способную сражаться преимущественно в сомкнутом строю, между тем современные боевые условия требуют развития личной инициативы до крайней степени, осмысленной подготовки и самостоятельных порывов. Все эти качества могут быть присущи только солдату, который чувствует себя обеспеченным на почве закона. Я уже имел честь докладывать Комиссии о той важности, которую имеет неприкосновенность нынешней военной судебной системы для армии...

Командуя войсками в мирное и в военное время, к сожалению, приходится сознаться, что привычки произвола и, скажу даже, помещичьего отношения к солдату еще не искоренились и проявляются в среде многих (отсталых) офицеров еще слишком часто. Между тем, лучшая и самая интеллигентная часть наших молодых офицеров, а также и солдат, совсем иначе смотрит на службу и на отношения к ним начальников, чем это было несколько лет тому назад. Я считаю эту перемену большим благом для Отечества и гарантиею успеха в будущих боевых столкновениях. Реформы минувшего царствования в нравственном отношении могут быть названы слишком бесповоротными. Поэтому-то так страшно слышать заявления о необходимости возвратиться к старому, былому, как учит нас отечественная история, далеко не привлекательному. Учреждения, как бы их ни видоизменять, не могут отрешиться от своих исторических корней, и я твердо верю, что всякое колебание в армии коренных нравствен-

ных оснований великих реформ императора Александра II, олицетворяемых окружною системою, и может найти сочувствие лишь в тех слоях армии, которым тяжело отвыкать от прежних помещичьих привычек».

Приверженность к реформам Александра II и опасение за их судьбу в новое царствование выражены Скобелевым в записке очень отчетливо. Надо сказать, беспокоился он не совсем напрасно: контрреформы в дальнейшем в какой-то степени затронули и особенно близкую ему военную область.

Как и многие мыслящие люди своего времени, Скобелев искал пути выхода из кризиса, в котором оказалась Россия. Михаил Дмитриевич все более сближался с И. С. Аксаковым, который также резко осуждал итоги Берлинского конгресса, выступал за освобождение и объединение славян, самобытный путь развития России и с большой опаской относился к активности германских милитаристских кругов. Позор России Аксаков видел в добровольном отказе на Берлинском конгрессе от успехов, достигнутых кровью русских солдат. В замыслах и притязаниях Англии и Австрии, руководимых пресловутой маклерской честностью германского канцлера, он усматривал доказательства того, что «кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще Европе Восточной нет ни предела, ни меры».

В своей газете «Русь» Аксаков пропагандировал «русский политический идеал», сводившийся к формуле: «Самоуправляющаяся местно земля с самодержавным царем во главе». Формулу эту Аксаков считал «несравненно шире всякой западной республиканской формулы, где есть политическая свобода, т. е. парламентский режим в столицах, а самоуправления нигде — и социальное почти рабство внизу».

Аксаков полагал, что главный враг — радикалы, борьбу которых он понимал как «преступление против народа, посягательство на изменение исторического народного строя». Радикальные идеи он связывал с «западным влиянием» и распространением образования, лишенного нравственного начала.

Объектом нападок Аксакова были по его терминологии и «лжелибералы». Он уверял своих корреспондентов, что «петербургская либеральная партия, начинающаяся с высот, нижним своим краем примкнула к действующим подпольным силам и старается навязать им свою программу, вместо анархической, т. е. воспользоваться их средствами терроризации для проведения своих конституционных планов».

Аксаков обвинял так называемых либералов в том, что они являются «отцами нигилизма», проводят «антирусскую политику», старался убедить правительство в необходимости принять славянофильскую политическую программу. Сблизившись с Игнатьевым, Аксаков настойчиво внушал министру мысль о необходимости созыва Земского собора. В этом его поддерживала жена А. Ф. Аксакова, дочь известного русского поэта Ф. И. Тютчева.

Прислушивался Михаил Дмитриевич и к голосу М. Н. Каткова, активно призывавшего со страниц своей газеты «Московские ведомости»: «Будем прежде всего русскими, верными духу нашего отечества, и откажемся от воздухоплавательных опытов в правительственном деле».

Отметим, что это писал человек, ранее близкий В. Г. Белинскому, А. И. Герцену, М. А. Бакунину, но затем, видимо, под впечатлением эксцессов русского «нигилизма» перешедший на правый фланг журналистики и призывавший к «твердой власти» и даже выступавший против славянофильского проекта Земского собора.

Разумеется, не все взгляды Аксакова и Каткова разделял Скобелев. Он отвергал крайности славянофильской концепции, в частности критику Петровской реформы. Не принимал катковскую позицию по Польше. Воинственным и резким выступлениям Каткова суждения Скобелева о поляках были совершенно противоположны. Он несколько раз счел возможным подчеркнуть благородство польского народа и его культурное равноправие. Михаил Дмитриевич, в противоположность многим своим современникам, решительно осуждал польские разделы. «Завоевание Польши я считаю братоубийством, историческим преступлением. Правда, русский народ был чист в этом случае. Не он совершил преступление, не он и ответственен. Во всей нашей истории я не знаю более гнусного дела, как раздел Польши между немцами и нами. Это Вениамин, проданный братьями в рабство! Долго еще русские будут краснеть за эту печальную страницу из своей истории. Если мы не могли одни покончить с враждебной нам Польшей, то должны были приложить все силы, чтобы сохранить целостным родственное племя, а не отдавать его на съедение немцам».

Возвращаясь из Франции через Варшаву в Петербург по высочайшему вызову, после своей беседы с сербскими студентами, Скобелев дал интервью польским журналистам. «Я желаю, — сказал он, — чтобы поляки были вместе с нами, как и все славяне. Правда, здесь находится русский гарнизон. Но если бы его убрали, то вы бы имели вместо него гарнизон германский».

О генерале Скобелеве менее всего можно говорить как о честолюбце и доктринере. Широкие европейские взгляды и здравый смысл спасали его от политической узости некоторых его сторонников.

«ГОСПОДИН ПЕРВЫЙ КОНСУЛ»

Парадокс заключался в том, что Скобелев какое-то время связывал свои надежды с Александром II, несмотря на то, что, по словам А. Ф. Тютчевой-Аксаковой, тот «не был популярным в истинном смысле слова, народ не чувствовал к нему притяжения потому, что в нем самом совершенно отсутствовала национальная струнка». А вот с Александром III, в котором такая струнка была, у Михаила Дмитриевича первоначально установились весьма прохладные отношения. Думается, что произошло это от того, что политика нового императора еще не определилась, а поводов для взаимных подозрений в те смутные времена было более чем достаточно.

Все же Скобелев надеялся, что «новое царствование откроет эру национальной политики и что правительство не будет больше продавать Германии интересов России», хотя при дворе держались германофильские настроения. Скобелев рассказывал А. Ф. Тютчевой-Аксаковой, что, несмотря на русские шаровары, кафтан и меховую шапку, в которые был одет великий князь Михаил, его жена грозила выйти из-за стола из-за предложения генерала заменить немецкую кокарду русской эмблемой.

9 (21) января 1882 года перед банкетом в годовщину взятия

туркменской крепости Геок-Тепе (Денгиль-Тепе) Михаил Дмитриевич в беседе с И. С. Аксаковым сказал, что «12-го в Петербурге состоится банкет, где намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры».

Действительно, 12 (24) января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе, М. Д. Скобелев взял слово. В частности, он сказал:

«Великие патриотические обязанности наше железное время налагает на нынешнее поколение. Скажу кстати, господа: тем больнее видеть в среде нашей молодежи так много болезненных утопистов, забывающих, что в такое время, как наше, первенствующий долг каждого — жертвовать всем, в том числе и своим духовным я, на развитие сил отечества...

Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он, благодаря своей истории, все-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде известных доморощенных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования, и этот русский человек, по мнению этих господ, находится лишь под влиянием причин ненормальных, под влиянием каких-нибудь вакханалий. Вот почему прошу позволения опустить бокал с вином и поднять стакан с водою.

И в самом деле, господа, престранное это дело, почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснемся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося естественным результатом всей нашей 1000-летней истории. Причин к этому очень много, и здесь не время и не место их подробно касаться; но одна из главных — та прискорбная рознь, которая существует между известною частью общества, так называемой нашей интеллигенцией, и русским народом. Гг., всякий раз, когда Державный Хозяин русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же — и если в трудные минуты кто-либо банкрутился пред царем, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимо: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом.

Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, — именуют разбойниками и поступают с ними как с таковыми!.. Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди...

Я не договариваю, господа... Сердце болезненно щемит. Но великим утешением для нас — вера и сила исторического призвания России.

Провозглашаю, господа, от полноты сердца тост за здоровье государя императора!»

Речь получила широкую огласку, и правительство Австро-Венгрии высказало свое неудовольствие, расценивая слова Скобелева как вмешательство во внутренние дела империи. Александр III также неодобрительно отнесся к высказываниям «белого генерала». Управляющий министерством иностранных дел Гирс принес австрийскому правительству «изъявления своего сожаления по поводу этой застольной речи Скобелева». В «Правительственном вестнике» было опубликовано соответствующее разъяснение, а генералу предложили незамедлительно взять заграничный отпуск.

Выступление в ресторане Бореля было, вне сомнений, заранее обдуманным демаршем. Об этом свидетельствуют не только воспоминания А. Ф. Тютчевой, приведенные выше, но и другие данные. В руках Н. Н. Кнорринга был черновик речи, написанный рукой генерала. В нем набросаны тезисы и сформулированы наиболее острые места и даже сделаны указания на то, когда следует взять в руку вместо бокала с вином стакан с водой.

Вполне вероятно, что в написании этой речи, так же как и в последующей парижской, приняли участие И. С. Аксаков и граф Н. П. Игнатьев. Во всяком случае, в дневнике военного министра Д. А. Милютина есть такая запись: «Наконец, третий рассказ — будто бы после смерти Скобелева при разборе бумаг, оставшихся в его кабинете в Минске (где корпусные квартиры 4-го корпуса), нашли черновики политических речей, произнесенных Скобелевым в Петербурге и Париже, с пометками рукою Игнатьева. Все это странно, но не лишено вероятия».

В выступлении Скобелева на первый взгляд кажутся странными резкие нападки на интеллигенцию, противопоставленно ее русскому народу, особенно в устах человека высокой культуры, прекрасно владевшего почти всеми основными европейскими языками, великолепно знавшего литературу, искусство и т. п. Однако внутренний смысл этих нападок вполне объясним: критика относилась к той части интеллигенции, которая была чужда русскому народу, презирала его, ориентируясь лишь на западные ценности и революцию по европейскому образцу.

После этого нашумевшего события в ресторане Бореля граф Валуев записал в своем дневнике: «Генерал Скобелев произнес на ахалтекинском обеде невозможную речь. Он начинает походить на испанского генерала, с будущим пронунсиаменто (в Испании и странах Латинской Америки — государственный переворот, а также призыв к перевороту. — А. Ш.) в кармане». Любопытно, что примерно таким же образом именовали Скобелева и в кругу его ближайших друзей, о чем Валуев, конечно, знать не мог. Друзья часто как бы в шутку называли Михаила Дмитриевича «господин первый консул» или «генерал от пронунсиаменто». Такое совпадение говорит о многом, и, вероятно, сам М. Д. Скобелев был уверен, что история предназначает ему соответствующую политическую роль.

ПО МАСОНСКОМУ СЛЕДУ

В конце января 1882 года, взяв заграничный отпуск, М. Д. Скобелев, в который уже раз, отправился в Париж, где у него было много друзей.

По пути он встретился со своим старым приятелем В. В. Верещагиным, который вспоминал:

«Последний раз виделся я с дорогим Михаилом Дмитриевичем в Берлине, куда он приехал после известных слов в защиту братьев-герцеговинцев, сказанных в Петербурге. Мы стояли в одной гостинице, хозяин которой сбился с ног, доставляя ему различные газеты с отзывами. Кроме переборки газет, у Скобелева была еще другая забота: надобно было купить готовое пальто, так как заказывать не было времени: масса этого добра была принесена из магазина, и приходилось выбирать по росту, виду и цвету.

— Да посмотрите же, Василий Васильевич! — говорил он, поворачиваясь перед зеркалом. — Ну как? Какая это все немецкая дрянь, черт знает!

С грехом пополам остановился он, с одобрения моего и еще старого приятеля его Жирарде, который с ним вместе приехал, на каком-то гороховом облачении: признаюсь, однако, после, на улице, я покаялся — до того несчастно выглядела в нем красивая и представительная фигура Скобелева.

Во время этого последнего свидания я крепко журил его за несвоевременный, по мнению моему, вызов австрийцам, он защищался так и сяк и, наконец, как теперь помню, это было в здании панорамы, что около Генерального штаба, осмотревшись и уверившись, что кругом нет «любопытных», выговорил:

— Ну, так я тебе скажу, Василий Васильевич, правду — они меня заставили, кто они, я, конечно, помолчу.

Во всяком случае, он дал мне честное слово, что более таких речей не будет говорить...

Кого же опасался такой храбрый и волевой человек, каким был М. Д. Скобелев, и почему он очень скоро нарушил слово, данное В. В. Верещагину, выступив с еще более резким заявлением? На наш взгляд, в приведенном диалоге содержится намек на связь генерала с французскими масонами. Отнюдь не случайно он неоднократно встречался с одним из руководителей масонской ложи «Великий Восток» премьер-министром Франции Леоном Гамбеттой и его помощницей госпожой Жульеттой Адам. Имеются свидетельства, что масонами были близкие друзья Михаила Дмитриевича, например, писатель В. И. Немирович-Данченко и генерал А. Н. Куропаткин.

Как представляется, эти люди искренне стремились к процветанию России, но вряд ли, идя к цели, всегда выбирали верные пути.

Однако, думается, следует вкратце напомнить читателю историю масонства, которая весьма запутана.

Ведь документов, как правило, масоны не оставляли. Этим пользуются прямые и косвенные защитники масонства, требуя от «обличителей» ссылок на архивы, заведомо зная, что там почти ничего не сохранилось. Как справедливо полагает советский историк А. Г. Кузьмин, главным источником при исследовании масонства служит не документ, а практическая деятельность членов лож, рассмотренная с классовых позиций и с помощью диалектико-материалистического метода.

Следует сказать, что масоны — это элитарная политическая надпартийная организация господствующих классов. Масоны называют себя «строителями всемирного храма царя Соломона», ссылаясь на строительство храма бога Яхве в древнем Иерусалиме. На связь масонства с религией древних евреев указывает и общность символики (звезда, семисвечник и т. д.). Кроме того, как отмечают некоторые авторы, высшие степени масонской пирамиды могут занимать лишь левиты — потомки древней еврейской секты служителей храма Соломона.

Возникновение современного масонства относится к XVII веку. Свое название масоны заимствовали у средневековых цехов строителей (по-английски «масон» означает «каменщик». — А. Ш.), переосмыслив его в мистическом духе.

Политическая роль масонства никогда не была однозначной. В Англии, США, Германии они быстро превратились в консервативную силу. Во Франции, Италии, Испании и России долгое время выступали с антифеодальных позиций. Лозунг Французской революции 1789 года «Свобода, равенство, братство!» первоначально был лозунгом одной из масонских лож.

Важно понять, что масонские организации создавались и создаются прежде всего для захвата власти, тонкого управления «профанами» и их эксплуатации. Именно поэтому масоны яростно борются против социализма, исключающего саму возможность одних слоев населения жить за счет других.

Начиная с XVIII века масонство довольно широко распространилось в России. Среди видных русских масонов — просветитель Н. И. Новиков, фельдмаршал М. И. Кутузов, декабристы П. И. Пестель, С. П. Трубецкой, С. Г. Волконский, А. Н. Муравьев и другие известные личности. Как считают некоторые историки, посвященными в масонские тайны были многие российские самодержцы, не говоря уже о представителях высшей, особенно либеральной, бюрократии.

Во времена М. Д. Скобелева интерес к масонству в русском образованном обществе был велик. Об этом свидетельствует, в частности, появление в 1880 году романа А. Ф. Писемского «Масоны». Думается, что в России масонское движение тогда еще не играло однозначно реакционной роли. Вступающие в эти организации порой искренне стремились изменить мир к лучшему. Но между российскими масонами и их западными коллегами высоких степеней посвящения и тогда существовали глубокие противоречия.

Русская публицистика конца семидесятых и начала восьмидесятых годов прошлого века систематически знакомила с новостями в масонском движении на Западе, ролью масонов во главе с Дж. Гарибальди в борьбе за объединение Италии, реформами, происходящими во французских ложах. Франция стала той страной, откуда масонское влияние активнее всего проникало в среду российских либералов-западников. Но, вероятно, что и некоторые славянофилы не были чужды своеобразного масонского течения. Известно, что в отдельные периоды для захвата власти или усиления своего влияния масоны могли воспользоваться и патриотическими лозунгами, хотя в основном придерживались космополитических взглядов.

Немало русских либералов и даже радикалов были вовлечены как во французские масонские ложи, так и в ложи, специально созданные для русских. Писатель А. В. Амфитеатров рассказывал о трех торжественных заседаниях такой ложи «Космос», посвященных чествованию Е. В. де Роберти и писателя В. И. Немировича-Данченко; пожурив «беллетриста» за плохой французский язык, на котором он произносил свою ответную речь, Амфитеатров далее писал: «Зато в масонском облачении и регалиях

он был очень эффектен и чуть ли не единственный в собрании потрясал обнаженною шпагою...»

Амфитеатров признал, что русско-французские масоны занимались политикой. «Космос» вместе с другими масонскими организациями во Франции активно критиковал царское правительство. Но делалось это не для освобождения народа, а для захвата политической власти, для укрепления власти буржуазии в России.

Откровенное признание прозвучало в 1886 году со страниц одного официального масонского бюллетеня: «Одно время существовало не столько правило, сколько простая формальность заявлять, что масонство не занимается ни вопросами религии, ни политикой. Под давлением полицейских предписаний мы были вынуждены скрывать то, что является нашей единственной задачей...» Потом не раз масоны жалели об этих словах, ставших обвинением против них. Впредь они еще тщательнее утаивали свою политическую деятельность.

Почему же французское масонство охотно открывало двери своих лож для выходцев из России? Это было связано, как считает советский историк О. Ф. Соловьев, с далеко идущими расчетами влиятельной части империалистических кругов, надеявшихся таким путем подкрепить как свои политические цели в рамках русско-французского союза, так и экономические интересы.

Бонч-Бруевич вспоминал в 1930 году, что оппозиционная деятельность русских либералов имела непосредственную связь с масонами, через них проникала всюду и везде, в самые потаенные места самодержавного организма, везде имела свое влияние... Роль масонов в февральском движении по свержению самодержавия еще подлежит всестороннему исследованию... Любопытно отметить, что А. Ф. Керенский был вспоен и вскормлен масонами, когда еще состоял в членах Государственной думы. Его целенаправленно готовили на роль политического руководителя во время свержения самодержавия, а после — для борьбы с Советами рабочих и солдатских депутатов.

Накануне революции масоны в России стремились создать коалицию либералов и демократов, объединившихся против царского режима.

Бурную активность развил А. Ф. Керенский, носившийся с планом создания некоего «Всероссийского Союза беспартийной интеллигенции» и других организаций, отделения которых якобы существовали в обеих столицах и ряде крупных городов империи.

В работе «Марксизм и реформизм» (1913 г.) В. И. Ленин отметил, как считает историк О. Ф. Соловьев, и масонствующих политиканов, копирующих тактику французской буржуазии, отмечая проявление реформизма «в виде отождествления коренных условий политической обстановки современной России и современной Европы». Подобно либералам ликвидаторы «проповедуют перенесение в Россию европейской конституции без того своеобразного пути, который на Западе привел к созданию конституций и к их упрочению в течение поколений, иногда даже в течение веков. Ликвидаторы и либералы хотят, как говорится, вымыть шкуру, не опуская ее в воду». Известны и меткие ленинские характеристики буржуазных политиков. Среди «краснобаев либерализма» первым фигурировал Ковалевский, лавировал «околопартийный социал-демократ» Чхеидзе, в единой упряжке тащились «полуликвидатор Чхенкелия да мелкий буржуа Керенский», которых погоняли крупный помещик Ефремов и богатый фабрикант Коновалов.

Все эти политиканы сделали ставку на свержение самодержавия заговорщицким путем и втайне от народа, чтобы навязать стране парламентскую республику западного образца при сохранении эксплуататорского строя. Однако, как писал член Временного правительства масон Н. В. Некрасов: «Переходя к роли масонства в Февральской революции, скажу, что надежды на него оказались крайне преждевременными, в дело вступили столь мощные массовые силы, особенно мобилизованные большевиками, что кучка интеллигентов не могла сыграть большой роли и сама рассыпалась под влиянием столкновения классов».

Известный историк Н. Н. Яковлев справедливо отмечает ловкую работу масонов по вовлечению генералов и офицеров императорской армии в тенета заговора. Психологический расчет был точен: предлагалось оказать услугу «братству», а не принимать участие в «грязной политике». Масоны стремились постепенно замещать царскую бюрократию своими людьми на ключевых постах и обеспечить планомерный переход власти в руки буржуазии, без ненавистной революции. Но в расчеты масонских политиков властно вмешался народ.

После Октября многие российские масоны эмигрировали во Францию и другие страны, где стали восстанавливать свою организацию. Некоторые остались в России, отошли от политики и занялись просветительской деятельностью. Среди них — генерал А. Н. Куропаткин. На его могильной плите надпись: «Куропаткин Алексей Николаевич. 1848—1925. Основатель сельскохозяйственной Наговской школы».

Действовали масоны и в Болгарии. В период русско-турецкой войны 1877—1878 годов они сыграли прогрессивную роль, отстаивая независимость балканских славян. Но позднее, по словам Георгия Димитрова, стали представлять национальную опасность: «Члены масонских лож обыкновенно получают внушения и директивы от соответствующей ложи и подчиняются ее дисциплине вразрез с интересами народа и страны. Такие болгары перестают иметь свою болгарскую волю, теряют самостоятельность и пренебрегают обязанностями перед своим народом и своей родиной».

Историки отмечают, что российское масонство не было самостоятельным. Оно неизменно руководилось извне.

Но вернемся к Скобелеву. Взаимоотношения его с масонами носили сложный, противоречивый характер. Русский народный герой шел к людям с открытым лицом, а не в маске лицедея. Непросто было масонским стратегам использовать генерала в своих комбинациях, хотя обработка его велась основательно. Бывший гувернер Жирарде (похоже, он играл при М. Д. Скобелеве ту же роль, что и некий И. Г. Шварц при известном издателе, журналисте и масоне конца XVIII — начала XIX века Н. И. Новикове. Прибыв в Москву под видом домашнего учителя, Шварц направлял и контролировал деятельность Новикова и других российских масонов. — А. Ш.) словно тень следовал за ним по пятам, поездки в Париж стали почти обязанностью.

«ЧУЖЕСТРАНЕЦ ПРОНИК ВСЮДУ!»

Второй раз в Париж Скобелев приехал в середине января 1882 года, в дни падения министерства Гамбетты. Он сразу же понял политическую ситуацию и отметил в письме к Маслову, что «падение министерства произвело переполох, но значение Гамбетты как передового деятеля в государстве не поколеблено, и думаю, что было бы близоруко нам, русским, теперь в особенности от него отворачиваться».

При этом он все-таки, видимо, боялся, что возможности политического характера значительно уменьшались. Так в письме тому же Маслову от 2 февраля генерал писал, что «несметно скучает» и что «не будь крайняя необходимость окончательно выяснить счета покойной матушки, думал бы о возвращении в 4-й корпус... Невмоготу бездействовать, а с последними правительственными переменами во Франции круг доступного для меня стал уже».

Последнее письмо определенно свидетельствует о том, что Скобелев приехал во Францию с конкретными политическими планами, невозможность немедленного осуществления которых нервировала его.

Несмотря на первоначальную неуверенность, генерал вскоре взял себя в руки и, видимо, принял решение действовать. Возможно, что этому способствовала близкий друг Гамбетты госпожа Жульетта Адам, дом которой он постоянно посещал.

В начале февраля произошла восторженная встреча М. Д. Скобелева с жившими в Париже сербскими студентами, которые 5 (17)-го числа преподнесли ему благодарственный адрес. Обращаясь к ним с ответной речью, «белый генерал», в частности, заявил:

«Мне незачем говорить вам, друзья мои, как я взволнован, как я глубоко тронут вашим горячим приветствием. Клянусь вам, я подлинно счастлив, находясь среди юных представителей сербского народа, который первый развернул на славянском востоке знамя славянской вольности. Я должен откровенно высказаться перед вами, — я это сделаю.

Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, гибельным влиянием, что, если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него, — на что я надеюсь, — мы сможем это сделать не иначе, как с оружием в руках!

Если вы хотите, чтобы я назвал вам этого человека, этого самозванца, этого интригана, этого врага, столь опасного для России и для славян... я назову вам его.

Это автор «натиска на Восток» — он всем вам знаком — это Германия. Повторяю вам и прошу не забыть этого: враг — это Германия. Борьба между славянством и тевтонами неизбежна».

На другой день Скобелев принял в своей квартире корреспондента одной из французских газет Поля Фреснэ, в беседе с которым он вновь подтвердил свою политическую позицию, сказав: «Я действительно произнес речь, вызвавшую некоторую сенсацию, и вот я только что получил от моего адъютанта следующую выдержку из газеты: «Государь император только что дал одному из строящихся на Каспийском море судов имя «Генерал Скобелев». Оказание мне этой чести, крайне редкой, доказывает, что я отнюдь не в немилости и что, следовательно, я нахожусь здесь по своей доброй воле. Но если бы моя откровенность и сопровождалась неприятными для меня последствиями, я все-таки продолжал бы высказывать то, что я думаю. Я занимаю независимое положение, — пусть меня только призовут, если возникнет война, остальное мне безразлично. Да, я сказал, что враг — это Германия, я это повторяю. Да, я думаю, что спасение в союзе славян — заметьте, я говорю: славян — с Францией».

Кстати, в одной из записок позднее М. Д. Скобелев отмечал: «Сербская молодежь говорила, что у них в данную минуту народ — одно, а правительство и часть интеллигенции — совсем другое, антинациональное. Нам, русским, подобное положение особенно понятно. Я уверен, что Сербия пойдет в духе 1876 года, хотя бы ценой государственного переворота».

На Германию, как на врага номер один, Михаил Дмитриевич указывал и раньше в частных беседах и письмах. В августе 1881 года Скобелев писал М. Н. Каткову: «До сих пор наше отечественное несчастье главным образом, как мне кажется, происходило не от ширины замыслов, а от неопределенности и изменчивости нашего политического идеального предмета действий. Эта неопределенность об руку с денежной недобросовестностью тяжелым бременем легла на всем строе государства...»

«Меня больше всего бесит наша уступчивость этим колбасникам, — вспоминал ординарец Скобелева Петр Дукмасов его слова. — Даже у нас в России мы позволяем им безнаказанно делать все что угодно. Даем им во всем привилегии, а отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают, считая их более способными... А они своею аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки... А все-таки нельзя не отдать им справедливости, нельзя не уважать и как умных и ловких патриотов. Они не останавливаются ни перед какими препятствиями, ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда. Наша нация этим истинным и глубоким патриотизмом не может похвалиться! Нет у нас таких патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет на буксире государственных людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у нас мало в политике!»

Речь к сербским студентам вызвала отклик во всей Европе, быстро докатившийся до берегов Невы.

После появления речи в печати русский посол в Париже князь Орлов тут же отправил донесение о ней министру иностранных дел Гирсу. «Посылаю вам почтой речь генерала Скобелева с кратким донесением, — писал посол. — Генерал тот в своих выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранить мир. Двойная игра во всех отношениях была бы гибельна. Московская (тут явная ошибка, надо «Петербургская». — А. Ш.) его речь не бы-

ла столь определенна, как обращение к сербским студентам в Париже».

Находившийся в Крыму бывший военный министр Д. А. Милютин отмечал в эти дни в своем дневнике: «Газеты всей Европы наполнены толками по поводу неудачных и странных речей Скобелева — петербургской и парижской. Не могу себе объяснить, что побудило нашего героя к такой выходке. Трудно допустить, чтобы тут была простая невоздержанность на язык, необдуманная, безрассудная болтовня; с другой стороны, неужели он намеренно поднял такой переполох во всей Европе только ради ребяческого желания занять собою внимание на несколько дней? Конечно, подобная эксцентрическая выходка не может не встревожить и берлинское, и венское правительства при существующих отношениях между тремя империями. Тем не менее самое возбуждение общественного мнения такими речами, какие произнесены Скобелевым, выявляет больное место в настоящем политическом положении Европы и те черные точки, которых надобно опасаться в будущем. Любопытно знать, как отнесутся к выходкам Скобелева в Петербурге».

Официальный Петербург был чрезвычайно встревожен парижскими событиями, или, вернее говоря, откликом на них в Германии и Австро-Венгрии. 8 (20) февраля 1882 года государственный секретарь Е. А. Перетц отмечал, что: «Речь Скобелева к парижским студентам, произнесенная против Германии, волнует петербургское общество». Примерно в эти же дни граф Валуев отметил в дневнике: «Невозможное множится... После речи здесь ген. Скобелев сервировал новую поджигательную речь в Париже, выбрав слушателями сербских студентов».

Александр III выразил недовольство случившимся. В «Правительственном вестнике» было опубликовано специальное заявление правительства, в котором оно осуждало выступление Скобелева.

«По поводу слов, сказанных генерал-адъютантом Скобелевым в Париже посетившим его студентам, — говорилось в заявлении, — распространяются тревожные слухи, лишенные всякого основания. Подобные частные заявления от лица, не уполномоченного правительством, не могут, конечно, ни влиять на общий ход нашей политики, ни изменить наших добрых отношений с соседними государствами, основанных столь же на дружественных узах венценосцев, сколько и на ясном понимании народных интересов, а также и на взаимном строгом выполнении существующих трактатов».

В Париж ушло распоряжение, приказывающее Скобелеву немедленно вернуться в Россию. 10 (22) февраля граф Орлов докладывал: «Я сообщил генералу Скобелеву высочайшее повеление возвратиться в Петербург. Несмотря на лихорадку, которой он болен, он выедет завтра и поедет, минуя Берлин, о чем я предупредил нашего посланника». Через два дня последовало новое донесение: «Генерал Скобелев выехал вчера вечером. Ему указана дорога через Голландию и Швецию, дабы избежать проезда через Германию».

Опасение русских дипломатов имело основание, поскольку общественное мнение Германии было настроено против Скобелева. Беспристрастный наблюдатель, англичанин Марвин, посетивший в эти дни Петербург и бывший проездом в Берлине, свидетельствовал: «По всему пути в разговорах только и слышалось, что

имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех классов общества».

Иначе, естественно, относилась к Скобелеву французская общественность, представители которой откровенно радовались смелым словам «белого генерала».

Вскоре после обращения к сербским студентам Скобелев посетил Ж. Адам. Нечего и говорить, что ее восторженное отношение к нему после всего происшедшего удвоилось.

По словам Ж. Адам, незадолго до свидания она получила из России письмо, в котором говорилось: «Не доверяйте Скобелеву. Он желает сделать Европу казацкой и господствовать в ней». Более того, в письме утверждалось, что Скобелев деятельно подготовляет свою кандидатуру на болгарский престол.

Ж. Адам показала письмо генералу. Он прочитал его, смутился и заметно огорчился.

— Неужели подобные глупости могут вас печалить? — спросила Ж. Адам.

— Да! — серьезно и задумчиво ответил Скобелев. — Бывают подозрения, которых можно избежать одним путем — путем смерти. Бывают минуты, когда я готов на самоубийство.

— Какие ужасные слова!

— Мне отвратительны эти подозрения! — сказал генерал.

Разговор, безусловно, любопытный, но весьма сомнительный: не чувствуется откровения. Здесь Скобелев, видимо, предвидя опасность избранного пути, впервые заговорил о смерти: к этой мысли, как можно убедиться дальше, он возвращается неоднократно.

Скобелев несколько раз уверял: происшедшее не входило в его планы, что он стал жертвой газетной сенсации, что якобы, когда утром он прочитал свою речь в газете, то немедленно пошел в редакцию «Нувель ревю», но там его встретили словами: «Простите, но умоляем вас: не отказывайтесь от ваших слов» (потому что такая речь, такие слова о Германии сейчас крайне важны для Франции, потому что никто из французов не решился бы сейчас сказать их по адресу своего врага).

Примерно так же смотрел на это и Гамбетта, признавшийся Скобелеву во время их встречи 20 февраля, что эта речь «уже оказала им, французам, великую пользу, воспламенив сердца патриотическим жаром и возбудив надежды на союз с Россией». При этом он отметил, что в своей газете был вынужден ради политической осторожности «осуждать бестактность генерала».

Разговор касался большого круга политических проблем, интересовавших обе стороны. М. Д. Скобелев с обычной для него пунктуальностью записал вкратце эту беседу: «Моя речь сербским студентам со слов Г. возбудила большое патриотическое воодушевление. Необходимо как нам, так и французам работать над разрушением в воображении людей страха германской легенды... Гамбетта говорил о том, что государь окружен людьми неспособными за исключением Игнатьева, который для него загадка. Игнатевист ли он или патриот? Говорил о необходимости к коронации стать на почву Земского собора...»

По словам И. С. Аксакова, Скобелев перед отъездом из Парижа еще раз виделся с Гамбеттой, обедал у него вместе с генералом Галиффе. Речь вновь шла о сближении России и Франции. По возвращении на Родину Скобелев сделал для Аксакова запись своих парижских впечатлений на шести страницах, но напечатаны они были только в отрывках.

Вероятно, что Гамбетта готов был использовать Скобелева в своей политической игре, стремясь втянуть Россию в войну с Германией, а затем потребовать от последней территориальных уступок для Франции (напомним, что в 1871 году Франция проиграла войну Германии и от нее были отторгнуты некоторые области. — А. Ш.). Об этом свидетельствует хотя бы скобелевская версия всей той истории. Мы уже говорили, что Скобелев неоднократно пытался отрицать преднамеренность своего выступления перед студентами. Он пытался внушить это даже своим единомышленникам и друзьям. Так, И. С. Аксакову он писал: «Ее я, собственно, никогда не произносил. Да и вообще никакой речи не говорил. Пришла ко мне сербская молодежь на квартиру, говорили по душе и, конечно, не для печати. Фар напечатал то, что ему показалось интересным для пробуждения французского общества и со слов студентов, меня не спросясь.

Я бы мог формально отказаться от мне приписываемой речи, но переубедили меня и Гамбетта и мадам Адам. Первый особенно настаивал на ее полезном впечатлении в молодежи, армии и флоте: так как в конце концов все сказанное в газете «Франция» сущая правда и, по-моему, могло повести не к войне, а к миру, доказав, что мы — сила, то я и решился не обращать внимания на последствия лично для меня и молчанием дать развиться полезному, т. е. пробуждению как у нас, так и во Франции законного и естественного недоверия к немцу».

Впрочем, спустя некоторое время, вспоминая парижскую речь, М. Д. Скобелев говорил уже совершенно противоположное: «Я сказал ее по своему убеждению и не каюсь... Слишком мы уж малодушничаем. И поверьте, что если бы мы заговорили таким языком, то Европа, несомненно, с большим вниманием отнеслась бы к нам».

Завершая рассказ о событиях в Париже, следует привести письмо графа Капниста русскому министру иностранных дел Гирсу, написанное примерно через месяц после отъезда Скобелева. «Теперь, когда улеглось первоначальное волнение, вызванное выступлением генерала Скобелева, — пишет Капнист, — можно уже определенно утверждать, не боясь впасть в преувеличение, что его речь наделала много шуму во Франции и приняла размеры подлинного политического события. Необходимо также отметить, что инцидент этот был встречен во Франции с чувством полнейшего удовлетворения... Разговаривая однажды с моим другом военным, поэтом Полем Деруленом, сказала мне г-жа Адам, мы должны были себе признаться в нашей интимной беседе с глазу на глаз, что в настоящее время во Франции только мы двое и составляем всю партию реванша. Несколько времени спустя та же дама говорила мне по поводу речи генерала Скобелева: «Вы понимаете, что я, с точки зрения французских интересов, могла лишь поддержать генерала в предпринятой им кампании. Франция от всего этого может лишь оказаться в выигрыше. Пусть Россия сама судит о том, насколько это в ее интересах».

Политические друзья Скобелева в России, совершенно определенно замешанные в этой истории, Игнатьев и Аксаков, искренне или притворно, поспешили отказаться от своего участия в предпринятых генералом демаршах. Каждый из них счел за благо обратиться с письмом к всесильному обер-прокурору Святейшего синода Победоносцеву с заверениями о своем неучастии и отрицательном отношении к происшедшим во Франции событиям.

«Душевно уважаемый Константин Петрович, — писал граф Н. П. Игнатьев, — Скобелев меня глубоко огорчил, сказав непозволительную речь в Париже каким-то сербским студентам. Он ставит правительство в затруднение своим бестактным поведением».

«Спасибо тебе за письмо, которое дышит искреннею патриотическою тревогою, — вторит ему Аксаков, — но ты напрасно тревожишься. Я вовсе не одобряю парижской речи или нескольких слов, сказанных Скобелевым в Париже студентам, и, как ты увидишь, перепечатав их вместе с телеграммой корреспондента «Кельнской газеты» (что сделали и «Московские ведомости»), воздержался от всякой оценки. Но я в то же время не понимаю и не разделяю того испуга, который овладел Петербургом, отчасти и тобою. Даже показывать вид, что мы боимся шумихи, поднятой иностранными газетами, — это плохая политика».

Между тем политическая деятельность М. Д. Скобелева в Париже не ограничивалась произнесением речи, интервью и переговорами с французскими республиканцами. Он предпринял вполне определенную попытку установить связь с руководителями русской революционной эмиграции. Вот что об этом рассказывал С. Иванов.

«Вскоре по приезде Скобелева в Париж к П. Л. Лаврову явился спутник Скобелева, состоявший при нем в звании официального или приватного адъютанта, и передал Лаврову следующее от имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться с Петром Лавровичем для переговоров о некоторых важных вопросах. Но ввиду служебного и общественного положения Скобелева ему очень неудобно прибыть самолично к Лаврову. Это слишком афишировало бы их свидание, укрыть которое при подобной обстановке было бы очень трудно от многочисленных глаз, наблюдавших за ними обоими. Поэтому он просит Лаврова назначить ему свидание в укромном нейтральном месте, где они могли бы обсудить на свободе все то, что имеет сказать ему Скобелев. Петр Лавров, этот крупный философский ум и теоретик революции, в делах практики и революционной политики оказывался очень часто настоящим ребенком. Он наотрез отказался от предлагавшегося ему свидания, и, так как в ту минуту в Париже не оказалось никого из достаточно компетентных и осведомленных революционеров (народовольцев), которым он мог бы сообщить о полученном им предложении, на этом и кончилось дело.

Впоследствии, в 1885 году, мне, — вспоминал далее С. Иванов, — пришлось говорить с Петром Лавровичем об этом инциденте и выразить сожаление, что Лавров отклонил подобное свидание и не использовал благоприятный случай.

— Да помилуйте! — воскликнул Лавров с искренним, неподдельным изумлением. — Ну об чем бы стал я говорить с генералом Скобелевым!»

Попытка Скобелева установить контакт с одним из вождей народовольцев, видимо, в какой-то степени связана с теми отношениями, которые в это время начали устанавливаться у некоторых генералов с членами военной организации партии «Народная воля». Известно, в частности, что в 1882 году «майором Тихоцким велись в Петербурге беседы на политические темы с ге-

нералом Драгомировым, занимавшим тогда пост начальника Николаевской академии Генерального штаба. Разговоры эти, которые касались, между прочим, вопроса о задачах военной революционной организации, Драгомиров заключил, по словам Тихоцкого, следующею дословною фразою: «Что же, господа, если будете иметь успех — я ваш».

Но Драгомиров, как хорошо известно, еще со времен русско-турецкой войны был одним из наиболее близких к Скобелеву людей из числа высших руководителей армии. Жена Драгомирова вспоминала: «Мне всегда казалось, что М. Д. Скобелев ощущал нравственную моральную силу Михаила Ивановича, уважал и любил его, насколько мог уважать и любить кого-либо». Поэтому вполне естественно, считает советский историк В. Б. Велипбахов, сделать предположение, что предпринятые «белым генералом» шаги в отношении Лаврова в значительной степени связаны с теми переговорами, которые велись Драгомировым в Петербурге.

Скобелев, конечно, не был революционером и, безусловно, ни в коей мере не сочувствовал идеалам «Народной воли». Его попытки установить контакт с подпольем диктовались совершенно иными соображениями. В связи с этим целесообразно привести письмо «известного писателя» (видимо, речь идет о В. И. Немировиче-Данченко, бывшем в близких отношениях со Скобелевым), которое опубликовано в книге В. Я. Богучарского о политическом движении в России конца прошлого века.

В письме говорилось: «Я только из вашей статьи узнал, что в 1882 г. Скобелев искал в Париже свидания с Лавровым. В половине 80-х годов я, однако, слышал в Петербурге, что он через генерала... (похоже, что речь идет о М. И. Драгомирове. — **А. Ш.**) пробовал закинуть ниточку в революционные кружки. Это тогда меня не особенно удивило. Чтобы понять Скобелева, надо помнить, что это был не только человек огромного честолюбия, но, когда надо было, и политик — политик даже в тех случаях, когда могло казаться, что он совершает политические бестактности. В последние годы он, несомненно, создал себе такое кредо: правительство (в смысле старого режима) отжило свой век, оно бессильно извне, оно также бессильно и внутри. Революционеры? Они тоже не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила — это армия, и в ее руках судьба России. Но армия может подняться лишь как масса, и на это может ее подвинуть лишь такая личность, которая известна всякому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть провозглашение войны немцам за освобождение и объединение славян. Этот лозунг сделает войну популярною в обществе. Но как ни слабы революционные элементы, и их, однако, игнорировать не следует, — по меньшей мере как отрицательная сила они могут создать известные затруднения, а это нежелательно. В известных случаях Скобелев мог говорить о борьбе с «нигилизмом», но на самом деле вряд ли он об этом думал. Движущая и важнейшая цель у него была другая, и она всегда поглощала его». (Вероятно, имеются в виду масонские замыслы преобразования России, в которых «нигилизму» отводилась определенная роль. — **А. Ш.**)

АУДИЕНЦИЯ В ЗИМНЕМ

Скобелев выехал из Парижа незамедлительно. Путь его лежал не через враждебный Берлин, но и не через Швецию, как советовал князь Орлов, а через Вену и Варшаву. Можно только догадываться, с каким чувством возвращался Скобелев в Россию. Однако настроение у него вскоре несколько поднялось. Причина — горячие овации и заверения в поддержке многочисленных друзей (не без некоторого кликушества со стороны его усердных почитателей), не говоря уже об армейской среде, близкой «белому генералу» по своим воинственным настроениям.

Надо сказать, высшее руководство России было поставлено Скобелевым в довольно затруднительное положение. Даже несмотря на желание некоторых министров, об отставке генерала не могло быть и речи — на такой вызов русской общественности и русской армии нельзя было решиться. Кроме того, они понимали, что военный и административный авторитет Скобелева так высок, что его отставка в гораздо большей степени подорвала бы устои армии, чем политические выходки генерала.

У Скобелева, разумеется, имелось достаточно доброжелателей в высших кругах, чтобы смягчить предстоящий прием Александром III.

Были нажаты многие пружины. В этом направлении, например, действовали и граф Игнатьев и Катков, который в передовых статьях «Московских ведомостей» старался сгладить неблагоприятное впечатление от парижского выступления Скобелева, пользуясь поправками в интервью генерала с английскими и немецкими корреспондентами.

Военный министр генерал Ванновский встретил Скобелева выговором, но последний, «как высокопревосходительный (Ванновский только превосходительный), принял наказание довольно фамильярно, сказал, что он сам сожалеет».

Генерал Ванновский в разговоре с Перетцом высказал мысль, что государь «любит Скобелева и сочувствует истинно национальному его направлению». Но военный министр считал Скобелева человеком несколько опасным. «Нельзя ему доверить корпуса на западной границе, — сейчас возникнут столкновения с Германией и Австрией — может быть, он даже сам постарается их вызвать». Конечно, трудно предположить, чтобы корпусной командир в каком-нибудь Минске мог вызвать столкновение с Германией. «Скобелева, — замечает далее Ванновский, — надо поставить самостоятельно. Главнокомандующий он был бы отличный, если же подчинить его кому-нибудь, то нельзя поздравить то лицо, которому он будет подчинен: жалобам и интригам не будет конца».

Таким образом, можно было ожидать, что Скобелев получит назначение вроде туркестанского генерал-губернатора. Сама по себе мысль назначить Скобелева начальником края, который он очень хорошо знал, имела свою логику и никого бы не удивила. Очень возможно, что на этом посту он чувствовал бы себя более самостоятельно, чем в роли корпусного командира в это трудное для себя время, но в тот период своей политической популярности, когда в Западной Европе загорелась его звезда, назначение его в далекий Туркестан, хотя бы и на высокий пост, могло рассматриваться только как почетная ссылка.

Благополучно прошла и встреча с Александром III 7 (19) мар-

та, во время которой Скобелеву каким-то образом удалось отвести от себя императорский гнев.

Вот что рассказывал генерал Витмер об этой встрече со слов дежурного свитского генерала. Император, «когда доложили о приезде Скобелева, очень сердито приказал позвать приехавшего в кабинет. Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и — по прошествии двух часов вышел веселым и довольным». Витмер добавляет (передавая распространившееся тогда мнение): «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не мог же он распекать целых два часа! Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей».

В. И. Немирович-Данченко писал об аудиенции у царя: «В высшей степени интересен рассказ его (Скобелева. — А. Ш.) о приеме в Петербурге. К сожалению, его нельзя еще передать в печати. Можно сказать только одно — что он выехал отсюда полный надежд и ожидания на лучшее для России будущее».

Видимо, за известное снисхождение и даже благорасположение со стороны императора Скобелев заплатил обетом благоразумного «молчания». Самоограничение в высказывании своих политических взглядов стесняло Скобелева, иногда раздражало, а порой приводило к угнетенному состоянию и меланхолии вообще.

Правительство тут же запретило военнослужащим произнесение публичных речей. Это решение произвело на Скобелева удручающее впечатление. Он даже собирался подать в отставку. Его отговорил начальник главного штаба генерал Н. Н. Обручев, убедивший Скобелева, что этим поставит императора в затруднительное положение.

Во время пребывания в Петербурге Скобелев стремился развеять подозрения к себе не только Александра III, но и влиятельных государственных деятелей. Генерал специально заводил с ними разговоры о своих нашумевших речах. Например, с графом П. А. Валуевым он дважды «случайно» беседовал на эту тему в английском клубе. Скобелев, не жалея красноречия, внушал министру, что его выступления, как и поездки в Париж, Женеву и Цюрих, были продиктованы лучшими побуждениями — поднять воинственный патриотизм славян, чтобы с его помощью успешнее вести борьбу с нигилизмом и тем самым укрепить положение царствующей династии.

Недоверчивый и осторожный Валуев, которому нельзя отказать в уме, поддался обаянию и заверениям Скобелева, поверил, что основными мотивами поступков генерала действительно была лишь ненависть к радикализму.

Внешние успехи в Петербурге не сняли у Скобелева внутреннего напряжения. Он понимал, что идет по ниточке, которая в любую минуту может порваться. Его не покидали дурные предчувствия.

Примечателен в этом плане разговор Скобелева с Дукмасовым — его ординарцем времен Балканской кампании. «Это постоянное напоминание о смерти Михаилом Дмитриевичем, — вспоминал Дукмасов, — крайне дурно действовало на меня, и я даже несколько рассердился на генерала.

— Что это вы все говорите о смерти! — сказал я недовольным голосом. — Положим, это участь каждого из нас, но вам еще слишком рано думать о могиле... Только напрасно смущаете других. Ведь никто вам не угрожает смертью?!

— А почем вы знаете? Впрочем, все это чепуха! — прибавил он быстро.

— Конечно, чепуха, — согласился я».

Похожий разговор приводит в своих воспоминаниях В. И. Немирович-Данченко. «Я уже говорил о том, как он не раз выражал предчувствия близкой кончины друзьям и интимным знакомым. Весною прошлого года (то есть 1882-го. — А. Ш.), прощаясь с доктором Щербаковым, он опять повторил то же самое.

— Мне кажется, я буду жить очень недолго и умру в этом же году!

Приехав к себе в Спасское, он заказал панихиду по генералу Кауфману.

В церкви он все время был задумчив, потом отошел в сторону, к тому месту, которое выбрал сам для своей могилы и где лежит он теперь, непонятный в самой смерти.

Священник о. Андрей подошел к нему и взял его за руку.

— Пойдемте, пойдемте... Рано еще думать об этом...

Скобелев очнулся, заставил себя улыбнуться.

— Рано?.. Да, конечно, рано... Повоюем, а потом и умирать будем...

Прощаясь с одним из своих друзей, он был полон тяжелых предчувствий.

— Прощайте!

— До свидания...

— Нет, прощайте, прощайте... Каждый день моей жизни — отсрочка, данная мне судьбой. Я знаю, что мне не позволят жить. Не мне докончить все, что я задумал. Ведь вы знаете, что я не боюсь смерти. Ну, так я вам скажу: судьба или люди скоро подстерегут меня. Меня кто-то назвал роковым человеком, а роковые люди и кончают всегда роковым образом... Бог пощадил меня в бою... А люди... Что же, может быть, в этом искупление. Почем знать, может быть, мы ошибаемся во всем и за наши ошибки расплачиваются другие!..

И часто, и многим повторял он, что смерть уже сторожит его, что судьба готовит ему неожиданный удар».

22 апреля (4 мая) 1882 года М. Д. Скобелев отправился в Минск к «вверенному ему корпусу». Народ встречал «белого генерала» хлебом-солью. В Могилев, где стояла 16-я дивизия, во главе которой он участвовал в Балканском походе, Скобелев въезжал поздно вечером при свете факелов. Выйдя из экипажа, генерал шел с непокрытой головой по улицам, запруженным людьми и войсками. В Бобруйске навстречу ему вышло все духовенство, возглавляемое каноником Сенчиковским.

В мае 1882 года Скобелев последний раз посетил Париж. Здесь он нарушил «обет молчания», продолжал фрондировать по отношению к Александру III, открыто выражая свое неодобрение внутренней и внешней политики правительства, весьма пессимистически высказываясь о будущей судьбе России.

Вернувшись из Франции, М. Д. Скобелев начал лихорадочно готовиться к чему-то. Посетившему его князю Д. Д. Оболенскому «белый генерал» заявил, что собирается ехать в Болгарию, где вскоре начнется настоящая война. «Но надо взять с собой много денег, — добавил он, — я все процентные бумаги свои реализую, все продам. У меня на всякий случай будет милли-

он денег с собою. Это очень важно — не быть связанным деньгами, а иметь их свободными. И это у меня будет: я все процентные бумаги обращу в деньги...»

Через несколько дней Д. Д. Оболенский вновь навестил Скобелева в Петербурге. Тот отдавал распоряжения о продаже бумаг, облигаций, золота, акций и т. п.

«Все взято из государственного банка, все продано, и собирается около миллиона, — сказал Михаил Дмитриевич, — да из Спасского хлеб продается — он в цене, будет и весь миллион».

Когда к нему обратились с просьбой занять 5000 рублей, обычно исключительно щедрый и добрый Скобелев отказал.

«Не могу дать никаким образом, — ответил он, — я реализовал ровно миллион и дал себе слово до войны самому не тратить ни копейки с этого миллиона. Кроме жалованья, я ничего не проживаю, а миллион у меня наготове, на случай — будет надобность ехать в Болгарию».

Однако этот рассказ не внушает большого доверия, история с миллионом продолжает оставаться и по сей день одной из тайн, окружающих имя «белого генерала».

Разговоры о Болгарии, конечно, не могли восприниматься всерьез. Это была неубедительная маскировка «дельфийского оракула». Деньги нужны были не для войны, а для какой-то политической комбинации, о которой можно только гадать.

«А ПОМНИШЬ, ДУКМАСОВ?»

Не случайно в последний год своей жизни М. Д. Скобелев неоднократно возвращался мыслями к Болгарии. Ведь эту страну вместе с другими русскими воинами он освободил от турецкого ига, с ней была связана его слава славянского защитника.

Особенно часто вспоминал «белый генерал» ожесточенные бои под Плевной. Три штурма русских отбили засевшие в этом городке турки и лишь в результате осады наконец сдались на милость победителя. Многократно на белом коне, в белом кителе и белой фуражке водил Скобелев свои войска в атаки и контратаки, личным примером и задушевным словом внушал солдатам уверенность в победе. Его популярность среди русских воинов значительно выросла.

— А помнишь, Дукмасов, Зеленые горы? — как-то обратился он к своему ординарцу, неотступно сопровождавшему его в русско-турецкую войну 1877—1878 годов.

Конечно, Петр Архипович не мог забыть эти позиции на покрытых зеленой растительностью холмах, расположенных вокруг Плевны. Не раз переходили они из рук в руки.

В середине сентября 1877 года, вступив в командование 16-й пехотной дивизией, генерал-лейтенант М. Д. Скобелев стал полным хозяином зеленогорских позиций. Он немедленно поставил во главе штаба дивизии произведенного в подполковники своего любимца и друга А. Н. Куропаткина, и эти двое людей стали душою Зеленых гор. Они сумели так устроить там свои полки, что они в Брестовце и его высотах расположились как дома.

В одну темную, ненастную октябрьскую ночь Скобелев выслал охотников с саперами, и к утру турецкие позиции оказались опоясанными русскими траншеями. Турки пробовали было выбивать русских, но напрасно.

Скобелев вместе с Куропаткиным поселился в одной из траншей. Не проходило вылазки, чтобы он сам не отправлял охотников на турок, давая им наставления, как биться с врагом, заклепывать орудия, выбивать неприятеля штыками. Если же турки делали вылазку, сам генерал возглавлял контратаку.

Михаил Дмитриевич редко обращался к солдатам с речами, во часто попросту разговаривал с ними.

Вот выстроился взвод охотников. Они взялись подобраться чуть что не ползком к неприятельским траншеям и ворваться в них, давая этим возможность подоспеть как раз во время суматохи и товарищам.

Скобелев обходит ряды.

— Ну, молодцы, смотри, сделай дело! — слышится его голос.

— Постараемся, ваше превосходительство! — гремит в ответ.

— То-то постараемся! Надобно, чтобы все чисто было...

— Редуты брали, а тут чтобы осрамиться... Ни в жизнь...

— Редуты, ребята, другое дело. Их взять нужно, а тут только переполоху наделать... Подобрался, кричи «ура» и действуй штыком, пока турок не опомнится, а опомнился, уходи назад. Измором их доймем, если в честном бою в руки не даются. А чтобы измором взять, покою давать нельзя. Поняли? Начальника, ребята, слушай; сказал он «стой» — ты ни с места. А вразброд будете действовать — самим хуже: перебьют ни за понюх табаку.

Однажды Скобелев отправился осмотреть передовые позиции. В сопровождении нескольких офицеров, перейдя Брестовецкий лог, он еще не успел подняться на один из окрестных холмов, когда увидел бегущих солдат Владимирского полка. Некоторые были с ружьями, некоторые без них.

— Это что такое? — закричал Скобелев. — Стой! Что это за безобразие? Где офицер?

Подошел испуганный офицер и взял под козырек.

— Объясните, что это значит? — обратился к нему генерал.

— Ваше превосходительство! Турки открыли такой огонь, что нагнали панику на солдат. Мы ничего не могли с ними поделать! — смущенно оправдывался офицер.

— Как вам не стыдно, — загремел Скобелев, — у вас самолюбия нет! Вы своего долга не знаете. Стыдитесь, молодой человек!

Подошло еще несколько человек. Скобелев пристыдил и их и лишь после этого обратился спокойно и даже ласково к солдатам.

— Нехорошо, ребята! — заговорил он. — Вы забыли присягу, данную государю: живота не щадить. Смотрите загладьте скорее свою страшную вину, иначе я не хочу вас знать, не буду вами командовать. Будьте молодцами. Господа офицеры! Соберите ваших людей, разберитесь по ротам и в порядке идите обратно в траншеи.

Сконфуженные солдаты возвратились и под страшным огнем турок докончили работу.

Суровый, величаво-холодный, грозный в бою, в дни отдыха Скобелев был товарищески нежен с подчиненными. Иногда казалось, будто он в лицо знает всех солдат, по крайней мере своей прославленной 16-й дивизии.

Сослуживцы вспоминали такие случаи. Идет по лагерю генерал, навстречу ему пробирается сторонкой солдатик, стараясь всеми силами не попасться на глаза. Вдруг оклик:

— Эй, нижний чин, стой!

Солдатик ни жив ни мертв останавливается и вытягивается в струнку перед корпусным.

— Петров? — слышит он голос несколько картавящего генерала.

— Никак нет, ваше превосходительство, Степанов!

— Ах, да, Степанов; как я это позабыть мог, братец... Ведь мы с тобой плевненские.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Да, да, помню, в траншеях вместе были... Что, Степанов, поди, по деревне скучаешь? Поди, родители там остались?..

— Так точно, ваше превосходительство! Отец с матерью...

— Не скучай, скоро и по домам теперь... Послужили мы с тобой, Степанов, Отчизне, поработали всласть, теперь и на печке поваляться не грех... Ну, ступай, Степанов. Будешь в деревне, что понадобится, мне пиши, не стесняйся. А я товарища не забуду... Прощай пока!

Генерал отходит, а солдат, как очарованный, стоит на месте и долго-долго смотрит ему вслед. В душе его растет горделивое сознание, что и он вовсе не какой-нибудь Степанов из захолустной деревушки, а Степанов — «товарищ» Скобелева, не простой солдат, а «скобелевец», и гордится Степанов сам собою и из всех сил старается стать достойным такого «товарища», как Михаил Дмитриевич...

Если, встречаясь с солдатиком, Михаил Дмитриевич замечал, что у того что-нибудь не в порядке, то не бранил, не кричал на него, не грозил всевозможными карами.

— Как же это ты так, братец? — журил он виноватого. — И не стыдно это тебе? Вот уж от тебя-то никак ничего подобного я не ожидал!

— Виноват, ваше превосходительство! — чуть не плачет солдат, удивляясь и в то же время гордясь, что генерал от него не ожидал неисправности...

— Только что разве виноват! Даешь слово, что в другой раз этого не будет?

— Так точно, ваше превосходительство, даю.

— Ну, смотри! Не давши слова, крепись, давши — держись!

Чаще всего бывало, что после подобного генеральского выговора солдат исправлялся и становился образцовым...

Когда в Сан-Стефано среди солдат вдруг началась эпидемия тифа, Скобелев плакал, узнав, что и среди его корпуса есть заболевания. Слезы этого железного человека, проливаемые о подчиненных, все более и более увеличивали любовь к нему. Солдаты не только что 4-го корпуса, включавшего 16-ю и 30-ю дивизии, но и чужие начинали боготворить Михаила Дмитриевича...

В своих поездках в Константинополь Михаил Дмитриевич нередко завертывал в турецкие лагеря. Когда приходилось попадать туда в обеденное время, «белый генерал» прямо отправлялся к котлам, брал у ближайшего повара ложку и пробовал варево. Если он находил в нем какой-нибудь недостаток, то немедленно присылал к туркам свой провиант, а иногда и своих кашеваров, угощавших с русским радушием недавних врагов кислыми щами с кашей. Благодаря этому и среди турок росла популярность М. Д. Скобелева.

Осень быстро переходила в зиму. Начинали трещать морозы, шел снег. Скобелев ухитрился раздобыть для солдат полушубки.

— И меня, господа, — обратился он однажды при обходе траншей к офицерам, — можете поздравить с обновкою! Отец мне прислал прекрасный полушубок и просил, чтобы я постоянно носил его. Только мне он не нравится: весь черный.

Скобелев был несколько суеверен, верил приметам, предчувствиям. Через несколько дней его легко контузило неприятельской пулей, и он, смеясь, говорил, что это произошло из-за черного полушубка.

Однако случай напугал окружавших его офицеров.

— Друзья, — сказал Куропаткин, когда Скобелев несколько отошел, — если генерал будет становиться на банкет и выставлять себя таким образом напоказ неприятелю, становитесь и вы тоже. Я уверен, он реже станет рисковать собой.

Так и сделали. Когда немного спустя Скобелев со дна рва взобрался на банкет и начал рассматривать неприятельские позиции, сопровождавшие его тоже влезли вслед за ним. Пули турок сейчас же засвистели над их головами. Скобелев несколько удивленно посмотрел на офицеров, но слез, не говоря ни слова, с банкета и пошел дальше. Через несколько шагов он повторил то же — его спутники немедленно вслед за ним подставили и себя под расстрел турецким пулям.

— Да чего вы-то торчите здесь? Сойдите вниз! — недовольным тоном сказал генерал.

— Мы обязаны брать с начальства пример, — иронически заметил Куропаткин. — Если вы подвергаете себя опасности, то и нам, подчиненным вашим, жалеть себя нечего!

Михаил Дмитриевич только молча пожал плечами, соскочил в ров и пошел далее.

Но предназначенной ему пули генерал все-таки не миновал. Прошло несколько дней, и он снова был контужен в спину, как раз тогда, когда сходил с банкета в ров.

Контузия на этот раз оказалась сильной. Скобелев упал. С воплем отчаяния кинулись к нему ближайшие офицеры, но генерал уже оказался на ногах. Лицо его резко побледнело.

— Ничего, братцы, пустяки! — произнес он, видимо, перемогая страшную боль. — Я даже не ранен.

Но страдание оказалось сильнее этого железного человека — Скобелев чувствовал, что оставаться далее в траншеях не может, и, поддерживаемый Куропаткиным и еще одним офицером-казаком Хомячевским, покинул позиции.

В ближайшем населенном пункте Брестовце Скобелев разместился в довольно просторной хате и лежал в постели, видимо, сильно страдая от контузии. Но он старался быть спокойным и даже шутил с приходившими навестить его офицерами.

— Это все, господа, черный полушубок, — говорил он, улыбаясь, — не надень я его, наверное, ничего не произошло бы... Но, во всяком случае, скоро снова я вернусь к вам в траншеи!

Однако, и лежа в постели, Скобелев не переставал распоряжаться делами. Он устроил еще батарею у Брестовца, позади нее расположил перевязочный пункт и через неделю благодаря своей крепкой натуре оправился настолько, что смог сесть на коня и явился на позицию.

— Что же, братцы, — рассуждали, увидя его, солдаты, — если сам генерал наш идет прямо под пули, так нашему брату, простому нижнему чину, и подавно жалеть себя нечего.

Ноябрь подходил уже к концу. Плохо приходилось Осман-па-

ше в осажденном городе. Близкая развязка чувствовалась всеми. Особенно напряженно ожидали «конца Плевны» на Зеленых горах. Частенько теперь попадали в руки скобелевцев турецкие беглецы, не выдерживавшие тягостей блокады. Эти голодные, оборванные люди были так жалки, что их, прежде чем отправлять далее, русские солдаты досыта кормили из своих котлов, оделяли табаком, а иногда давали и одежду.

Около полуночи на 28 ноября (10 декабря) казачий разъезд привел в Брестовец к Скобелеву захваченного им в плен турка и тотчас же в зеленогорском отряде разнеслось, что турки уходят, бросив все свои траншеи, окопы, редуты.

Осман-паша действительно решил уйти, прорвавшись через блокирующие войска. Авангард его армии уподобился могучему тарану. Таборы скатились с высот, перешли через реки и со страшной силой ударили по передовым русским полкам. Османовы бойцы шли, обрекши себя на смерть. Их удар был столь стремителен, что первые две линии русских траншей оказались прорванными. Издали, с тех высот, откуда глядел на бой Скобелев, казалось, будто кровавая река вдруг вырвалась из Плевны и бурными волнами ударила на русских. Казалось, ничто не могло сдержать ее. Осман-паша, уже вполне уверенный в своем успехе, спустился к реке Вид и подъезжал к мосту, когда случайная пуля свалила его с коня.

Подошедшие резервы русских обрушились на неприятеля с трех сторон. Турки, охваченные паникой, обратились в бегство. Противник потерял убитыми и ранеными около 6 тысяч человек. Русские потери составляли 1700 человек. Раненый Осман-паша, поняв, что ему не вырваться из окружения, в 13 часов 28 ноября (10 декабря) выслал к русскому командованию своего адъютанта с объявлением о капитуляции. В плен сдались 10 генералов, 2128 офицеров, 41 200 солдат; сдано 77 орудий.

Скобелев послал свои полки занять павшую Плевну. В городке валялись неубранные трупы людей, животных; всюду были видны груды развалин, разрушенные дома, обгорелые бревна.

На реке Вид русские войска окружили уже со всех сторон сорокатысячную турецкую армию; Осман-паша, раненый в ногу, отдал свою саблю победителям.

В сумерки в караулку, где находился турецкий командующий, примчался «белый генерал», назначенный военным губернатором Плевны.

Скобелев порывисто вошел в караулку и устремил свой взор на Османа; тот тоже поднял понуренную голову и взглянул на своего самого страшного противника.

Взгляды обоих генералов встретились.

Через мгновение Скобелев порывисто двинулся вперед, протянул турецкому командующему руку и, обращаясь к переводчику, сказал:

— Передайте паше, что каждый человек по натуре более или менее завистлив, и я, как военный, завидую Осману в том, что он имел случай оказать своему Отечеству важную услугу, задержав нас на четыре месяца под Плевной.

Паша слушал внимательно переводчика, потом он вскинул глаза на Скобелева, скромно улыбнулся и проговорил:

— Генерал еще так молод летами, а между тем он успел сделать столь много и так хорошо заявить о себе на военном поприще, что я не сомневаюсь, что если не я, так, может быть, дети мои отдадут ему почтение, как фельдмаршалу русской армии.

Наверное, предсказание турецкого командующего сбылось бы, если бы жизнь Скобелева трагически не оборвалась на взлете военной карьеры.

ТАЙНА ГОСТИНИЦЫ «АНГЛИЯ»

Получив месячный отпуск 22 июня (4 июля) 1882 года, М. Д. Скобелев выехал из Минска, где стоял штаб 4-го корпуса, в Москву. Его сопровождали несколько штабных офицеров и командир одного из полков барон Розен. По обыкновению Михаил Дмитриевич остановился в гостинице «Дюссо», намереваясь 25 июня (7 июля) выехать в Спасское, чтобы пробыть там «до больших маневров».

После обеда вечером М. Д. Скобелев отправился в гостиницу «Англия», которая находилась на углу Столешникова переулка и Петровки. Здесь жили девицы легкого поведения, в том числе и Шарлотта Альтенроз (по другим сведениям, ее звали Элеонора, Ванда, Роза). Эта кокотка неизвестной национальности, приехавшая вроде бы из Австро-Венгрии и говорившая по-немецки (на основании чего многие считали ее немкой. — А. Ш.), занимала в нижнем этаже роскошный номер и была известна всей кутящей Москве.

Поздно ночью Шарлотта прибежала к дворнику и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Покойника узнали сразу. Прибывшая полиция ликвидировала панику среди жильцов, переправив тело Скобелева в гостиницу «Дюссо», в которой он остановился.

Вскрытие производил прозектор Московского университета профессор Нейдинг. В протоколе было сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Никогда раньше Скобелев не жаловался на сердце, хотя его врач О. Ф. Гейфельдер во время Туркестанского похода и находил у генерала признаки сердечной недостаточности.

Однако при этом, в известной степени опровергая свое заключение, Гейфельдер отмечал совершенно необыкновенную выносливость и энергию Скобелева, который мог сутками без сна совершать длительные переходы, сохраняя бодрость и работоспособность. Это позволяет предполагать, что в действительности сердечная система Скобелева не могла стать причиной преждевременной смерти.

Мало верили в официальную версию и большинство современников Скобелева. Характерно замечание В. И. Немировича-Данченко: «Не тогда ли у него стала развиваться болезнь сердца, сведшая его в раннюю могилу, если только эта болезнь у него была?»

Вокруг трагедии в московской гостинице, как снежный ком, нарастал клубок легенд и слухов. Высказывались самые различные, даже взаимоисключающие предположения, но все они были едины в одном: смерть М. Д. Скобелева связана с таинственными обстоятельствами.

Передавая широко муссируемый в России слух о самоубийстве, одна из европейских газет писала, что «генерал совершил этот акт отчаяния, чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вслед-

ствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности нигилистов».

Большинство же склонялось к версии, что «Скобелев был убит», что «белый генерал» пал жертвой германской ненависти. Присутствие при его смерти «немки» придавало этим слухам, казалось, большую достоверность.

«Замечательно, — отмечал современник, — что и в интеллигентных кругах держалось такое же мнение. Здесь оно выражалось даже более определенно: назывались лица, которые могли участвовать в этом преступлении, направленном будто бы Бисмарком... Этим же сообщением Бисмарку приписывалась пропажа плана войны с немцами, разработанного Скобелевым и выкраденного тотчас после смерти М. Д. Скобелева из его имения».

Особенно отстаивала данную версию Ж. Адам. Она утверждала, что в ее распоряжении имеются бесспорные доказательства — документы, из которых следует, что М. Д. Скобелева отравили две кокотки, специально подосланные из Берлина. Однако все попытки Н. Н. Кнорринга ознакомиться с данными документами окончились безрезультатно. Наследники Ж. Адам сообщили, «что в ее архиве никаких следов о генерале Скобелеве вообще не обнаружено». Это весьма странно, поскольку Ж. Адам неоднократно заявляла о материалах, якобы хранящихся у нее. Вполне возможно, что француженка действовала с заведомым умыслом, чтобы скрыть истинную причину смерти Скобелева.

Эту версию поддерживали и некоторые представители официальных кругов. Один из вдохновителей реакции — князь Н. Мещерский — в 1887 году писал Победоносцеву: «Со дня на день Германия могла наброситься на Францию, раздавить ее. Но вдруг благодаря смелому шагу Скобелева сказалась впервые общность интересов Франции и России, неожиданно для всех и к ужасу Бисмарка. Ни Россия, ни Франция не были уже изолированы. Скобелев пал жертвою своих убеждений, и русские люди в этом не сомневаются. Пали еще многие, но дело было сделано».

Необходимо подчеркнуть, что при Александре III распался союз трех императоров (совокупность соглашений между Россией, Германией и Австро-Венгрией. — А. Ш.) и был заключен русско-французский союз. Естественно, смена внешнеполитического курса России происходила в острой политической борьбе. Поэтому в сообщении Мещерского можно увидеть намек на насильственную смерть Михаила Дмитриевича, но не обязательно от рук германской разведки.

Думается, по-житейски обосновано мнение владельца ресторана «Эрмитаж», где в день смерти обедал Скобелев, заметившего, что «не будет она (кокотка. — А. Ш.) травить человека в своей квартире».

По другой версии, М. Д. Скобелев отравился бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, якобы пившей тогда за здоровье «белого генерала». В этом случае подозрение падает на самого императора Александра III, который, как считали, опасался, что Скобелев совершит дворцовый переворот и займет императорский трон под именем Михаила III.

Некий Ф. Дюбюк со слов председателя 1-й Государственной думы С. А. Муромцева передавал впоследствии, что будто бы в связи с антиправительственной деятельностью Скобелева был учрежден особый тайный суд под председательством великого князя Владимира Александровича, который большинством голосов (33 из 40) приговорил генерала к смерти, причем исполнение приговора поручили полицейскому чиновнику.

В. И. Немирович-Данченко в заграничных публикациях (он эмигрировал после Октябрьской революции. — А. Ш.) утверждал, что Скобелева убили агенты «священной дружины» по приговору, подписанному одним из великих князей и графом Б. Шуваловым, личным другом императора и влиятельным руководителем «дружины».

«Священная дружина» совмещала в себе черты «третьего отделения», масонских лож и подпольных организаций. Состав центрального комитета данной организации до сих пор полностью неизвестен. Вероятно, в него входили и сам император, и великий князь Владимир Александрович, бывший начальник Петербургского военного округа. Руководители вербовались из высшего дворянства, преимущественно из придворной аристократии, которые значились под цифрами. Для работы в Петербурге и Москве были образованы «попечительства», в которые привлекались представители финансовой и промышленной буржуазии. Дальше шли «пятерки», куда могли входить и люди более простого происхождения. В провинции действовали «инспектуры», ведавшие, в свою очередь, системой тайны «пятерок». Вступавшие в «священную дружину» приносили пространную торжественную присягу, в которой ради спасения царя обязывались в случае необходимости даже отречься от семьи. Была организована и шпионская служба в виде бригад сыщиков и заграничной агентуры.

Конспирация в «дружине» была налажена настолько хорошо, что ее деятельность вплоть до сегодняшнего дня остается в значительной степени неизвестной, хотя одно время приобрела довольно значительный размах и привела к определенным результатам. Среди ее членов находились и «смертники», поклявшиеся «разыскать революционеров князя Кропоткина, Гартмана и убить их».

Со «священной дружиной» у М. Д. Скобелева сложились весьма натянутые отношения. В свое время он отказался вступить в ее ряды, не скрывал отрицательного, даже презрительного отношения к этой организации. «Рассказывают, — писал руководитель тайного сыска «дружины» В. Н. Смельский, — что, когда Скобелев, известный герой, приехал в Петербург и, желая получить в гостинице, где остановился, поболее комнат и услыхав, что более того, что ему дали, не могут отвести и других номеров нет, так как они заняты офицерами-кавалергардами, Скобелев проговорил иронически «экс-дружинниками», — то слова эти были доведены до сведения великого князя Владимира Александровича и государя, и вследствие того Скобелев был приглашен к военному министру Ванновскому. Ванновский спросил его: правда, что он это сказал? И Скобелев ответил: «Да, это правда, и скажу при этом, что если бы я имел хоть одного офицера в моем корпусе, который бы состоял членом тайного общества, то я его тотчас удалил бы со службы. Мы все приняли присягу на верность государю, и потому нет надобности вступать в тайное общество, в охрану».

Этого, конечно, недостаточно, чтобы стать жертвой тайной организации. Более существенными представляются доводы, связанные с той политической деятельностью, которую развивал

Скобелев в последний год своей жизни. И все-таки многие люди, входившие в окружение «белого генерала», скептически относились к возможному участию деятелей «священной дружины» в его гибели. Так, известный дипломат прошлого века Ю. Карцев в своих воспоминаниях писал: «По другой версии — Скобелев убит ординарцем своим М. и по наущению «священной дружины». Тот офицер обычно занимался устройством кутежей и не пользовался уважением других приближенных. М. А. Хитрово мне рассказывал, как, возвращаясь с похорон Скобелева, он был свидетелем следующей сцены. На одной из станций Баравок (впоследствии известный ревизор военного хозяйства) по какому-то поводу подошел к М. и сбил с него фуражку. М. обратился к Хитрово с вопросом, должен ли он поступок Баранка счесть за оскорбление или нет, на что Хитрово ответил: «Ничего не могу вам посоветовать. Это зависит от взгляда». Оргию в Angleterre устраивал М. и часа за два приехал предупредить Михаила Дмитриевича: все, дескать, готово. Что М. был негодяй, это более чем вероятно, но отсюда до обвинения его в убийстве еще далеко. Деятели «священной дружины», насколько мне случалось их наблюдать, более помышляли о чинах и придворных отличиях: взять на себя деяние кровавое и ответственное они бы не решились...»

Конечно, определенные силы при дворе считали М. Д. Скобелева слишком русским, за глаза презрительно называли внуком мужика. Барон Гинцбург как-то проговорился: «Я боюсь за Скобелева. По-моему, он кончен». Но, обвиняя в смерти М. Д. Скобелева «священную дружину», даже В. И. Немирович-Данченко оговаривается, что ее руководители были только орудиями чьей-то могучей воли. «Не лица, не народа, а чего-то стихийного, мистического, угадываемого в истории человечества, но еще никем не угаданного...»

На что намекал писатель, остается только догадываться. Однако нельзя забывать, что он был масоном и мог намеренно, как говорится, наводить тень на плетень, ища исполнителей преступной акции среди приближенных царя. Ведь масоны стремились расшатать устои самодержавия.

Выскажем и третью, как представляется, не лишенную оснований версию смерти «белого генерала». Как уже отмечалось, имеются факты, свидетельствующие о связях М. Д. Скобелева с масонами французской ложи «Великий Восток». Возможно, именно под их влиянием он произнес свои нашумевшие антигерманские речи. Потом же заколебался, усомнился в целесообразности для России планов радикального французского масонства.

Думается, что во Франции Михаил Дмитриевич увидел «изнанку» деятельности масонского правительства Гамбетты: стремление всеми силами «подстегнуть» космополитически понятый прогресс, коварное использование противоречий между Россией и Германией для блага Франции, манипулирование сознанием масс в своих целях.

Скобелев же все яснее понимал, что в поисках путей развития России нельзя отрываться от народной почвы и увлекаться общеевропейскими ценностями в ущерб национальным. Возможно, ему не раз вспоминались слова И. С. Аксакова, который в 1881 году писал: «На просвещенном Западе издавна создавалась двойная правда: одна для себя, для племен германо-романских или к ним духовно тяготеющих, другая для нас, славян. Все западные европейские державы, коль скоро дело идет о нас и славянах, солидарны между собой. Гуманность, цивилизация, христианство — все то упраздняется в отношении Западной Европы к Восточному православному миру».

4 марта 1882 года М. Д. Скобелев сообщал И. С. Аксакову: «...Я убедился, что основанием общественного недуга есть в значительной мере отсутствие всякого доверия к установленной власти, доверия, мыслимого лишь тогда, когда правительство дает серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народной как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья и недруги имеют основание сомневаться.

Боже меня сохрани относить последнее до государя; напротив того, он все больше и больше становится единственною путеводною звездою на темном небе петербургского бюрократического небосклона...

Я имел основание убедиться, что даже крамольная партия в своем большинстве услышит голос отечества и правительства, когда Россия заговорит по-русски, чего так давно, давно уже не было».

Надо сказать, радикальные космополитические элементы во французском масонстве в то время набирали силу. Их перестал уже устраивать и Гамбетта, отстаивавший патриотические позиции и ставший поборником твердой власти, надеясь тем самым восстановить утраченное влияние Франции. В последнюю парижскую встречу он говорил Скобелеву: «Благодарите Бога, что нет у вас парламента: если он у вас будет, вы сотни лет проболтаете, не сделав ничего путного».

Скобелев в принципе с ним согласился, полагая, что «парламентаризм убивает свободу, он для славян непонятен».

В 1882 году Гамбетту и его кабинет заставили уйти в отставку. Любопытно, что через несколько месяцев после смерти Скобелева бывший премьер-министр погиб, как было официально объявлено, от случайного выстрела при чистке охотничьего ружья.

Можно предположить, что М. Д. Скобелеву стало ясно, что французским масонам, их российским сторонникам глубоко чужды интересы славянского мира. А сам он, носитель идеи сильной России, не более чем игрушка в их руках. Знал он и правила тайного ордена: если масон, являвшийся обладателем секретов, обнаруживал признаки «непокорности», то он физически уничтожался. Своим друзьям Михаил Дмитриевич неоднократно говорил, что не умрет своей смертью.

В письме И. С. Аксакову 23 марта 1882 года М. Д. Скобелев писал: «Я получил несколько вызовов, на которые не отвечал. Очевидно, недругам Русского народного возрождения очень желательно этим путем от меня избавиться. Оно и дешево и сердито. Меня вы настолько знаете, что, конечно, уверены в моем спокойном отношении ко всякой случайности. Важно только, если неизбежное случится, извлечь из факта наибольшую пользу для нашего святого народного дела...»

Вероятно также, что двухчасовой разговор, состоявшийся у М. Д. Скобелева в 1882 году с новым императором Александром III, взявшим антилиберальный курс, вызвал серьезную озабоченность у руководителей радикальных масонских течений. Ведь Михаил Дмитриевич, по свидетельству генерала Витмера, вышел от царя «веселым и довольным». Поэтому отнюдь не

исключено, что братья масоны и «убрали» Скобелева, способствовав распространению первых двух версий его смерти.

Разумеется, все эти доводы из области предположений. Тайна смерти «белого генерала» остается тайной. Едва ли она будет когда-либо окончательно разгадана.

Согласимся с В. Б. Велибаховым, что сегодня «ясно только одно — вся деятельность М. Д. Скобелева в 1881—1882 годах, двусмысленные свидетельства современников, странные совпадения и обстоятельства дают полное право сомневаться в том, что трагедия в «Англии» не была связана с преступлением. Все это дает основание полагать, что здесь произошло политическое убийство, имевшее прямое отношение к той борьбе самодержавия с противостоящими ему силами, которая развернулась в России в конце прошлого века».

В пользу этого предположения свидетельствуют рассказы очевидцев, утверждавших, что лицо покойного Скобелева имело необычайно желтый цвет, на нем вскоре выступили странные синие пятна, характерные при отравлении сильнодействующими ядами.

Однако вернемся к гостинице «Дюссо», вокруг которой 26 июня (8 июля) 1882 года собралась громадная толпа — целое народное море. А внутри гостиницы в помещении, где стоял гроб с телом Скобелева, собрались его родные и близкие. Присутствующий там писатель В. И. Немирович-Данченко вспоминал: «Высокая, стройная, красивая дама, вся в черном... Подошла, стала на колени. Не отводит больших печальных глаз от неподвижного лица... Около в ту минуту никого. Незаметно сняла кольцо и, прикладываясь ко лбу покойного, сунула ему за обшлаг рукава... И чуть слышно:

— Ты не хотел... не хотел...

Я вспомнил один вечер в Петербурге.

Я пошел к Скобелеву, приехавшему только что сюда. Он остановился у отца на Моховой, в доме Дивова.

Застал я его в мрачном кабинете. Лампа под зеленым абажуром тускло освещала ту большую комнату. Михаил Дмитриевич медленно ходил из угла в угол. Его лицо то пропадало в тени, то на минуту показывалось, осунувшееся, нервное и грустное — в том рембрандтовском освещении...

И вдруг совсем на него не похоже:

— Мы не имеем права даже любить... Всякий сапожник может...

— Кто же у вас отнял такое право?

— Жизнь... замыслы. Кто хочет совершить великое — должен обречь себя на одиночество... А может быть настоящее счастье — семья, теплый угол... дети... жена. Уйти куда-нибудь, где никто тебя не знает... Маленький дом, сад и чтобы много было цветов. В какой-нибудь затерявшейся в горах долине. Горы кругом. Тишина...

— Недолго бы выдержали вы такую идиллию.

— Вот то и скверно. А то проходишь по свету, как грозовая туча.

Подошел к столу. Вынул из ящика большой портрет... На нем тонкий силуэт дамы. Долго смотрел.

Потом вдруг разорвал в клочки и бросил в пустой камин.

Я было заговорил о его исторической роли, о том, что он сделал уже и что еще сделает. О его поездках во Францию... О надеждах на него...

— Да... Историческая роль... И на всех таких исторических ролях проклятие... Вечно на сцене и никогда — сам такой, каков есть. Или маска, или ложь, точно мы выдуманные какие-то или только что сошли со страниц Плутарха.

Дама отошла от гроба, потом вернулась...

Положила руку — тонкую, изящную, с длинными пальцами — ему на лоб. Задумалась... Видимо, не давая себе отчета, разгладила ему бороду... Кто-то вошел. Быстро отвернулась и направилась к дверям.

— Сейчас панихида, — предупредил я ее.

— Да... благодарю вас... мне некогда.

Сухо проговорила, почему-то уже враждебно оглядываясь на покойного.

Занавес над уголком какой-то драмы приподнялся и опустился перед нами...»

Похоронить М. Д. Скобелева было решено в родовом имении Спасское (ныне село Заборово), что на рязанской земле.

К месту последнего упокоения гроб с телом Михаила Дмитриевича сопровождала воинская команда, руководимая генералом Дохтуровым. Траурный поезд из 15 вагонов с сопровождавшими прибыл 29 июня (11 июля) на станцию Ранненбург, где его встретили крестьяне села Спасского. Они разобрали венки, и печальное шествие пошло степной дорогой среди зеленых полей. Проходили селами, где крестьяне служили литургии даже под дождем. Помещики из соседних усадеб выезжали навстречу.

День выдался пасмурный, прошел ливень с порывистым ветром. Но после дождя разветрилось, выглянуло солнце.

У Спасского, на спуске к мосту через реку, крестьяне пожелали нести гроб на руках. Шествие с гробом прошло через усадьбу покойного, мимо небольшого дома, где он жил и перед которым была разбита клумба со словами из золотистых цветов: «Честь и слава». В старой сельской церкви, рядом с могилами отца и матери, лег последний из Скобелевых — знаменитый «белый генерал».

«Потеря необъятна, — писал современник. — Со времени Суворова никто не пользовался такою любовью солдат и народа. Имя его стало легендарным — оно одно стоило сотен тысяч штыков. «Белый генерал» был не просто храбрый рубака, как отзывались завистники. Текинский поход показал, что он образцовый полководец, превосходный администратор, в чем ему отдали справедливость его соперники. Всего дороже было ему русское сердце — патриотом был в широко и глубоко объемлющем смысле слова. Кто его знал, кто читал его письма, тот не мог не подивиться проницательности его исторических и политических воззрений! Русский народ долго не придет в себя после этой ужасной невосполнимой потери.

Теперешнее народное чувство сравнивают с чувством, объявшим Россию при утрате Скопина-Шуйского, тоже Михаила, тоже похищенного в молодых летах (даже в более молодых) и тоже унесшего с собою в гроб лучшую надежду отечества в смутную годину. Тот же образ, то же воспоминание, воскресшее у разных лиц по поводу того же события, — это удивительное повторение у лиц, не сговаривавшихся между собою, знаменательно: оно указывает, что по сути оценка верна. Сила в том, что мы действительно переживаем второе смутное время, в своем новом, особом характерном виде, со своими особыми самозванцами

всех сортов, со своими миллионами «воров» и «воришек», со своим новым, но столь же полным шатанием всего, во всех сферах — и в сферах власти, и в сферах общества. Мы переживаем социальный тиф со всеми знакомыми патологам признаками. Ни одно нравственное начало не твердо — все авторитеты пошатнулись; по-видимому (так казалось в первую смутную годину), общество уже разложилось, и государство должно рухнуть. Тяжело живется в такое тифозное время тому, кто сохранил и здравый смысл, и почтение к правде, любовь к своей родине и веру в нее. Выражением этой любви, этой силы, самым полным, самым свежим, самым несокрушимым, мало того — выражением победоносящим был Скобелев».

Народного героя оплакивали не только в России, по нему скорбели и в других странах. В корреспонденции из Болгарии говорилось:

«Быть может, нигде весть о смерти Скобелева не произвела такого потрясающего впечатления, как здесь, в Пловдиве, и вообще во всей Болгарии. Это легко понять, потому что болгарский народ был свидетелем не только геройских подвигов Скобелева в последнюю войну, но и лично убедился в его горячем сочувствии славянскому делу; кроме того, находясь в близких отношениях с ним, он имел случай узнать отважный, в истинном значении этого слова, славянский характер покойного полководца, выказанный им не только перед своими воинами, но и перед целым народом. В будущем все славянские народы еще очень многого ожидали от деятельности оплакиваемого славянского героя — в особенности народы югославянские».

Скобелев, по почти единодушному мнению газет, поместивших некролог, верил в величие, в лучшее будущее своего Отечества, и для русских патриотов это невосполнимая потеря в критический период истории.

ПОТОМКИ ЕГО НЕ ЗАБУДУТ

Короткая, но яркая жизнь генерала М. Д. Скобелева оставила заметный след в русской военной истории. Одни сравнивали его с Суворовым, другие полагали, что удачи и подвиги «белого генерала» раздуты, а промахи затушеваны.

Жизнь «белого генерала» ушла на пользу и величие России и русского народа. «Мало он жил, — говорил генерал Г. А. Леер, — но много сделал». Личности, подобные Скобелеву, отходя в область истории, не умирают, напротив, своей смертью они одухотворяют историю, делают ее живою и вечно памятною.

И. С. Аксаков, идейно близкий к Михаилу Дмитриевичу, писал: «Смерть Скобелева пока не вознаградима. Он мог сделаться центром русского направления... Весь его корпус был настроен одинаково — стихи Хомякова сделались там популярными».

Интересна оценка, данная Скобелеву в «Отечественных записках», издаваемых М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Если у Скобелева не было, как у других полководцев, особенно громких побед и никто не знал его заветных дум и идеалов, то все-таки у него были несомненные, в особенности для нашего времени, достоинства, которые и делали его популярным, как среди солдат, так и в обществе; он не гнался за земными благами, не выпрашивал подачек и не захватывал казенных земель, не занимался гешефтами, мог спать и, по-видимому, даже предпочитал спать в траншее, а не на мягком тюфяке, он относился к солдату внимательно, не крал его сухареи, и, подставляя его грудь под пули, подставлял рядом и свою. Это несомненные в наши дни достоинства, которым большинство даже удивляется. Скобелев — это какая-то в высшей степени непосредственная и в то же время что-то таившая в себе натура, натура недовольная и несчастная, при всем видимом счастье, натура отчасти романтическая и склонная к мистицизму, способная уложить более 20 тысяч человек в одну кампанию и плакать перед картиной сражения при Гравелотте (селение во Франции, рядом с которым в 1870 году произошло сражение между французской и германской армиями. — А. Ш.), натура то разочарованная и не ставившая жизнь ни в копейку, то думавшая о будущем счастье, даже собиравшаяся помогать мужику, то тяготевшая к Москве, то говорившая о свободе народов».

Далее автор статьи предполагает, что Скобелев как политик выступал «не сам собою, а как будто кто-то толкал его сзади: фатум, обстоятельства или чья-то невидимая рука, смотревшая на него, может быть, просто как на прекрасное историческое мясо, могущее послужить для временного воплощения народного духа и национальной идеи». Весьма любопытное предположение в свете прослеженных связей Скобелева с масонами.

Можно согласиться с мнением Н. Н. Кнорринга, считавшего, что Скобелев умер признанным полководцем, но как государственный деятель только начал раскрываться. Михаил Дмитриевич едва ступил на политическую арену, но на ней ему места не нашлось — вот в чем была его трагедия.

В высшем петербургском обществе опасались, что честолюбивый генерал своими резкими заявлениями способен обострить международные отношения. Так, генерал Витмер, бывший профессор Академии Генерального штаба, учитель Скобелева и большой почитатель его таланта, простодушно-правдиво рассказывал о своем состоянии, когда узнал о смерти Скобелева. «Ноги мои точно подкосило что-то, и я невольно опустился на стул... Но, опомнившись, минут через десять я, не скрываю, перекрестился широким крестом: великое благо для России — мелькнуло в моей голове, — что сошел со сцены этот талантливый честолюбец, возводивший войну в божественный культ. Задача наша — мирное обновление, а он непременно втянул бы нас в войну!»

После смерти Скобелева Д. А. Милютин, сожалея о случившемся, писал в дневнике: «Он был еще молод, кипел деятельностью и честолюбием, обладал несомненно блистательными боевыми качествами, хотя и нельзя сочувствовать ему как человеку. У него честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считал все средства и пути позволительными, и в чем признавался сам с некоторым цинизмом».

В. И. Немирович-Данченко доказывал, что в М. Д. Скобелеве — два человека: «Один полководец, вождь, который готов тысячи людей бросить на смерть, когда надо Родине и делу, другой весь в бессонных ночах и покаянных муках, в беспощадном самобичевании за эти самые жертвы. Честолюбие? Да... Но не для себя... Слава, безопасность и мощь России — да. И для этого он пойдет на все».

Вместе со всей мыслящей Россией «белый генерал» мучитель-

но искал выход из того тупика, в который зашло русское общество на переломе двух царствований. Он искал естественный для огромной евроазиатской страны путь развития, отчетливо понимая, что увлечение чужими путями и чужими идеями не что иное, как предательство своего народа и средство его закабаления чужеземцами.

Скобелев не принадлежал к общественным деятелям, которые беспристрастно оглядываются и прислушиваются к тому, что скажет Европа, признает ли их действия достойными просвещенного европейца. Он мечтал о многонациональном централизованном государстве, достаточно сильном и благоустроенном, гарантирующем своим подданным четкий набор прав и, естественно, требующем от них выполнения определенных обязанностей. Такое государство в здоровом состоянии — это разнообразный, но единый мир, а не борьба всех против всех, как хотят представить сегодня некоторые «земшарские» мыслители.

«Его идеалами, — считал В. И. Немирович-Данченко, — была — великая, свободная, демократическая Россия, живущая сама всею полнотою жизни и дающая возможность жить другим. Россия, свято блюдущая интересы связанных с нею племен. Россия, для которой нет эллина, нет иудея, где все равны и каждому, как бы он ни назывался, одинаково были бы открыты пути к счастью и вольному труду. Россия как мощное тело одноплеменное, одноязычное, окруженное автономиями, опирающимися на ее грозную врагам силу, свободно развивающимися племенами. Кто хочет — уходи и живи сам, кто хочет — будь с нами. Соединенные Штаты Восточной Европы и Сибири с самоуправляющимися в общем Союзе Эстонией, Латвией, Литвою, Украиной, Кавказом. Польша — самостоятельная, но связанная с нами отсутствием таможенной границы. Вот к чему шел человек, которого все знали как гениального полководца и немногие — как политического вождя с определенной программой и точными масштабами для будущего».

Такова ли в точности была программа М. Д. Скобелева, как излагает В. И. Немирович-Данченко, сказать трудно. Известно, что писателям порой свойственно приписывать своим героям собственные взгляды. Одно несомненно: стремясь к процветанию своей страны, генерал твердо стоял на почве народной.

Опыт XX века показал, насколько сложнее оказалась на практике задача создания процветающего общества, чем думалось Михаилу Дмитриевичу. Но не стоит отказываться от великих целей только потому, что они трудно достижимы.

Сближение с Францией не принесло России ожидаемых дивидендов. Международное масонство еще активнее повело подготовку к войне с мировой реакцией, под которой всегда подразумевалась Россия. Объясняя это, историк Н. Я. Данилевский писал: «Дело в том, что Европа не признает нас своим. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д., — материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было, как особливо надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают

спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало...»

Последующая трагическая российская история вряд ли продиктована только объективными обстоятельствами. Во всяком случае, стоит задуматься над тем, в чьих интересах развивались события. Нельзя отрицать, например, что в результате первой мировой войны политическую гегемонию захватили Англия, Франция и США. Вторая мировая также принесла ощутимые выгоды финансовым кругам этих стран.

К сожалению, история редко учит людей, особенно тех, про которых великий русский поэт Ф. И. Тютчев писал:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь, —
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Скобелев любил Россию, считал, что у нее должна быть своя идеология, свой путь развития. Видимо, он тяготился и верхушечным, глубоко чуждым народу характером масонского движения. Такая его позиция не могла устраивать масонское руководство, стремящееся к организации человеческого сообщества под эгидой мирового правительства. На первый взгляд вроде бы заманчивая идея, но при внимательном рассмотрении в ней обнаруживается возможность прихода к власти в мировом масштабе расистских сил. Об этом напомнила сегодня известная деятельница русского зарубежья Зинаида Шаховская в своих заметках «Мысли о границах».

«Всемирное государство, — писала она, — может оказаться всемирным злом... Для миллионов людей существование границ между странами было последней надеждой, вратами, открывающимися на волю... Границы в нашем веке — гарантия свободы человека... Благословен мир, в котором, как в раю, «обителей» много».

Конфликт между патриотическими и космополитическими силами, жертвой которого, вероятно, стал Скобелев, особенно обострился в современном мире. Под угрозой всеобщей гибели от экологических и иных катастроф нас пытаются заставить забыть народные традиции и интересы и навязать западноевропейские и американские ценности, придав им значение общечеловеческих. Это приводит к междоусобице, замедлению социально-экономического развития страны, падению нравственности, духовному вакууму. В поисках путей выхода из кризиса, думается, обращаться нам нужно прежде всего не к манифесту Рассела — Эйнштейна 1946 года или наследию устроителя масонских лож в России в начале XX века Максима Ковалевского, как советуют ныне некоторые, а к мыслям и делам российских патриотов, в числе которых яркой фигурой был М. Д. Скобелев. Видимо, он вовремя осознал, что скрытые методы духовной и политической власти мирового масонства должны уступить место гласному обсуждению общечеловеческих проблем, народному участию в их ре-

шении. Михаил Дмитриевич ясно понимал утопичность мифа о наступающей эре всеземного процветания. Этот миф уже собрал кровавую дань в веке нынешнем и вполне может привести к общемировой нестабильности в будущем.

Многие современники справедливо видели в М. Д. Скобелеве народного героя, способного повлиять на судьбу России. После смерти «белого генерала» пошла по Руси красивая легенда: будто Скобелев не умер, а стал странником, скитается по деревням, общается с народом.

Память о Михаиле Дмитриевиче была увековечена в литературных произведениях. На собранные по подписке деньги в 1912 году в Москве на Тверской площади, переименованной в Скобелевскую (ныне Советская), по проекту великого художника подполковника П. А. Самонова была воздвигнута великолепная конная статуя «белого генерала». К сожалению, после Октябрьской революции не в меру ретивые «слуги народа» в числе других памятников старой России снесли и этот. На его месте соорудили монумент Свободы, который в 30-е годы тоже подвергся уничтожению. В 1954 году на площади установили скульптуру Юрия Долгорукова, основателя Москвы.

Сегодня, когда много говорят о бережном отношении к своей истории, памятникам культуры, думается, пришло время найти место и средства для восстановления памятника народному герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, чтобы не краснеть ни перед потомками, ни перед болгарами, которые свято берегут на своей земле скобелевские мемориалы.

Генерал М. Д. Скобелев был символом русского возрождения, он олицетворял патриотические силы России. Хотелось бы, чтобы и сегодня воскресающая память о народном герое послужила сплочению всех тех, кто искренне заинтересован в укреплении и процветании Родины.

●

ПОЛЕ БОЛИ

Феликс ЧУЕВ

* * *

А то, что был ты верен и кристален,
Тебе сегодня возведут в порок.
Холодный ствол к виску уже приставлен,
И черной бровью выгнулся курок...

Кого винить,
Кому и с кем судиться,
Когда крутнули круг наоборот,
И доведенный до самоубийства,
Стоит за смертью в очередь народ.

* * *

Вспорото чрево Вселенной,
Звездами небо кишит,
Кто-то необыкновенный
Всеми делами вершит.

Поздно и подло меняться,
Будем какие мы есть.
Вытравим вшу махинаций,
Выберем русскую честь.

И потому без амбиций,
Чтобы не спятить с ума,
Слабые будут молиться.
Сильные — строить дома.

В зеркало станут глядеться,
Что там — добро или зло?
Значит, не все еще действо
С нами произошло.

Москва

Иван ВАРАВВА

АТАМАН БАБИЧ

(Баллада)

«Среди заложников, казненных на Кавказе в г. Пятигорске в 1918 году, погиб Кубанский Наказный Атаман Михаил Бабич...»

На площади бьет войсковой барабан.
Костры за Кубанью-рекою.
По улице Графской идет Атаман,
С своей головой под рукою.
Спешит он на отблеск последней зари,
Чуприна посыпана снегом.
Блестят серебром на груди газыри,
И слышится: «Где Атарбеков?..»
— Какой Атарбеков?
— Начальник ЧКа!
Радетель казацкой печали.
Моя охладелая жаждет рука
Достать его вострою саблей.
Вот арка, носящая имя того
Опричника страшного века.
Гукнул Атаман:
— Эге-гей... Ого-го-о... —
На герц выходи Атарбеков!
За что ты однажды лишил головы
Меня под скалой Пятигорска?.. —
И выступил призрак из мрака и тьмы,
С наганом, с бородкою в горстке:
— За гибель Урицкого красный террор
Объявлен был в полном расчете... —

И образ былого взошел на бугор.
— Взорвался и н в самолете!
А слава казачества мимо прошла,
В моих казематах опала! —
И вдруг поплыла к голове голова.
Зубами в снегах засверкало.
Шатнулся под ветром кривым Атаман:
— Нам так расставаться негоже!.. —
Стрельнет в пустое пространство наган,
Срывается сабля из ножен.
Хрустит черепицею битой журба,
Обутая в ковань морозов,
Лежит в заполошенном жите Борьба,
Под вечною белой березой.
И толком не знает святая Кубань —
Кто были враги, кто героя?..
По улице Графской идет Атаман,
С своей головой под рукою.

Над двором каркает в замети крук,
Взирая казацкие раны.
...На бурках седых собираются в круг
Двенадцати Войск Атаманы.

Краснодар

Владимир КОРАБЕЛЬНИКОВ

* * *

Вышки, прожекторы, зона, собаки
Да деревянный мосток.
Сколько же судеб споткнулось о накипь
Века, что силой жесток!

Шмон начинается: — Парами встаньте.
Эй, поживей подходи! —
К черту Петрарка, не нужен и Данте:
Жизнь замерзает в груди.

Белые полосы рвут телогрейки [1]
Черные ушанки рябят.
Белые сопки, построясь в линейку,
Сторожевыми стоят.

Сильные руки пропахли тайгою.
За голенищами — снег.
Белый распадок окрасился кровью
Тех, кто рискнул на побег.

Холод, бараков угрюмые сети,
Нары построились в ряд.
Те, кто заснули в сугробах навеки,
Троцкого благодарят.

Москва

Сергей ЛЕОНТЬЕВ

* * *

Беспредел. Беспрогляд. Беспросвет,
Бездорожье. Безлад. Безнадега.
Может, б е с до скончания лет
Стал приставкою в слове убогом?

[1] Телогрейки заключенных были окрашены белыми полосами.

Стало слово в нечистых устах,
Нет, во ртах — отгоревшим окурком,
И с плевком повергается в прах,
Вылетая из глотки придурка.

Не ищите прекрасный язык!
Под заборами, гнилью говяжьей
Он валяется, вымазан сажей,
И не звук издавая, а рык.

Он вчера был на светлой горе.
Был подобен Господнему храму,
Он звенел в хрустале-серебре,
Но скатился в помойную яму.

Чернышевские новых времен
Не спасли его черной любовью.
Это — скрип, а когда-то — был стон,
Это — ржавчина, бывшая кровью.

Это — дыры в мозгах, и от них
Тянет холодом зимнего неба.
Съели Слово, оставшись без хлеба,
Обглодали и прозу и стих.

И бормочет бесовское племя,
И ведет свой угрюмый подсчет:
«Беспросвет... Обезличка... Бестемье»...
Кто же русское Слово спасет?

Старый Оскол

Очерк и публицистика

Алексей ЧИЧКИН

В МАРТЕ 1953-го...

(Загадка смерти Сталина)

5 марта 1953 года в официальном правительственном бюллетене сообщалось о кончине И. В. Сталина. В тот же день и даже 6 марта были опубликованы «задним числом» бюллетени о состоянии здоровья Сталина 4 и 5 марта. Он умер в должностях Председателя Совета Министров СССР и Секретаря ЦК КПСС. Пост Генерального секретаря ЦК партии, который Сталин занимал с 1922 года, был упразднен XIX съездом КПСС (октябрь 1952 г.)...

Уже в мае 1953 года было прекращено издание работ Сталина и приостановлено переоборудование его «ближней» дачи в Немчиновке (Кунцевский район) в музей. Обслуживающий персонал немчиновской «цитадели» и других дач Сталина (на озере Рица, вблизи Сочи и Ялты) в апреле — мае 1953-го был арестован и затем сослан в Воркуту и Удмуртию.

В апреле 1953-го арестовали сына Сталина — Василия, генерала ВВС, обвинив его в «выступлении против ядра правительства». Почти 10 лет он отсидел в одиночных камерах Лефортовской и Владимирской тюрем. Сидел он там без имени — Василию Сталину неоднократно предлагали взять любую другую фамилию, но он неизменно отвечал, что был и будет Сталиным. Просил «вечного» поселения в городе Гори (родина И. В. Сталина), высылки в Китай или Албанию.

Ни то, ни другое не состоялось — в апреле 1960 года его принял Хрущев, который, расплакавшись, сказал: «Прости нас, Вася, за все... Но так было нужно». Василия Сталина отправили в Казань, где в марте 1962 года он скоропостижно умер. На могиле поставили небольшой обелиск из серого гранита, со звездочкой. Без имени, без ограды... В 1963 году в этот обелиск была вмонтирована фарфоровая фотография Василия, но через несколько дней ее «ликвидировали» ночью, выстрелами в упор *...

Вышеприведенные (и им подобные) факты имели место после похорон Сталина, после внесения членами Политбюро ЦК его тела

* Подробнее см.: Валеева М. Любовь и смерть Василия Сталина. М., 1991; «Дневник Василия Сталина». Вена—Мюнхен, 1965; «Конец Сталина: роль соратников». Беэр-Шеба, 1983.

в Мавзолей и двухнедельного официального траура не только в СССР, но и в Китае и КНДР, Вьетнаме и Монголии, Польше и Венгрии, Албании и Румынии, ГДР, Чехословакии и Болгарии. В Москву поступили сотни официальных зарубежных телеграмм с соболезнованиями. Примечательна одна из них — от императора Эфиопии Хайле Селассие: «Благодаря Сталину Россия стала многонациональной великой державой, олицетворением надежд русского и других народов этой огромной страны, недавно победивших тотальную фашистскую агрессию и в короткий срок восстановивших родину... Желаю преемникам этого великого человека столь же достойно и принципиально отстаивать честь и независимость СССР, как это в течение 30 лет делал генералиссимус Сталин. Желаю вам сохранить, упрочить и приумножить оставленное Иосифом Сталиным» («Известия», 7.03.1953; «Ethiopia Herald», Addis-Ababa, 6.03.1953).

Протеже У. Черчилля Антони Иден, тогдашний премьер Великобритании, в письме президенту США Д. Эйзенхауэру (6.03.1953) отмечал: «Я полагаю, кончилась целая эпоха, столь опасная для нас... Новые лидеры в Москве изменят внутреннюю и внешнюю политику, и это скажется на Восточной Европе и Китае. Примеру Тито, установившему тесные связи с нами еще в 1948 году, могут последовать и другие восточноевропейские лидеры» (R. Churchill, Memories: 1940—1965, London, 1970). Так думали многие политические деятели, миллионы людей в нашей стране и за рубежом. Вопреки клятвенным обещаниям Берии, Хрущева, Маленкова, Булганина и иже с ними в дни похорон Сталина «всегда идти по пути, завещанному нашим вождем, учителем и другом, товарищем Сталиным»...

«Имя Сталина бессмертно. Оно вечно будет жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества» — так патетически заканчивалось Обращение ЦК КПСС и правительства СССР к советскому народу 5 марта 1953 года.

...Как известно, история распорядилась иначе. Уже с 1956 года имя и дело Сталина преданы анафеме с «легкой руки» его же выдвиженцев. В 1961 году тело Сталина «полулегально» вынесли из Мавзолея, закопав поблизости (командовал этой операцией А. Микоян, когда-то «сталинский нарком», а затем протеже Хрущева по «особым поручениям»...). Почти через 40 лет после кончины Сталина в СССР бывшие коммунисты запретили Коммунистическую партию и попутно, в одночасье, «распустили» Советский Союз. Примечательно, что Беловежская декларация о «кончине» СССР была оглашена 21 декабря 1991 года — в 112-ю годовщину со дня рождения Сталина. В тот же день в 1989 году убили Н. Чаушеску, совершив переворот в Румынии. На следующий год и опять в тот же день ликвидировали памятники Сталину (и Молотову) в Албании, объявив о «разрыве со сталинизмом и его атрибутами». Случайные или приуроченные совпадения?..

Многое из случившегося после смерти Сталина позволяет объективно понять и осознать происшедшее весной 1953 года. А констатация и анализ ряда фактов того периода, ныне усердно замалчиваемых «демократической» прессой и новоявленными лжеисториками, приводят к следующему выводу: Сталин был умерщвлен в результате заговора, режиссерами и участниками которого являлись почти все члены Политбюро ЦК КПСС (кроме Молотова, Шепилова и Сабурова). Руководили заговором Берия и Хрущев, последний впоследствии стал председателем комиссии по организации похорон Сталина. Тот же Хрущев выболтал «сокровенное» о кончине Сталина в июле 1964 года, а в октябре того же года сподвижники Хрущева отстранили его от всех постов в партии и государстве...

На приеме в честь Я. Кадара в Москве 19 июля 1964 года Никита, «не помнящий родства», речь которого транслировалась почти на все соцстраны (кроме Албании и КНДР), заявил: «Сталин стрелял по своим... Вот за этот произвол мы его осуждаем. Напрасны потуги тех, кто хочет изменить руководство в нашей стране и взять под защиту Сталина (имелись в виду руководители Китая и Албании. — А. Ч.)... В истории человечества было немало тиранов, но все они погибали так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором» (Авторханов А. Загадка смерти Сталина и конец Берии. М., 1991, с. 44—45).

До июля 1964 года никто из тогдашних политических деятелей СССР и Восточной Европы не решался публично признаваться в убийстве Сталина. Даже вожди Албании и Китая Энвер Ходжа и Мао Цзэдун, которые после 1956 года пошли на конфронтацию с Москвой и ее союзниками, обвиняя их в «ревизионистском перерождении» и «предательстве дела Ленина — Сталина», предпочитали избегать прямых «пассажей» об убийстве Сталина его ближайшим окружением, хотя и намекали на подозрительно внезапную его кончину. В дальнейшем мы увидим: в Пекине и Тиране знали о том, что произошло 28 февраля — 1 марта и в последующие дни 1953 года...

Предваряя анализ событий тех «судьбоносных» дней, рассмотрим некоторые важные факты, предшествовавшие насильственной смерти Сталина. О многих из них, как и о последних днях его жизни, написано за рубежом немало книг и статей: достаточно упомянуть книги А. Авторханова («Загадка смерти Сталина»), Св. Аллилуевой («20 писем к другу», «Только один год»), Э. Ходжи («Воспоминания», «Во главе со Сталиным. Встречи и беседы»), А. Гарримана («Мир с Россией»), мемуары, приписываемые Н. С. Хрущеву, и ряд других публикаций. Однако в большинстве этих работ, изданных в бывшем Союзе в 1990—1991 годах, либо намеренно искажается характер многих событий и фактов, либо безапелляционно (и тоже преднамеренно) игнорируются некоторые важные события тех лет. Ряд авторов (например, Авторханов, Аллилуева, якобы Хрущев), подтверждая убийство Сталина или намекая на него, как бы «обосновывают», оправдывают заговор «сумасшествием» Сталина, непредсказуемыми последствиями его «параноидальной» психики и т. п. В то же время многие работы (например, дневник Василия Сталина, книги Э. Ходжи, опубликованные за рубежом беседы Мао Цзэдуна с его биографом Э. Сноу) до сих пор не изданы в нашей стране*, и это свидетельствует о том, что версии «хрущевцев» (Авторханова, Аллилуевой, Гарримана, самого Хрущева) наиболее безопасны для прошлых и нынешних правителей СССР—СНГ и соответствуют неписаным правилам пресловутой «гласности».

...В 1950—1952 годах в СССР резко увеличилась смертность новорожденных мальчиков. Возрастало также количество умерших

* Хотя, к примеру, книги Э. Ходжи были изданы в Албании в 1979—1984 годах на 12 языках, в том числе на русском. А выдержки из них неоднократно транслировались русской редакцией Албанского радио в 1980-х годах (!).

мальчиков, возраст которых не превышал пяти лет. Мать автора этих строк и многие другие женщины — живые свидетели и жертвы изуверских преступлений в родильных домах фармацевтов и иных «слуг от Гиппократа», творившихся в Москве и Ленинграде, Киеве и Сталинграде, Харькове и Куйбышеве, Молотове (с 1957 г. — г. Пермь) и Риге.

Первый сын моей матери погиб в роддоме на Арбате (бывшая «больница Грауэрмана», по имени владельца ряда роддомов, аптек и поликлиник в Москве и Петрограде до 1920 г.) в апреле 1951 года. За сутки до выписки у него началось заражение через пуповину (абсцесс). На следующий день он умер. Другие мальчики в роддомах, и не только на Арбате, заражались через глаза, органы слуха и дыхания. Многие матери начала 50-х годов поседели почти одновременно, хотя им не было и двадцати пяти. Можно представить состояние молодой женщины, на руках которой внезапно заболевает и умирает младенец.

По словам бывшего работника бухгалтерии роддома № 12 города Москвы (тогда он находился на Маломосковской улице, его директором был некто Цирюльников), в этой и других «здравницах» тоже отравлялись именно мальчики или же матери, их родившие. Одна из аптек на Арбате (тоже грауэрмановская) в те же годы выдавала отравленные лекарства населению, прежде всего беременным женщинам и кормящим матерям. И была эта аптека отнюдь не единственная в стране. Впоследствии, в 1951—1952 годах, многие врачи, директора роддомов и фармацевты были арестованы. В эти годы в вышеупомянутых городах СССР было закрыто примерно 40 родильных домов, 20 поликлиник и около 50 аптек*. На судебных процессах в Москве и ряде других городов (1952 г.) было установлено, что изуверы в белых халатах выполняли специальное задание: за счет умерщвления мальчиков 1948-го и последующих годов рождения резко сократить численность Советской Армии к 70-м годам и параллельно нанести ущерб генофонду прежде всего русской нации. То, что именно эта нация являлась главной мишенью сионистов-отравителей, косвенно подтверждает журнал «Internal Life of the Soviet Union». Harvard, 1953, № 11: «Западные политики 40-х годов осознали, что тост, провозглашенный Сталиным в 1945 году за «великий русский народ», его апелляции в 1941 году к русским историческим подвигам, гимн СССР 1944 года, возвеличивающий «Великую Русь», и, наконец, развернутая Сталиным с 40-х годов кампания по пропаганде русской истории, науки и культуры могут означать негласный, но тотальный отказ от подлинного ленинизма-большевизма, реанимацию великороссийской державной концепции... Эта стратегия сделает сталинское государство еще более жизнеспособным, его влияние — глобальным, что чревато многими опасностями для Запада». Комментарии здесь излишни...

Вернемся, однако, к событиям 1951—1952 годов. Состоявшийся в 1952 г. в Москве процесс по делу Жемчужиной (супруги В. М. Молотова) и Лозовского (начальника лечебно-санитарного управления ЦК КПСС), а также суды над врачами-убийцами показали, что через Жемчужину и Лозовского преступники в белых халатах были связаны с международной сионистской организацией «Джойнт», являющейся детищем ЦРУ, британской (Интеллидженс сервис) и израильской разведки «Шерут-Бетахон» (сокр. «Шин-Бет», «Служба общей безопасности» — так в 40—60-е годы именовалась нынешняя «Моссад»). Выяснилось также, что Жемчужина была своего рода «связной» между креатурой разведки Израиля в посольстве этой страны в Москве Голдой Меир и подпольными просионистскими группами в СССР; Жемчужина, в частности, составляла и уточняла с Г. Меир списки советских граждан-евреев, «необходимых» Израилю, и пыталась с помощью В. М. Молотова добиться разрешения Сталина на эмиграцию этих лиц из СССР. В списках преобладали ученые-физики, биологи, математики, химики, астрономы, а также хирурги, фармацевты, музыканты. Через Лозовского был в 1948 году передан приказ «Джойнта» о начале умерщвления мальчиков послевоенных годов рождения. Стало также известно о нелегальных поставках из СССР детской «донорской» крови в Израиль*. Координировал всю эту деятельность доверенное лицо ЦРУ и «Шерут-Бетахон» Моше Даян, часто наведывающийся в посольство Израиля в Москве в 1948—1951 годах (подробнее о М. Даяне и его «коллегах» см., напр.: Ушаков Г. Тайны Лэнгли. М., 1971, с. 199—208; «Гаолам Газе», Тель-Авив, 11.11.1970).

Жемчужина и Лозовский были арестованы в 1949 году. В том же году «Шин-Бет» подготовила доклад для ЦРУ и правительства Израиля под красноречивым названием «Сохранится ли СССР после Сталина?». Один из его разделов называется «Как предотвратить разгром Сталиным радикальных еврейских организаций в СССР и Восточной Европе»**...

Следствие по делу отравителей не завершилось в 1952 году. Многое еще не было оглашено: с ноября 1951 года Сталин лично курировал деятельность нашей разведки в США и Израиле, отстранив Берию и его присных от соответствующей информации. Э. Ходжа и В. Сталин утверждают, что И. В. Сталин в доверительных беседах с ними в 1951—1952 годах часто намекал на вероятность заговора против него членов Политбюро ЦК во главе с Берией, опасавшихся разоблачений их многолетней преступной деятельности, связей их жен с сотрудниками посольств США, Великобритании и Израиля в Москве. О не лишенных основания подозрениях Сталина пишет и Св. Аллилуева. О них также сообщает тогдашний посол Индии в СССР Кр. Менон, беседовавший с И. В. Сталиным 17 февраля 1953 года (K. Menon. The Flying Troika. London. 1963). «Мемуары» Хрущева тоже подтверждают обоснованность подозрений Сталина.

Существование заговора с целью убийства Сталина и переворота в стране подтверждает и американский историк-политолог Б. Хэрш. Согласно его исследованиям архивов ЦРУ и Госдепартамента США ЦРУ с 1948 года разрабатывало планы убийства Сталина. Окончательный «сценарий» этой акции одобрил в 1952 году заместитель директора ЦРУ А. Даллес («Известия», 9.03.1992). Вероятно, о планах Лэнгли Сталин был информирован.

---

* Undermining Struggle against the Soviet Union after the World War Second. Tirana, 1977.

* Undermining Struggle against the Soviet Union after the World War Second. Tirana, 1977.

** Soviet-israel struggle: 1949—1969, Special research for specialists, Ierusalem, 1973.

Итак, ликвидация Сталина стала главной заботой Берии, Хрущева, Маленкова, Булганина, Кагановича и Микояна — именно эти «непоколебимые сталинцы» являлись непосредственными организаторами и исполнителями «безвременной» кончины Сталина (данный факт признают в своих мемуарах «авторитетные антисталинисты» — Хрущев, Аллилуева и «примкнувший к ним» Авторханов). От дела врачей-отравителей пошла своего рода «цепная реакция»: члены Политбюро решили замести следы и ускорить ликвидацию Сталина.

Примечательно, что в 1950—1952 годах были арестованы, судимы и казнены многие руководящие деятели ряда стран — ставленники Берии: Р. Сланский — в Чехословакии, Тр. Костов — в Болгарии, Л. Райк — в Венгрии, П. Кристо — в Албании. Готовились процессы над их «коллегами» в Польше (Я. Берман) и снова в Венгрии (И. Надь). О них, именно как о «людях Берии», повествуют Гомулка (Memories. London, 1975), Авторханов и английский советолог Т. Виттлин — автор биографии Берии (T. Wittlin. Comissar. London, 1972). По указанию Сталина с 1952 года начались аресты доверенных лиц Берии в Грузии, Армении, на Украине, в ряде министерств и ведомств СССР: подготавливалась почва для низвержения Берии и «его структур» в разных эшелонах советского партгосаппарата — начиналось «Мингрельское дело» (Мингрелия — область на западе Грузии, родина Берии и многих его «соратников»), которое Сталин не успел довести до логического и фактического завершения *...

Окружение Сталина тоже не сидело сложа руки. Согласно ряду источников (Авторханов, В. Сталин, западногерманский журнал «Шпигель» за 1963 г. — № 32 и др.), бериевская агентура вводила с 1949 г. в организм Сталина паралитический яд замедленного действия. Но вопреки столь «усердному лечению», Сталин в феврале 1953 года, по мнению Кр. Менона, «несмотря на свои 73 года, выглядел совершенно здоровым человеком» (K. Menon. The Flying Troika, p. 29).

Наряду с «физико-биологическими» средствами воздействия на Сталина с 1952 года в ход были пущены и средства политические. На XIX съезде КПСС (октябрь 1952 г.) с отчетным докладом выступал Маленков, а Сталин выступил с короткой речью только на закрытии съезда (ни разу, кстати, не упомянув Ленина...) и отсутствовал на многих его заседаниях. В этой последней своей речи Сталин никак не комментировал доклады Маленкова и председателя Госплана СССР Сабурова (о пятом пятилетнем плане, 1951—1955 гг.), а также инициативу ЦК о переименовании ВКП(б) в КПСС (на съезде с этим предложением выступил Хрущев). Примечательно и то, что Сталин в своей речи неоднократно ссылался на «партию русских коммунистов», но не на «партию большевиков» и ни слова не сказал о съезде, его значении и т. п. (?!). В конце выступления Сталин заклеймил «поджигателей войны», провозгласил «здравицы» в честь братских партий и их руководителей, не пожелав того же КПСС и ее руководству (Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии. М., 1952) **.

---

* См.: Авторханов. Загадка смерти Сталина и конец Берии, с. 13—15, 18—19, 26 (там же Авторханов ссылается на мемуары Хрущева, Аллилуевой и на комментарии к ним британского историка Э. Креншоу)

** Характерно название этой публикации: упоминается просто «партия» — не большевистская, не коммунистическая (?).

XIX съезд КПСС негласно упразднил пост генерального секретаря, и Сталин стал членом Бюро Президиума и секретарем ЦК. Его фамилия значилась под № 103 в списке членов ЦК, то есть впервые после 1930 года указывалась по алфавиту, а не по авторитету. Стенографический отчет XIX съезда до сих пор не опубликован отдельной книгой, в отличие от предыдущих и последующих съездов КПСС (?!). По словам Мао Цзэдуна, «заговор против Сталина был фактом, это осознали и делегаты съезда, и его зарубежные гости» (E. Snow. Talks with Mao Tse-dong, Boston—Hong Kong, 1983). Аналогично расценивают факты XIX съезда КПСС Э. Ходжа, Авторханов, Хрущев, В. Сталин, Гомулка и др.

Опасаясь непредсказуемой реакции Сталина на его фактическое смещение с должности руководителя партии, члены Политбюро (тогда — Президиума) ЦК решили ускорить изоляцию и устранение своего «вождя и учителя». Сперва агенты Берии «изъяли» из личного сейфа Сталина секретные документы, включая донесения советских разведчиков в США и Израиле (выше уже отмечалось, что с осени 1951 года Сталин лично контролировал их деятельность, отстранив от этой сферы Берию). Данный факт имел место в декабре 1952 года — это подтверждают Хрущев и В. Сталин, идентично цитируя слова Сталина: «Я уличил Поскребышева (личный секретарь Сталина с 1935 по 1952 г., член ЦК КПСС. — А. Ч.) в утере секретных материалов. Никто другой не мог этого сделать... Я знаю, кому они понадобились и что утечка материалов произошла через Поскребышева».

Затем бериевская группировка решила «переиграть» Сталина с делом врачей, причислив к отравителям медиков Политбюро и Совета Министров. По доносу врача Л. Тимашук, инспирированному Берией *, в декабре 1952 года — январе 1953 года были арестованы и впоследствии отправлены в небытие личный врач Сталина Виноградов, начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Егоров, министр здравоохранения СССР Смирнов. Министром здравоохранения страны стал личный врач Берии Третьяков, сосланный весной 1953 года в Воркуту. Репрессии охватили и средний эшелон «элитных» медиков. Столь «крутой перелом» в деле врачей поначалу ошеломил Сталина. Св. Аллилуева, В. Сталин и Хрущев утверждают: Сталин говорил, что не верит в нечестность арестованных, что этого не может быть — ведь «доказательством» служили лишь доносы Тимашук, а не конкретные факты. Берия, Хрущев, Маленков, Булганин, Микоян и Каганович при этих словах «пристыженно» молчали и продолжали «делать дело»...

Но к середине января 1953 года Сталин понял, что «соратники» хотят с ним «кончать» и поэтому, арестовав квалифицированных и честных медиков, приставили к нему «своих» врачей. Св. Аллилуева, В. Сталин и Хрущев, а также зарубежные советологи констатируют, что Сталин обратил аресты врачей из «группы Виноградова» прежде всего против Берии, объявив их, как и Берию, «давнишними английскими шпионами» (в частности, это утверждается во втором томе мемуаров Хрущева, с. 305). Подобной метаморфозы заговорщики и их зарубежные вдохновители не ожидали. Кроме того, Сталин выразил намерение организовать открытый судебный процесс над арестованными врачами-сионистами по делу Жемчужиной — Лозовского (отравления новорожденных и малолет-

---

* О том, что Тимашук являлась агентом Берии, утверждают Св. Аллилуева, В. Сталин, Авторханов и биограф Берии Т. Виттлин.

них мальчиков) и теми, кто «примкнул» к Виноградову. Начало процесса Сталин назначил на 15 марта 1953 года — к этому сроку намечалось завершить вышеупомянутое «Мингрельское дело» (компромат на Берию и его «опричнину»), которое курировал Вышинский...

Западногерманская газета «Rheinischer Merkur» от 23 января 1953 года убедила Сталина в правильности его стратегии: советолог Ф. Боркенау в своей статье утверждал, что «арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников — они хотят приставить к нему своих врачей, чтобы решить (разрядка моя. — А. Ч.) его судьбу».

И. В. Сталин решил начать общегосударственную кампанию по подготовке процесса отравителей, точнее — по публичному разоблачению группы Берии — Маленкова. 13 января Сталин опубликовал в «Правде» статью «Об уроках дела врачей». В ней, в частности, есть следующие строки: «Некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства и шпионажа... Но так рассуждать могут только... люди, стоящие на антимарксистской точке зрения (и снова Сталин не говорит о «ленинской» точке зрения... — А. Ч.) «затухания классовой борьбы». Они не понимают или не могут понять, что... чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа... Некоторые наши советские органы и их руководители (разрядка моя. — А. Ч.) потеряли бдительность, заразились ротозейством. Органы госбезопасности не вскрыли вовремя (?! — А. Ч.) террористической организации среди врачей... История уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы и изменники Родины... Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, советский народ раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих убийц-наймитов, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать свое веское слово» (См. также: Полное собрание сочинений и писем Сталина И. В., Тирана, рус. яз., 1978—1980, т. 36, с. 329).

Итак, карты были раскрыты. С 13 января по 1 марта 1953 года (включительно) советские средства массовой информации без устали клеймят «явных и скрытых врагов народа», призывают к бдительности, сообщают о поисках и арестах «шпионов всех мастей». Например, 31 января «Правда», апеллируя к разоблачению «вражеской агентуры» в Восточной Европе, призывает к «решительному разоблачению скрытых врагов нашего народа». 6 февраля «Правда» публикует статью об арестах шпионов в Грузии («Мингрельское дело»! — А. Ч.), Литве, на Украине и в других республиках. Статья информирует также о «кражах советских секретных документов шпионами и убийцами» (имеется в виду прежде всего «изъятие» Берией секретных документов из личного архива Сталина).

Столь недвусмысленная пропагандистская кампания Сталина против Политбюро не оставляла сомнений насчет ее целей. Берия, Маленков, их единомышленники и «западные друзья» решили ускорить события и не допустить «погромного» процесса. И публикация в «Правде» от 6.02.1953 г. стала своего рода «судьбоносной»: 7 февраля на территории посольства СССР в Тель-Авиве была взорвана бомба. Из-за этого, а также в связи со шпионской деятельностью израильских дипломатов в СССР и их связей с сионистами-отравителями правительство СССР 9.02.1953 г. прервало дипломатические отношения с Израилем (одновременно в нашей печати усилилась антиизраильская кампания, начатая в 1949 году в связи с первой агрессией Израиля против соседних арабских стран и сионистским геноцидом в Палестине) *.

17 февраля того же года агентами Берии был отравлен генерал Косынкин, начальник комендатуры Кремля, вступившийся за «виноградовцев» и неоднократно предупреждавший Сталина о лицемерии и коварстве Берии (см.: Авторханов. Загадка смерти Сталина и конец Берии, с. 28).

Как сообщают Авторханов, В. Сталин и Э. Ходжа, Сталин намеревался между 25 февраля и 1 марта организовать конфиденциальную встречу (вблизи Немчиновки) с Жуковым, Василевским, Коневым, Тимошенко, Вышинским, Сабуровым и Шепиловым в присутствии В. Сталина и Шверника (тогдашнего главы Верховного Совета СССР). По-видимому, речь могла идти об аресте почти всего Политбюро и соответствующих акциях в республиках. Сталин, очевидно, рассчитывал на поддержку армии в деле разгрома «убийц Сталина» и готовил соответствующую политико-юридическую основу (Вышинский, Сабуров, Шверник, Шепилов) для кардинальных перемен в стране. Но, как показали последующие события, Сталин на сей раз опоздал...

Неоднократно цитировавшиеся и упомянутые выше публикации, свидетельства очевидцев и «соучастников» происходившего в те дни, работы зарубежных историков и советологов, а также события начала — середины марта (и последующих месяцев) 1953 года подтверждают: 28 февраля в Немчиновке на заседании Политбюро ЦК группа Берии — Маленкова потребовала от Сталина отмены намечавшегося открытого процесса над отравителями, их реабилитации, прекращения других «дел» и отставки Сталина со всех постов. Ультиматум предъявили Каганович и Микоян. После словесной перепалки у Сталина произошло обширное кровоизлияние в мозг, вызвавшее паралич речи, органов дыхания, слуха и движения. И в ночь на 2 марта 1953 года, лишенный необходимого врачебного ухода или, точнее, «долеченный» приставленными к нему врачами, Сталин умер (см., напр., «Die Welt», 1.09.1956).

Уже в ночь на 28 февраля все телефоны Сталина были отключены по указанию Берии, Маленкова и Булганина. В. Сталина, как и Св. Аллилуеву, об ударе, случившемся с отцом, известили 1 марта, когда Сталин был уже в таком состоянии, в каком умирающие никому не жалуются. В. Сталин (по свидетельству Хрущева и Св. Аллилуевой) чуть ли не кричал, что «отца убили», «убивают» и т. п., открыто обвинял Хрущева, Берию и их коллег в преднамеренном убийстве И. В. Сталина. В день похорон, неся рядом с Молотовым гроб отца, он часто повторял, что «отца уничтожили». В. Сталин, молодой и популярный генерал ВВС, знающий тайну смерти отца, мог сделаться «знаменем», организатором переворота против узурпаторов отцовской власти. И это предрешило его дальнейшую судьбу (о чем уже говорилось в начале статьи).

Василий в начале марта направил Мао Цзэдуну и Э. Ходже письма с подробным изложением причин и способа убийства И. В. Сталина. Характерно при этом, что Мао и Ходжа не приехали на

* Уже в июле 1953 года, то есть после «безвременной» кончины Сталина и ликвидации Берии, дипотношения были восстановлены.

похороны Сталина, организованные его убийцами. Например, из Пекина прибыл премьер Госсовета КНР Чжоу Энь-лай, который, в частности, имел длительную беседу с В. Сталиным (по версии М. Валеевой и Э. Сноу, чьи публикации упоминались выше, Василий переправил письмо Мао Цзэдуну через Цзян Цин, его жену, находившуюся в 1952—1953 годах на лечении в СССР).

Связанный с разведкой ФРГ журнал «Шпигель» (Гамбург, 1963, № 32) утверждает: «Целый ряд улик говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью». Что же еще наряду с вышеизложенным свидетельствует в пользу столь однозначного вывода?

Во-первых, именно 1 марта 1953 года начала вещание на СССР принадлежащая ЦРУ радиостанция «Свобода», сообщившая **в тот же день** (?!) о кончине Сталина. И **в тот же день** об этом событии торжественно объявили «Голос Америки», Би-би-си, «Голос Израиля», «Радио Швеции». 2 марта об этом же сообщили Западногерманское и Французское радио, 3 марта — «Радио Белграда». А в СССР, без опровержения этих «инсинуаций», 4 марта было объявлено: «Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР... осознают значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности» («Правда», 4.03.1953). А Заключение врачебной комиссии о причине болезни, правильности лечения и неизбежности летального исхода опубликовано в советской прессе лишь 7 марта...

Во-вторых, врачи, «долечившие» Сталина, в марте 1953 года были расстреляны. Врач-эксперт (Русаков), анатомировавший Сталина, в середине того же марта был также уничтожен. Уже со 2 марта прекращается развернутая в январе Сталиным кампания против «тайных и явных врагов народа». Очевидно, что ее отменил не Сталин. А в день его похорон (10 марта) многие арестованные в 1951—1952 годах врачи были освобождены «за недоказанностью обвинения». В тот же день по распоряжению Хрущева и Берии выходит из заключения П. Жемчужина, жена Молотова...

В-третьих, 1 мая 1953 года на трибуне Мавзолея Ленина — Сталина Берия не без гордости шепнул Молотову: «Его убрал я. Я вас всех спас» («Вечерняя Москва», 26.09.1991; см. также: «Конец Сталина: роль соратников», Беэр-Шеба, 1983).

Организаторы убийства Сталина избавились через 3 месяца и от своего главаря — Берии, а также от его «доверенных» лиц в общесоюзных и республиканских структурах (июль — декабрь 1953 г.). Таким образом, начатое Сталиным «Мингрельское дело» было доведено до конца, хотя и без открытого процесса над Берией и без последствий для его коллег-участников по Политбюро*.

В книге Э. Ходжи «Во главе со Сталиным. Встречи и беседы» (1979 г.) содержатся, в частности, небезынтересные характеристики многих членов Политбюро конца 40-х — начала 50-х годов: «Хрущев не так глуп, как кажется, он хитер и многолик... Маленков — слабовольный исполнитель, боится Сталина и Берии, имеет

* Примечательно, что Берия был низвергнут через 10 дней после неудавшегося путча в ГДР (17—18 июня 1953 г.), направленного на аннексию ГДР и Западного Берлина Западной Германией (см.: Панфилов А. Ф. За кулисами «Радио «Свобода». М., 1974, с. 120—124; «Правда», 17.12.1953).

организаторский талант... Микоян и Булганин — типичные политиканы, небезуспешно угождающие и Берии, и Сталину во имя сохранения своих постов... Берия устал ждать безраздельной власти. Ненавидит всех, кто близок к Сталину, особенно Молотова и Василия Сталина. Он талантлив, начитан, но и в не меньшей степени циничен... Сталин всем им знает цену... Молотов был, пожалуй, наиболее преданным Сталину человеком. Берия и Хрущев постарались их рассорить в 1949 году, а дело Жемчужиной — Лозовского повергло Молотова «в опалу» у Сталина, хотя Молотов был абсолютно непричастен к авантюрам своей жены, и Сталин это знал... Только Молотов мог стать истинным продолжателем дела Сталина. Если бы он возглавил после Сталина партию, ревизионистское перерождение КПСС и СССР было бы невозможно» (см. также: «Юность», 1989, № 3, с. 80).

Ликвидацию Берии Ходжа прокомментировал в беседе с послом Венгрии в Албании (15 июля 1953 г.): «Они убирают свидетеля и режиссера своих махинаций... Амбиции Берии не были одобрены другими членами Политбюро в феврале — марте 1953 года... Что же, вчера — Сталин, сегодня — Берия» (R. Chuclich. Tirana after Stalin death, Nish, 1978).

Итак, 1953 год состоялся фактически и политически. То, что происходило в нашей стране после убийства Сталина, — общеизвестно: 1956-й (пресловутый доклад Хрущева о «культе личности Сталина»), 1957-й («разгром антипартийной группы Молотова, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова»), 1958-й («изгнание» из правительства и дискредитация Жукова), 1961-й (вынесение тела Сталина из Мавзолея и «оглашение» раскола в мировом коммунистическом движении после 1956 года), 1962-й (убийство Василия Сталина), 1964-й (публичное признание Хрущева в умерщвлении Сталина и свержение Хрущева его же «соратниками»)...

Затем были 1985-й, 1991-й — эпоха перестроя, ускоренного разрушения страны и компартии завершила то, что было начато в 1953 году. И вот, уже близится 40-летие «судьбоносного» марта 53-го. С чем же мы встретим этот роковой «юбилей»? И что впереди?..

Лариса БАБИЕНКО

ПОТЕРЯВШИЕ РОДИНУ

Когда поезд «Янтарь» убегает подальше от города Черняховского, то глухой ночью в общении с литовской, ошалевшей от безнаказанности таможней, в вагоне, сказывают, может случиться любое. Возражения же на чисто русском в этот момент опасны.

Ну а люди? Нынче русские люди помогают только... чужим. Кричи не кричи, своего не услышат. Потому на похороны отца Михаил приехал с телохранителем. Так решили в дирекции предприятия.

— В случае чего вдвоем отобьетесь, — провожая, сказали коллеги.

Но на сороковины Михаил приехать не смог. Грязный вал на-

ционалистических страстей, что смерчем катит по стране, жизнь твою единственную может оборвать в любой момент.

Для народа, что во время войны был безупречно и мученически честен в защите других, наступили тяжкие времена, времена фальши, неискренности и хамства по отношению к нему самому.

И какими бойкими, смелыми, необыкновенно координированными в этом, не по-божески срабатываемом деле оказались люди, что во время войны лишь прядали ушами от страха. Будь они такими же отчаянными в борьбе с гитлеровцами, глядь, и не добрались бы немцы до святой Руси, а, почесав в затылке при виде грозно ощерившихся минометными стволами дюн, уползли бы в ужасе за Рейн.

Нет, никого не защитили легко носимые ветром дюны, с приятным сквознячком прошли фашисты по улицам Вильнюса, Риги, Таллинна, и вот теперь, когда над Европой светит лишь теплое солнышко, чего бы и не покуражиться на весь мир, чего бы не прикрикнуть на соседа, мол, мы тебя, Иван, не просили нас освобождать, а коль взбрело тебе в голову сотворить такую нелепость, так это твои трудности. Потому коль приехал незваным на танке, спешно и уходи, да еще оплати за то, что задержался.

Ах, ты еще возражаешь? Напоминаешь, что после войны молодые русские женщины, оставшиеся в деревнях без женихов, отстроили прибалтийские города, подняли из руин заводы?.. В теплый мирный день, выгнув грудь колесом, прибалтиец напоминает миру, что он и женщин русских не просил этого делать, потому не позволит тебе, Иван, слишком хорошо о себе думать, не позволит обольщаться мыслью, что это было сотрудничество двух народов; следовательно, забирай своих охиревших оккупанток поскорее, не дай Бог придется им платить пенсии из литовского да латышского кармана, не дай Бог еще десяток-другой лет будут занимать они отстроенные своими же руками квартиры.

А не заберешь коли, все равно выдавим, босыми пойдут по снегу в Россию.

Легко же дается тебе, прибалтиец, родина, когда ты храбр и велик токмо в тихий безопасный день, а в самое лютое время можешь выжить да удержаться за песчинку любимой земли лишь за счет кровеносных сил другого народа.

Вспоминая, как в поезде с грозным выражением лиц ворошили в чемоданах трусики да лифчики представители литовской таможни, от имени своего народа цыкающие на всех и вся, вспоминая этих опереточных героев невесть откуда взявшейся на территории Родины войны, Михаил Алексеенков думал о том, что вот отец, в какое бы тяжкое время ни жил, никогда не был сомнительным и пошловатым, мало того, в любой, даже очень трагической ситуации оставался предельно понятным и честным.

А ситуаций сложных было!.. Навсегда озвереть возможностей представлялось немало. В Венгрии в одну ночь немцы вырезали в госпитале три тысячи советских солдат. Василий Алексеенков, что на фронт уходил семнадцатилетним, сам потом выносил из палат горемычных и хоронил. Подумайте, за сутки столько крови, что навсегда комок в горле, навсегда бы оледенеть да загрубеть...

— После войны стрелять не могу, — помнится, рассказывал Михаилу отец. — Вижу, зайчишка вдоль полянки бежит, да и пусть бежит куда хочет. У меня рука дрожит — стрелять да убивать.

Году эдак в сорок седьмом послали Василия в Среднюю Азию, чтоб оказывать помощь умирающим от холеры людям, живущим вдоль Амударьи. Машины с грузом девяносто километров шли по зыбучим пескам. Да не шли, конечно, а ползли. И помогали им мужики, как могли. Бывало, понадергают саксаулу, положат под колеса, вроде двигаются машины, а как только съедут с этого зыбучего тракта, тут же по кабину в бархан. Все тросы мужики оборвали, вытаскивая друг друга.

— Вон аул, сходи, Вася, попроси проволоку!

В ауле этом хозяин ближайшей кибитки натравил на русского человека овчарку.

— Стою я у глиняной стены на солнцепеке, — рассказывал потом Ерофеевич, — сил уже нет, задыхаюсь, а овчарка на плечи лапы положила и вот-вот глотку перегрызет. Час так стою, два... От зноя и ужаса сознание теряю. Хозяин же чай в тени у арыка пьет и посмеивается. И, лишь услышав русские голоса, вместе с собакой в тугаи сбежал.

Мог Василий Ерофеевич после этого на долгие годы возненавидеть тюркские народы, мог всю жизнь обвинять их в злобе и неправедности?

Конечно, мог. Вооружился бы до зубов ненавистью к другим народам, что и случилось, к примеру, нынче с латышами, литовцами, эстонцами. Не забывал бы слова из русской песни, в которой поется, что «любил я ходить одиноким с товарищем верным ножом», но нет, послушался одного старого аксакала, который сказал, что как полынь степи не украсит, так и зло не украсит никакую жизнь.

Может, из-за этих умных, вовремя преподнесенных слов никаких иных чувств, кроме горечи, за Ерофеевичем в трудные минуты не водилось.

— Почему я решил стать водителем? — рассказывал он когда-то сыну. — Еще в Альпах эта мысль мне в голову пришла. Помнится, на одной горе сидим мы, на другой — немцы. Фрицы в трубу кричат: — Приходи, Иван, завтракать, русскую водку только не забудь. Тут курорт, нашему командованию не до войны.

Мы тоже кричим:

— Лучше ты, Ганс, приходи, но вначале признайся, что Гитлеру скоро капут.

— Мы вам самим капут покажем, Иван, — отвечали немцы, и через день едва не рухнули Альпы.

Горы стонали и дрожали, теряя отсеченные скалы.

— Командир, — кричал сквозь грохот радист, — командование запрашивает, есть ли среди наших людей шоферы? В долине погибли почти все водители, некому перекидывать пехоту.

— Кто хоть иногда сидел за рулем, шаг вперед! — выкрикнул командир, но ни один человек не оправил гимнастерку с готовностью.

«Какая редкая профессия! — удивленно подумал тогда Алексеенков и решил: — Когда кончится война, если выживу, непременно выучусь на водителя. Это же надо, какая удивительная профессия!» — еще раз тогда поразился он.

Выжил Ерофеевич и за рулем колхозной бортовушки помчал мимо весенних полей. Вскоре он женился. Дети пошли: Михаил, Иван, Надежда, Елена.

Каждого из нас дети вынуждают пристально вглядываться в людей и волноваться: подходяща ли, здорова, без червоточинки ли

та жизнь, в которую ты привел целых четыре души, а она, эта жизнь, хоть и мирная, была порой не легче военной: в колхозе творилось неладное. Вроде у председателя Ивана Антоновича Денисенкова крылья большие, а легкости в них нет. Что ни взмах, то лишь удар побольнее, да не по себе, конечно.

Вначале Иван Антонович неплохо работал, а как съездил в Белоруссию в колхоз «Рассвет» к председателю Кириллу Орловскому, так колхозникам житья не стало.

После возвращения из Белоруссии в свое село Никольское Денисенков на правлении с восхищением рассказывал:

— Орловский за один только год оштрафовал своих подчиненных на тридцать тысяч рублей, вон сколько денег государству вернул!

И на этом же заседании сразу оштрафовал нескольких членов правления, кру́гом сидящих около него и еще не очухавшихся от сообщения.

С тех пор и повелось: наказания да наказания. За опоздание на дойку — штраф 10 рублей, не помыла женщина вовремя окна в доме — штраф 5 рублей, утка забралась в колхозный пруд — отдай ни за что 40 рублей.

Соседка Ерофеевича — Ангелина Игнатьевна, заведующая фермой, не раз в слезах жаловалась людям:

— Меня Денисенков все время нынче вызывает в кабинет и приказывает: «Штрафуй людей, штрафуй немилосердно, надо поднимать хозяйство».

— Подумайте — штрафами поднимать! Я отказываюсь делать такое, теперь же Иван Антонович за малейшую чью-либо провинность штрафует меня лично и говорит: «Наказывать буду до тех пор, пока сама не научишься делать то же самое».

И приучил-таки. Вскоре Ангелина Игнатьевна повеселела, приноровилась наказывать, получила Героя Социалистического Труда и до конца дней своих ладила с председателем.

А у Василия Ерофеевича Алексеенкова, как и у большинства односельчан, такого ловкого мира с Денисенковым не выходило.

Как-то на дороге остановил его односельчанин и попросил подкинуть к электричке в райцентр.

— Чего молчишь? — не выдержав тишины в кабине, участливо спросил Ерофеевич, хотя и сам знал, что у того произошло.

— Жалобу в Москву везу. Невмоготу уже. Председатель жену угробил, и хоть бы стыдобушка в лице...

Да, только без стыдобушки, только без Бога в душе можно было сотворить то, что сотворил с Настасьей Вишневой председатель колхоза имени Радищева Иван Антонович Денисенков. Колхозница принесла ему справку от врача, что плохо у нее со здоровьем и следует перевести на легкие работы.

— Где достала эту справку? — гаркнул председатель, вырвал справку из рук подчиненной и на глазах тут же порвал.

С Настасьей случился гипертонический криз прямо в кабинете. Месяц она лежала в больнице.

Начали люди роптать, возмущаться, но подошел к Ерофеевичу сторож гаража и предупредил:

— Ребята, учтите, шестьдесят рублей я получаю за то, что охраняю гараж, десятку же мне лично приплачивает Денисенков за то, что я рассказываю ему, о чем вы говорите. Я, конечно, не

все ему рассказываю, вас жалею, но в доносчиках у него недостатка нет.

Главный колхозный механик Петр Сергеевич Иванов подтвердил слова сторожа:

— Когда я работал замом, а председатель уезжал в отпуск, его личные осведомители приходили ко мне как к старшему по должности. Мне было стыдно, я гнал доносчиков. Они были в недоумении.

Конечно, не только плохое было в Никольском. В селе построили детский сад, школу, котельную, коттеджи, фермы. Никольское гремело на всю страну, делегации, в том числе иностранные, ехали одна за другой. И, стоя среди нежной золотой пшеницы, Денисенков охотно делился производственными секретами: вовремя прикатали, посеяли... Одного лишь секрета не раскрывал, того, что поля этого в отчете нет.

Вернее, есть, но только значится в бумагах, что растет на нем не пшеница, а зеленка, скармливаемая скоту еженедельно «из-под копыта». Выходит, пшеница эта левая, подпольно-криминальная, для приписок.

Ничего не ведая, иностранцы восхищенно глядели на молодецки подобранного, ухоженного председателя, а вот люди никольские угрюмо поглядывали и на поля, и на глуповато-восторженных иностранцев.

А отчего угрюмо, коли сами жили в этих коттеджах, сами получали высокие зарплаты?

Оно, конечно, так, но все же не так. Спас этот был не на радостях замешан. Спас этот был на многих слезах, вроде как на крови. Сами подумайте, столько штрафов да унижений, каково сносить?

Разумеется, люди жаловались. Письма веером разлетались по учреждениям. Но такой же веселой стайкой и возвращались. На стол председателю... И выходила не жизнь, а сплошное безмолвие.

Вот так легко и ловко целому колхозу надели намордник. Мычи, хрипи в нем, никто не услышит. Целому селу никоим образом не защитить себя.

И люди уезжали. Пилюковы, Алхимовичи, Мариенковы, Волковы... Не в Америку, конечно, не в Канаду. Никольские были скромнее, а может, и умнее. Ибо так любили Родину, что ни при каких условиях не могли покинуть ее, а если и хлопали дверью, то лишь в колхозном правлении. После чего, правда, уезжали без трудовых и денежного расчета.

А кто не уезжал, тот уходил... На кладбище. Борис Лазаренков, к примеру, стоял на крыльце, курил, думал и повалился. Сколько же надо было в жизни принять страданий, чтобы высокому, крепкому мужчине вот так в секунду уйти из нее от своих дум!

Пройдитесь по никольскому кладбищу, взгляните на таблички с надписями. Одна боль с них глядит. Никольские на свете не заживались. Кресты стоят в изголовье у совсем молодых. Директора школы Ильи Васильевича Тарасова не стало в сорок лет.

Рано ушла на кладбищенский взгорок жена Алексеенкова Мария, следом — Аделина Игнатьевна Акимова, производственная избранница Ивана Антоновича. Недолго царствовала в жизни на всех своих заработанных и не совсем заработанных деньгах главный бухгалтер колхоза Валентина Романова... Сказывают, под конец

даже тронулась умом, так боялась, что грянет-таки в колхоз комиссия. Но бедная женщина так и не поняла, что Иван Антонович был полновластным хозяином социализма и коль получил в личную собственность огромное хозяйство, то вовсе не для того, чтоб его лишаться, какие тут могут быть комиссии?

Горько плакала доярка Валентина Белова, мать четверых детей, когда Денисенков оштрафовал ее почти на тысячу рублей, в которые вошли отпускные, премиальные, зарплата. Муж Валентины погиб на водокачке от удара электротоком, смерть его быстренько оформили как инфаркт, а материальной помощи женщине никогда не оказывали, да и законные, как видите, порой не выплачивали.

И как хитренько изымались эти штрафные. Приказы по поводу штрафов печатались на отдельных листочках папиросной бумаги, любой из них нетрудно потерять. Квитанции же за высчитанные из зарплаты деньги не выдавались. Ловко, легко, виртуозно! Рэкетирство сельское возникло куда раньше городского.

Что же происходило дальше с изъятыми по нахалке деньгами? Об этом в полной мере знает лишь председатель. Но и колхозники кое-чего ведают, потому прямо и говорят: на взятки. Министрам, чиновникам в Госплане, начальникам главков. На беспросветно тяжелом для рядового человека никольском социализме бессовестно грели руки многие.

— Уж я эти деньги от имени председателя возил да перевозил, — рассказывал односельчанам Василий, добавляя, что дня не хватит, чтоб на бумаге всех взяточников обозначить.

Ну а журналисты, что же они?

Письмо Валентины Беловой пришло в главную редакцию пропаганды Центрального телевидения 19 марта 1975 года под номером 26074/1. Но в редакции оно не задержалось. Редактор В. Благочинова переслала его в прокуратуру Гагаринского района.

Ну хоть бы откликнулась на горький плач сиротской бабьей безысходности! С командировочными по тем временам было не худо, так нет, просто отделалась отпиской.

В колхозе имени Радищева бывали многие журналисты: Юрий Грибов, Елена Кононенко, смоленский писатель Алексей Бодренков, Ярослав Голованов, написавший потом на страницах «Комсомолки», что Денисенков — это один из выдающихся руководителей колхозного движения в стране.

Ольга Акулова, работающая в газете «Сельская жизнь», с которой мы случайно встретились в колхозе, заметила мне:

— Гляди, как приниженно и пугливо разговаривают колхозники с председателем. Нет, я об этом хозяйстве писать не буду.

В общем, Денисенкову не приходилось бояться газетчиков. Журналисты, которые потом станут активными левыми или активными правыми, а скорее всего активными лишь в битве за свою судьбу, при виде такого сложного колхоза, невзирая ни на какие факты, только хвалили его или просто отшатывались в лучшем случае.

Но попадался среди журналистов и наивняк. Ну, скажите, зачем мне-то понадобился этот сер-горюч камень? О две ноги бежать бы из этого колхоза, так нет, почему-то верилось: после хрущевской «оттепели» в стране нашей еще тепло. Как легко я, по тем временам молодая недальновидная женщина с малым дитем на руках, попалась на этот крючок! Потому с наивной горячностью бросилась на защиту этого колхоза, совсем не ведая, что бросилась на амбразуру крепко вкопанного в систему дота, мгновенно подсекающего любого.

Наверное, в этом неплохо разбирались в редакции «Литературной газеты», потому материал о колхозе имени Радищева всегда вроде бы смелая газета, даже не зарегистрировав, трусливо вернула по почте на другой же день.

Олег Максимович Попцов, по тем временам главный редактор журнала «Сельская молодежь», вроде горячо ухватился за этот материал, пообещал тут же отвезти в ЦК, но день прошел, другой, третий... Вот уже почти две недели позади...

Пришлось идти в третью редакцию. Ею оказалась «Правда», один из сотрудников которой в этот же день позвонил Олегу Максимовичу и уточнил, правда ли, что журналистка такая-то ездила в колхоз имени Радищева, правда ли, товарищ Попцов, что у вас на столе ее критический очерк?

Олег Максимович подтвердил, что да, все так, потом шумнул в редакции, пусть она (то есть я) выбирает издание, с которым будет сотрудничать: или мы, или «Правда»! И, не дождавшись ответа от автора (да и не нужен он был ему, редактор просто куражился), через два часа наконец-то отвез материал в ЦК.

На другой день, встретив меня в коридоре, уже как ни в чем не бывало миролюбиво сказал:

— Если в колхозе у кого-то жалобы, скажи, пусть приезжают, разберемся...

Вот радости! Наивный деревенский люд прямо-таки повалил в Москву. Беловы, Волковы... И наверное, всеми колхозными хуторами переселились бы люди туде, где их выслушают наконец-то. Но не тут-то было! Докладную из ЦК передали в Смоленский обком, а местные проверяющие потом услужливо отписали, что криминальных полей и неучтенных коров в колхозе нет, а есть только председатель, притом очень хороший, работящий и честный.

Олег Максимович даже руками развел, мол, видишь, дорогой автор, ошиблась ты, ошиблись твои колхозники, и нечего вам больше ездить в редакцию.

Так было сказано или не совсем так, но смысл этот. И в подтверждение этих слов мне впоследствии возвращали все очерки, какие я ни приносила в «Сельскую молодежь».

Приду, бывало, в отдел писем, положу свой труд на стол, замечу еще, в какой последовательности лежат на нем бумаги, а спустя какое-то время спрашиваю о его судьбе. Даже не прикоснувшись к очерку, заведующая отделом писем отвечала, что не подойдет.

— Почему? — в отчаянии вопрошала я.

— Плохой.

Спустя какое-то время этот «плохой» очерк бывал опубликован на страницах журнала «Юность».

— Глядите, опубликован очерк, который вы завернули! — радостная прибегала я в редакцию.

— Я завернула? — невозмутимо спрашивала заведующая отделом и утверждала, что такого не помнит.

— Ладно, коль не помните, шут с вами. Я принесла новый материал.

— И этот не подойдет, — так же невозмутимо изрекала заведующая отделом, давая этой невозмутимостью понять: пора бы

смекнуть, что на имени моем табу, самим главным не велено печатать.

— Но почему им самим? — набравшись смелости, однажды спросила я. Более удачливая, чем я, редакционная дама опять же с гордым видом отмолчалась. Дружба с главным на ее весах явно перевешивала.

Наличие этого проклятого и циничного табу подтвердили мне и в колхозе имени Радищева, куда я заехала спустя много лет.

— Хвастал как-то Денисенков, — сказал мне Василий Ерофеевич Алексеенков, единственный, не отказавшийся от своих показаний колхозник, — что не только с односельчанами расправился он за ту злосчастную докладную, но и тебе сумел многое в жизни подпортить.

Вот поди ж ты... Вроде совершенно не похожи друг на друга главный редактор журнала «Сельская молодежь» Олег Максимович Попцов и председатель колхоза Иван Антонович Денисенков. Один небольшого роста, шустрый, всегда активно желающий что-то сказать... И высокий, неторопкий, даже молчаливый, но всегда цепкий в злости Иван Антонович... Но почему у этих двух совершенно разных людей столько общего?

Хотя бы отношение к автору... Каким же образом Денисенков повлиял на Попцова? Думаю, через ЦК. У Ивана Антоновича там было много друзей (Соломенцев, Байбаков, Флорентьев), а Олег Максимович, конечно же, не хотел удивлять их беспечным подбором имен на страницах вверенного ему журнала. Пусть автор сгинет, вымрет, но рисковать собою хоть на мгновение?!

Выходит, наш всегда демократичный, на словах очень открытый Олег Максимович на самом деле был всегда задраенным и законопослушным, оттого не зря на летучках вскрикивал:

— Я только что из ЦК! Учтите, эту идею там поддерживают. К счастью, меня в ЦК понимают. В ЦК пока еще умные люди. В ЦК сказали...

Трудное и литературно неблагозвучное слово «ЦК» в устах Попцова звучало легко и музыкально. Почему же так часто он его повторял? Неужто лишь для собственной значимости? Но должность главного и без того много значит.

Думаю, это был способ подавления. Пусть не явно высказываемый, как у грубого и прямолинейного Денисенкова, но постоянно перед людьми обозначиваемый.

В общем, попробуйте придвиньтесь. Попробуйте сказать хоть одно недоброжелательное слово, что одному, что второму. А Иван Антонович после разбора докладной получил еще и орден Ленина да переходящее знамя республики.

От кого только перешло это знамя, ежели подумать? Скорее всего от того, кто жалел-таки колхозников и не имел большого количества вольных, неучтенных денег, получаемых за счет кабальных, незаконных и — сейчас можно с твердой уверенностью сказать — криминально изымаемых штрафов. Но кто за это спросит в стране, ежели в ней даже главные редактора вовремя пасуют и замолкают?

В общем, Иван Антонович остался при своих интересах. Теперь, когда он идет по дороге, лучше сразу, будто стая утей, забивайтесь в бурьян!

Колхозники так и сделали. В Никольском исчез тогда даже шепот. Все дружно осудили «ренегата» Алексеенкова и ладком, уже без

словесных протуберанцев и выбросов, пополнили команду штрафных.

Мне в отличие от колхозников было чуточку легче. Олег Максимович после «разбора» докладной меня просто не замечал, видимо, считая, что я в этом непролазном бурьяне застряла безвылазно.

Иван Антонович, видя, что уже никто не посмеет хотя бы подумать о судьбе его колхозников, вовсю гулял, ибо односельчанам, в отличие от глуповатых утей, и голову некуда было упрятать, а крылья, ежели у кого и водились прежде, председатель оторвал сразу же. Тут он выложился на славу и опосля спал спокойно.

Вот только Василий Ерофеевич не согнул почему-то перед ним спину, ни единым испуганным взглядом не отреагировав на председательский шантаж, по-прежнему ощущал себя рядом с Иваном Антоновичем ровней: в праздники радостно ходил по селу со всеми своими фронтовыми орденами на груди, исправно трудился в будни, купил машину, вырастил детей, заработал большую пенсию.

И когда я спустя пятнадцать лет от газеты «Сельская жизнь» приехала в гости, был также открыт, искренен, добродушен. Зла на жизнь в нем по-прежнему не накапливалось.

Но Иван Антонович повел себя более чем странно, хотя я к нему ни в дом, ни в кабинет не захаживала и даже не виделась.

Могущественный Иван Антонович до смерти испугался моего приезда. Оно и понятно, перестройка же, вдруг перестроится и его жизнь? А чтоб этого не случилось, он резво кинулся в Москву с жалобой, что я, автор, пятнадцать лет назад... вымогала у него взятку. Слава Богу, хоть не сказал, что вымогнула...

Только почему, объясните, пятнадцать лет Денисенков об этом молчал, не вспомнил даже тогда, когда разбиралась докладная? Отчего бы столь долгое время был тих и скромен? Неужто решил, что наступили времена более грязных затей?

Как видите, жизнь не изменила Ивана Антоновича, он по-прежнему был грозен и... шкодлив. Но главный редактор главной сельской газеты знал его лишь по тем фиктивно-ковбойским очеркам, в которых Денисенков, будто лихой наездник в прериях, непременно был героем, поэтому поверить в иную интерпретацию образе сразу не мог.

И вот хочешь не хочешь, а защищайся в столь суровом, отнюдь не женском поединке со здоровым ретивым мужиком, матерым в умении развеивать, будто прах, жизнь любого.

— Олег Максимович, помните ту докладную в ЦК? — вынуждена была я вновь обратиться к главному редактору журнала «Сельская молодежь» Попцову.

Конечно, в тот момент я была расстроенной, и хотелось просто реветь. От бессилия, от профессиональной и человеческой незащищенности перед любым, с непредсказуемыми поступками подонком.

— Приезжайте, — коротко ответил Олег Максимович. — Помогу.

И действительно, помог. Позвонив Харламову, сказал:

— Как можно настолько не жалеть своих людей, как можно настолько не беречь журналистские кадры?

Я едва не приподнялась на стуле: неужели эти слова обо мне, о журналисте, которого сам Олег Максимович не жалел, не берег ни единой минуты?

— Она так трудно живет, так предана сельской теме. А Де-

нисенков... это однозначно. У него в хозяйстве было столько нарушений, что о них даже в застойные времена трудно было умолчать. Я, как коммунист, со всею ответственностью заявляю, что этот человек никогда не мог вымогать.

Это и впрямь трудно представить тем, кто знает меня и Денисенкова. Журналист, в котором, как говорят в народе, метр с кепкой, и почти двухметровый, задвинутый, видите ли, в угол Иван Антонович с его громадными связями в ЦК. Совершенно неправдоподобно, вот уж не лезет ни в какие ворота! Наверное, потому Олег Максимович твердо повторил:

— Я готов положить на стол партийный билет, если это все так!

Честно говоря, я опешила от такой мощной и сильной поддержки. Поблагодарила, потом вдруг возрадовалась, что вновь смогу публиковаться на страницах журнала «Сельская молодежь».

— Олег Максимович, может, вы возьмете этот очерк, может, наконец-то опубликуете, как оно на самом деле было?

Равнодушно скользнув взглядом по рукописи, Попцов отвернулся, давая понять, что мое присутствие в кабинете уже неуместно. Значит, рукописи мои, как и прежде, заранее, навсегда, не нужны, а уж колхоз какой-то да многочисленные страдания его людей — тем более...

Вот тебе и коммунист, который еще три минуты назад со всею ответственностью о чем-то заявлял... Какое мгновенное, артистичное перевоплощение!

Опять потянуло знакомым мне издавна запахом редакционного вождизма, партаппаратного хозяйчика, который в своей конторке волен делать что угодно. И при чем тут интересы людей да государства на том клочке суши, что на Руси именуется горько: колхозом имени Радищева.

Таинственный, неведомо где упрятанный компьютер быстро и четко просчитывает все. И публикация моего материала о глумлении над человеческой личностью в целом хозяйстве в систему плюсов для О. Попцова не укладывалась. Неужто даже в эпоху перестройки боялся Олег Максимович хоть в чем-то не прийтись по нраву ЦК?

Спустя три месяца жизнь показала: я была права. В те дни, оказывается, Попцов баллотировался кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР еще как коммунист и относился к этому со всею ответственностью опытного партаппаратчика: зачем ссориться с ЦК, если от него еще не все взято?

В общем, уже в те дни рождалось гульливое мышление демократа.

Никогда не думала, что Олег Максимович, заносчивый в своих претензиях на уникальность, настолько окажется подверженным идеологическим поветриям, что тут же откажется от звания коммуниста, как только в политической преисподней загудит новый партийный рой.

Право же, стоит жить на земле, чтобы увидеть и застолбить в памяти людской такое... Какое яркое превращение, какую интенсивную линьку продемонстрировало нам целое полчище демократов! В глазах пестрит, не успеваешь следить, кто есть кто.

Явный признак тоталитаризма — это когда любая гадость сходит с рук, когда активно борются с одними привилегиями, но за другие, ибо покажите мне хоть одного демократа, кто при нынешнем перемещении политических пластов проиграл бы в своей личной

карьере, кто упустил бы для себя возможность всегда быть на плаву. И коль нужно ради этого яростно раздавать направо-налево шалабаны коммунистам, милые вчерашние друзья и коллеги, получайте наш ураганный натиск, и плевать нам на ваши судьбы дальнейшие. Уж тут мы «за ценой не постоим...».

И Олег Максимович туда же... Как только его любимый ЦК стал слабым, подобно деревенским мужикам, которых, как хотел, топтал Денисенков, — он по примеру и подобию огненно-красного председателя тоже начал этот ЦК изничтожать. Тот самый ЦК, дружбой с которым хвастал, куда ездил, что и Денисенков, едва ли не каждый день, где его «поддерживали», где, по его же словам, «работают умные люди».

Хотела бы я подержать в руках тот разнесчастный (партийные билеты тоже бывают неудачниками, у них, как и у людей, тоже, оказывается, своя судьба), преданный его владельцем партийный билет, который столько лет на моих же глазах давал Олегу Максимовичу право не допускать к печати и погружать в летаргический сон любого писателя и журналиста, хоть в чем-то не пришедшегося ему по нраву.

Эти несколько страниц под красным переплетом давали ему право на публикации собственных статей и книг без выматывающего ожидания их многими месяцами и годами.

В конце концов, почему бы не вспомнить и о том, что оплеванный Олегом Максимовичем социализм, от которого он теперь тянет за уши миллионы людей, но в котором ему лично было хорошо, как в теплой молочной ванне, дал ему блестящее высшее образование, бесконечно лечил в лучших клиниках Москвы. Ведь Олег Максимович, блокадное дитя Ленинграда, не слишком здоров. Подумайте сами, легко ли врачам, когда у их пациента хронический плеврит и язва. В больницах с моим бывшим редактором немало возились, не взяв за это, конечно же, ни копейки, ни тысячи из тех, какие хотят теперь содрать за наше лечение демократы.

Я отнесла бы в музей партийный билет Попцова, давший ему возможность еще при социализме приватизировать комсомольский журнал «Сельская молодежь», ибо хорошо помню, каким безраздельным хозяином его чувствовал себя Олег Максимович, и на редакционных летучках истина в конечной инстанции принадлежала только ему, а остальным журналистам, как на колхозных собраниях у Денисенкова, не очень можно было говорить и не дай Боже — критиковать Попцова.

Этот же партийный билет дал возможность Олегу Максимовичу приватизировать редакционную машинистку Раису Федоровну Ковтун, что целыми днями печатала в рабочее время рукописи его будущих книг, не имеющих никакого отношения к работе журнала.

Демократы любят нынче проводить ревизии у тех, кто не выкинул на помойку партийный билет, а остался предан своим человеческим идеалам даже в кроваво-черные для себя дни. Но проведите ревизию хоть у одного демократа, бывшего яростным коммунистом высшего толка в лучшие для социализма дни...

Тут же, конечно, выявится, что, закончив Ленинградскую лесотехническую академию, Олег Максимович двинул было в сибирский лес, но пребывал в нем недолго. Неужто потому, что, побродив по тропинкам русского леса, тут же в нем разочаровался?

Фиалки в нем не понравились, дубы или елки? Как хорошо под ними книги писать! Но Олег Максимович вернулся в Ленинград и... пошел в комсомол.

Каким образом живому и вроде очень сметливому человеку больше пришлись по душе никому не нужные циркуляры по проведению комсомольских конференций, слетов, съездов? Не нужные уже даже тогда, в шестидесятые.

Но Олег Максимович не только пребывал в комсомоле, как мы, миллионы грешных, а очень усердствовал, судя по его дальчейшему взлету в нем. И какой же огромный объем, как потом оказалось на поверку временем, пустой и фальшивой работы надо было провести, сколько пылких и мало что значащих речей надо было произнести, чтобы вскоре стать секретарем Ленинградского обкома комсомола, а затем в Москве — заведующим сектором печати ЦК ВЛКСМ...

Почему «пустых речей», захотите вы уточнить у меня? Да потому, что Олег Максимович никогда не произносил просто слово «добро», он непременно говорил «фактор добра». Вроде и впрямь многозначительнее, но вот что за этим стоит?..

После таких речей, ежели оно, наше многострадальное социалистическое добро, и выпадало, то лишь таким, как Попцов. Вот вам и фактор, вот вам и жизненная реалия!

И в этой жизненной реалии социализм в первую очередь предали те, кто больше всех от него и получил. Ну а каково нам, простым смертным? Неужто тоже не помнить, кем еще в недалеком прошлом были мы и Олег Максимович?

Я никогда не была членом партии, не снимала с нее податей в виде шикарных должностей, не бороздила Вселенную как верхний представитель коммунистического племени, потому, мне кажется, слово мое бескорыстное. И мне за это слово не выделят «вольво», не дадут высший государственный пост. Притом, учтите, я не ахти как живу, не в Америке, как Ростропович, и не в Израиле, как артист Козаков, я — у себя дома, потому имею право сказать, что мне социалистический путь нравится больше.

Я не желаю подчиняться боксерским ударам рынка, националистической злобности суверенитетов. Мне совершенно не нравится вранье, что в моей стране человек, работая на государственном предприятии, был рабом.

Раб не посылает своих детей в пионерский лагерь, его не пускают в вузы, ему не преподают искусство и иностранные языки, он не едет отдыхать в любой конец страны. Как вырубить из памяти такие привилегии целого народа? Как это забыть? Если Попцов предал всю свою прежнюю жизнь, то нам это зачем?

Как, объясните, отказаться от того прекрасного и чистого куска времени, когда авторы журнала «Сельская молодежь» носились по всему Советскому Союзу в командировки, в такие глухомани заглядывали, в каких не бывал и Фантомас, но всегда возвращались домой живыми?

Забыть ли время, когда журналистов не убивали и людей вокруг них не убивали? Помнится, мы возвращались бодрыми, веселыми, желающими обо всем написать, а энергичный, всегда тоталитарно-радостный Попцов с партийным билетом, лежащим в сейфе, приветствовал каждого из нас своей любимой фразой: «Здорово, классик!»

Как же грели эти слова тех, кто явно и тайно мечтал стать настоящим писателем!

Так за что мою дивную страну обозвали гнусной империей? За то, что дети всех национальностей учили Пушкина?

Как и многие миллионы людей, я до самых последних дней своих буду считать себя гражданкой Советского Союза и считаю, что тот, кто его разломил и рассовал по национальным полчам личных эгоистических интересов, совершил против меня преступление — украл у меня Родину.

Политики говорят, нам непременно надо быть включенными в мир западной цивилизации. Но зачем забывать, что не с востока на запад, а с запада на восток пришли в нашу страну СПИД, наркомания, порнография. Там первыми изобрели атомную бомбу и первыми бросили ее на людские головы.

Зато я очень хорошо помню, как ликовала наша страна даже на самых дальних окраинах, а вместе с нею и все цивилизации Земли, когда мы: узбеки, татары, русские, армяне — спустя пятнадцать лет после тяжелейшей войны, без какой-либо американской помощи и даже без французской косметики на прилавках — первыми в мире отправили в космос человека, да и сами в это время были не голодны и не разуты.

Как это понимать: был Советский Союз, а теперь его нету? Утверждать, что моя любимая Родина не существует — также равносильно утверждению, что и Олега Максимовича теперь нет, это равносильно деянию похоронить его заживо.

Ну, к примеру, зачем Олег Максимович, став руководителем Российского телевидения, пропускает в эфир интервью с представителем узбекского националистического общества «Бирлик»? Он разве не понимает, что за плюрализмом таких мнений может последовать плюрализм ножей? В прежнее время мог ли он, как редактор, позволить себе такое?

В прежнее — не мог, лишился бы поста главного. За поджигательство тогда наказывали круто. Но теперь раздор народов поощряется, оттого Попцов с его литерной, пресмыкающейся перед выгодной ситуацией скоростью мышления — тут как тут.

Поскольку не матери Попцова вжиматься во время погрома в подвальную затхлость, как это уже было с матерями моих однокашников, не его жене молить о пощаде накурившихся анаши парней... То что же... Если не свои будут погибать, то все можно. Лишь бы не так одиноко нести ответственность за содеянное с людьми и страной, да затеряться в толпе разрушителей, лишь бы себе в оправдание привлечь как можно больше таких националистов, чтобы чужими руками окончательно добить и осквернить нашу страну.

Такое могут позволить себе только те, кто всю жизнь, как и Деиисенков, прожили без ревизии, всю жизнь не отдавали отчета себе и другим в смысле стоимости и ценности совершенного труда.

И что же потеряли вы? Поскольку лично сами страну разбивали, значит, не особо ею дорожили, значит, новым социальным статусом «бывший Попцов из бывшего СССР» только гордитесь и в общении с зарубежными «друзьями» пытаетесь быть вровень с ними. И поскольку нам теперь, Олег Максимович, по вашей же воле выпадает только базар, то есть мелкоторговая жизнь, то позвольте мелкоторгово напомнить, что коль вы отказались от

всего, чем прежде «вдохновенно» жили, так откажитесь еще и от квартир, бесплатно даденных вам (без ожидания в многолетних очередях) за активную пропаганду сельского комсомола, которого практически никогда и не было.

ЦК комсомола, помнится, очень старался вам угодить, дав одну квартиру до развода, вторую — после развода. Просто так он не раскошеливался.

Жить на улице, конечно же, ни к чему, но у вас есть возможность поучаствовать в аукционах, которые вы и ваши друзья-демократы предлагаете нынче трудящимся, квартиры для коих стоят уже по 2—3 миллиона.

С вашими широкими жестами (отдать Курилы) я на вашем месте перевела бы на счет социализма стоимость бесплатного высшего лесотехнического образования, бесплатных зарубежных командировок. Притом в валюте. Не рублями же за вас платили в отелях иных держав.

Ежегодно вы, ваши дети, жена пользовались путевками в лучшие санатории, курорты и пионерские лагеря, построенные двумя ЦК и когда-то богатым издательством «Молодая гвардия».

За это тоже нынче надо бы заплатить, коммунистам в эти дни плохо, теперь им бы помочь, как щедро помогали они когда-то и вам.

Можно, конечно, ничего не возвращать, но тогда выходит, что вы выскочили из социализма, как из обчищенной вами же квартиры. А поскольку советскому человеку в этот переходный период еще не привилась окончательно психология мелкого лавочника, по которой живому существу, окромя своей лавки, ничего не надо, то хочешь не хочешь, бросается в глаза вся нелогичность ваших поступков.

Хотя нет, своя логика в этом есть. Вы обменяли партийный билет на должность главы Российского телевидения. А что страны больше нет — на это плевать.

Неплохо. Не зря, оказывается, ваши поступки всегда были в жгучем ключе конъюнктуры. В народе про таких говорят: сорняки всегда веселее пшеницы.

Но за это ли по смертельно тяжким фронтам топали когда-то миллионы людей всех населяющих нашу страну национальностей?

Вы не боитесь, Олег Максимович, что счет вам предъявят мертвые? С живыми-то, как показала жизнь, вы не привыкли считаться, но от упокойников куда денетесь? Ведь мир без них принял формы, за которые они скорее всего не отдали бы жизнь.

С грустью листаю старые подшивки. Журнал «Сельская молодежь» считался одним из лучших, но как много в нем все-таки верноподданнического. Притом по собственной воле главного. Многие статьи сопровождаются врезками из выступлений Брежнева. Хорошо помню, как без них возвращали материалы.

А вот Леониду Ильичу посвящена уже целая статья: «Сейчас Л. И. Брежнев — самый популярный политический деятель. Его титаническая работа, которую он приложил к Программе мира, должна стать примером для всех политических руководителей» (1973, № 7).

Конечно, эти слова писали не вы, а автор О. Димов, но «добро» на публикацию этих безнадежно фальшивых строк давали вы. Как и на другие, посвященные празднованию 50-летия СССР: «Нет ни одного большого дела в Советской стране без усилий всех ее народов!»

Если это искренние слова, то зачем же тогда, Олег Максимович, зовете на помощь для дальнейшего разрушения этой страны, пусть даже уже и не советской, членов националистического общества «Бирлик»?

Недавно к моей живущей в Узбекистане матери подошли соседки.

— Валя-опа, за кого голосовать будешь? — спросили они.

— Мне все равно, — ответила мать. — Что один кандидат вашей национальности, что другой.

Узбечки всполошились.

— Разве дело в национальности? Валя-опа, — взмолились они, — мы тебя очень просим, голосуй за старых, за коммунистов. Новые придут, они даже на тебя паранджу накинут. Мы их очень боимся. Помоги нам. Всем нам надо держаться вместе.

Женщины в ярких бехасановых платьях, изо всех сил сопротивляющиеся тому, чтобы на их головы надели мешок с прорезями для глаз, оказались куда мудрее и дальновиднее, чем наш квазиобразованный глава Российского телевидения Олег Максимович Попцов...

Совсем забыла я про Денисенкова, он-то как поживает? По рассказам односельчан, Иван Антонович тоже, оказывается, непрерывно на сигнальную лампочку глядит.

Вот она, загадочная, зажглась — и председатель вдруг изрек:

— Хватит кормить Москву. Сажаем в этом году картофель только на 50 гектарах.

То есть лишь на внутренние нужды хозяйства. И это в трудный по погодным условиям год. Пятьдесят гектаров в 1991 году против обычных 250. Да еще не уродило. И у колхозчиков Смоленщины, окромя семян, на свой личный стол по два мешка картошки на семью, и те закуплены в других областях.

В общем, мудрость председательская в 1991 году оказалась на грани фантастики, а мы из-за этих игр стоим в фантастических очередях за картошкой по фантастическим ценам. Вот что значит ни с того ни с сего менять ориентиры и плыть по чужой Миссисипи в объятия не менее чужого нам капитализма.

Думали, на авось в рай попадем, пробежав лишь с полверсты, да не вышло, Бог нас, безбилетных, сразу же за уши схватил и строго молвил, что одесский шум наподобие работы демократии помогает, как мертвому касторка.

А на Руси... Колхоза имени Радищева, к примеру, уже нет на земле, вместо него теперь концерн по выращиванию крупного рогатого скота. Но что от этого изменилось? Руководитель в нем прежний, и нрав его тоже прежний.

Доказательства? Пожалуйста. Пришел как-то Иван Антонович на ферму, подошел было к корове, а та не разглядела, что рядом глава концерна, да и пустила в него струю. Скотники не выдержали, рассмеялись.

Зверем глянул на них Иван Антонович и, как в старые времена, гаркнул: «Каждый из вас заплатит штраф!»

Вот тебе и новая эпоха! Деревенским мужикам от нее не перепадает и пыли. Опять нужны доказательства? Пожалуйста. Ибо хотели деревенские взять землю в аренду, Иван Антонович поначa-

лу дал, потом к тому-этому придрался и оставил в арендаторах... своего зятя.

Мужиков вот только жалко. Они, когда по радио льется песня «Ты пропой, пропой жальчее про жизнь мою», слушают ее теперь с еще большим вниманием...

Умер мой старый друг Ерофеевич. Перед смертью схватил жену за руку, вскрикнул:

— Не отдавай меня, Лена, никому. Богом прошу, не отдавай!

Но полученный в Альпах осколок, сговорившись с тенью, что мелькнула перед Ерофеевичем в последнее мгновение его жизни, двинул своим, лишь ему ведомым путем.

На поминках вспоминали, что был Ерофеевич всегда хорошо одетым и культурным мужчиной, умел уважать людей: почтальона из дома, к примеру, никогда не отпускал без обеда.

А каким джентльменом был на дорогах! Однажды женщина у него в машине сына родила, так он из родильного дома потом ее тоже в деревню отвозил.

Сколько лет после работы тайком, чтоб не знал председатель, помогал односельчанам отстраиваться, вселяться, доставлять из города покупки.

— Всю строящуюся тогда, в пятидесятые годы, улицу Мира я, почитай, на себе перевез, — с гордостью потом рассказывал он детям.

Конечно, односельчане пытались отблагодарить, совали в карманы деньги, ставили бутылки, но Ерофеевич от подношений отказывался:

— Э, друг, — хлопал он по плечу односельчанина, — кто пожил да с мое пережил за помощь на дороге не берет. Это только от сопляка услышишь, мол, гони пятерик, сам с трудом деталь подбирал.

— Спасибо, родной, — кланялись одинокие женщины, потерявшие в войну мужей.

Однако не все в колхозе относились к нему хорошо. Денисенков ощущал в Ерофеевиче соперника, осознавая, что в чистоте души ему за своим шофером не угнаться, потому глумился как хотел: запчастей не давал, сенокосов лишал, заработков. И даже на похороны машину не дал, еще раз доказав, что до великодушия и обыкновенной культуры Ивану Антоновичу никогда не дожить.

А тут еще при жизни Алексеенкова делили в колхозе полтора миллиона рублей прибыли, вроде как заработанные за большое количество лет акции. Ерофеевичу немалая сумма выпала. Но с отдачей ее долго тянули, а как умер, детям его и вовсе не отдали, сказав, что теперь навсегда не положено.

С каких это пор, ответьте, честно заработанное не положено детям отдавать? Ерофеевич появился в колхозе после войны третьим по счету водителем, двое потом уехали, только он все колхозные беды выхлебал.

— Давайте защитим упокойного, — зайдя в редакцию городской газеты «Ленинское знамя» в городе Гагарине, предложила я.

— Это невозможно, — ответили мне. — Наши районные и городские суды по-прежнему не принимают к производству дела по колхозу имени Радищева.

— И это спустя шесть лет после перестройки? — удивилась я. — Но почему?

— Такова практика района. За много лет. Денисенкова, как и прежде, боятся. Нынче он почти не покидает стен Министерства сельского хозяйства России, и «скотовозы», которые пришли в район, опять почти все достались ему.

— Почему же в других хозяйствах молчат?

Сотрудник редакции лишь развел руками.

— Иван Антонович теперь... демократ. Кто его опять тронет?

Ничего не понимаю, что происходит в жизни. Впрочем, вороний язык поймет только ворона. А мой разум отказывается понимать, что Иван Антонович и... демократию выстраивает штрафами, обворовыванием и унижением людей, стремлением засунуть в мешок и городских, языкастых...

Какие же они разные — Олег Максимович и Иван Антонович Денисенков! И обличьем, и в манере общения, и по строю речи. Но рыночное шоу под российскими звездами, то есть первый оборот нажитого при социализме за счет партийного билета капитала, оба исполнили блистательно и одинаково.

И уж если всех подряд принимает в свое лоно демократия (кто только ни бросит партбилет), значит, она такого же сорта, что и тухлая колбаса, и тем самым напоминает пылесос, вбирающий в свое чрево только... отбросы, поскольку на фоне народной жизни — вновь слова Попцова и Денисенкова, а у власти — опять те же фигуры. Как не ждать, объясните, нового тупика своеволия и бесчеловечности? Доказательством чему и является обворованный даже после смерти фронтовик Алексеенков и приглашенные на Российское телевидение бирликовцы, пытающиеся превратить свою многоплеменную республику в кровавый петушатник, в котором горят иноплеменные дома, в ужасе плачут дети, прячут в грязь подвалов свои божественные лики девушки, стонут, заламывая руки, женщины...

Родина моя! Растерзанная нерадивостью партократа, забитая местечковой подлостью демократа, а как глянешь на все внимательнее, тут же сообразишь, что — фактически одним и тем же кругом лиц... Неужто ты, моя родная, убита до конца? Неужто я тебя и впрямь хороню, как недавно хоронила своего друга Ерофеевича?

В этот омерзительный для тебя час мне хочется вспомнить только доброе: как хороши твои леса и поля, как прекрасно Алайское плато, поднятое на ладони Памира в безраздельную высь Вселенной! И до чего же неописуемо загадочны мерцающие дали Приполярной Колымы!

На твоих гигантских, на всем земном шаре подаренных только нашим народам пространствах мы влюблялись, под твоими рябинами слышали шепот любимых, по берегам рек твоих вскидывали головы в поисках далеких, еще неведомых разуму звезд.

В тихих, небогатых дворцах мы выходили замуж, мимо твоих берез, чинар, акаций, кленов несли потом в дом свое чудное, маленькое в пеленках счастье.

Как хороша ты, Родина, но до чего же глупы твои люди, спешащие доложить иностранным вестибюлям, каким образом они добивали тебя!

Закон Божий поправ, ибо Бог — это тоже центр, как и Родина, центр духовного бытия человечества, — совершив грандиознейшее убийство последнего тысячелетия, мы потеряли разум и не видим, что, пока мы любили и уважали Родину 130 народов, мы не стреляли друг в друга, не отнимали у соседей домов, пашни, жизней.

Пули, которые мы пустили в свою Родину, теперь добивают и нас. Эти ядовитые метеоритные брызги будут лететь еще очень долго. Такова расплата за Иисуса Христа XX века — распятую своими же народами Родину. Плакать нам еще, неблагодарным, и плакать.

...В поезде «Янтарь» глухой ночью в общении с литовской, ошалевшей от безнаказанности таможней Михаил думал: «Напрасно обижаются прибалтийцы, что русские без спроса освободили их от фашистского ига. В то время и спрашивать было некого. Вся Европа, в том числе и предки нынешних храбрецов, ходила в рабах у Гитлера, вся Европа при виде фашистских полчищ сотворила лишь «хенде хох». И только русские, в том числе и отец Михаила — Ерофеевич, помогли опустить эти, надолго вздернутые перед гитлеровцами руки.

И кличка «оккупант», как ни стараются некоторые нечистоплотные из Прибалтики, к русскому не лепится. Ибо подлинному оккупанту слово это не скажешь, побоишься. А скажешь — через мгновение улетишь под могильный холмик.

Победа, состряпанная из поругания миллионов жизней, — это плохо сработанный реактор, сработанный руками существ, не имеющих исторической и человеческой памяти. Это победа «зомби», победа фальшивомонетчиков, и рано или поздно Прибалтику ждет свой катаклизм. А потом — катарсис раскаяния, вины, сожаления. И тогда страна объединится. Когда все-все ее народы поймут, сколько грязи и лжи опрокинули они на свою страну.

— Не они были ее жертвой, как галдят демократы, — той глухой ночью открыл себе Михаил. — Это она, Родина, пала от рук пройдох и мерзавцев.

ПОД ВЛАСТЬЮ ГРАБИТЕЛЕЙ

(Интервью журналиста Е. Черниковой с доктором философских наук Эдуардом Володиным)

— Эдуард Федорович, вся Ваша предыдущая жизнь одухотворялась теми же идеями, что и сейчас. Объективно переменилось лишь то обстоятельство, что расстояние между личностью и системой при нынешнем режиме оказалось еще большим, чем при предыдущем, догорбачевском. Поэтому у меня к Вам такой вопрос: сегодняшняя позиция всегдашнего оппозиционера — какова она?

— Видите ли, есть одна тонкая разница между прошлым режимом, прошлой системой власти и системой власти, которая была декларирована Горбачевым и успешно претворяется в жизнь нынешними временщиками. Независимо от того, как относиться к тому, что делал предшествующий режим, — та власть после двадцатых годов осознала себя в л а с т ь ю д а н н о г о г о с у д а р с т в а. Идентифицировала себя с этим государством. И все, что она делала, делала для укрепления а) собственной власти, а раз идентификация произошла, то б) и для укрепления этого государства. Значит, тогда оппозиция была именно к власти, к методам ее господства, к ее одномерной идеологии, к ее пусканию корней во все поры и даже туда, куда ей вовсе не надо. Вот что для меня было неприемлемо и что заставляло уходить в оппозицию к власти. Естественно, уж и не говоря о том, что предшествующая власть была по сути своей вненациональна. Я этот термин употребляю сознательно. Я перехожу сейчас к разговору о нынешней власти, которая является властью ненациональной. Более того, эта власть преднамеренно антинациональна, как антинациональны были силы, пришедшие к власти в 1917 году. И успешно завершившие свое бытие в конце 20-х — начале 30-х годов.

Сегодняшняя власть не отождествляет себя с исторической традицией государственности, напротив, она пытается построить на государственной системе западноевропейского или американского образца некий паллиатив государства, который снимет предшествующую историческую национально-государственную традицию. Не только дореволюционную, но и последних семидесяти лет. Значит, это антигосударственная власть. И я думаю, именно эти два фактора: антигосударственность власти и ее антинациональный характер — заставили сейчас вполне спокойно понять ее как антинародную, антигосударственную и антинациональную — и оставаться поэтому в состоянии оппозиции, о которой Вы сказали, причем состоянии вполне естественном. Для многих людей.

Тем самым я разграничил, как Вы видите, в определенной степени отношения с идеологией. Я не ставлю вопрос о коммунистической идеологии и демократической идеологии. Проблема сейчас уже гораздо глубже. Идет разрушение фундаментальных ценностей. Идеология всегда плавает сверху. А вот проблема государственного бытия и государственной независимости, национального самоощущения, самовыражения и национального характера действия — это настолько ответственно и настолько принципиально, что идеологией здесь пренебрегаешь. И я думаю, что тот факт, что бывшие, недавние лидеры демократического обновления, каковыми являлись представители христианских движений Аксючиц и представитель кадетской партии Астафьев, ушедшие из лагеря демократов, ушли не потому, что им понадобилось возвращение к тоталитаризму. Просто и их позиция оказалась в определенной степени освобожденной от идеологии, и, мне кажется, они увидели, что раскрывается бездна. Бездна раскрывается через разрушение этого национального «Я» и традиционного государственного способа отношения к миру.

— От некоторых ныне действующих политиков часто доводится слышать, что вот он, профессионал в чем-нибудь другом и непрофессионал в политике, вынужден сейчас заниматься политикой профессионально, поскольку, с собственной точки зрения, является носителем самого точного понимания нашего национального «Я»... Как Вы относитесь к подобным пассажам?

— Такая ситуация не является личной трагедией одного только, скажем, Аксючица... Вот мы тут с Вами сидим разговариваем о политике, а я, например, всю жизнь мечтал заниматься эстетикой и литературоведением в меру своих способностей. Собачье время вынуждает заниматься этим делом. Но это время, кроме того, что оно собачье по состоянию, оно и время истины. Не спрячешься.

Вот мне сейчас больше всего хочется сесть и проанализировать проблему кризиса эстетического сознания в самом начале XX века. То, что называется «серебряный век», для меня называется кризис

Публикуется в сокращении. Полностью см.: «Московский литератор», 1992, № 26.

эстетического сознания, и мне очень хочется этим заняться. Но я занимаюсь другим. Я знаю, что бы мог написать, я вижу, я тридцать лет этим занимался, но времени нет сейчас. Я занимаюсь, как мы сейчас договорились, не своим делом. Но я хочу сказать: моя психология — это психология человека, который бежит любой власти. В моей психологии не заложен такой блок, такая ячейка — властвовать. Поэтому пребывание в оппозиции, причем неважно — лидер, не лидер, — это определенное политическое состояние сознания, определенная ответственность за судьбу всей страны, как ты ее понимаешь; может быть, ты ошибаешься, но ты ответствен за нее...

— Но это и претензия на власть...

— И претензия на власть — во имя того, чтобы осуществилось это понимание.

Если бы оппозиция пришла к власти, я немедленно нашел бы научную нишу, где мне было бы удобно как специалисту, и наконец написал бы о начале века.

Но одновременно надо сказать: я, допустим, не профессионал в политике внешних отношений или в оборонных вопросах. Но когда я вижу кошмар, который происходит с нашей культурой и в котором соучаствовал, с одной стороны, артист Губенко, а с другой стороны — сейчас критик Сидоров, то я как ученый могу спокойно Вам сказать, безо всякого самовосхваления: я был бы министром культуры на три порядка выше, чем они, вместе взятые... Мое пребывание в Академии наук в качестве секретаря Совета по русской культуре позволило мне целостно представить состояние этой культуры. Позволило мне узнать процессы, которые в ней происходят. Узнать финансовую базу этой культуры. Теоретические знания о взаимодействиях культур в рамках многонациональной России я тоже имею достаточно адекватные. Вот видите: уже хотя бы в силу своей биографии я могу занять определенную политическую нишу в той системе национальной политической власти, на которую претендует оппозиция. Но внутреннее мое желание — написать работу о кризисе эстетического сознания.

— А безусловный единоличный лидер, кроме-то коллективного? Его нет, а народ наш, по-моему, легче воспринимает одного, собой цементирующего все и всех, чем многих и разных.

— Согласен. И даже более того скажу: такой лидер всегда появлялся на Руси, но, как Вы хорошо знаете, он не делался, а появлялся — в экстремальных условиях национально-государственного бытия. Сколько ни крутились вокруг национального лидера, допустим, в период Великой Смуты начала XVII века, неизвестный гражданин Минин и малоизвестный князь Пожарский — возглавили движение. А все наверху стоящие лидеры отошли в сторону. Я убежден, что, если народ доведут до этого состояния, такой национальный лидер появится. От нас же ожидают другого: что мы сделаем этого лидера — наподобие того, как был сделан лидером демократии Ельцин. Ни по одному из параметров, удовлетворяющих качествам лидера, ни по интеллектуальному потенциалу, который ниже любого допустимого предела, ни по психологии лидера, отвечающего за свои слова (за свои слова он не отвечает), ни по тонкости чутья к социально-психологическим переменам в народе даже в экстремальных условиях он не годится в лидеры, — ничего нет! Но его сделали! Я уверенно говорю, что это делалось — а именно, по стандартам делания лидеров, которые выработаны в

Америке. Это просто технический прием. Но — этот технический прием был применен в удобное время, сделано все было очень изящно и красиво, на массы это сработало, а что дальше? А дальше то, что сейчас этому лидеру дают по телевидению рейтинг 60 процентов от всего населения, но это — уже наглая ложь хотя бы потому, что в выборах участвовало 60 процентов населения, а за него голосовали 60 процентов от избирателей, участвовавших в выборах. Так неужели за прошедшее время он показал себя таким вождем нации, что у него появились преданные избиратели из числа тех, кто голосовал, например, за Макашова, за Рыжкова; из тех, кто вообще не пришел на выборы... Явная манипуляция сознанием. Я поэтому и говорю: это мыльный пузырь. Если бы мы пошли по этому пути делания национального лидера, то, конечно, можно было бы что-нибудь придумать и раскрутить. Но тогда мы обманывали бы свой народ, даже если бы честного, хорошего человека делали. А у нас народ, я это говорил и говорю, сам в России выбирает своих лидеров.

Мне стыдно, что нынешний Президент волей-неволей представляет великую Россию. Как бы он ни любил американскую демократию, но он — представитель России, и лично мне за это стыдно.

— Стыдно, когда чужой Конгресс стоя аплодирует одиннадцать раз — и что-то очень мало рукоплесканий на родине героя...

— У нас тут же сострили: в Сенате США состоялось заседание XXIX съезда КПСС — по количеству вставаний...

— Кстати, о КПСС. Обвинение в приверженности ее фашизму стало необыкновенно модным. «Демократы» ругаются этим словом направо и налево. И лицемерные заявления об угрозе фашизма нынешняя власть использует для маскировки, может быть, собственной сущности?

— Когда я наблюдал за первыми действиями режима, пришедшего к власти в августе прошлого года, то у меня возникало желание характеризовать его именно как фашистский. Но потом я от этого определения отказался. По следующей причине: опыт существования фашистских или нацистских режимов совсем иной. Фашизм в Италии по-своему интерпретировал национальную историю Рима и Италии, заявил о своем понимании национальной гордости. Вычленил Италию и итальянский этнос из общей этнической системы, возвеличил все свое и сказал, что они — хозяева мира. Примерно то же самое произвели в нацистской Германии. Как видим, национальное и государственное там было интерпретировано специфическим образом, но поставлено в основу действий этих режимов.

Ну ничего похожего нет у нас! Ничего похожего. Ни национальное, ни государственное нынешнюю власть не занимает. Поэтому я думаю, что более верная формула для определения этого режима — оккупационный. Это более точно, политически правильнее. Ибо именно оккупационный режим фашистов и нацистов на временно оккупированной территории в России подавлял национальное «Я» наших народов.

Он подавлял наше государственное чувство. Он подавлял любые проявления нашей национальной культуры. В этом смысле действия нынешних властей — это действия на оккупированной ими территории.

— Геннадий Зюганов говорит, что в этом-то смысле ему неясна

логика действий правительства, потому что в инструкциях оккупантов всегда содержится нечто вроде «найти связь с интеллектуальной элитой», поставить себе на службу местных влиятельных руководителей и тому подобное. В нашем же случае указанные связи никак нельзя считать налаженными.

— Методологически Геннадий Андреевич совершенно прав, но если вспомнить, как происходило в действительности, видно следующее. На оккупированных немцами российских территориях была своя динамика, развитие. Когда немцы вторглись на нашу территорию и примерно до 1943 года — действительно было полное игнорирование всего национального, что у нас. Как и в нацистской пропаганде, это была борьба арийской расы с большевистскими зверями и славянскими недочеловеками. Но после 1943 года, если внимательно проанализировать германскую пропаганду, замечается, что в пропаганде же появляется мнение, что славяне тоже принадлежат к арийской расе и что не такие уж они недочеловеки. У славян обнаруживаются культурные ценности. Гитлер размышляет над Достоевским... Политические и военные условия заставили эту динамику совершиться. И тогда оккупанты пошли на поиски национальной элиты, тогда они заговорили о национальном движении, то есть использовали национальную карту против коммунистической идеологии большевистского режима. Но в первом периоде все было однозначно: действия оккупантов. Так вот, нынешнее правительство — это оккупационный режим периода 1941—1942 годов. У них впереди сорок третий...

— С плавным переходом в сорок пятый?

— То, что Руцкой заговорил о патриотизме, а иные заговорили о неразрывности демократии и патриотизма, — это вот, по аналогии, события 1943 года. С той разницей, что мы извлекаем уроки из своей истории, а они действуют просто по аналогии.

— Позвольте поделиться с Вами одним тревожным впечатлением от множества недавних бесед с людьми, которые во многом мне конгениальны, но, к моему сожалению, часто употребляют формулу «если бы...». Например, если бы русский народ воспрял и т. д. Поневоле начинаешь мечтать: увидеть бы глаза, в которых эта формула отсутствовала, и, напротив, читалась бы спокойная уверенность, что нет никакого другого варианта, что — да, конечно, воспрянет...

— Вот я себе это хорошо представляю: 21 августа совершился политический переворот в стране. Я хорошо помню, как мордовали авторов «Слова к народу». Я хорошо помню, как объявляли это «Слово...» манифестом путча. Я хорошо помню, какое смятение, какая затаенность была в патриотическом движении и как тогда достаточно большое количество людей предавало самих себя... Но — выдержали. Я вспоминаю, как уже в октябре начались первые попытки сопротивления, слабые, разрозненные, но постепенно это все накапливалось, и очередной удар, который был нанесен нам в Беловежской пуще (разгон Советского Союза, причем разгон не идеологической системы, а государственности), был началом подлинного процесса консолидации.

Второй их, пирровой победой была либерализация цен. Они ввергли страну в нищету и прочистили мозги миллионам. А когда началась весна, то уже можно было сравнивать: несколько тысяч человек 7 ноября на площади — и двухсоттысячная демонстрация 17 марта. Я Вас уверяю, осенью наш народ будет иметь другое

политическое сознание. А вот так — раз! вдруг! — не бывает. Нужна работа.

Кстати, предшествующий этап, так сказать, брежневский, застойный — это наше, оппозиции, громадной важности было время. За эти двадцать-тридцать лет наработали огромный духовный потенциал, был создан огромный массив национальной культуры. Мы наработали определенные стержневые позиции и в духе, и в культуре, и в государственном сознании, и в понимании геополитической миссии России, и в ответственности по отношению к союзам внешним, к национальным отношениям внутри страны. Ничего подобного у этого режима нет. У нас есть на что опираться. Поэтому, когда молодые люди, пришедшие из демократии, говорят — «дилетанты», — это их право. А русская оппозиция за последние сорок лет много чего сделала.

— Знаете, вера в неуязвимость России, конечно, греет, но не готовит ли руководство интервенцию! Гайдар, по-моему, совершенно неукротим в своем рвении договориться с кем угодно, только не со своими, с парламентом, с народом. Меня поражает такое «упорство камикадзе». На что же в таком случае он лично, персонально, как индивидуум, надеется! Может быть, он что-то такое знает, чего мы не знаем? Вдруг он нашел рецепт — как уязвить «эту страну»?

— У них — но не на уровне Гайдара и Ельцина, интеллектуальный потенциал которых я ценю низко, — у них вообще-то явно есть мозговые центры: думаю, что советологические институты в Америке и в Западной Европе хорошую работу осуществляют для них. У них выработалась точка зрения, которую, кстати, со своими оттенками и акцентами можно обнаружить и в патриотической печати, — такое вот мнение: народ всегда был готов к врагу внешнему, а вот к внутреннему врагу оказался не готов. Я думаю, что этот фактор учитывается службами, которые идеологически обеспечивают нынешний режим. Как оказалось, горбачевско-ельцинское время вроде бы подтверждает эту точку зрения.

Но — поскольку мне лично абсолютно ясно, что нынешний режим обречен, то, вероятно, один из вариантов, просчитываемых где-то там, — введение каких-то войск под каким-нибудь флагом на территорию России. И тут я сразу вспоминаю летописное сказание о том, как поляки захватили Киев. И, как говорит летопись, захватить-то они его захватили, а потом поляки стали как-то так... Исчезать. По ночам. И после нескольких месяцев пребывания в Киеве от них мало что осталось. И завоевателям пришлось себя умыкать из этого самого Киева.

Они очень плохо знают нашу историю, совершенно не считаются с особенностями нашего национального характера. Очень плохо знают.

— А какую из особенностей нашего национального характера Вы бы выделили как особо полезную для нас сейчас?

— Когда эти «рыночные» реформы начинались и некоторые их сторонники прямо-таки заблажили о «национальном предпринимательстве», завспоминали про Савву Морозова, Мамонтова, Солдатенкова и Путилова, я все думал-думал по этому поводу и пришел к выводу, что подобная апелляция сработает лет эдак через двести. На самом деле они готовят совсем не русское предпринимательство. Они готовят просто экономическое раздробление страны. А играют при этом на так называемом чувстве хозяина, на рынке-

панацее... Полные идиоты. Потому что за тысячелетие существования православия в русском народе выработано одно существенное качество — н е с т я ж а т е л ь с т в о. И именно на этом качестве, которое диаметрально противоположно стяжательскому духу протестантской культуры — из которой и вырос капитализм, — они себя и погубят. Из русского народа торгаша не сделаешь.

Они начали уничтожение нашей страны под лозунгом движения к рынку в совершенно удивительных условиях: у них не было того общенационального доверия, которое было дано, скажем, правительству Солидарности, когда оно перешло к структурным реформам. Они сейчас насаждают рынок — при отсутствии этого национального доверия. А насаждать рынок такими методами и с такой целью в нации православной, которая имеет нестяжательство как основную доминанту своей духовности, — бессмысленно. Не получится. Появится слой коррумпированный — он везде есть, и появится мафиозный слой — он тоже у всех есть, и появятся звери, душители. Вот те самые колупаевы и разуваевы. Но Мамонтовы появляются в с п о к о й н о й империи. И если теперь давать политическую оценку будущего, то тоже понятно: никакого возвращения к местному государственному контролю не будет. После стабилизационного периода потребуется жесткий экономический режим, потребуется напряжение государственно-национальной воли, — безусловные структурные реформы будут предполагать сочетание государственного сектора экономики с частным.

— Чем сложнее система, тем она устойчивее?

— Конечно. Все это предполагается в рамках национально-государственных интересов.

— А тут я вспоминаю программу Собора, в которой содержится непопулярная в любом уже слое населения фраза о «внеэкономическом принуждении», и любой даже начинающий газетчик легко справится со стилистическим анализом подобного текста — не в пользу текста. Так зачем же сочинять такое?

— Я внимательно ознакомился с документами Собора, хотя и не был на нем, основной документ процентов на 90—95 основывается на программе выхода из кризиса, подготовленной Российской Коммунистической рабочей партией, есть некоторые детали, которые расходятся с этой программой. Но если говорить о политической борьбе, то другая сторона всегда сумеет выхватить фразу о каком-нибудь принуждении и сделать из нее главное содержание документа. А если лидер движения делает акцент на подобной фразе — то это есть определенная политическая слабость. Но тепарь я выскажу свою точку зрения. Я думаю, что чем дольше это правительство будет у власти, тем в большей степени будет возрастать жесткость режима выхода из кризиса. И в этом смысле внеэкономическое принуждение окажется просто необходимым. Конечно, это не трудармия Троцкого. Трудармии безнадежны. Но осенью будет сбор урожая, а посевной клин резко уменьшен, и по совокупности проблем: уборка урожая станет проблемой национального выживания. Какое возможно спасение? Как в войну, убрать все до колоса. Каким образом? Раньше посылали студентов, привлекали армию, но сейчас кто гарантирует, что хоть это удастся?

Вся проблема в другом. Захочет ли новая власть, которая придет на смену этому режиму, заранее заявить, что в пределах стабилизационного режима — а параметры она должна заранее установить, — она проводит чрезвычайные меры, а потом — конкретные реформы. То есть с первого момента, указом номер один она должна заявить, что, скажем, в течение шести месяцев она проводит выборы в парламент и гарантирует, что эти выборы состоятся. Вот тогда это будет проверка этой власти и на демократизм, и на ответственность перед уже имеющимися в обществе политическими силами, и на ответственность за спокойное развитие общества, минуя гражданскую войну.

— Сценарий гражданской войны может развить другая сторона...

— Да. И все равно: этот режим обречен. В силу своего антинационального, антигосударственного характера, в силу того, что он устраивает новую социально-экономическую систему за счет народа России, — у него нет будущего. Проблема в другом: уйдет ли этот режим конституционно, мирным путем — или он будет уходить, унося за собой сотни тысяч обезображенных тел.

— Хотелось бы верить в конституционные пути, но уж очень сильна у нынешнего руководства прозападная ориентация...

— Их ориентация — это не страшно. Все зависит от того, насколько организованно и сплоченно будет действовать оппозиция и насколько активным будет социальный протест осенью этого года.

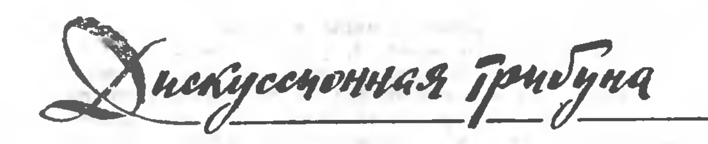
Могу сказать так: если доводить до крови, то можно устроить побоище в Останкине. На Советской площади, на станции «Рижская», — все это они устроили. Но у этого режима — нет армии, ему лично преданной. Нет ему лично преданных органов внутренних дел и верного полицейского аппарата, которые в масштабах страны осуществлял бы карательные действия наподобие ЧК первых лет советской власти.

Ну и еще: при всем случившемся за семьдесят лет можно что угодно говорить, охаивать, но я могу понять людей, которым сказали — «Рабочий, фабрики — твои. Крестьянин, земля — твоя! Впереди — светлое будущее!» Я их могу понять. Но — кого ты поднимешь, если говоришь: «Рабочий! У тебя будет хозяин и потом безработица! Крестьянин! У тебя не будет земли и ты будешь батраком! У вас всех будет «светлое» будущее рынка этих самых хозяев!» Ну разве можно в национальном масштабе этим увлечь? Еще одно для меня доказательство, что этот режим обречен.

В самом начале дурацкой перестройки я имел возможность выступать только в «Литературной России». Я и тогда писал и сейчас на этом стою, а именно: сущность политической власти не так уж важна, сущность экономических взаимоотношений тоже не самое важное, для меня все равно — капитализм или коммунизм, если они национально-государственно ориентированы. Но я абсолютно точно знаю, если бы перестройку, затеянную Горбачевым, можно было проводить в нормальных условиях, и не в два-три года, как он обещал, а Ельцин еще сузил — просил потерпеть шесть-семь месяцев, — если бы все это проводилось в рамках программы пятнадцати-двадцатилетнего реформирования, то полный успех был бы обеспечен.

Но тогда Россия была бы совсем иной... Значит, и задумывался этот разбой, как я не однажды писал, под лозунгами совершенствования национально-государственной жизни — но при идеологии уничтожения национальной самобытности и государственного бытия. Что и очевидно сейчас.

●



НЕ ДАДИМ СТРАНУ В ОБИДУ!

ГРАБЕЖ БЕЛЫМ ДНЕМ

Телевидение и радио день и ночь трубят о «гуманитарной помощи». Между тем помощь эта сравнима лишь с редкими каплями из протекающего крана, а вот наша «помощь» так называемым «цивилизованным странам» похожа на ниагарский поток — настолько она велика и безмерна.

Более ста лет назад великий Менделеев, называвший себя более экономистом, чем химиком, сказал, что русских можно превратить в рабов другого государства без военного вторжения, лишь путем вывоза из страны наиболее ценных продуктов труда. Миллионы людей будут работать за кусок хлеба, необходимый для поддержания сил, дабы производить несметные богатства, вывозимые за границу.

Предвидение Менделеева осуществляется.

Начну с крохотного примера — построю, так сказать, микромодель. Страна вкладывала дотации в книгоиздание. Для производства книг срубалась сибирская тайга, губился Байкал, химкомбинаты, производящие типографскую краску, отравляли воздух. В книги, журналы, альбомы закладывалась информация о сокровищах культуры, сведения о новейших научных разработках. Словом, в книгах сосредоточены огромные сырьевые, экологические и интеллектуальные затраты. Полагалось, что все это служит образованию нашего народа. Но все это утекало за рубеж! Лицемерные охи по поводу некой физической «утечки мозгов» — лишь дымовая завеса от подлинной утечки продукции наших гениальных мыслителей. Зачем вывозить физика, которого надо кормить, когда достаточно его держать здесь на «гумпомощи» и вывозить лишь результат его мыслительной деятельности!

Ни одна страна в мире не могла себе позволить такого производства дешевейшей (за счет почти бесплатного труда и сырья) и ценнейшей литературы! Альбомы издательства «Аврора», к примеру, продавались лишь за сотую долю процента их себестоимости. Альбом по искусству, стоивший у нас 10 руб., в магазине Камкина в Нью-Йорке стоит 200 долларов. Неудивительно, что почти весь тираж высыпался за границу — и не государством вовсе, а частными лицами и СП. Ведь большинство СП у нас построены по схеме: мама здесь, сын в Англии — и готово советско-британское СП. За три года за рубеж вывезены и высланы все ценные книги и альбомы, изданные в СССР с 1926 года. Это была тотальная катастрофа культуры, которая будет сказываться на наших внуках и правнуках (если не произойдет столь же тотального вымирания).

Дело дошло до того, что стало выгодно вывозить и высылать книги уже просто в качестве макулатуры! Пример: тонна макулатуры стоит 400 долларов. «Чтения по русской истории» Соловьева весят 1 килограмм, стоят 4 руб., изданы тиражом 3 млн. экз. Если купить 1% тиража, это составит 30 тонн бумаги. 30 тонн макулатуры стоят 12 тыс. долларов, а если по сотне за доллар — это уже 1 млн. 200 тыс. руб. Десятитысячепроцентная прибыль! Вывозить книги гораздо удобнее и легче, чем макулатуру, — макулатура требует оформления лицензий и уплаты налога, а книги бери и вези! Инвалютный доход надежно скрыт.

А ведь есть книги, в которые вкладываются огромные дотации, — учебники, детская литература. Как выгодно вывозить их! Нам же остаются вырубленные леса, погубленный Байкал! И чем больше мы будем гробить леса и воду, тем больше будем нищать, — тем выгоднее будет нас грабить! Будем финансировать книгопечатание, чтобы западные бумажные фабрики получали высококлассную макулатуру, прошедшую самый трудозатратный и экологически грязный этап переработки — пусть на этой макулатуре и напечатаны мысли Чижевского или Канта!

Только через одну из сотен «дыр» — Московский международный почтамт уходит 25—30 тонн книг в день. Это шесть-семь тысяч тонн в год. Только посылками. А ведь есть еще отправки контейнерами, самолетами, пароходами, поездами.

Как первобытные племена отдавали золотые самородки за стекляшки, так наш народ — от Курил до Бреста, от Певека до Кушки — отдал бесценные сокровища культуры, заключенные в книгах.

Теперь пример более существенный. В 1989 году таможни СССР были забиты доверху высококачественными льняными и хлопчатобумажными тканями и изделиями из них. Хорошая простыня в те времена стоила 5 руб., а пододеяльник 8—10 руб. Все это вывозилось и высылалось сотнями и тысячами тонн. Только через одну из таможен — Новороссийскую — частными лицами было вывезено дефицита свыше 2 млн. тонн! («Советская Россия», 23.03.90.) Подчистую скупалась продукция таких комбинатов, как Краснодарский. Вывозя пятирублевые простыни в «цивилизованные» страны, можно было получить такой доход в валюте, который все рабочие всех комбинатов не заработают за всю жизнь. Таким образом, «цивилизованные» страны получили за бесценок результат труда наших хлопкоробов и ткачих, обогатились за счет гибели нашей Средней Азии — вырубки ее садов под хлопок, недоедания детей, болезней женщин, гибели Арала — что и всегда проделывали эти «цивилизованные» с колониальными странами. Даже «Известия» об этом упомянули:

«Цены на государственную продукцию у нас, как правило, ниже рыночных. Но это вовсе не значит, что она нам дешево обходится. За дешевый хлопок заплачено трудом среднеазиатских колхозников, школьников, студентов. Заплачено варварским разбазариванием скудных водных ресурсов пустыни, химическим и мелиоративным выжиганием земли. Никто при этом не знает, сколько наиболее качественных и дешевых вещей именно по причине качества, де-

шевизны и дефицита не доходит до прилавка, уплывает неизвестно куда. И сколько криминальных миллионов делается на этих дефицитах» («О ценах, деньгах и социальной справедливости», 22.05.90 г.).

Ну, положим, никто не знал, куда все уплывает, потому что кто-то очень не хотел, чтобы хоть кто-либо знал. Те же «Известия» тогда писали: «Наша держава — одна из немногих в мире, где не ведется таможенной статистики».

Т. И. Корягина первую фиксацию «черных дыр», в которые все проваливается, относит к октябрю 1988 года. Продажа товаров вроде бы шла исправно, но вещей у советских людей не становилось больше!

А вот некоторые данные, почерпнутые в «АиФ», относящиеся к 1988 году: частными лицами, помимо госпоставок за рубеж, было вывезено за один 1988 год 500 000 цветных телевизоров, 200 000 стиральных машин. Лишь одна иностранная семья вывезла в 1988 году 392 холодильника и морозильника, 78 стиральных машин, 142 кондиционера. А сотрудники лишь одной из сотен иностранных организаций — 1400 утюгов, 138 швейных машин, 174 вентилятора, а также 3500 кусков мыла и 242 килограмма стирального порошка — того, что закуплено для советских людей за валюту. Закупки непродовольственных товаров по импорту стоили нам в 1989 году 30 млрд. руб. Какая же часть из них, приобретенная по советским бросовым ценам, была вывезена обратно за рубеж? Кого обогатили эти 30 млрд.?!

А ведь, кроме легального, фиксированного вывоза, всегда существовал и нелегальный, контрабандный, в неизвестных размерах. Вычислить его можно только приблизительно, с учетом выгоды вывоза того или иного товара. Выгодно ли вывозить черную икру, ежели «за бугром» она стоит 1000 (тысячу!) долларов за кг?

И последнее. Один из самых ценных товаров — золото, названное в Энциклопедическом словаре в статье «Инфляция» действительными деньгами, количество которого влияет на инфляцию бумажных денег. Вывоз золота всегда обеднял государство. Поэтому краеугольным камнем таможенной службы всегда было ограничение вывоза золота из страны: ведь даже вывозя по одной цепочке (всегда было разрешено определенным категориям пассажиров вывозить и большее количество), миллионы туристов и командированных могут поставить на внешний рынок те 20 тонн золота, которые обесценивают, как утверждают швейцарские специалисты, золото на внешнем рынке сразу в полтора раза — равновесие на золотом рынке очень хрупкое.

Полувековой труд советских таможен был уничтожен в одно мгновение, когда были утверждены новые «Правила ввоза в СССР и вывоза за границу гражданами вещей, валюты и ценностей» (21.07.89 г.). По сути, были сняты все ограничения на вывоз золота и драгоценных камней. Спустя месяц этот беспредел был оставлен только для выезжающих навсегда, но никаких «формальностей», вроде деклараций о доходах, не полагалось, то есть вполне могли вывозиться золото, серебро, драгоценные камни и другими лицами. Результаты не заставили себя ждать. «Цунами» и «Золотой лихорадкой» назвала газета «Москов. комсомолец» ажиотажный спрос, подобный бушующей стихии, охвативший Москву в те дни (07.10.89). Многократные поступления из Гохрандрагметаллов мгновенно сметались с прилавков. Цена золота в те времена была в среднем 50 руб. за 1 грамм. Тогда же (06.10.89) газета «Известия» для ликвидации очередей за золотом и бриллиантами посоветовала «пустить в ход такой мощный резерв, как государственный золотой запас». Так как граница в те времена была открыта для вывоза золота и бриллиантов, то государственный запас СССР при реализации этого предложения (а оно высказывалось и на Съезде народных депутатов СССР) в мгновение ока должен был оказаться «за бугром». Так сказать, выехал бы «на постоянное место жительства».

Было ли осуществлено это предложение? Сколько было вывезено золота? Серебра? Драгоценных камней?! Ведь неограниченный вывоз продолжался почти год.

Г. Явлинский переполошил прессу и общественность заявлением об исчезновении золотого запаса. Ему можно было бы посоветовать попытаться отыскать часть пропавшего в таможенных декларациях. Но вряд ли кто-либо в этом заинтересован. После ограничения легального вывоза золота усилилась его контрабанда. 11 августа 1990 года в телепрограмме «Время» следователь А. Духанин сообщил, что на Брестской таможне задержана группа контрабандистов, в которую входили и дипломаты, пытавшиеся вывезти золото на сумму около 10 млн. руб. (это при цене 50 руб. за грамм!). 18 августа Председатель КГБ СССР В. Крючков заявил, что 70% контрабанды составляет золото, а сама контрабанда возросла в 2 раза (статья «Знаем ли мы всю правду о теневой экономике?» — «Правда»).

27 августа 1990 года «Правда» возвращается к теме контрабанды: «Причины роста контрабанды, несомненно, объясняются социально-экономическими проблемами Советского Союза, инфляцией, большой разницей стоимости товаров у нас и за рубежом. И неудивительно, что право выхода на внешний рынок, упрощенный выезд и въезд в СССР как раз пошли на руку контрабандистам».

В свете сказанного двусмысленно звучал призыв двумя днями ранее в «Советской культуре»: «Если мы сначала будем таможни оборудовать, а потом закон принимать, еще не одна жизнь пройдет. Надо продолжать традицию: сначала получить проблему, только потом пытаться ее решить» («Границы без замков», 25.08.90). Какая трогательная защита традиций грабежа страны!

На что ни глянь — везде та же проблема. Почему нет бутылок, которые раньше было невозможно сдать? — их вывозят как бой в качестве сырья, прошедшего энергоемкую и экологически грязную обработку.

Вывезены прямо к плавильным печам миллионы утятниц, гусятниц — выплавка алюминия требует много электричества, отравляет природу. О вывозе ценных металлов каждый день говорит Невзоров. Вывезены сотни тысяч уникальных ковров ручной работы — мастерица ткет их месяцами — «за бугром» они стоят десятки тысяч долларов, а у нас стоили по 200—150 руб.!

А началось все с того, что безнаказанно была попрана Конституция СССР, ее статьи, в которых говорится о сохранности культуры и равном праве на образование, попраны самым примитивным указом чиновника средней руки из Минкульта — приказом о разрешении тотального вывоза всех изданий, включая антикварные, редкие, те, которых нет даже в Библиотеке имени Ленина, начиная с 1926 года.

«Империя зла» всегда снабжала мир хлебом культуры. «Межкни-

га», другие организации в ущерб стране всегда поставляли на Запад и Восток лучшие издания. Детская литература вывозилась почти подчистую. Но хоть что-то оставалось — хотя бы довоенные и послевоенные книги. После приказа Минкульта стало ясно, что начнется крушение великой культуры. Были посланы срочные телеграммы В. А. Медведеву, председателю Идеологической комиссии и секретарю ЦК по идеологии, а также Генеральному прокурору СССР. В многочисленных письмах видным общественным деятелям и в публикациях, которые мне удалось пробить общим тиражом в 50 млн. экз., доказывалось, что грядет катастрофа. И в ответ — почти полное молчание.

Минкульт делал все возможное, чтобы подавить голоса протеста против этого грабежа. А руководила книжным и библиотечным делом в Минкульте СССР в те времена Н. Силкова — та самая, что прошла весь путь пионерско-комсомольского вожака в Красноярске по стопам пламенного борца с коммунизмом Юрия Афанасьева!

Когда С. Шувалов, нардеп и бывший аппаратчик ЦК, а тогда уже председатель общества книголюбов, пообещал мне в поддержку публикацию в «Правде» (тогда это много значило), Силкова тотчас прислала ему свою заместительницу Т. Пономареву, которая сообщила С. Шувалову, что указание о снятии всех ограничений было получено из Политбюро.

Эти слухи о причастности Политбюро ранее я отвергала, твердя, что Минкульт лжет, чтобы замазать свою роль в этом деле. С. Шувалов подтвердил причастность Политбюро, грустно качая головой: «Что будет со страной!» Н. Силкова закончила свою карьеру секретарем ЦК и членом Политбюро компартии РСФСР, и вряд ли ее терзают муки совести за погубленную русскую культуру — она и сейчас подписывает какие-то письма протеста, по пословице: «Медведь дерет, а сам орет»!

Худшие прогнозы подтвердились, когда были опустошены и разграблены личные и даже государственные библиотеки, а навстречу потоку книг, вытекающему из страны, стало ввозиться оружие — размеры задержаний оружия на границе растут, но ведь отыскать все невозможно. Вспоминаются слова Александра Зиновьева из «Гомо советикус»: «Чтобы ввести в СССР терроризм, надо ввезти оружие».

Татьяна ЯКОВЛЕВА,
г. Калининград, Моск. обл.

СПЕКУЛЯЦИЯ — ЭТО ПОЛИТИКА «ДЕМОКРАТОВ»

Развал СССР и усугубляющийся кризис в России, ее превращение в заштатную страну «третьего мира», чуть ли не ежедневно просящую милостыню у тех, кто финансировал распад Великой Державы, — все это выдается нынешними марионеточными властями за «рыночные преобразования», за «неизбежные последствия сталинизма». Лицедейство и русофобия сегодня поистине беспредельны и пока что безнаказанны...

После пирровой и неплохо отрежиссированной «победы» псевдодемократов над «путчистами» инспирированный перестройщиками кризис постепенно трансформировался в легальное и широкомасштабное уничтожение экономики, в намеренное подавление любой

«неспекулятивной» идеи и инициативы, в социально-экономический геноцид «русскоязычного» населения. Его сознательно лишают пенсий, пособий и зарплат, его «отстраняют» от повседневных продуктов питания и других товаров. Его небезуспешно лишают нравственности, истории, веры в себя и надежд на будущее. Словом, «варфоломеевская» ночь над нашей страной становится как бы «полярной», перманентной, к которой мы, в большинстве своем, привыкаем, не задумываясь о последствиях столь губительной «восприимчивости».

Экономика — основа внешней и внутренней торговли, политики, социального положения всех сограждан. Эту азбучную истину хорошо «оседлали» архитекторы, спонсоры и непосредственные исполнители нынешнего геноцида России. Всевозможные товарно-финансовые дефициты, умело организованные властными структурами, являются важнейшим средством дальнейшего разграбления и колонизации экономики страны. Смычка марионеточных политиканов с мафиозными кланами стала свершившимся фактом, и вместе они делают одно дело — добить, «дожать» Россию, превратить ее в задворки транснациональных корпораций.

Еще в октябре 1991 года Горбачев отменил свой же «судьбоносный» указ (изданный в марте того же года) о борьбе с экономическим саботажем. Укрывательство, перепродажа и уничтожение товаров, как и разграбление предприятий, были «реабилитированы» в общегосударственном масштабе! И это было сделано в то время, когда промышленность уже задыхалась от нехватки сырья, топлива, оборудования, когда повсеместно разрушались хозяйственные (межрегиональные и внутриреспубликанские) связи, когда вакханалия межнациональных войн распространялась на всю страну, когда внешняя торговля СССР выводилась из сферы государственного регулирования и контроля.

Параллельно с фактической и юридической легализацией товарно-финансовых махинаций, ставших почти повсеместными, начал ускоренно развиваться процесс передачи всех материальных ресурсов так называемым «биржевым» структурам, а по сути — мафиозным оптовикам, которые стали «компаньонами» перестроенного государства, его министерств и ведомств. Уже в октябре 1991 года дефицит нефти и нефтепродуктов в стране составлял 35%, черных металлов — 30%, лесоматериалов и бумаги — свыше 40%, товаров машиностроения — 35%. К июлю 1992 года этот показатель составил соответственно 55, 45, 50 и 45% (по официальным оценкам «проправительственной» прессы). Но в действительности свыше 60% общего ассортимента производимых в России товаров (по данным на июнь 1992 года) реализуется внутри и вне страны с помощью бирж и аукционов («East European facts», London, 1992, № 215), независимо от конкретных потребностей отраслей и предприятий-потребителей.

Согласно исследованиям британских и немецких советологов процесс становления бирж в СССР начался еще летом 1990 года регистрацией Московской товарной биржи. С тех пор зарегистрировано свыше 150 бирж и еще 120 организаций, тоже именующих себя биржами. Однако по международным стандартам лишь треть (!) ныне создаваемых биржевых структур могут с известной натяжкой именоваться биржами. Единственная советская биржа, которая приблизилась к модели, принятой в рыночной экономике, — это Российская товарно-сырьевая биржа (Конъюнктурно-экономиче-

ская информация в нефтяной промышленности. М., ВНИИОЭНГ, 1991, № 3, с. 22).

Как отмечается в специальном докладе Британского Института нефти (апрель 1991 г.), из 17 созданных или создаваемых в разных регионах СНГ товарно-сырьевых бирж (ТСБ), оперирующих энергоресурсами, точнее — спекулирующих ими, 7 организованы Госснабом бывшего СССР и властями когда-то союзных республик, а 10 являются формально (или официально) независимыми от правительственных структур.

Ныне все ТСБ имеют право на безлицензионную внешнюю торговлю по свободным ценам и в любой валюте (?!). Практически конкретные производители-поставщики и значительная часть потребителей лишены возможностей напрямую заключать контракты, особенно на долгосрочную перспективу. Их бартерные взаимоотношения сегодня тоже весьма затруднительны без «содействия» ТСБ, ибо с лета 1991 года 55—65% всех биржевых сделок, в том числе 70% — по нефти и нефтепродуктам и около 70% — по черным и цветным металлам, осуществляются на основе спекулятивного (межбиржевого) бартера: например, одна цистерна бензина «равнозначна» восьми вагонам шифера (июнь 1992 г.) и т. п. Более того, уже с осени 1990 года биржевые сделки включают не только куплю-продажу, но и транспортировку и хранение товаров (!). Если в 1990 году биржевые торги в СНГ были один раз в месяц, то в 1991 году — дважды в месяц, а с 1992 года они происходят еженедельно (Биржевые новости России, Мюнхен, июль 1992 г.). Развал СССР и соответственно отмена госзаказа на все товары усиливают спекулятивный, если не преступный характер всех аукционно-биржевых структур и их операций. Примечательно и то, что решения правительства и указы президента России по экономическим вопросам изобилуют такими терминами, как «перепродавец», «перепоставка» и т. п., под которыми подразумеваются организации, названные «биржами», связанные общими целями с «номенклатурой». Вышеназванные решения и указы всегда директивно определяют уровень очередного повышения оптовых и розничных цен, тарифов и налогов. И это беззастенчиво именуется «рыночными реформами»?!

Стали уже повседневными публикации о крахе металлургии и машиностроения в бывшем СССР, о возрастающей нехватке металлов, станков, всех видов машин и оборудования, о легализованной коррупции в сфере распределения этих (и других) товаров и т. д. Однако мало кто подмечает красноречивую закономерность: чем больше закрывается металлургических и машиностроительных заводов, чем дольше не выплачивается конкретным производителям (то есть рабочим) зарплата (под фальшивым предлогом «нехватки мощностей Гознака»...), тем больше объемы биржевых продаж металлов и товаров машиностроения и тем выше цены сделок.

Так, например, при постоянном росте дефицита черных и цветных металлов в России в течение января — мая 1992 года (эта тенденция стала практически необратимой с 1988 г.) объемы их биржевых продаж за тот же период увеличились более чем в 2 раза, а цены 1 тонны металлов на биржах возросли в 1,7—2,3 раза (Бюллетень А/О «Биржа металлов». М., 1992, № 3—5). Одновременно за тот же самый период невыплатой зарплаты «охвачены» примерно 60% металлургических предприятий России (июль 1992 г.) против 35% в феврале 1992 года!

Биржевая торговля металлами в СНГ осуществляется 15 псевдобиржами, 8 из них занимаются внешнеторговыми операциями. Все они обслуживаются 20—25 коммерческими банками, точнее — бывшими «теневыми», а ныне легализованными капиталами мафии, обслуживающими смычку мафиозных и правительственных структур. Свыше 50% (!) всех брокерских контор на биржах металлов фактически являются подставными «околоправительственными» инстанциями (май — июль 1992 г.). Проблем с финансовой наличностью в лжерыночных махинациях не возникает...

С апреля 1992 года предметом биржевых продаж стали сертификаты (разрешения, квоты и т. п.), то есть право на экспорт, импорт и транзит товаров (?!). Причем с весны того же года биржи постепенно становятся многоотраслевыми, оперирующими и средствами производства, и предметами потребления, в том числе поступающими по импорту и в качестве гуманитарной помощи. Объектами купли продажи уже являются не только товары и право на торговлю, но и отдельные предприятия (Вестник Аукциона сертификатов и металлургических товаров. М., май 1992 г.). С лета 1992 года на аукционы «выставляются» и месторождения энергосырьевых ресурсов, запасы всевозможных товаров, права на производство каких-либо видов продукции; в торгах активно участвуют инофирмы, совместные предприятия, коммерческие производственно-финансовые объединения, их «дочерние» и «внебрачные» объекты...

Словом, «процесс пошел».

Так называемая «либерализация» цен существенно облегчает всевозможные махинации с товарами и услугами, усугубляет социально-экономическую ситуацию в стране. Согласно оценкам зарубежных экспертов инфляция в России с апреля 1992 года составляет 1,5—2,5% в сутки, по официальной информации российского правительства, ежесуточная инфляция равна 1—1,5% («Хозяин», 1992, № 18, с. 5). Уже только этот факт показывает, что широко рекламируемая нынешним кабинетом «тенденция стабилизации рубля» (?!) является блефом, неумелым пропагандистским трюком. Рост внешней задолженности, спад производства и экспорта наряду с обесцениванием рубля (инфляцией) и легализацией товарно-финансовых спекуляций в масштабе СНГ свидетельствуют о всестороннем кризисе страны, а также о том, что он был заблаговременно организован, а ныне небезуспешно реализуется практически.

Государственно-мафиозная монополизация экономики, особенно внутренней и внешней торговли СНГ и прежде всего России, является логическим следствием проводимой с 1987—1988 годов стратегии экономического и политического ГЕНОЦИДА Советского Союза. Геноцид сперва был наречен «перестройкой», впоследствии — «переходом к рыночной экономике». Горбачевское руководство «упразднило» спекуляцию и саботаж, а ельцинское, многозначительно демонстрируя преемственность, разрешило торговать чем угодно, как угодно и где кому хочется... Последствия подобной «демократии» известны.

На мой взгляд, только общенациональная консолидация всех действительно (а не «театрально») оппозиционных нынешнему режиму сил и движений и решительные действия этой объединенной

оппозиции способны предотвратить окончательное разрушение России, превращение ее народов, и прежде всего русского, в наемных и бесправных трудяг, точнее — в дармовых рабов «транснациональной» русофобии.

А. БАЛИЕВ,
Москва

Гонорар за статью автор перечисляет в фонд поддержки журнала «Молодая гвардия».

ВРАГИ НАРОДА — КТО ЖЕ ОНИ НЫНЕ?

(Когда в юридических документах впервые появилось название «враг народа»?)

Этот вопрос, сопровождающий название статьи, задал «Московскому комсомольцу» (15 мая 1991 г.) некий геолог А. Ю. Федотов. Из какого города — неизвестно.

Знатоки нашей истории из этой лживой, с сильной желтизной газетки ответили так: «Впервые термин «враг народа» вошел в юридический документ 7 августа 1932 года, когда было принято постановление ЦИК и СНК «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Это был знаменитый «Указ семь-восемь», который предусматривал к «врагам народа» высшую меру наказания, при смягчающих обстоятельствах заменяющуюся лишением свободы на срок не менее 10 лет. 10-летний срок, к примеру, полагался за незаконный сбор колосков на колхозном поле после уборки урожая».

С какой целью «комсомолята» из «Московского комсомольца» (хотя комсомола уже нет) так подло обманывают геолога Федотова? Может быть, никакого Федотова-то и нет. Вероятнее всего, и вопрос и ответ были составлены в редакции с целью, чтобы в очередной раз запустить дезу в сознание тех, кто по своей неосмотрительности выписывает «Московский комсомолец», давно уже ставший рупором «пятой колонны» в СССР.

А если Федотов не выдуманная личность, то я рекомендовал бы ему впредь не выписывать «Московский комсомолец». И не потому, что главный редактор «МК» Павел Гусев, выкормыш Высшей комсомольской школы, ректором которой в «застойные» годы был родственничек Троцкого Юрий Афанасьев. Говорят, гены передаются по наследству. В данном случае они передались от Троцкого к его внучатому племяннику Ю. Афанасьеву, а от него к его любимому ученику П. Гусеву — частому гостю государства Израиль. Не надо выписывать эту газету потому, что она систематически работает против страны, в которой издается. Эта газета прямо содействовала ликвидации СССР.

Систематическая дезинформация молодежи по вопросам истории, ее оболванивание стали нормой в «Московском комсомольце», плетущемся в фарватере «Огонька», «Московских новостей», «Известий», «Еврейской газеты» и других печатных органов, объявивших себя «независимыми» изданиями. Но они зависимы! И еще как зависимы! Только от кого? От врагов нашей страны.

А термин «враг народа» фигурировал еще во времена Великой французской революции. И вся ее терминология (коммуна, комиссары, свобода, демократия) перешли в лексикон российских социал-демократов.

Еще задолго до захвата власти в России просионизированной РСДРП в листовках и воззваниях, выпускаемых в больших количествах, можно было встретить термин «враги народа». Геолог Федотов может спросить, почему — просионизированной РСДРП? Да потому, что при обысках у социал-демократов всех оттенков (меньшевиков, большевиков, бундовцев и др.) изымалась сионистская литература, протоколы базельских международных съездов сионистов. И протоколы первых съездов РСДРП издавались на еврейском языке. Сионисты к 1917 году, преобладая во всех искусственно ими созданных партиях и фракциях РСДРП, преобладали и в первом советском правительстве. Поэтому листовки и воззвания, выпущенные новоявленными правителями России еще до совершенного ими октябрьского переворота, можно считать юридическими документами.

Далеко ходить не надо, достаточно заглянуть в полное собрание сочинений нашего дорогого и всеми до сих пор почитаемого Владимира Ильича. В его работах, относящихся к 1905 году (см. т. 10), нередко можно встретить такие выражения, как «враги русского народа», «враги народной свободы», «враги нашей демократии». В поздних работах Ленина (начиная с 11-го тома) все чаще звучит термин «враги народа».

Кого же Ленин относил к «врагам народа»? Это в первую очередь царь Николай II (Ленин тогда еще, до своего прихода к власти, говорил, что его надо убить), русская армия с ее «бездарными» генералами, полиция, жандармерия и казаки.

Ленин назначает комиссаром почт, телеграфов и печати Моисея Володарского (Гольдштейна). И термин «враг народа» на страницах печати зазвучал грозным призывом. Развернем «Красную газету» (от 31 августа 1918 года) с сообщением об убийстве Моисея Урицкого и покушении на Ленина. В передовой «Кровь за кровь»: «Не стихийную, массовую резню мы им устроим! В такой резне могут погибнуть и люди, чуждые буржуазии, и ускользнуть истинные враги народа..» На развороте этой газеты еще несколько воззваний-призывов. В одном из них Лев Сосновский (дружок Свердлова по Екатеринбургу, расстрелян в 1937 году) писал: «Французские революционеры тащили мятежных аристократов «на фонарь», вешали врагов народа тысячами. Русская революция ставит врагов «к стенке» и расстреливает их... Завтра мы заставим тысячи их жен одеться в траур... Через трупы к победе!» «Русская революция» — это с подачи сионистского пропагандиста, бывшего бундовца Володарского. И заставили они одеться в траур тысячи русских женщин. И через трупы они, моисеи, действительно пришли к победе. И каяться нужно потомкам моисеев, а не ивáнов.

Этот номер гольдштейновской газеты просто пестрит лозунгами: «Пуля в грудь всякому, кто враг рабочего класса», «пора уничтожить врагов народа» и т. д.

Мне могут возразить, что газета — не официальный юридический документ. Хотя «Красная газета» была органом Петросовета. Хорошо, давайте посмотрим первый том «Декретов советской власти», изданный в 1957 году. Термин «враг народа» фигурирует в обращениях «Ко всему населению» (25 октября 1917 года), «К казакам»

(26 октября 1917 года), в обращении «Всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте» (10 ноября 1917 года), в «Декрете об аресте врагов народа» (28 ноября 1917 года) и т. д. Все они подписаны либо Лениным, либо Троцким, либо Свердловым, либо всеми вместе. А сколько таких декретов и постановлений было издано этой тройкой! Советскую власть того периода осуществляла именно эта тройка.

О том, что эта власть в основе своей, по духу была иудейской, говорит хотя бы такой факт. В обращении «К казакам» от 26 октября и 25 ноября 1917 года говорится: «Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго калединых, корниловых и дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти... Черносотенные генералы, слуги помещиков, слуги Николая кровавого — наши враги».

Потом, спустя год, Свердлов (как председатель ВЦИК) по согласованию с Лениным (председателем Совнаркома) и Троцким (наркомом по военным и морским делам) 24 января 1919 года подписывает зловещую директиву по поголовному уничтожению казаков — врагов народа и преследовании их по всей территории России. Так казаки были встречены «по-братски» и «нашли необходимую поддержку» со стороны «новой» власти.

В телеграмме Х. Г. Раковскому, В. А. Антонову-Овсеенко, Н. И. Подвойскому, Л. Б. Каменеву от 24 апреля 1919 года Ленин писал: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков». Трое из них: Раковский, Антонов-Овсеенко, Каменев — в 1936—1938 годах понесут заслуженное наказание, будут расстреляны именно как враги русского народа. Они действительно и были врагами народа. И отмыть их ни яковлевы, ни арбатовы, ни коротичи, ни гольданские не смогут. Не отмоет их от русской крови и глава «Мемориала» троцкист Ю. Афанасьев.

Только спустя 20 лет термин «враг народа» был повернут против тех, кто ввел этот термин. К стенке были поставлены те, кто развязал гражданскую войну, кто покрыл Россию сетью концлагерей, кто нанес России непоправимый ущерб. Верный ленинец Карл Радек (он же Собельсон) открыто утверждал: «Русь умерла, сгнила, сдохла». А сегодня этот революционер-нацист реабилитирован.

«Московский комсомолец», давая лживый ответ геологу Федотову, играет в ту же игру, в которую играли Троцкий, Сверлов, Ленин. Повадки у «МК» те же. Методы и схема разрушения государства у них те же, что у их предков. Только сегодня у «новых демократов», захвативших прессу, новые «враги народа», враги их «демократии», демократии грабежа и насилия, враги их свободы: коммунисты, «черносотенные» советские генералы и офицеры.

Неудивительно, что главный редактор газеты «Известия» Голембиовский 14 апреля 1992 года г интервью единоплеменникам из яковлевского телецентра заявил: «С ликвидацией свободной прессы ликвидируется демократия». Но кому нынче принадлежит «свободная» пресса, кто ею владеет? Когда говорят, что сегодняшняя перестроечная пресса в России сосредоточена в руках сионистов, то тут же со страниц этой прессы раздаются требования о привлечении лиц, утверждающих это, к суду за разжигание межнациональной розни и антисемитизм. Но если главный редактор «Известий» и приложения к ней — «Еврейской газеты» — русские, то кто тогда разжигает межнациональную рознь? Кто натравливает народы друг на друга, кто стравливает русских и украинцев? Выходит, что русские Голембиовский и Голенпольский и украинец Коротич. Кстати, в «Еврейской газете» (№ 7 за 1992 г.) ее главный редактор Голенпольский и не скрывает, что свобода нужна именно им, евреям: «Свобода всегда звучала с еврейским акцентом».

И сегодня мы видим, как «свободная» пресса звучит с еврейским акцентом. Она получила свободу на клевету и дезинформацию народа, страны, в которой ныне процветает эта пресса. Примеров можно привести немало. Все видели, как эта пресса визжала от радости, когда разваливался СССР, когда под улюлюканье толпы некоторые «народные» депутаты из отряда шейнисов заявляли, что советской власти больше не существует, воруй сколько хочешь. Своруешь миллион народного добра, и тебе ничего не будет. Но после прочитанного в «свободной» прессе разве нельзя их главных редакторов назвать врагами народа? Этим любителям свободы надо знать, что особо отличившиеся пламенные революционеры и демократы в 1937 году были расстреляны. Они тогда тоже воспевали свободу.

Герман НАЗАРОВ

КУРИЛЫ — ЗЕМЛЯ ДАЛЕКАЯ, НО НАШЕНСКАЯ

Честь и слава казакам — первооткрывателям Курильских островов! Сохранившиеся в архивах документы донесли до нас сведения о замечательных достижениях русских землепроходцев и мореходов на востоке и у берегов Тихого океана. Первые плавания по морям Тихого океана русские совершили более 340 лет назад.

Весной 1639 года из Бутальского острога в Сибири вышел на восток отряд томского казака Ивана Юрьевича Москвитина, который достиг устья реки Улья и построил на берегу Охотского моря первое русское зимовье. В 1640 году казаки также под водительством Москвитина совершили свое второе плавание, в ходе которого побывали у Шантарских островов, в устье Амура, у северо-западного побережья острова Сахалин и у некоторых Курильских островов. В июле 1643 года из Якутска на восток по рекам Лена, Алдан и его притокам отправился отряд казака Василия Даниловича Пояркова. После перехода через Становой хребет казаки по Зее и Амуру вышли к устью Амура, где организовали зимовье и приступили к обследованию этого региона. В 1645 году Поярков на кочах вышел в Сахалинский залив и Охотское море. А через год после возвращения отряда Пояркова в Якутск оттуда уже известным путем на Амур отправился отряд казака Ерофея Павловича Хабарова. Казаки — промышленники этого отряда построили на Амуре первые русские поселения, в том числе заложили Хабаровск. В 1647 году отряд Семена Андреевича Шелковникова совершил переход Охотским морем между устьями рек Улья и Охота и заложил острог. Так был основан первый русский порт и город на Тихом океане.

«Встречь солнцу» русские первооткрыватели шли также Север-

ным морским путем. Отважный казак Семен Иванович Дежнев, выйдя в сентябре 1648 года со своим отрядом на кочах из устья Колымы, открыл «Большой Каменный Нос» (ныне мыс Дежнева) и прошел проливом, отделяющим Азию от Америки. Это было великое географическое открытие. Когда кочи вышли в Тихий океан, штормовая волна разбросала их в разные стороны. Одни кочи отряда достигли берегов Камчатки, другие — Аляски.

В следующем году в среднем течении реки Анадырь русские люди основали Анадырский острог — одну из баз для дальнейшего продвижения на юг и восток. В конце XVII века Лука Морозко, Иван Голицын и другие русские люди посещали Камчатку. После похода в 1697 году казака Владимира Васильевича Атласова там основываются русские зимовья и остроги. Опираясь на них, русские освоили близлежащие острова, а позже проникли в Северную Америку. И ради справедливости надо сказать: всюду, куда бы ни приходили русские, они несли свою передовую культуру, строили селения, разводили домашний скот, а где возможно, занимались и хлебопашеством. Эти более высокие формы ведения хозяйства постоянно воспринимались коренным местным населением.

Когда в 1711 году русские казаки достигли двух больших островов Курильской гряды, велико было их удивление: на берегу среди встречающих курильчан — коренных жителей айнов — оказались и казаки в характерной для них форме одежды во главе со священником русской православной церкви. Выяснилось, что отважные русские промысловики — охотники за пушным зверем — по мере сокращения его стад уходили в поисках новых охотничьих угодий все дальше и дальше от родных берегов в глубь морских просторов. Но примитивные плавсредства того времени часто становились жертвами морской стихии. Оказавшись в безвыходном положении на берегах еще неведомых Курильских островов, промысловики из числа русских казаков активно стали создавать смешанные семейные союзы, беря в жены добродушных девушек из племени айнов. От них пошло здоровое и красивое потомство.

Во многом благодаря этому обстоятельству еще в 1711 году, при Петре I, трудолюбивое население Курильских островов, а также острова Хоккайдо, состоявшее из айнов и их братьев от смешанных браков с русскими, добровольно вошло в состав великой и неделимой России, приняв христианскую православную веру. Так что напрасно иные деятели, усердно раболепствующие перед японскими экстремистами, которые издавна лелеют помыслы о расширении территории своей империи за счет нашей земли, тщатся доказать иную версию о Курилах. Казаки не позволят торговать на сторону ради сиюминутной корысти добытыми ими более 300 лет тому назад землями.

Но продолжим экскурс в историю. К концу XVII — началу XVIII века экономический, а следовательно, и военный потенциал России благодаря реформаторству Петра Великого был несравненно выше японского. Ведь Россия стремилась играть на мировой арене подобающую ей роль, а правительство Японии все еще не могло отрешиться от политики «закрытых дверей», согласно которой предписывалось «никому из японцев не выезжать за пределы своего государства». И поэтому, когда императрица Екатерина II в 1786 году Указом Адмиралтейств-коллегии окончательно закрепила суверенитет России над всеми Курильскими островами, никто в мире, включая правительство Страны восходящего солнца, не выразил какого-либо сомнения, а тем паче неудовольствия по поводу этих действий.

Ныне японцы «запамятовали» этот правовой документ. Ибо им куда важнее ссылаться на подписанный в 1855 году договор в красивой упаковке слов о международном праве. А статью 1 «Трактата о торговле и границах», заключенного 26 января 1855 года между Россией и Японией, который начинается со слов: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией», они тоже «забыли». Хотя и в 1875 году этот договор был продлен на тех же условиях, Япония, воспользовавшись тем, что Россия оказалась ослабленной после Крымской войны, В феврале 1904 года вероломно напала на нашу страну и, став победительницей, продиктовала России свои условия о захвате Южного Сахалина и Курильских островов, объявив при этом, что аннулирует договоры 1855 и 1875 годов.

Справедливость восторжествовала лишь в сентябре 1945 года, когда на основании решения Ялтинской конференции глав стран — участниц антигитлеровской коалиции, состоявшейся в феврале 1945 года, по окончании второй мировой войны Южный Сахалин и Курильские острова были возвращены Советской России, причем с оговоркой, что в дальнейшем **Япония больше не будет иметь претензий на эти территории.** Кстати, это положение закреплено и в подписанном 8 сентября 1951 года в Сан-Франциско 49 государствами, включая Японию, мирном договоре.

Так что вся нынешняя газетная трескотня и телерадиодезинформация о том, будто бы Сахалин и Курильские острова по праву принадлежали Японии, ведутся по корыстному умыслу предателей России, стремящихся путем преступных афер нажить себе капитал за счет незаконной продажи этой священной русской земли на Дальнем Востоке. Уступки японским территориальным притязаниям недопустимы и преступны, поскольку Сахалин и Курилы были открыты русскими землепроходцами-казаками и освоены ими в содружестве с местными жителями — айнами, добровольно принявшими российское подданство.

В случае продажи хотя бы самого малого острова мы сильно обокрадем самих себя: вокруг Курил самая богатая 200-мильная морская экономическая зона, где добываются рыба лососевых и других ценных пород, крабы и разные морепродукты (в целом ежегодно от 800 тысяч до миллиона тонн). Нетрудно представить, что в случае потери Курил мы поставим под японский контроль воспроизводство у берегов Сахалина кеты и горбуши — они будут еще на пути миграции перехвачены японскими рыбаками. А мы уже испытывали на себе негативные последствия японского морского промысла.

Наряду с утратой рыбных богатств нам угрожает потеря несметных запасов на Курилах полезных ископаемых — золота, серебра, меди, цинка, свинца, серы... Словом, почти всех элементов таблицы Менделеева. Потомки не простят нам, если в погоне за сиюминутной выгодой станем бездумно торговать и разбрасываться тем, что присовокуплено к достижению богатства державы кровью и пóтом наших славных предков. К тому же надо хорошо взвесить: зачем нам иностранная помощь, если есть у нас Курилы? Ведь, от-

дав их, на следующий день придется покупать то, что ныне и так принадлежит нам.

С потерей Курил будет утрачена важная военно-стратегическая опора в Тихоокеанском регионе, столь необходимая для обеспечения безопасности Отечества. Российский флот в таком случае окажется лишенным возможности беспрепятственного выхода на просторы Тихого океана через незамерзающие проливы.

И еще одна опасность таится в передаче этих российских островов — сознание прецедента для пересмотра границ, сложившихся по окончании второй мировой войны. Мы сами дали бы повод другим соседним государствам претендовать на наши приграничные территории.

Наконец, мало кто знает, что Япония, обещая на словах тем, кто попадет под ее покровительство, рай земной, в действительности же, как правило, иностранцам гражданства не предоставляет. Люди неяпонской национальности, даже если получат право на жительство в Японии, остаются лишенными многих жизненно важных гражданских прав, в том числе и политических. Следовательно, курильчанам пришлось бы оставаться людьми второго сорта.

Вот почему жители Сахалина и Курил, за исключением отдельных продажных дельцов, решительно высказались против передачи островов зарубежным «радетелям». Курилы — наши, российские, к тому же казачьи, и они должны всегда оставаться неотъемлемой частью России!

Есаул **Н. Е. ЛЕВША**,
уполномоченный представитель
от жителей Курильских островов

Юрий ДЬЯКОНОВ

ТРАГЕДИЯ РУССКОГО АРТИСТА

Николай Рыбников: жизнь и творчество

Нашему русскому театру, русскому кинематографу сегодня остается все меньше и меньше места. Душами нашими и сознанием пытаются завладеть хладнокровный убийца, секс-дива, пошлятина, рок-наркотики... «Положение русской сцены незавидно...» — писал еще в 1881 году великий русский драматург А. Н. Островский. И причины тому он видел там, где видели их Пушкин и Достоевский: «Буржуазия и везде не отличается... благодетельным влиянием на искусство... Потеряв русский смысл, русское они презирают, а иностранного не понимают... Нет ничего бесплоднее для... искусства, как эта... публика... Чему эта публика... горячо сочувствует, так это пошлым насмешкам и остроумию самого низкого сорта... Она испортила русский репертуар; писатели стали применяться к ее вкусу...» Наверное, только подлинно национальный талант, каковым и был А. Н. Островский, мог предвидеть ситуацию, свидетелями которой мы и являемся сегодня: «Без образцового театра искусство достанется на поругание спекуляции...» Островский верил в силу благотворного влияния русского национального театра на души людские, в его способность развивать народное самопознание и воспитывать сознательную любовь к отечеству.

Идет второй век со времени этих мечтаний, а мы не только не приближаемся к их реализации, а трагически отдаляемся. Знает ли сегодняшний тридцатилетний зритель Ивана Переверзева, исполнителя главных ролей в фильмах «Парень из тайги», «Первая перчатка», «Иван Никулин, русский матрос», «Адмирал Ушаков»? А ведь, кажется, совсем недавно он был окружен той всенародной любовью, которую в полной мере испытали на себе и его, и наши с вами современники: Сергей Столяров и Борис Бабочкин, Николай Черкасов и Борис Андреев, Любовь Орлова и Вера Марецкая, Михаил Жаров и Петр Алейников... Но как во многом драматичны их судьбы.

Сергей Столяров, создавший незабываемые образы Мартынова («Цирк»), Руслана («Руслан и Людмила»), Иванушки («Василиса Прекрасная»), Никиты («Кащей Бессмертный»), Садко («Садко»), Алеши Поповича («Илья Муромец»), осмелился в свое очень сложное время бросить вызов самому Г. Б. Марьямову, «черному кардиналу» Союза кинематографистов: «Однажды

я говорил о значении актера в фильме... Меня вызвали подписать ту стенограмму. Она уже была отредактирована Г. Б. Марьямовым... вместо слов «это значит, что актер играет в кино огромную роль» было написано, что «актер в кино играет какую-то роль». Можно представить степень той звериной ненависти, которую вызвали у сионистского кинематографа другие слова Столярова: «В Доме кино мы готовились к премьере фильма С. Бондарчука «Судьба человека». На эту премьеру не пришел ни один режиссер». И результатом этих слов явилось то, что Сергей Дмитриевич не был удостоен давно заслуженного им звания народного артиста СССР.

Глубоко символична в этом смысле и судьба другого замечательного актера России — Николая Николаевича Рыбникова.

Мне довелось учиться во ВГИКе в одно время с ним, и я помню самое сильное свое впечатление той поры. По коридору института в окружении свиты и студентов навстречу мне шел... Петр Великий! Не было никакого сомнения в том, что это был именно Петр, император, беспощадный п р а в и т е л ь. Словно ожили строки пушкинской «Полтавы»: «Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, Он весь, как Божия гроза». Еще не было экранных образов Рыбникова. Но если б они и были, я бы никогда не поверил, что это он. Ведь Николай Николаевич абсолютно не похож на Петра I (и об этом говорили многие на вечере в ЦДРИ, посвященном его памяти). Даже своим ростом (176 см) он много «не дорос» до Петра, не говоря уж о совсем не богатырском сложении актера. Режиссер Станислав Ростоцкий вспоминает: «Он играл Петра I совершенно потрясающе (это был дипломный спектакль о юном царе. — Ю. Д.). У нас есть Петр I — Симонов, есть — Золотухин... Для меня это Симонов — в роли Петра. Золотухин. А вот в данном случае был — Петр, которого играл Рыбников... Это был потрясающий спектакль, это был поразительный артист. Коля был выразителем дум народа... Когда я вел вечер на ТВ, посвященный чрезвычайно обаятельному артисту — Петру Алейникову, тоже совершенно нераскрытому, я сказал, что он был настоящим народным артистом, хотя не имел никаких званий...»

Есть немало свидетельств тому, как играл Рыбников Петра. Но нельзя не вспомнить еще одно, потому что принадлежит оно учителю Николая Николаевича — Сергею Аполлинариевичу Герасимову, ушедшему из жизни ненамного раньше своего ученика: «Прекрасно играл — вдруг становился длинным, будто вырастал, и какой-то бас у него образовывался, ломкий бас, срывающийся, — эту роль помнят все, кто видел эту работу. И это была в значительной степени саморежиссура, необходимая и возможная даже на студенческой скамье, в ученические годы».

Это выражение Герасимова — «саморежиссура» — очень точно раскрывает характер Рыбникова. Хотел было добавить — и судьбу, но это верно лишь отчасти, потому что слишком много горьких примеров тому, когда человек не в силах совладать с обстоятельствами, навязываемыми жизнью. Да, Рыбников, которому отцом было определено стать врачом или учителем (других профессий он не признавал), уже в Сталинграде, куда семья переехала из Борисоглебска, оставил учебу на первом курсе медицинского института и уехал в Москву, где блестяще прошел

конкурс во ВГИК в мастерскую С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой.

Да, это характер. Но судьба...

В памяти Тамары Федоровны Рыбников остался человеком огромного темперамента, которому по плечу были и Шекспир, и Шиллер, а ему все предлагали играть, как с горечью говорил в конце жизни сам актер, бригадиров. Творческий диапазон его был необъятен. Как вспоминают сокурсники, ему удавались Жюльен Сорель и Хлестаков, Макар Нагульнов и пушкинский Дон Гуан, Бенкендорф, изъясняющийся только по-французски. И каждый раз он поражал своим прочтением роли. К примеру, как показать, что Хлестаков голоден? Николай: «Я попробую... есть цветы». Ему собрали со всего этажа горшки с цветами, и он с наслаждением поглощал их, а курс покатывался с хохота. И это был именно гоголевский «молодой человек», что «несколько приглуповат». Судя по воспоминаниям современников, Рыбниковым было реализовано пожелание самого Гоголя: «Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет».

Как видите, совершенно лишенный подражательности, стадности, он делал себя сам. Наверное, поэтому его дважды... исключали из института. Однажды в студенческом общежитии по радио было передано «правительственное сообщение» о снижении цен. Причем говорил явно Левитан. Имитация была столь достоверной, что один студент помчался в магазин «отовариваться». Как вспоминает А. Д. Ларионова, вдова актера, в одной из таких «радиопередач» Николай присудил Сталинскую премию 3-й степени студенту художественного факультета, участвовавшему в написании картины «Сталин на Каспии».

И вот — учеба во ВГИКе завершена дипломным спектаклем о юном Петре. По выражению Т. Ф. Макаровой, это было высшее достижение актера. Вся театральная и кинематографическая Москва была на спектакле. Что же осталось нам от этого в ы с ш е г о успеха? А ничего, кроме отрывочных воспоминаний современников, с уходом которых исчезнут и они. Так завершился первый акт, который, кажется, не предвещал трагедии. Но ведь шел тогда только 1953 год.

А далее — феерический успех фильма «Весна на Заречной улице». И вновь — вопреки всему. Режиссер картины М. Хуциев вспоминает, что на главную роль они искали совсем другого исполнителя. Ведь герою киноленты была дана фамилия Савченко — их учителя, кинорежиссера, создателя лент «Богдан Хмельницкий» (очевидно, запрещенного при Кравчуке), «Иван Никулин, русский матрос» (не запрещенный ныне лишь потому, что с 1945 года демонстрировался редко, а с приходом строителя близкого «коммунизма» и вовсе исчез с экранов), «Третий удар», «Тарас Шевченко» (наверняка запрещенный потому, что поэт в фильме дружит с русскими). Савченко был белокурым, легким, словом — ничего общего с Рыбниковым. Мало того, дирекция Одесской киностудии, где снимался фильм, была категорически против Николая.

И все же это был один из тех случаев, когда Рыбников получил роль, достойную его дарования. Он вошел в наше сознание с криком Татьяны Сергеевны (Н. Иванова) «Ой», и увидели мы его через ветровое стекло самосвала, на котором Юрка (В. Гуляев)

вез в город учительницу русского языка и литературы. Он стоял перед властно остановленной им машиной, разглядывая Юркину попутчицу. И это после того, как шофер успокоил Татьяну Сергеевну: хотя ее будущие ученики и пахнут заводским дымком, но «они... смирные».

Чуть позже, трясясь в кабине самосвала, Юрка завопит в ответ на приглашение Савченко встретить вопреки календарю новый, мартовский год: «Дай я тебя расцелую!» И мы услышим неповторимый рыбниковский голос: «Соседку. А она меня. Иначе не выйдет». Как же произносит актер эту фразу? В тон Юрке? Игриво? Да нет, он бросает ее между прочим. И возмущение Тани гаснет. Он ей непонятен, этот Савченко, совсем не похожий на тех заводских парней, которых видела она. И непонятен он ей будет почти до конца картины. Зато есть возможность поставить его на место: когда Саша после долгого ожидания на улице пытается ее поцеловать, Татьяна Сергеевна дает ему пощечину. Но Савченко способен на самоиронию: «Первый поцелуй... И какой горячий». И вновь и вновь интонация раздумья.

Она же — в прощании со вчерашней подругой Зиной (В. Пугачева), когда Савченко с состраданием говорит ей: «Ну зачем ты?..» И еле слышно добавляет: «Иди, иди, простудишься». Именно эта интонация доносит до Зины истинный смысл обычных вроде бы слов, объясняет, что это их последняя встреча с Сашей.

Но как доставалась Рыбникову каждая сцена! М. Хуциев писал когда-то об этом: «Он способен думать о роли все время и каждый день приносить новые решения. Он все время носит в себе образ, над которым трудится. Он не стесняется трудиться». Точное, кажется, объяснение, почему артисту так многое удалось на экране. Но полное ли? Наверное, если не все, то очень многое определяет здесь талант, отмеренный человеку природой. О нем-то и говорил на вечере в ЦДРИ М. Хуциев: «Вот я сейчас смотрю, и у меня подкатывается ком к горлу. Потому что он ничего еще не сказал, но как он смотрит на нее! Как он играл любовь! Это ведь невероятно сложно сыграть. Это могут только огромные артисты. Будь другой актер — и сцены бы не было. Уверяю вас».

Сложность сцены, в которой Савченко признается в любви Татьяне Сергеевне, состояла еще и в том, что Рыбников должен был играть влюбленного, пришедшего к своему «предмету обожания» навеселе! Ситуация явно комическая, явно невыгодная для героя. А сцена потрясает, сколько ни смотри фильм. Происходит это, на мой взгляд, потому, что актер в течение нескольких минут сумел убедить нас в своей предельной открытости, в этом одном из главных свойств русского характера, в его гордом простодушии и бесхитростности: «...Вы же видите, я для вас что хотите сделаю. Мертвый — приду, если надо. Только вот я какой. Рабочий. Работяга. Ну, такой я есть, таким и буду. Хотите за такого пойти?»

Чрезвычайно важна в этой сцене смена темпоритма: от решительного рывка в класс — к долгому, чуть печальному, немому признанию с парты. Вновь атака — к столу учительницы, а затем — мучительно рождающееся признание. Рывок к двери, куда ломятся любопытные ученики, и вновь — робкое движение к замершей Тане, пораженной силой его любви. И горький исход: изгнание — и бегство в отчаянии. Рыбникову не нужен повод или случай, чтобы показать потаенную или явную эмоциональность переходов его героя из одного состояния в другое, потому что в самом его русском характере заложена бескрайность чувств.

К нашему с вами счастью, в этой картине нам довелось узнать и замечательный, проникновенный талант Рыбникова-певца. «Как он пел, — вспоминает М. Хуциев. — Как звучала в его устах песня «Магадан» («Я помню тот Ванинский порт...»). Что было со страной — я понял через эту песню. А как он пел «Я встретил вас — и все былое...»!» Вот и в фильме «Весна на Заречной улице» Рыбников поет о любви своего героя: «Теперь и сам не рад, что встретил. Моя душа полна тобой. Зачем, зачем на белом свете Есть безответная любовь?..» Как же далеки музыка Бориса Мокроусова и стихи Алексея Фатьянова от нынешних шлягеров — не только по интонации, но и по мироощущению. Какая пропасть разверзлась между российской жизнью и сегодняшним беспределом предательства и безверия! Если верно то, что песня — душа народа, то Рыбников немало сделал для познания нами русского человека. Поэтому и не возникает вопроса, почему именно Николаем Николаевичем была исполнена песня-роль в фильме «Дом, в котором я живу», — она стала своеобразным трагическим портретом целого поколения, шагнувшего из «тишины Рогожской заставы» в пламя и дым войны. От этой песни протягивается духовная нить к песне о Заречной улице, главной улице в судьбе рабочего парня. Ведь эта улица — символ Родины, которую защищали герои кинокартины «Дом, в котором я живу»...

Обладая природным талантом, редким трудолюбием и требовательностью к себе, Рыбников стал лучшим учеником замечательных русских актеров и педагогов Герасимова и Макаровой, которые, в свою очередь, были учениками Станиславского, а значит, и всей русской классики. «Система» Станиславского, — писал С. А. Герасимов, — выросла из работы над воплощением русской реалистической классики... Чехова, Тургенева, Толстого... В основе этого «сквозного действия» стоит некое общественное стремление человека выполнить свою трудовую обязанность, выполнить свой общественный долг (разрядка моя. — Ю. Д.), иначе говоря, найти ведущую тенденцию образа... его «сверхзадачу». Это пушкинское: «Герой, будь прежде человек...» Это Достоевского: «найти в человеке человека... русская черта по преимуществу». Это идея Станиславского: «воздействовать непосредственно на живой дух зрителя органически созданной живой жизнью человеческого духа. Эта особенность чисто русского драматического театра кажется откровением заграничным коллегам...» Вот почва, которая сформировала народность искусства Николая Рыбникова, неразрывно связав его творчество с судьбой России.

Особая роль Н. Н. Рыбникова в русском кинематографе заключается в том, что он наряду с такими артистами, как Б. Ф. Андреев, Н. А. Крючков, С. В. Лукьянов, П. М. Алейников, А. В. Баталов, объяснился в любви (не в ненависти, как на нынешнем экране) к русскому трудовому человеку. Созданные ими образы вдохновляли стахановцев пятилеток, бойцов, уходящих на фронт, тружеников, восстановивших за несколько лет страну, лежавшую в руинах, то есть свершивших то, что, по мнению

«прогрессивного» Запада, было невозможно. Меня поразило сообщение в статье одного социолога о том, что многие учащиеся ПТУ в ответ на вопрос, что их привело сюда, отвечали: «Фильм «Высота». Да можно ли найти еще где-то в мире пример столь трогательной доверчивости к экрану, к красоте созидания? Для трудового человека — и для Рыбникова в том числе — несомненна жизненная важность именно созидательного труда, потребность в нем. Это для «демократической» интеллигенции нет понятий более уничижительных, чем понятия труд и трудовой человек. Авторы журнала «Искусство кино» фыркают то с негодованием: «Этот труд как «дело чести...», а то и с предельной ненавистью: «Этот так называемый «производительный труд».

Характер героя фильма «Высота» — молодого монтажника Николая Пасечника — показан Н. Рыбниковым в динамике. От неудовлетворенности бездумными вечеринками, которые, впрочем, еще вчера казались необходимыми, герой переходит к раздумьям о смысле жизни вообще и о своей собственной. И вновь герой Рыбникова находит, условно говоря, три опоры в жизни.

В «Весне...» Татьяне Сергеевне открывается истинный Савченко, когда она видит его за работой, в момент разливки стали. Ее покорило чудо созидания, творимое ее Савченко. Именно тогда молодая учительница осознала в полной мере, что у ее трудного ученика «есть ум, душа, характер...». Так и в «Высоте»: счастье Николая — в сооружении им огромной домны, выпекающей «хлеб индустрии». Он — хозяин жизни. Он — творец, созидатель. Таким и видит его задиристая, колючая Катя Петрашень (одна из лучших ролей Инны Макаровой) и влюбляется в него безоглядно. С вызовом исполнявшая чечетку на хрупких сооружениях строительных лесов домны, актриса до сей поры с волнением вспоминает один из эпизодов фильма, когда Рыбников, как и положено по роли, лихо спускается на руках по железному тросу. В этот момент актриса слышит: «Второй дубль!» — и видит окровавленные ладони Рыбникова, который не успел на первой съемке надеть рукавицы. Макарова в ужасе. А Коля с улыбкой и со свистом вновь проносится мимо нее, обжигая влюбленно-победоносным взглядом. И иным он быть не мог. Ни в жизни, ни на экране.

И Татьяна Сергеевна, и Катя Петрашень, и Тоська (Н. Румянцева) из фильма «Девчата» — все они для героев Николая Рыбникова — женщины, о которых надо заботиться. И ведь это естественно для нормального мужчины. Но любовь, сочувствие одновременно являются опорой и для него самого. Любовь-сочувствие, любовь-забота — естественное в природе явление, и нынешний «прогресс» в отношениях мужчины и женщины говорит не об ошибке природы, а о болезни общества. Герои Рыбникова — это нормальные люди, какими они и должны быть, если нация хочет сохранить себя. Именно поэтому Рыбникову удалось сыграть лишь несколько ролей, в какой-то мере достойных его таланта, и то лишь в менее революционный период нашего существования.

Но было бы ошибкой полагать, что герои Рыбникова сами не нуждаются в опоре или поддержке. В «Весне», например, Савченко буквально подавлен своей же неграмотностью, своей глухотой к классической музыке. А Николай из «Высоты» и Илья из «Девчат» нередко пребывают в состоянии «головокружения от

успехов». И тогда оказывается, что и гордая Татьяна Сергеевна, и смешливая Тоська — это тоже опора, без которой не обойтись героям Рыбникова на пути к самосовершенствованию. И Рыбников не был бы Рыбниковым, если б не сумел раскрыть всей многогранности характеров своих персонажей, их человеческую слабость и силу, то есть то, что и составляет народный характер.

В большей степени это проявилось, пожалуй, в киноленте Ю. Чулюкина «Девчата» (1962). Фильм по режиссуре менее тонок, нежели ленты М. Хуциева. Он более близок к стилистике И. А. Пырьева. Но это — комедия, которых почти нет на нашем экране, и все в ней решил великолепный дуэт Николая Рыбникова и Надежды Румянцевой.

Появление на экране знатного бригадира лесорубов Ильи Ковригина напомнило мне встречу в коридоре ВГИКа с самим Петром Великим: на нас надвигался агромадный человечище в распахнутом полушубке, высоченной пушистой ушанке. Его окружала непременная свита, восхищенная своим предводителем. Почти античный хор, руководимый царедворцем Филей (С. Хитров), с которым и будет заключено пари царя, то бишь бригадира: или победа над Тоськой, или разлука с замечательной шапкой. Свита услужливо подставляет господину стульчик, он царственно усаживается и начинает обозревать посетителей клуба — лениво, как бы нехотя, но с явным пренебрежением. И вот замечает Тоську и... какая честь! — снисходительно подзывает девчонку пальцем. Вассалы замерли.

В общем, сцена почти из Островского: барин-самодур и — бедная девица, завтрашняя содержанка. Но Тоська-повариха в ответ... точно таким же жестом подзывает к себе! самого! знатного бригадира! Тут-то и началось «падение» кумира. Благодушно улыбаясь, он подходит к Тоське. Но та подвергает его все новым унижениям: заставляет выбросить папиросу, снять шапку. А когда король оказался почти «голым», заявила, что танцевать с ним не будет!

Ковригин должен быть смешон: он побежден. А он не смешон. Потому что Рыбников на экране всегда и прежде всего — человек. Он может заноситься, может совершать глупости, но оставаться при этом чистосердечным русским человеком, способным и в критической ситуации призвать на помощь все то лучшее, что в нем есть...

«Мне даже представить трудно, что Коли нет, — говорит Надежда Румянцева. — Ну вот живой человек он! Недаром к нему была необыкновенная народная любовь. И идет это знаете отчего? Вот говорим мы: талантливый человек, неталантливый. А у него было то, что необходимо таланту: сумасшедшее обаяние. Ты можешь быть семи пядей во лбу, а не лежит к тебе душа... Многие молодые люди пробовались на роль Ильи. И Коля стал пробоваться. Мне всегда казалось, что я очень живой, эмоциональный человек. Думала, Коля постарше меня, за мной не угонится. Сейчас я!.. Да не тут-то было. И я сказала Юре (режиссеру. — Ю. Д.): «Если ты не возьмешь на эту роль Николая — ты проиграешь. Тут не должен быть молодой человек. Тут должен быть человек, которого все будут любить! Так же, как любит его Тоська». И, по-моему, успех картины зависел от того, что Коля был в ней...

Профессионалом он был потрясающим. Фильм снимали на Се-

верном Урале. Мороз — за 45 градусов. Просыпаешься ночью — все в инее. Потом по этому морозу долго едем в розвальнях на делянку, где снимали многие фрагменты фильма. Операторы держат камеры под полушубками, иначе моторы отказывают. Ждем, когда в термосах привезут обед. Разливаю его в миски, а он тут же превращается в лед. И вот предлагаю испробовать этот «суп» Илье (Николаю). Он кладет ложку в рот... а вынуть не может. Отогрел, вытащил ее с куском кожи. Потекла кровь. «Ну, — говорим, — все». Видим же — распухает щека. А Коля: «Нет. Будем снимать». И опять сует ложку в свой больной рот. Сняли! А он потом так тихонечко в сторону отворачивается и... лужица крови. Представляю, какую адскую боль он испытывал...» И Надежда Румянцева добавила, может быть, совсем не ожидаемое нами: «У него был узкий круг знакомых. Он не очень подпускал к себе, не любил, когда, знаете: «О, Рыбников! Коля!» Нет. Он был очень сдержан».

Вот еще одно из недостающих определений к портрету актера. С первой своей роли, с Котьки Григоренко («Тревожная молодость», 1955), когда, казалось бы, надо показать все, на что ты способен, Рыбников удивительно сдержан, немногословен, скуп на эмоции. Но в этой сдержанности — и чувство собственного достоинства, что неотъемлемо от подлинно русского национального характера, и постоянная работа мысли: словно он осторожно, исподволь исследует окружающее и анализирует то, что откликается в его душе...

Но если артист сумел стать кумиром миллионов зрителей, то можно ли говорить о трагичности его судьбы? Оказывается, можно, потому что «его должны были нежить, холить, — полагает актриса Нина Меньшикова. — Спрашивать, что он хочет играть. А этого не было. Он мог играть такие роли... Это трагическая судьба...»

Вспомним: 1953 — блестящий Петр Первый в дипломном спектакле. Лишь через три года его роль в «Весне...». И главная роль в «Чужой родне». 1957 — «Высота». А пять лет спустя — «Девчата». И затем двадцать восемь лет, до кончины в шестидесятилетнем возрасте, — без творческого удовлетворения. Так не трагедия ли это? Почему мастер, взрастивший его, — Сергей Герасимов не снял Рыбникова ни в одной своей картине, почему не обратился более к его таланту Марлен Хуциев? С испугу, что ли, забыл о существовании этого актера Станислав Ростоцкий, первую картину которого с участием Рыбникова положили на полку?

Сам же Рыбников вел себя куда более достойно, нежели предавшие его. Да и не мог иначе — ведь он был жизнелюбом не только на экране. Отдавал себя любимой Алле, с которой свела судьба еще в мастерской у С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой, дочерям Алене и Арине, дружил с семьей С. Ф. Бондарчука, с писателями Виталием Закруткиным и Владимиром Солоухиным, долгие часы проводил в своей огромной библиотеке... Как вспоминает Алла Дмитриевна (а намного ли счастливее ее актерская судьба?): «Он был одержим во всем. Если шахматы, то хоть сутками. Кинолюбительство. А его пельмени, запеченное мясо, прекрасные борщи, засоленные им помидоры, арбузы, приготовленное им варенье... А в дни революции на Кубе собрался туда

добровольцем. Да, да. Весьма решительно... А его рассказы о собственной жизни с комедийным всегда уклоном...»

Трагедия Рыбникова, да и наша, в том, что разрушается и оплевывается все то, во что верили его герои: патриотизм, честь, любовь. С экрана, по сути, изгнан актер-творец, его место занял актер-робот, умеющий убивать, раздеваться, по указке принимать ту или иную позу. А Рыбников был личностью. И прав М. Хуциев, утверждающий, что именно Рыбников был одним из немногих, кто «сказал нам — человек достоин быть человеком. Зритель узнавал правду! Бесконечные совокупления и мордобой — я не верю, что это жизнь человека».

В одиночестве ныне Николай Николаевич на Троекуровом кладбище. Мы совершили преступление и по отношению к этому замечательному актеру и гражданину, и по отношению к себе, потому что безропотно позволили духовно обокрасть себя, сделать наше русское искусство беднее еще на один редчайший, поистине русский талант.

●

Литературная критика

Петр ТКАЧЕНКО

ЧТО В ДУШЕ, ТО СВЯТО

(О творчестве Виктора Лихоносова, и не только о нем)

Ничего не боялся я столько... как жить в городе без истории, преданий и памятников.

Ап. Григорьев

Самым памятным и, пожалуй, самым глубоким чувством моего детства, как и детства многих сверстников, было всеохватывающее, безоглядное стремление куда-нибудь уехать, в некие далекие, неведомые голубые города. Туда, где случается, как тогда думалось, все самое значительное в этой жизни.

Откуда взялось у нас это пресловутое представление, что в родной кубанской станице ничего значительного, связанного со всем миром, происходить не может? Откуда залетело в души детей первых послевоенных лет убеждение, что все, достойное внимания, совершается лишь где-то далеко-далеко? Может быть, отцы наши, вернувшиеся с Великой войны победителями, вдохнули в нас вместе с радостью победы эту непреодолимую тягу к странствиям?..

Причин было немало. Но одна из них, может быть, главная, состояла в том, что мы не знали истории родного края. Даже не подозревали, что именно здесь, где нам довелось родиться, еще со времен таинственной туманной Тмутаракани происходили события поистине исторические... Для нас же история начиналась со времени совсем недавнего. И кто бы тогда мог подумать, что мы, скопом покинувшие станицы, оголившие их, спустя годы вновь потянемся поодиночке в родные края. Как бы крадучись, стесняясь своего юношеского порыва. От земли, от родного дома нас оторвало общее стремление к скитальчеству, но возвращало каждого — чувство уже свое...

Это вспомнилось и окончательно уяснилось в сознании после прочтения романа В. Лихоносова «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж», опубликованного в журнале «Дон» (1986, № 8—10) и вышедшего отдельными изданиями в «Советском писателе» (1987, 1989). Еще до знакомства с романом многое нашептали мне страницы старинных исторических хроник и книг о крае, многое поведали народные кубанские песни. По сути, о том же, но и не о том роман. И я все более утверждался в мысли, что незнание истории может оторвать человека от земли, увести от родного дома, лишить его не только географической, но и духовной оседлости, хотя знание истории само по себе далеко не всегда способно возвратить в родные края. Оно может удержать, но не возвратить...

У многих современных писателей есть в родной истории страницы и судьбы, к которым они особенно пристрастны. Их постижение помогает им и в современности понять нечто важное и сокровенное. Для В. Шукшина — исполинская фигура Степана Разина, в образе которого он нашел столь необходимую современному человеку способность к самоотречению, редкий альтруизм. Для В. Белова таким героем стал полководец Древней Руси Александр Невский. Для Е. Носова — неповторимая атмосфера «Слова о полку Игореве», так живо отозвавшаяся в повести «Усвятские шлемоносцы». А для В. Лихоносова — Тмутаракань, нынешняя Тамань, Кубань, с ее давними и современными преданиями, древними поверьями и подлинно народными типами.

Почти у каждого современного писателя есть область творчества, где он решает не только собственно литературные, но и практические задачи. У В. Распутина — защита Байкала и шире — экологическая ситуация, у В. Белова — защита северной деревни, обнажение причин ее разорения, возврат к ладу сельской, а точнее, к нормальной человеческой жизни, у С. Залыгина в союзе с другими писателями — борьба против сумасбродного «проекта века» — поворота северных рек. В. Лихоносов защищает память, простую человеческую память, право и обязанность человека знать прошлое своего народа и родного края.

«Ненаписанные воспоминания...» — повествование об истории бывшей Черноморни, нынешней Кубани. Но это не исторический роман в его традиционном понимании. «Роман «исторический» предполагает изображение крупных общественных событий и к моему роману не вполне подходит. Я интересовался судьбами отдельных людей», — сказал В. Лихоносов в беседе с критиком А. Обертынским («Дон», 1986, № 6). Просто он, как и должно художнику, исследует прежде всего внутренний мир человека, историю его мысли и чувства. Такое, вроде бы парадоксальное положение возникает потому, что историческая проза сегодня переживает изменения, переходит в некое новое качество, где исторический факт уже не довлеет в повествовании, но находит естественное единство с художественным осмыслением событий. И в этом отношении «Ненаписанные воспоминания...» являются примечательным событием в нынешней литературе.

Подлинный писатель всегда связан со своей землей, с ее прошлым прочными, порой неразличимыми нитями. Есть объективная закономерность в том, что именно в наши дни появился такой роман о Кубани — роман **о памяти**. Судьба края складывалась трудно, его богатая история долгое время находилась в тени, замалчивалась в угоду сиюминутным соображениям. После переселения на Кубань запорожцев всячески приглушалось народное представление о Черномории как месте возрождения запорожской вольницы. Все это не могло не сказаться даже на отношении к языку жителей края.

Ситуация была, мягко говоря, парадоксальная — большинство населения говорило на украинском языке, а официально принятым был русский. Это, собственно, и затормозило развитие литературы в крае. Здесь были крепкие историки, но писателей, по сути, не было. Что, впрочем, благодатно сказалось на песенном народном творчестве. То, что не воплощалось в слове писательском, проявлялось в творчестве народа. Да и соединение культур — украинской и русской — оказалось отнюдь не механическим. Оно породило новую эстетическую реальность.

Позже история края в большой степени оставалась в тени из-за враждебного отношения к казачеству. Накопилось много невысказанного, недосказанного, неосмысленного. Где же могла сохраниться в таком случае народная мудрость, если не в песне и предании? На воскрешении изустных преданий и строится роман В. Лихоносова. (Кстати, подлинно научное издание народных песен Кубани, несмотря на их широкую известность, осуществлено только в 1987 году руководителем Кубанского казачьего хора В. Захарченко.)

Пробудившийся в народе интерес к истории, к своим духовным истокам и выражает роман Виктора Лихоносова. В «Ненаписанных воспоминаниях...» нет привычной событийной последовательности, но есть последовательность душевных состояний и переживаемых чувств. В этой книге как бы воплотилась мысль Ю. Казакова, высказанная им в письме к В. Лихоносову: «У нас, русских, вообще с сюжетами никуда. Нет у нас сюжетов, а больше так — «жизнь».

Сюжетное своеобразие «Ненаписанных воспоминаний...» состоит в том, что автор находит в современной жизни отзвуки совершенно забытой истории, встречает свидетелей и участников событий и, как бы отталкиваясь от своих находок, воссоздает не сами события, но их духовное значение, передает чувства и переживания героев. И перед нами предстает удивительное переплетение во времени разных судеб, неразрывная взаимосвязь прошлого и настоящего. Это взаимопроникновение былого и нынешнего порой просто поразительно. Оно и составляет, пожалуй, главную художественную ценность произведения. Вот герой, от имени которого ведется повествование, рассказывает о том, как, листая в архиве старинные казачьи документы, он встречает имя какого-то казака Петра Толстопята, поскитавшегося по свету и на старости лет вернувшегося на родную Кубань. Казалось, так давно это было и ничего уже не осталось от тех времен. Но нет: «...он в эти минуты, пока я читаю о нем, сидит на улице Советской в Краснодаре и смотрит передачу «Клуб веселых и находчивых».

Писатель обладает способностью прикасаться к прошлому. И не то чтобы оно оживало под его пером в своей первозданности, но вызывает ни с чем не сравнимое ощущение времени, его движения, его невозвратности и неповторимости. Мимолетная зарисовка о случайных людях, мелькнувших в степи, — а сколько чувств она вызывает: «Ранней осенью простучали на подводе какие-то люди и исчезли. Как всегда, как во веки вечные. Проехали, и нету их до сего дня...»

По сути, время и является основным объектом писательского исследования. Время великое, вечное, равнодушное, умирающее. Время, творящее судьбу каждого и мира в целом... Здесь все значимо, единично, неповторимо. А потому так и волнующе. «Больше всего, наверное, жаль мне самого времени», — как-то обронил писатель, комментируя письма Юрия Казакова («Подъем», № 10, 1986). Чуткость, острое ощущение быстротечности жизни связано с гоголевской и бунинской традициями.

Ощутить душой то, как быстро идет время, как оно непоправимо невозвратно, значит уже начать осмысливать и свою жизнь. Ведь подлинное осмысление времени, эпохи, истории начинается с осмысления своей жизни. Именно с этого и начинается в человеке все то, что мы определяем сегодня понятием воспитание историей. Кажется, автор больше всего озабочен тем, чтобы показать непрерывность и взаимообусловленность прошлого, настоящего и будущего, что прошлое для него так же реально и осязаемо, как и настоящее.

В этом признавался и сам писатель в процессе работы над романом: «Я беру типично протекающую жизнь большинства людей на земле, у меня нет блуждания сюжета и проч. У меня т е ч е н и е в р е м е н и, истории, простой личной жизни на фоне событий, вдали и вблизи событий — как это и бывает с нами... События писать мне не надо. Все у меня будет окутано музыкой расставания со временем (это уже есть), туманом проходящего бытия. И печалью милосердия».

А потому и невозможно оценить роман без учета этой его главной особенности. Пытаясь втиснуть его в жесткие рамки голого фактологизма, мы будем наталкиваться на парадоксальные несоответствия.

Вот автор рассказывает об открытии в 1911 году в Тамани памятника бывшим запорожцам, переселившимся в 1792 году на Кубань, где им предстояла «стража пограничная от набегов народов закубанских»: «И все они были героями короткого дня, который никогда не повторится и никому, кроме них, не будет понятен, потому что пройдет еще несколько лет (семь — как дни недели), и в обломки, в прах превратится жизнь с старыми гимнами, молитвами и историческими преданиями. Они были жителями этого дня, этой последней эпохи казачества, и они тучной властной громадой окружили памятник, который через двадцать, пятьдесят лет будет маячить у моря единственным свидетелем черноморского прошлого...» Но теперь-то нам понятен и дорог этот, казалось, уже безвозвратно затерявшийся во времени, но все-таки дошедший до нас день...

Автор берет судьбы людей, ничем вроде бы не примечательных. Но рисует их так, что мы приходим, может быть, к основному ощущению, ради которого и написан роман: все в этом мире не случайно, каждая человеческая жизнь в своей неповторимости уникальна. Мы постигаем неслучайность жизни людей, от которых, почитай, ничего не осталось, разве что несколько строчек в старинных пожелтевших документах да вряд ли кому нужная теперь фотография. Но ведь жизнь-то была! И главный нравственный урок, который читатель может вынести из романа, заключается в понимании того, насколько значима каждая человеческая жизнь в ее связи со своим временем.

Писатель как-то особенно пристрастен к преданиям. И это имеет под собой свою традицию, связано с характерами и народными воззрениями его героев. Ведь еще с запорожских времен живет в кубанцах тяга к преданиям, к рассказам о том, что

было когда-то. Ведь казачье летописание издавна хранилось больше в устной форме — в рассказах, кочующих из уст в уста, в «побрехушках», в думах и народных песнях. И это, как ни странно, оказалось надежнее бумаги. Может быть, отсюда идет обыкновение у запорожцев, а позже и у кубанцев, называть односумов своих не по именам, а по прозвищам, выражающим в человеке характерное, особенно бросающееся в глаза.

Роман Виктора Лихоносова написан в традициях пусть и небогатой, но все-таки характерной для кубанского края литературы. В традициях, связанных с именами Я. Кухаренко, первого писателя Черномории, А. Туренко, автора «Исторических записок о войске Черноморском» («Киевская старина», 1887), с именем талантливого писателя И. Попки, оставившего нам замечательную книгу «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» (СПб., 1858), книгу, которую с доброй завистью и сегодня мог бы прочитать каждый публицист. Да и себя В. Лихоносов как бы мимоходом называет «теперешним скромным летописцем».

К сожалению, сегодня, в особенности у молодого читателя, укоренилось какое туманное, а то и превратное представление о казачестве. При одном упоминании о нем он слышит лишь свист нагаек, разгоняющих поднимающийся на революционную борьбу народ. Да, было это. Но была и многовековая жизнь, освоение окраин России и защита ее рубежей. Была жизнь в постоянных трудах, боевых тревогах и военных походах. Жизнь, породившая колоритную и своеобразную культуру. А потому-то это былое и не должно пропасть «как малая порошинка с ружейного дула» (Н. Гоголь).

Хорошо сказал о значении «Ненаписанных воспоминаний...» Валентин Распутин в предисловии к ним: «Испытываешь сквозь искушенную душу невольное чувство радости, что сохранилось и спустя много лет отыскалось въяви доносящееся теперь, как эхо, многоголосое, незатихшее слово отстрадовавшихся кубанцев...»

Наконец-то отыскался писатель, увидевший в той жизни, по злой иронии судьбы долгое время считавшейся чуть ли не постыдной, высокую поэзию, возвышенные чувства, все то, что и делает людей людьми. Наконец-то достиг нашего слуха и сердца завет К. Батюшкова, прозвучавший однажды в письме: «Берега Черного моря — берега, исполненные воспоминаний, и каждый шаг важен для любителя истории и отечества...» (подчеркнуто мной. — П. Т.).

Но щемяще-тревожно становится на сердце от пробуждаемого романом осознания того, насколько необратимо время, насколько невозвратно. Оно томит душу, сосет сердце сладостной, неистребимой болью, и в этом его назначение. Эта невозвратность — категория этическая и эстетическая, но не бытовая...

Виктор Лихоносов — один из немногих нынешних писателей, кто ревностно относится к слову, кто заботится о стиле и языке. Тем не менее творчество его в последнее время, как мне кажется, не притягивает к себе широкого читательского внимания. И объясняется это не изменениями в художественном мире писателя, но резким изменением ситуации в нынешнем литературном процессе. По команде открывшиеся шлюзы «гласности» выплеснули на ошарашенного читателя лавину публицистики по

проблемам истории и современности, далеко не всегда проясняющей истинное положение вещей, не всегда возвращающей нас к правде. И это не могло не сказаться на критериях оценки прозаических произведений. Ведь, по сути, одновременно с выходом романа В. Лихоносова были опубликованы такие значительные произведения, как окончание «Кануноа» и начало «Года великого перелома» В. Белова, «Перелом» Н. Скромного. Но их как не сразу и словно преодолевая некое сопротивление критика заметила эти глубокие произведения об одном из наиболее трагических периодов нашей истории — коллективизации.

Если говорить о публицистике В. Лихоносова, то и она стоит особняком. Лишенная сенсационности, она является как бы продолжением его прозы. Не чурается писатель и конкретных проблем, но таких, что требуют несуетного раздумья, а не лихорадочного проглатывания. Это и «Записи перед сном» («Кубань», 1987, № 5) — наблюдения многих лет, и рассказ о казаке Кишко из станицы Удобной («Литературная Россия», 1980, 25 января), и размышления о лермонтовской Тамани («Тайна хаты Царицыхи», Краснодарское книжное издательство, 1986), и воспоминания о Юрии Казакове и переписке с ним («Подъем», 1986, № 10) и о Виталии Семине («Литературная газета», 1987, № 29), о замечательном летописце Кубани, авторе «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. Щербине («Комсомолец Кубани», 1987, 30 января). Или пронзительный очерк «Печаль» («Дон», 1987, № 8) — о талантливом критике Юрии Селезневе, безвременно ушедшем из жизни...

И все-таки то, что многие пытаются разрешить через публицистику, В. Лихоносов стремится осмыслить в прозе. В этом отношении характерен его рассказ «Казак» («Советская Кубань», 1987, 29 ноября). Рассказ по сути документальный, биографический, но несущий в себе глубокое обобщение. Перед нами — народный тип станичного балагура и мудреца — Кузьма Катаенко, многое повидавший и переживший на своем веку. Но была у него слабость — уж очень Кузьма хотел «прославиться». Причем ни на каком ином поприще, как только на создании романов. «Пиши мемуары», — говорили ему. Но он продолжал писать романы, и не так, как диктовало ему сердце и опыт, а как принято — такие, чтоб непременно «прошли» и всем понравились. Ничего из этого, конечно, не вышло. Так и унес с собой Кузьма Катаенко все то неповторимое, что хранила его душа, так и не поведал людям о том, очевидцем каких событий довелось ему быть. И в этом — трагедия человеческой личности, не распознавшей своего предназначения, не сумевшей реализовать заложенные самой природой возможности...

Так «почему не развился талант человека? — задается вопросом В. Лихоносов. — Талант народный, с кубанским колоритом, со знанием тех подробностей истинно казачьей жизни, которые он смог бы преподнести так сочно, без ерничества, без уступок догматизму». И дает ответ на свой вопрос. Репрессии нравственные, духовные коварнее репрессий физических. Их не остановишь решением самой высокой инстанции. И продолжаться они будут до тех пор, пока в человеке не изменится представление о жизненных ценностях. Происходят они при всей нашей гласности до сего дня...

Именно поэтому и не стоит В. Лихоносов в стороне от сего-

дняшних проблем и страстей. Подтверждением этому может служить то, что и «Ненаписанные воспоминания...», и очерк-эссе «Корни историка» попали в круг жестких споров, которые велись до недавнего времени.

Ростовская газета «Молот» (18 марта 1987 г.) опубликовала о романе «Ненаписанные воспоминания...» мнения преподавателя литературы В. Кононыхина и кандидата филологических наук М. Мезенцева.

В. Кононыхин считает, что В. Лихоносов пишет живого, исторически и социально конкретного человека с его высотами и надеждами, поэзией и пошлостью, но — живого! — а не отвлеченную социологическую фигуру... В романе мало внешних примет революционного движения, не изображены события «согласно периодизации», то есть через разные судьбы — выражение его глубинной закономерной сущности, его народности...»

М. Мезенцев признает за романом «значительные художественные достоинства», но сокрушается, что судьбы героев «противоречивы, непоследовательны», что в произведении нет даже «внешних примет» «периодизации русского освободительного движения». Видимо, автор всерьез полагает, что художественное может быть безыдейным и что единственная форма его проявления — это «периодизация» и «внешние приметы»... Логика критика удивительна, точнее — чудовищна. Никак не согласуется с концепцией Мезенцева и высокое мнение о романе Валентина Распутина. И тогда он обращается к такого рода «научности»: «Писательская одаренность В. Распутина отнюдь не означает, что он одновременно должен быть и литературоведом, способным безошибочно определить идейную ценность и художественные достоинства произведения». Не странная ли логика? Писателю отказывается в профессионализме, и только потому, что это не укладывается в критическую концепцию самого М. Мезенцева.

Снобистские признаки несет и мнение доктора исторических наук И. Куценко об очерке В. Лихоносова, посвященном Ф. Щербине. В нем писатель поставил конкретную проблему: «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербины не издавалась 75 лет». Оппонент же его выступает не только против конкретной книги, но и всех трудов автора. Тот, кто не знаком с «Историей...» Ф. Щербины, прочитав И. Куценко, может подумать, что труд Ф. Щербины действительно не представляет ценности, мало того — искажает исторические факты. А чему же ему верить, если самой книги он не читал, а только слышит возмущение ученого: «Нас, советских историков, эта статья касается особо». Но не ясно, по каким причинам она «коснулась» их особо? Не потому ли, что В. Лихоносов высказал резкие упреки кубанским историкам?

И вроде бы И. Куценко признает (без всякой, не дай бог, конкретизации) «слабости и недостатки» советского краеведения: «В. Лихоносов прав: многое, написанное в краеведении, грешит примитивизмом прямолинейных толкований, бесталанной убогостью изложения, далеко отстоит от нынешних духовных потребностей», но в то же время заявляет: «Изданы сотни работ. А писатель доказывает, что со времени Щербины ничего нового не сказано». Хотелось бы спросить критика: с каких это пор «вал» в науке стал показателем ее успехов?

И. Куценко, конечно же, взывает к историзму и партийности, к научности и достоверности, как заклинание повторяя слово «патриархальщина». Но сегодня подобные взывания мало чего стоят. Слишком часто к ним обращались, подменяя их же пенаучностью и демагогией. Мало кого пугает сегодня и слово «патриархальщина». Последней ступенью на пути к истине становится знание того, **что** и во имя чего защищается, что и почему отвергается. Благие намерения, в угоду которым попирается и историзм, и партийность, и научность, и достоверность, мало кого уже убеждают.

Ныне всеобщим достоянием становятся произведения, долгое время по тем или иным причинам не публиковавшиеся. Но это время откровенности в литературе лишь тогда в полном смысле слова будет полезным, реализует все свои возможности, когда мы с такой же бережностью будем относиться к произведениям, вновь появляющимся...

Какую же цель имеет выступление И. Куценко? Вывод может быть только один: «Не издавать! Запретить!» Такая позиция неизменно ведет к забвению истории. Подобная критика, точнее, воззрения, порождающие такую критику, не столь безобидны и не столь безопасны для духовного и нравственного здоровья современников. И не где-нибудь, а именно в Краснодаре произошли не так давно события, которые являются закономерным следствием пренебрежения к истории. В открытом письме Т. Василевской главному архитектору Краснодара В. Т. Головерову говорится: «Недавней ночью на городском, а точнее войсковом кладбище разрушены десятки могил. Этот чудовищный факт еще не осмыслен общественностью города. Всем нам только предстоит это сделать... конечно, случившееся — факт из ряда вон выходящий. Он — следствие не бездуховности или издержек воспитания, а откровенного вандализма» («Комсомолец Кубани», 1986, 18 декабря). И совершено это... восьмиклассниками.

«В глумлении над воинскими могилами, — говорит В. Лихоносов, — виноваты не дети. Нет, они виноваты, конечно. Но их вина — только бездумное приложение рук к тому, к чему давным-давно приложились равнодушные руки взрослых. Мы воспитали детей в непочтении к памяти, к святому прошлому, а на кладбища старинные смотрели только как на место тления и хлама. И вот результат. У меня отец погиб под Запорожьем в 1943 году. Но он ведь мог погибнуть и на Кубани и, подобно неизвестным мне воинам, лежал бы на старом войсковом кладбище, где совершено варварство. А может, то же случилось уже и под Запорожьем в местечке Зеленый Гай, где он покоится в братской могиле?..»

Так за кем же правда? За ученым И. Куценко, по сути, спекулирующим на «классовой» и «партийной» сущности искусства и истории, под видом борьбы за идейно-политическую чистоту отрицающим все предшествующее, или за писателем В. Лихоносовым, расслышавшим страстный зов предшественника: «И теперь, в лице своих передовых представителей, оно может бороться с хищничеством и вандализмом, разрушающими памятники старины. Время не ждет, и история родины говорит своим детям: пощадите мои памятники, сберегите мои сокровища!..» (Ф. Щербина).

Пренебрежение к прошлому, забвение его никогда не способствовало ни просвещению, ни подлинной образованности, ни куль-

туре, но неизменно приводили к невежеству, бездуховности, нравственному падению, снижению гражданской, да и трудовой активности людей. Против этого и направлен роман В. Лихоносова «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж».

В повествовании о смутном революционном времени, известном по документам и преданиям, звучит рефреном фраза: «Через пятьдесят лет...» И далее идет рассказ о том, очевидцем чего уже был сам повествователь (не автор, а именно повествователь, так как ему «приписывается» роман). И уже сегодня мы узнаем, как же сложились судьбы героев.

В шестидесятые годы к старой казачке станицы Елизаветинской приехали тоже старые, интеллигентного вида люди — некий Дементий Бурсак из Парижа, решивший, может быть, перед смертью взглянуть на родную Кубань, и Петр Толстопят, после скитаний по свету все-таки вернувшийся на родную землю. Судьбы этих людей переплелись еще в прошлом, в их далекой молодости. Казачка Федосья Христюк приходила к Толстопяту, тогда белому офицеру, просить за своего брата, попавшего в плен.

«Его взяли белые, — рассказывала Христюк, — я поехала в Екатеринодар. Захожу, сидит офицер. Молодой. «Что вы хотите?» — «Брат мой у вас в плену». — «А-а, как фамилия? Ваш брат враг отечества». Я стала плакать: «Не-е, мой брат не враг отечества». — «Знаете вы, куда пришли? Мы его расстреляем». — «Я хоть последний раз взгляну на него». Меня повели в подвал. Я его там не нашла. — Она заплакала. — Не буду дальше рассказывать.

Толстопят слушал хмуро. В 1919 году много приходило женщин в штаб, плакали, просили — может, и Федосья была у него. Не помнил».

А потом беспокойный краевед Лисевицкий, устроивший встречу этих людей, спрашивал: «Федосья Кузьминишна! А знаете, кто у вас был тогда?» Но старуха презрительно молчала. А потом сказала: «Я их узнала. Да зачем? То отжило уже, и зачем их мучить? Та на шо оно? Пускай думают, будто я такая старая и не признала»... И в этом подлинно народный взгляд — и милосердный, и прощающий, но помнящий...

Художник, перед которым открылся удивительный мир казачества, доселе воплощенный в песнях и преданиях, видимо, и мог написать только «собирательный» роман. И надо было иметь чуткую душу и большое сердце, чтобы множество событий и судеб суметь слить в единый поток народной и мировой жизни.

Нет, это не пресловутый «уход» в прошлое, которым попрекают у нас писателей, дабы сделать из них послушных существ, не подозревающих, какими корнями, каким духом крепится и полнится человеческая жизнь. Неумение жить настоящим, духовная надорванность уводят людей или в «светлое будущее», или в «прекрасное прошлое». И то и другое ущербно и чревато бедами. Виктор Лихоносов не уводит в прошлое, а воскрешает его дух, включает в череду народной жизни, без чего она не может быть полной...

Но напасть «обновления» опять нависла над Россией я, может быть, более коварная, чем ее предшественница, но облеченная в одежды привлекательные и ожидаемые, именуемые «возрождением». Скорые до любых перемен публицисты от литературы тут же стали заверять, что «соцреализм испустил дух». Заметили «новое» положение писателя в обществе и «новую» функцию литературы вообще. Разочаровались в способности литературы хоть как-то повлиять на жизнь... Но за всем этим нетрудно распознать все тот же «соцреализм», ибо не от ложных условий, а от ложного сознания исходит действительная опасность. За всем этим снова угадывается ожидание от литературы «реагирования» на происходящее, да еще немедленного и непременно заранее ожидаемого, угадывается желание видеть в литературе снова «помощницу» каких-то убогих идей и немыслимых прожектов, противных самой природе человеческой. А потому плоды социальной болезни — авангарда провозглашаются «расцветом» литературы. Словно и не замечают, что «соцреализм» и «авангард» — близнецы-братья, совершенно сходные миропонимания и «оба они едины в своем противостоянии собственно культуре» (Е. Добренко). А нынешние стенания об упадке литературы, ее «отмирании» — это следствие все того же вульгарного социологизма, который не исчезает вместе с провозглашаемыми новыми политическими лозунгами, но преодолевается культурной работой.

А что же русские писатели, художники в этом социальном и нравственном хаосе, снова устроенном в России, в этот период духовной растерянности человека, что делали они — поспешали за новым «велением времени», за «новыми историческими реалиями»? Как и должно им — не поспешали, а противостояли этому нравственному маразму.

Василий Белов продолжал тащить, почти никем, конечно, не замечаемый, огромный воз своей художественной хроники «Год великого перелома». Как он «отреагировал» на происходящее, можно судить по рассказу «В кровном родстве» («Наш современник», 1992, № 4). Незатейливый вроде бы сюжет — колхозники-доноры едут в район сдавать кровь, но за всем этим встает страшный образ кровопийства, устроенного над народом...

Как всегда скупой на слова Евгений Носов написал маленький рассказ «Карманный фонарик» («Москва», 1992, № 2), Сергей Залыгин — социальный рассказ «Как-нибудь» («Новый мир», 1992, № 4).

А Виктор Лихоносов собирал свои «Записи перед сном (сожаления)», публикуемые журналом «Кубанъ», написал повесть «Афродита Таманская» («Москва», 1991, № 9) и пронзительный очерк-рассказ «Мы недостойны вас» («Литературная Россия», 1990, № 46) — о встречах в Америке с казаками-эмигрантами. Может быть, душа писателя отозвалась на нынешнее «возрождение России» неописуемой радостью? Нет, еще более глубокое сожаление, еще более безысходная тоска об утрате человеком человеческого. Но и вера в его волю и духовные силы. В «Афродите Таманской» — судьба неприкаянной женщины соотнесена с Афродитой с Кипра и с найденной в Тамани статуэткой... В едином, непрерываемом потоке человеческой жизни.

Не потому, что стало модным «теребить русскую эмиграцию», отправляется писатель в Америку, но чтобы увидеть, потрогать древние казачьи черноморские, кубанские войсковые реликвии, чтобы увидеть и услышать «выброшенную», но уцелевшую Россию»...

Но провидению или тем законам, по которым строится художественный образ, было угодно, чтобы писатель, или герой рас-

сказа, не доехал до Лейквуда, где и хранятся кубанские реликвии. Вроде бы сущая малость, чистая случайность помешала этому — сломалась машина, на которой экскурсантов из России должны были доставить в Лейквуд. Такая досада... Но случайность ли? «С утра позвонил Питер: машина сломалась. Значит, в Лейквуде мне не бывать. Казаки подумают, что я их обманул... Сами знамена не допускали меня в Лейквуд. Не казак я! Казаки полвека ждали гостя с Кубани...»

Да не потому, что «не казак» (кто ж тогда казак?), не допустили к себе кубанские реликвии. Не допустили потому, что в России пока что ничего не изменилось, под новым именем продолжается все тот же непроглядный морок... Не допустили потому, что надобно им храниться в войсковом храме в Екатеринодаре, а не где-то в далекой Америке. Но возвращать их пока что некуда. Не допустили потому, что мы все еще, видно, их не достойны...

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ЛЕОНОВСКИМИ ДОРОГАМИ

Вернулся из своей самой напряженной поездки по леоновским местам. За 18 дней проехал по следующему маршруту: Москва — Питер (заезд в Кронштадт) — Сясьстрой (Лодейское поле, Олонец, Питкяранта) — Петрозаводск — Кижи — Медвежьегорск — Беломорск — Кемь — Соловки — Архангельск — Москва. В целом моя поездка удалась, несмотря на трудности бивачной жизни (отсутствие мест в гостиницах), «напряженку» с питанием (по талонам при пустых полках в магазинах) и сложности передвижения на междугородных автобусах (сокращение рейсов из-за строгих лимитов на бензин). Собран большой фактический материал — газетные публикации, начиная с 1915 года, многочисленные фотографии, архивные свидетельства. Однако все по порядку.

1

Питер занимает особое место в жизни и творчестве Л. М. Леонова. По моим подсчетам, он бывал в городе не менее двадцати раз. Первая поездка пришлась на зиму 1926/27 года, последняя — на лето 1972-го, когда Леонид Максимович в качестве члена президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры участвовал в работе второго съезда этого общества. Поездки 1920-х годов были связаны с романом «Соть». В 1940-х годах Леонов, бывая в Питере, «примерялся» к «Русскому лесу» и даже склонялся к тому, чтобы в городе на Неве развертывались главные события романа. Во время последнего посещения города Леонид Максимович писал роман, над которым трудится и по сей день. Словом, Леонов в Питере — это тема для большого исследования, я же остановлюсь лишь на том, где мне удалось побывать вслед за Леоновым. Прежде всего — это места, связанные с Ф. М. Достоевским.

Известно, что за тридцать два года жизни в Санкт-Петербурге Достоевский сменил шестнадцать квартир. Получается так, что чуть ли не каждую новую вещь он писал в разных частях города. Отсюда, с Васильевского острова, с Лиговского, Гречевского, Владимирского проспектов, с Сенной площади, и происходили герои его произведений. Дважды — в 1846 году, когда была написана повесть «Двойник», а с 5 октября 1878 по день смерти 28 января 1881 года Достоевский снимал квартиру в доме № 5 по Кузнечному переулку.

Именно этот дом и посетил Л. М. Леонов летом 1972 года. Здесь, в квартире № 10, где теперь литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, Федор Михайлович работал над романом «Братья Карамазовы», «Дневником писателя». По воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской, их квартира состояла из шести комнат, кладовой для книг, кухни и прихожей. Все это было тщательно восстановлено, и в каждой из комнат можно видеть подлинные вещи Ф. М. Достоевского. Кстати, с недавних пор стала вновь действующей ближайшая от мемориального музея Владимирская церковь, прихожанином которой был писатель. В садике у церкви Федор Михайлович любил гулять со своими детьми Любой и Федей.

Революционер-народоволец И. И. Попов оставил воспоминания об одной из встреч с Ф. М. Достоевским в садике у церкви: «Как-то я подсел к нему на скамью. Перед нами играли дети, и какой-то малютка высыпал из деревянного стакана песок на лежавшую на скамье фалду пальто Достоевского.

— Ну что же мне теперь делать? Испек кулич и поставил на мое пальто. Ведь теперь мне и встать нельзя, — обратился Достоевский к малютке.

— Сиди, и еще принесу, — ответил малютка.

Достоевский согласился сидеть, а малютка высыпал из разных деревянных стаканчиков, рюмок ему на фалду еще с полдюжины куличей. В это время Достоевский сильно закашлялся, а кашлял он нехорошо, тяжело... Полы пальто скатились с лавки, и «куличи» рассыпались. Достоевский продолжал кашлять... Прибежал малютка.

— А где куличи?

— Я их съел, очень вкусные.

Малютка засмеялся и снова побежал за песком, а Достоевский, обращаясь ко мне, сказал:

— Радостный возраст... Злобы не питают, горя не знают. Слезы сменяются смехом».

Сотрудники музея-квартиры показали мне книгу почетных гостей, где на отдельном большом листе толстой дорогой бумаги я увидел запись, сделанную хорошо знакомым мне убористым почерком: «Приходил в гости к Федору Михайловичу Достоевскому. Хозяина, к сожалению, не оказалось дома. Но, значит, сохраняется что-то в этих стенах. Осталось странное чувство на душе, что хозяин знает о нашем посещении. Хорошо.

Леонид Леонов.

4 июля 1972 г.».

Уточняя с Л. М. Леоновым перед поездкой места, где мне непременно следовало побывать, я наметил посещение Александро-

Невской лавры, ее некрополя, в частности, могилы Ф. М. Достоевского. Бывая в Ленинграде, Леонов не раз приходил сюда. Мало кто знает, что прах умершей в 1917 году в Ялте А. Г. Достоевской был перезахоронен рядом с могилой мужа при непосредственном участии Л. М. Леонова. Приезжая в Ялту, он непременно приходил на могилу Анны Григорьевны с букетом роз и горевал о превратностях судьбы, разделившей Федора Михайловича с его женой. Анну Григорьевну Леонов почитает так, как едва ли другую какую женщину XIX века. Можно представить, какие чувства охватили Леонида Максимовича, когда к нему обратился внук Достоевских с просьбой помочь получить разрешение на перезахоронение праха бабушки.

После музея-квартиры Ф. М. Достоевского Л. М. Леонов побывал в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), где встречался с научными сотрудниками Института и музея при нем. Леонову была предоставлена возможность полистать страницы рукописей Пушкина и Достоевского. Об этом я узнал от ведущих леоновцев Пушкинского дома Н. А. Грозновой и В. А. Ковалева, защитивших докторские диссертации по творчеству Леонова.

В одном из писем ко мне Ковалев высказал мысль, с которой я полностью согласен: «Мне кажется, что произведения Леонова, отслоившись от конкретной реальности, движутся все время по какой-то параболической кривой навстречу современности. Это писатель будущего, его мудрой мыслью проникнутся потомки, его подход к человеческим проблемам останется им близким надолго».

Встреча с леоновцами в Пушкинском доме была для меня интересна и полезна. Мы говорили в основном о последнем романе Леонова, над которым он работает, прерываясь, с довоенных лет. В журналах «Наука и жизнь», «Москва» и в газете «Правда» были опубликованы небольшие фрагменты этого сочинения, поэтому мы могли высказать только свои догадки о масштабности картины, развернутой автором в его философском романе.

Нельзя не подивиться творческому долголетию Л. М. Леонова, который на девяносто втором году своей жизни в четвертый раз (1927, 1959, 1982, 1990 гг.) вернулся к своему роману «Вор» и недавно написал новый вариант эпилога. Мировая критика давно и по праву назвала роман «Вор» одним из лучших романов XX века. Интересно, как встретит его нынешний читатель.

II

Перед тем как покинуть Питер, я съездил в город-крепость Кронштадт, чтобы почтить память вновь прославленного святого Русской Православной церкви протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (1829—1909), известного в народе как о. Иоанн Кронштадтский. Личность этого пастыря давно привлекает внимание Л. М. Леонова. Может быть, поэтому главный герой его последнего романа о. Матвей, как мне думается, в известной степени разделяет взгляды о. Иоанна Кронштадтского.

Закончив одну из провинциальных духовных семинарий, о. Матвей наверняка был знаком с главным трудом о. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе». Книга эта, написанная выпускником Петербургской духовной академии, да к тому же и

кандидатом богословия, была хорошо известна не только среди священства. Именитые, маститые богословы-философы отмечали «вселенский, кафолический характер» книги. Подчеркивалось, что она «может быть прочитана каждым с духовной для себя пользой». Отец Иоанн Кронштадтский никогда не считал православие формой созерцательного, пассивного христианства, сосредоточенного только на одном внутреннем совершенствовании. Он писал: «Не должно спрашивать, нужно ли распространять Славу Божию пишущей рукой или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможностей. Таланты надо употреблять в деле. Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание».

Отец Иоанн усердно, в течение пятидесяти трех лет пастырства, распространял Славу Божию делом и пишущей рукой.

Доказательством популярности автора книги «Моя жизнь во Христе», написанной доступным для всех читателей языком, может служить свидетельство А. П. Чехова. Рассказывая о своей поездке на Сахалин, Чехов вспоминал: «В какой бы дом я ни заходил, я везде видел на стене портрет отца Иоанна Кронштадтского. Это был пастырь и великий молитвенник, на которого с надеждой были обращены взоры всего народа». Так что будь у леоновского о. Матвея реальный прототип, то в доме его родителей, положим, в Вятской губернии, А. П. Чехов в 1890 году вполне мог видеть портрет о. Иоанна Кронштадтского, образ которого мог служить достойным примером для назидания подрастающим чадам.

Кстати, небезынтересно сравнить одно суждение на заданную тему протоиерея Иоанна Кронштадтского и писателя А. П. Чехова. «Избегай такого образа жизни, — поучал о. Иоанн, — чтобы жить только животными побуждениями и желаниями, чтобы спать да есть, да одеваться, прогуливаться, потом опять пить, есть и гулять. Такой образ жизни убивает наконец совершенно духовную жизнь человека, делая его земным и земляным существом, между тем как христианин и на земле должен быть небесен» *. А вот что писал А. П. Чехов: «Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

В Кронштадте я в первую очередь решил ознакомиться с музеем, расположенным в Морском соборе. Директор музея, капитан второго ранга в отставке, бывший командир подводной лодки, сказал, что ни за что не допустит, чтобы в экспозиции музея было отведено место о. Иоанну Кронштадтскому, ибо считает его не святым, а мракобесом. Мнение об о. Иоанне Кронштадтском А. П. Чехова, Ф. Ф. Кони, Н. К. Рериха директор и слушать не хотел. Атеист по воспитанию, он был тверд в убеждении, что религия — опиум для народа и что нынешних «распространителей» этого «наркотика» надо держать под контролем. Тогда я попробовал напомнить директору музея некоторые факты.

В 1872 году отец Иоанн и газете «Кронштадтский вестник», проанализировав причины нищеты и бедности в городе, выступил

* Церковная жизнь Северо-Запада. Духовно-просветительное и информационное издание Ленинградской митрополии. 1990, № 3, с. 2.

с обращением: «Это дело касается до всех жителей города, как живущих на жалованьи, так и купцов, мещан и прочих, имеющих какое-либо состояние. В чем же дело? — спрашиваете вы. — В том дело, чтобы всему кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому, образовать из себя попечительство или братство при разных церквах, по примеру существующих попечительств и братств в некоторых городах, в том числе в Санкт-Петербурге, и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища... Итак, братья мои, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество, и будем посвящать свои досуги и собирать нравственные и материальные силы сограждан на приискание дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, так же и на устройство ремесленного училища».

В 1874 году о. Иоанн создал при Андреевском соборе «Приходское попечительство для помощи бедным», в 1882 году основал первый в России «Дом Трудолюбия», где в течение года обучались и работали до 25 тысяч человек. Судя по отчетам, там были устроены женские мастерские, вечерние курсы ручного труда, школа на 300 детей, библиотека, бесплатная лечебница, детский сад, загородный летний дом для детей, сиротский приют, бесплатное призрение бедных женщин, народная столовая с небольшой платой за еду, где в праздники устраивались благотворительные обеды. Заботами отца Иоанна в Кронштадте был построен в 1881 году ночлежный дом для бедных, а в 1891 году — странноприимный дом, где оказывалась помощь всем «труждающим и обремененным» независимо от религиозной принадлежности.

Но никакие аргументы не могли поколебать убеждений директора кронштадтского музея. Однако жизнь, не считаясь с мнением всяческих запретителей, идет вперед. Недавно в Кронштадте была создана первая после долгого перерыва церковная община, началось восстановление одного из храмов, где некогда звучали трогающие за душу проповеди о. Иоанна Кронштадтского.

Еще при жизни о. Иоанн был причислен большевиками к числу самых ярых врагов. После октябрьского переворота все делалось для того, чтобы опорочить и вытравить из памяти народной само имя отца Иоанна. Андреевский собор и Кронштадте, где он служил в течение полувека, был стерт с лица земли. На этом месте был поставлен многометровый монумент В. И. Ленину. Улица, на которой жил отец Иоанн, была названа именем Володарского. Правда, дом, одну из квартир которого занимал о. Иоанн с женой Елизаветой Константиновной, сохранился. Была у о. Иоанна и своя хибарка для уединенной молитвы. О ней я узнал из воспоминаний Н. К. Рериха, которого, кстати, наставил на путь истинный не кто иной, как о. Иоанн Кронштадтский. Хибарка, на пороге которой о. Иоанн палкой по спине «поучал» художника Рериха, не дошла до нашего времени, но место, где она стояла, старожилы могут указать.

Старая женщина-фельдшер, пережившая блокаду, не сочла за труд пройти со мной от сквера, где раньше был приход о. Иоанна Кронштадтского — Андреевский собор, и показала окна его бывшей квартиры. Кто знает, может быть, на этом доме установят мемориальную доску, как это сделали на здании бывшего реального училища, где в 1907—1912 годах учился П. Л. Капица. Без сомнения, будущий нобелевский лауреат хорошо знал о. Иоанна и, может быть, рассказывал о нем своему хорошему знакомцу писателю Л. М. Леонову. Оба они, надо сказать, достойно выполнили заповедь отца Иоанна Кронштадтского: «Таланты надо употреблять в деле».

В тот же день, вернувшись из Кронштадта, я успел к вечерне в Иоанновский женский монастырь, что на речке Карповке. Он был основан о. Иоанном Кронштадтским и назван им в честь своего патрона святого Иоанна Рыльского. Ныне здесь — подворье Пюхтицкого Свято-Успенского женского монастыря. В Крипте новоосвященного храма во имя пророка Божия Илии и Святой Царицы Феодоры я поставил свою скромную свечу перед восстановленным надгробием отца Иоанна Кронштадтского, которого при жизни величали всероссийским батюшкой, отцом народа. Сейчас у нас такого отца народа нет, да и скоро ли будет?

Пожалуй, само по себе знаменательно, что герой последнего романа Л. М. Леонова — не космонавт, не коммерсант и не удачливый политический деятель, а простой батюшка, да еще кладбищенской церкви. Проблем нам жизнь таких понаставила, что, видать, только с Божьей помощью и можно разобраться.

III

Стоя в очереди за билетом на ночной мурманский поезд, на котором можно было доехать до станции Лунгачи, откуда рукой подать до Сясьстроя (150 км от Питера), я открыл книгу воспоминаний В. Н. Муромцевой-Буниной и неожиданно для себя прочел: «Осталась страничка Ивана Алексеевича, — пишет Вера Николаевна, — о писателях из народа. «Писателей из народа и прежде было немало. В молодости многих из них я знал в Москве, встречался с ними, получал от них письма, всегда очень многословные и лирические, — этим особенно отличался отец известного теперь писателя Леонова...» * Никаких других упоминаний насчет Леонида Максимовича и книге Муромцевой нет. Остается лишь предположить, что эти строки написаны И. А. Буниным в период, начиная с 1927 года, когда Леонов стал известен (скорее всего после поездки к М. Горькому в Сорренто), и до 1953 года, когда появились первые публикации «Русского леса». Бунинские слова — «...известного теперь писателя Леонова...» — можно расценить как признание профессионала профессионалом. Такой строгий читатель, как Бунин, вряд ли мог поверить кому-либо на слово. Ему самому надо было что-то прочитать. Это могли быть и «Барсуки», и «Вор», а может, уже дошел до Парижа изданный в 1930 году роман «Соть».

За чтением книги о Бунине я незаметно доехал до станции Лунгачи, откуда на автобусе добрался до Сясьстроя. Ныне это поселок городского типа. Расположен он при впадении реки Валгомы в Сясь, которая несет свои воды в Онежское озеро. От тех времен, когда Леонов приезжал сюда зимой 1926/27 года и осенью 1928-го, сохранилось несколько двухэтажных деревянных домов барачного типа. В одном из них была гостиница, где в свое время останавливался писатель. Об этом мне рассказала директор музея Сясьского целлюлозно-бумажного комбината И. В. Ха-

* Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. «Советский писатель», 1989, с. 151.

ритонова. В экспозиции музея она обратила мое внимание на изданную в 1932 году книгу «Соть» с дарственной надписью: «Сясьскому целлюлозно-бумажному комбинату на добрую память от автора. Леонид Леонов. 13 декабря 1971 г.». Книга эта является ныне библиографической редкостью. Иллюстрации к ней и портрет Л. М. Леонова выполнены академиком Д. Н. Кардовским, а переплет, форзац, суперобложка и футляр — художником-архитектором И. Ф. Рербергом. В ответ на просьбу Н. В. Харитоновой Л. М. Леонов прислал в музей и свою фотографию (за рабочим столом) с надписью: «Сясьскому Ц.-б. комбинату на память. Леонид Леонов. 1971».

В музее я переписал несколько цифр и фактов. Строительство Сясьского целлюлозного завода (являющегося частью комбината) началось в июле 1925 года, а торжественное открытие состоялось 6 ноября 1928 года. Сейчас Сясьский ЦБК — один из крупнейших во всей Европе. До недавнего времени он давал в год 132 тысячи тонн целлюлозы. Прибыль составляла 100 млн. рублей. Однако социальные «нужды» на Сясьстрое вопиют громким голосом. Нарушена экология, снабжение продуктами питания и товарами первой необходимости — нищенское. Можно лишь диву даваться долготерпению и выдержке рабочих, живущих в поселке. Долгожителей среди них очень мало. Из ветеранов Сясьстроя мне назвали М. Д. Михайлова, который проработал на комбинате свыше пятидесяти лет. Из рассказа Михаила Дмитриевича я узнал, что он прибыл на стройку в 1928 году и, имея начальное образование, прошел путь от землекопа до начальника цеха водоподготовки — должности, с которой немногие инженеры могли справиться. В каких невероятно сложных условиях приходилось трудиться Михайлову! И за все про все он получил пенсию 103 рубля... Нет, на судьбу он не жалуется. Он свято верил и верует, что прожил жизнь не напрасно.

«У нас вообще любят скулить о прошлом, потому, что безвольны к будущему, — говорил большевик Увадьев из «Сoти». — Ты слушай не стоны, а цифры! Купи билет и поезжай по стране, ты увидишь новые избы, новые заводы, новых людей... и притом великолепную рождаемость!» И вот спустя шестьдесят лет я купил билет, поехал и увидел... Оказалось, что правы не герои, а антигерои «Сoти»: «Как построят, так и потечет на нас вонь... И пойдет газ, и все им пропитается, реки и сушь. Еще корова-то ест травушку, зато уже молочка ейного пить не станешь!» К сожалению, все это сбылось: вянут цветы от газа, «рыба всплывает — музичком вверх» и, что греха таить, рождаемость на Сясьстрое вовсе не великолепная.

«Соть» требует нового прочтения. Разве не пророчески звучат слова поручика Виссариона Буланина: «...в революцию выживают либо дубы, либо гибкий осинничек, крапивка да прилипчивая ягодная травка и тени подгнивающих пней. Я хотел сказать, что гибнут лучшие, носители огня, что укрепляется здоровье мещанина. Прошедший сквозь революцию, он страшен своей подавляющей единогласностью».

Контрреволюционер Буланин оказался правым в споре с «железной леди» Сюзанной: «Не Бог ограбил человечество, а вещь — лукавый хозяин мира... И вот душа изгоняется из мира сквозь строй шпицрутенов и палок...

Остановясь, Сюзанна нетерпеливо теребила ветку сосенки, и деревцо шумело от осыпающейся капели.

— Я отвечаю вам: поколение, которому принадлежит жизнь, порвало связь с прошлым. Оно выросло в грозе, его не увлечь минутой из прошлого. Кроме того, у них есть смелость желаний...

Он обнажил зубы:

— Для них и хлеб достижение!

— Да, потому что ему придан другой смысл. Чего же хотите вы?

— Воскресения души».

Если вспомнить, в какие годы писались эти строки, то можно многое понять в композиции романа, в самом стиле и языке его.

Перед отъездом из Сясьстроя я пошел к речникам узнать, откуда они доставляют лес на комбинат. Как и предполагал, его везут за многие сотни километров, ведь лес вокруг Сясьстроя вырублен. «Сырья на тыщу лет», — говорил Потемкин в «Сoти», затевая огромную стройку. И что же получилось? Видать, газеты мы скоро и впрямь будем «печатать на облаках» по патенту Л. М. Леонова, передавшего свое изобретение герою «Сoти».

IV

Моя попытка добраться до Валаама окончилась неудачей. Благополучно миновав Лодейное поле и Олонец, я приехал в Питкяранта, где пограничники высадили меня из автобуса, так как у меня не было отметки о посещении погранзоны. Но на Валааме я бывал ранее, в июле 1968 года. Л. М. Леонов побывал там годом позже — в июле 1969-го. Валаам произвел на него незабываемое впечатление чудным месторасположением среди огромного озера, церковными постройками, кельями, скитами, каналами, проложенными в гранитном теле острова, своей рукотворной природой — ведь земля на Валаам привозилась с материка, и монахи затратили немало труда на то, чтобы прижились на этой земле редкие породы деревьев — кедр, пихта, дуб. Здесь Леонов посетил и главную монастырскую святыню — Спасо-Преображенский собор. Но, войдя туда, он с содроганием увидел мерзость запустения. Собор был разграблен, все или порушено, или поломано. На стенах алтаря аршинными буквами углем была выведена запредельная по своему цинизму надпись: «Здесь с... Фантомас».

Скорбел душой Л. М. Леонов, взирая на порушенный Валаам, где и свечку-то нельзя было ни купить, ни затеплить на помин души прежних и нынешних страстотерпцев. Незадолго до посещения Леоновым Валаама в бывшем Никольском скиту прекратил свое существование спецгоспиталь для инвалидов Великой Отечественной войны, оставшихся без рук и без ног. Ни вставать, ни ходить инвалиды не могли, и потому их носили на руках. «Самоварами» в горестном юморе называли они себя сами. Думаю, единственное, о чем молили Господа эти люди, так это о том, чтобы Он даровал им скорую смерть. Безбожная власть не позволила ни одному священнику быть на Валааме, чтобы он мог причастить и проводить в последний путь этих мучеников XX века.

С сентября 1989 года на Валааме произошли большие изменения. Монастырь снова отдан в ведение Московской Патриархии. Нынешним настоятелем монастыря, наместником Патриарха на Валааме является игумен Андроник (внук о. Павла Флоренского). Перед моим отъездом Л. М. Леонов просил при случае передать поклон игумену Андронику, с которым у него добрые отношения. Выполнить поручение Леонида Максимовича мне не удалось. Но, будучи в столице Карелии, я все-таки счел своим долгом отправить приветственную открытку игумену Андронику.

Карелию Л. М. Леонов знает не понаслышке. Знакомство с ее людьми и проблемами произошло в августе 1933 года, когда в составе писательской бригады Леонид Максимович участвовал в поездке на специальном пароходе по только что открытому Беломорско-Балтийскому каналу. Поездка была обставлена с шиком. Столы ломились от всевозможных яств и вин, на палубе играл духовой оркестр. А на берегу стояли зэки, строившие канал. Их вид о многом мог бы рассказать тем писателям, кто захотел бы вникнуть в положение и судьбу этих людей. Л. М. Леонов рассказывал мне, что строители канала были для него как бы живой иллюстрацией известного с 1920-х годов плаката художника Моора (Орлова) «Помоги!» — о голодающих Поволжья.

После поездки по ББК писателям было предложено коллективно создать книгу о строительстве канала. Отказ от участия в этом «труде» был равносилен самоубийству. Тогда Леонов избрал тактику проволочек и явной симуляции болезни, несмотря на неоднократные напоминания о сроках сдачи материала и даже угрозы со стороны ответственного редактора книги Авербаха. Сроки были предельно сжаты. Чтобы вовремя отрапортовать «любимой партии», некоторые писатели работали не покладая рук. Книгу заслали в набор. На титульный лист был вынесен «исторический» текст: «Оргкомитет Союза советских писателей по предложению всего авторского коллектива, работавшего по заданию главной редакции «Истории фабрик и заводов» над книгой о строительстве Беломорско-Балтийского канала им. Сталина, посвящает эту книгу XVII съезду партии большевиков. Этой книгой Оргкомитет Союза советских писателей рапортует XVII съезду партии о готовности советских писателей служить делу большевизма и бороться своими художественными произведениями за учение Ленина — Сталина, за создание бесклассового, социалистического общества. Оргкомитет ССП СССР».

Толстенный фолиант ($38^1/_2$ п. л.) — «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства» — был отпечатан в типографии газеты «Правда» имени Сталина тиражом 30 000 экземпляров. Цена книги, как указано в выходных данных, — 8 рублей, переплет — 1 рубль 50 коп., так что авторский гонорар был вполне «приличный». Редакторами издания названы М. Горький, Л. Авербах, С. Фирин. Но если Леонов еще мог както не участвовать в книге, то Горькому проигнорировать это издание было просто невозможно. На шестой странице помещено специально выделенное сообщение: «За текст книги отвечают все авторы. Они помогали друг другу, дополняли друг друга, правили друг друга. Потому указание индивидуального авторства было нередко затруднительным. Мы указываем здесь авторов основных частей, вошедших в ту или иную главу, еще раз напоминая, что действительным автором всей книги является полный состав работавших над историей Беломорско-Балтийского канала имени Сталина».

Сбоку в столбик по алфавиту перечислены авторы: Л. Авербах, Б. Агапов, С. Алымов, А. Берзинь, С. Буданцев, С. Булатов, Е. Габрилович, Г. Гаузнер, Н. Гарнич, С. Гехт, К. Горбунов, М. Горький, С. Диковский, Н. Дмитриев, К. Зелинский, М. Зощенко, В. Иванов, Вера Инбер, В. Катаев, М. Козаков, Г. Корабельников, Б. Лапин, А. Лебеденко, Д. Мирский, Л. Никулин, В. Перцов, Я. Рыкачев, Л. Славин, А. Тихонов, А. Толстой, К. Финн, З. Хацкевич, В. Шкловский, А. Эрлих, Н. Юргин, Бруно Ясенский.

На следующей странице дана подробная аннотация: «История строительства Беломорско-Балтийского канала им. Сталина, осуществленного по инициативе товарища Сталина под руководством ОГПУ силами бывших врагов пролетариата.

Яркие примеры исправительно-трудовой политики Советской власти, перековывающей тысячи социально опасных людей в сознательных строителей социализма.

Героическая победа коллектива организованной энергии людей над стихиями суровой природы севера, осуществление грандиозного гидротехнического сооружения.

Типы руководителей стройки — чекистов, инженеров, рабочих, а также бывших контрреволюционеров, вредителей, кулаков, воров, проституток, спекулянтов, перевоспитанных трудом, получивших производственную квалификацию и вернувшихся к честной трудовой жизни.

Книга представляет собой коллективный труд 36 писателей».

К этому можно было бы добавить, что эта книга о 37 чекистах. Всех перечислять не буду, назову главных — Г. Ягоду, Л. Когана, М. Бермана, С. Фирина, Я. Рапопорта, награжденных по окончании работ на ББК орденами Ленина.

В книге 15 глав. Первая и последняя написаны М. Горьким, одна — «История одной перековки» М. Зощенко, остальные — авторскими коллективами. Больше всех подсуетился В. Шкловский. Он принял участие в работе над девятью главами.

Для того, чтобы составить впечатление о сути книги, достаточно привести несколько образчиков текста:

«В Медгоре из эшелонов отбирают инженеров и бухгалтеров. Шагах в пятистах от железной дороги, у края оврага, уже строится двухэтажный дом — Управление Беломорканала» (стр. 134—135).

«Стиль чекистской работы совершенно исключает неуверенность в собственных силах» (стр. 155).

«Тот товарищ ошибается, который думает, что Белбалтканал — это было место вроде курорта» (стр. 274).

«Очковтирательство, получившее на Беломорстрое позорное название «туфты», не было отнюдь явлением специфически беломорстроевским. Туфтач — это классовый враг, который пытается сорвать успешные темпы нашей стройки и нанести удар в спину окончания Беломорстроя» (стр. 376).

Хотелось бы сказать со всей определенностью, что авторы книги не только догадывались, но наверняка знали и при желании могли сопоставить «кое-какие» цифры и факты. Беломорско-Балтийский канал, соединяющий Белое море (у г. Беломорска)

с Онежским озером (у г. Повенец), имеет 19 шлюзов, длина канала — 227 км, при средней глубине 5 м. Первое совещание административно-технического персонала Беломорского строительства было назначено на 6 часов вечера 25 ноября 1931 года, а сдача канала в эксплуатацию произошла в августе 1933 года. Так что сроки гигантской стройки были более чем сжатые и, как говорится, патронов в этом бою за социализм не жалели. Точные цифры погибших на строительстве Беломорканала пока не названы. Однако известно, что их было десятки тысяч. Кстати, многие из авторов, кто воспевал в книге методы работы чекистов по «перековке» тысяч социально опасных людей в «сознательных строителей социализма», сами вскоре оказались в лагерях.

Обо всем этом я узнал в бывшем спецхране Республиканской центральной библиотеки Петрозаводска, где мне была предоставлена возможность читать эту ставшую библиографической редкостью книгу о строительстве ББК, делать из нее выписки. Здесь же мне были показаны редкие фотографии Сталина в белоснежном костюме и Мометова в сопровождении чекистов, осматривавших гидротехнические сооружения, а также многочисленные фотографии зэков, чьими костьми умощено ложе канала на всем его протяжении.

Работая в библиотеке, я обнаружил, что авторы книги о ББК, назвав Сталина инициатором строительства канала, позабыли или не захотели указать, что сама мысль об устройстве канала принадлежит Петру Великому. Об этом я узнал из журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (1914, № 9)...

Вновь Л. М. Леонов побывал в Карелии только в феврале 1949 года, когда в Петрозаводске праздновалось столетие полного издания бессмертного эпоса «Калевала». Выступая на торжествах, писатель коснулся современности как звена в исторической жизни нации — темы, которую позже раскрыл в романе «Русский лес». Судя по письму к своему давнему другу художнику-архангелогородцу С. Г. Писахову, Леонов в это время к роману еще не приступал. «Милый Степан Григорьевич, — писал Леонов 18 апреля 1949 года, — ужасно рад был получить весточку от вас. Ничего пока не пишу, кроме мелочей на потребу утробы. Конечно, это явление временное, — еще стребует и священную жертву Аполлон, я его давно знаю».

И Петрозаводск, и встречи с жителями лесного края — все это, несомненно, сыграло свою роль в той внутренней работе, которая предшествовала написанию романа. Достаточно вспомнить образ карела Анания: «Было в облике Анания что-то привлекательное и неизгладимое, роднившее его с Калиной. Со временем к этим двум голосам присоединились и другие голоса родной земли, подслушанные Вихровым в последующих скитаниях»...

В марте 1962 года, как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР по Беломорскому избирательному округу, Л. М. Леонов в третий раз приезжает в Карелию. Он побывал на строительстве Беломорской ГЭС и в рыболовецком колхозе в Нюхче. Встречался с избирателями, и главной темой их разговора была экология. «Моя последняя книга, — говорил Леонов, — посвящена запутанной и непролазной лесной проблеме — защите родной природы, от которой мы требуем больше, чем отдаем ей накопившиеся долги».

В 1966 году Л. М. Леонов вновь избирается в депутаты Верховного Совета СССР от беломорчан. В свой очередной приезд в Карелию летом 1969 года Л. М. Леонов посетил Кижи, курорт Марциальные воды, основанный Петром I, встречался в Беломорске со своими избирателями. Писателю была предоставлена возможность съездить на Соловки.

Я побывал на Соловках двумя годами раньше, поэтому могу засвидетельствовать, что Леонов мог видеть там не только архитектурные памятники крепости-монастыря, но и многочисленные остатки СЛОНа (Соловецкого лагеря особого назначения) — бараки для заключенных с зарешеченными окнами, двери камер и карцеров с «глазками» для наблюдения за зэками, сторожевые вышки и пр. На куполе колокольни Спасо-Преображенского собора еще сохранялась пятиконечная звезда. Ее вместо креста установил «умелец» из зэков, которому за это в свое время скостили срок вдвое. В нынешний приезд на Соловки я уже не обнаружил почти никаких следов СЛОНа. А ведь кое-что из лагерных построек надо было бы оставить, так как экспозиция в музее состоит преимущественно из фотографий, плакатов, архивных документов.

Думаю, что отзвуки соловецких и валаамских впечатлений мы ощутим в философском романе Л. М. Леонова о диях нашей жизни, над которым работает сейчас писатель.

V

В Архангельск я прибыл на пароходе, зафрахтованном для участников международной экологической конференции. Среди них были американцы, англичане и французы, и кто знает, может, их родичи в составе оккупационного корпуса 2 августа в 1918 году вот так же, как мы, сошли по трапу в архангельском порту в самом центре города. Тогда им, к слову сказать, с Северной Двины открылась редкостной красоты панорама города — величественный кафедральный собор, полтора десятка приходских церквей, Михайло-Архангельский монастырь, подворья Соловков, Лешуконской и других обителей. Ныне от прежней красоты мало что уцелело — собор и монастырь взорвали, многие церкви разграбили, а иные смахнули с лика земли.

С Архангельском у Л. М. Леонова связано многое. Впервые он приехал сюда во время гимназических каникул в 1915 году и потом наезжал ежегодно, помогая отцу выпускать газету.

Литератор-самоучка, поэт-суриковец (псевдоним Максим Горемыка), М. Л. Леонов (1872—1929 гг.) оказался на берегах Северной Двины при следующих обстоятельствах. В 1908 году за сотрудничество в демократической печати (издание брошюры Карла Либкнехта) Максим Леонов был арестован. После «отсидки» в Таганской тюрьме он был выслан в конце 1910 года из Москвы. Вместе с ним уехала его новая жена — московская поэтесса М. М. Чернышева.

В Архангельске М. Леонов па паях с печатником Алексиным и переплетчиком Юрцевым издавал влиятельную в Северном крае ежедневную литературно-политическую и общественно-экономическую газету «Северное утро». Судя по рекламному проспекту, газета выходила по программе и формату больших столичных га-

вет в 6 колонн при участии сотрудников московских и петроградских изданий. Собственные корреспонденты ее были во всех уездах Архангельской губернии и в крупных городах.

Советская власть в Архангельске была провозглашена 17 февраля 1918 года. Но уже и до этого для М. Л. Леонова и его газеты начались трудные дни. Жизнь предъявляла новые требования не только к отбору материалов и организации подписной кампании. В ходе закулисной борьбы явственно проступало желание некоторых губернских газет и журналов на всякий случай заработать в свой политический актив очки. Проведенный общественностью города в рождественские праздники вечер, посвященный 30-летнему юбилею литературной деятельности М. Л. Леонова, послужил поводом для провокационного выступления А. Дедкова в газете «Воля Севера». «Северный день» сумел противостоять попытке опорочить М. Л. Леонова. Статья под названием «Обличителям» была написана сотрудником газеты Г. Виллисамом.

Но не надо быть тонким знатоком стиля, чтобы узнать в ней руку Л. Леонова. Мне не удалось установить, приезжал ли он на юбилей или ему была послана в Москву (с проводником поезда?) газета «Воля Севера» со статьей А. Дедкова, но то, что он вступился за отца, не вызывает сомнения.

Закончив в феврале 1918 года 3-ю московскую гимназию с серебряной медалью, Леонид Леонов в мае того же года приезжает с младшим братом Борисом (1903—1964) к отцу, работает у него в газете, выполняя различные обязанности и, по существу, является заместителем редактора по творческим вопросам.

Между тем тучи над газетой и ее редактором продолжали сгущаться. Против М. Л. Леонова было возбуждено дело по 1535-й ст. «Уложения о наказании». Поводом послужила коротенькая заметка «Своеобразный кооператив», написанная Г. Виллисамом и опубликованная в газете «Северное утро», № 180 за 15(2) сентября 1918 года, где было сказано: «Нас просят обратить внимание на деятельность лиц, имеющих близкое соприкосновение с кооперативом Общества потребителей, рабочих и служащих при управлении Архангельского порта. В двух лавках этого кооператива, как нам сообщают, царят спекуляция, мародерство и торговля из-под полы оптом и в розницу».

Кооператоры, уличенные в неблаговидных делах, вознамерились чуть ли не за решетку посадить редактора газеты, но и эта атака была отбита. Приговором суда от 27 декабря 1918 года дело за неявкой частного обвинителя было прекращено.

Листая страницы судебного дела, я с интересом ознакомился с одним автографом М. Л. Леонова, своей рукой вписавшего 16 ноября 1918 года ответы на вопросы анкеты судебного следователя:

«Возраст — 46 лет
Место рождения — дер. Полухино Тарусского уезда Калужской губернии
Постоянное место жительства — Псковский проспект, дом Тимофеева
Народность — русский
Религия — православный

Какое получил образование — а) высшее или среднее — низшее; б) грамотен или нет — конечно, грамотен
Семейное положение — женат, два сына при самом себе
Занятие во время совершения преступления — редактор газеты «Северное утро»
Имеет ли недвижимое имущество — нет
Подвержен ли привычному пьянству — (неразб.) непьющий (по рюмочке напиваюсь, по рюмочке)
Подпись — Максим Леонов».

В 46 лет М. Л. Леонов был в зените своей творческой карьеры, и достиг он всего, конечно же, благодаря своему уму, способностям и чувству юмора. Чего стоит его ответ — «непьющий, по рюмочке напиваюсь, по рюмочке».

Анкета с указанием адреса проживания дала мне возможность посетить дом, где жила семья М. Л. Леонова. Деревянный двухэтажный дом купца С. Я. Тимофеева хоть и сильно перестроенный, но все-таки сохранился. Он расположен на нынешнем проспекте Чумбарова-Лучинского наискосок от бывшей фотографии Я. И. Лейцингера, являвшегося в 1903 году городским головой. Так что квартира, снимаемая М. Л. Леоновым, находилась в самой престижной части города. На работу отец с сыном ходили пешком, тратя на весь путь до редакции 5—7 минут.

До революции фасадную часть добротного каменного здания постройки 1900 года, выходившего на Соборную улицу, занимало отделение Русского для внешней торговли банка, а в двухэтажной пристройке во дворе помещалась редакция и типография газеты. Я выбрал время и «обследовал» оба помещения. Пытался даже осмотреть чердак в надежде найти какие-нибудь реликвии того давнего времени. У заведующей детской библиотекой, что помещается в здании банка, моя просьба не вызвала никакого энтузиазма. Пришлось ограничиться ознакомлением с закрытым на ремонт просторным операционным залом банка, комнатами и подвалами, где находились несгораемые сейфы. Пристройка, где когда-то размещалась редакция, полностью сохранила старую планировку. Можно было пройти в бывшее помещение типографии, подняться на второй этаж, где была приемная и кабинет редактора, комнаты сотрудников. Где-то здесь был и рабочий стол Леонида Леонова, прошедшего в газете незаменимую практику и знавшего в тонкостях работу наборщика, печатника, корректора.

В двадцать один год Леонид Леонов был в полном смысле профессионалом газетного дела. К этому времени им были опубликованы десятки статей, рассказов, фельетонов, театральных рецензий и стихотворений. Общий стаж газетной работы исчислялся к тому времени восемью годами, если принять за точку отсчета две маленькие заметки в сентябре 1913 года.

Первое стихотворение «Родине» за подписью «Леонид Леонов» опубликовано в газете «Северное утро» в 1915 году (№ 147). В стихах, написанных чуть позже, можно отметить явные элементы модернизма. Примером могут служить взятые мною из газеты «Северный день» за 18 мая 1918 года два стихотворения — «Исповедь» и «Горящая готика».

ИСПОВЕДЬ

Уходит день. Сереют тени,
И каждый день перед тобой
Я опускаюсь на колени
Опять бессильный и больной.
Я твой, земля! В твой дымный вечер
Не брошу для тебя укор.
Благословляю, твой предтеча,
Твои страданья и позор,
Твои мечты о светлом небе!..
Твою кошмарную страну!
Благословляю, черный жребий!
И никогда не прокляну!
. . . .
. . . .
С больной мечтой о человеке,
Любя, страдая и горя,
Засну когда-нибудь навеки
В холодный полдень сентября.

В феврале 1920 года, через четыре дня после прихода красных, освободивших Архангельск от белогвардейцев, на основании постановления Особого отдела 18-й стрелковой дивизии М. Л. Леонов, как редактор газеты, выходившей при интервентах и белогвардейцах, был арестован и посажен в тюрьму. 30 апреля, приговоренный к одному году принудительных работ, он был по распоряжению председателя архангельского ВЧК М. С. Кедрова направлен в лагерь. Наборщики, печатники, корректоры газеты единодушно выступили в защиту своего редактора — убежденного демократа, доброго и отзывчивого человека. Только благодаря их поддержке М. Л. Леонову удалось избежать строгих репрессивных мер.

Профессиональный революционер, чекист М. С. Кедров (1878—1942) и особенно его помощница, некая товарищ Ревекка оставили в Архангельской губернии недобрую память о себе. За время антантовской интервенции на острове смерти Мудьюг было замучено и казнено около 200 тысяч человек. Не меньшую ненависть к своему народу выказали и чекисты-большевики, пришедшие на смену интервентам. Начиная с 1920 года Архангельская губерния была покрыта сетью лагерей, где томились и погибли сотни тысяч россиян. Среди них был и мой дед Георгий Алексеевич Попов, казак лейб-гвардии конвоя Его Императорского Величества Николая II, не пожелавший вступить в колхоз кубанской станицы Темижбекской. После ареста дед работал на лесоповале близ Архангельска, на лесопилке в Соломбале и затем «волочил» срок на Соловках...

В Архангельске у меня была встреча со старейшим краеведом Русского Севера К. П. Гемп (урожд. Минейко). Ксения Петровна с 1918 года преподавала в школах Архангельска дарвинизм, состояла в Обществе покровительства животным и знала М. Л. Леонова и его сына Леонида. Она принародно выступала с заявлениями, что в период оккупации Архангельска он учился и в 1919 году закончил офицерскую школу, располагавшуюся в те времена в районе Бакарицы. К. П. Гемп якобы присутствовала на торжественном акте присвоения выпускникам школы и Л. М. Леонову в их числе офицерского звания. После ухода интервентов и освобождения Архангельска красными войсками, рассказывала К. П. Гемп, именно Л. М. Леонов организовал выступление рабочих и служащих газеты «Северное утро» в защиту отца-«коллаборациониста» и таким образом спас его от более сурового наказания. Вскоре после этого Л. М. Леонов, чтобы не испытывать судьбу, ибо в любой момент его тоже могли арестовать, вместе со своим товарищем Ушаковым убежал, как сказала К. П. Гемп, из Архангельска и больше уж никогда не появлялся в городе.

Факты биографии Л. М. Леонова после архангельского периода хорошо известны. Летом 1920 года он вступает добровольцем в Красную Армию, направляется с артиллерийским дивизионом на Южный фронт в район Гуляй-Поля и 5 октября назначается редактором газеты 15-й Инзенской стрелковой дивизии. Газета находилась в ведении политотдела дивизии, и редактор ее, казалось бы, обязан быть членом партии, но Леонов так и не вступил в ряды большевиков.

Для того чтобы проверить факты, сообщенные К. П. Гемп, я снова обратился за справками к работникам облархива. Однако никто не смог предоставить мне документов, где бы значилась фамилия Л. М. Леонова — выпускника архангельской офицерской школы. Судя по публикациям того времени в газете «Северное утро», Леонид Леонов выезжал в районы боевых действий, и его материалы с передовых позиций шли под рубрикой «Двинский фронт». Трудно сказать, как экипировался корреспондент газеты Леонид Леонов, отправляясь на фронт. Допускаю, что на нем могла быть офицерская униформа, но имел ли он офицерское звание, этого мне документально установить не удалось. Поскольку после ареста М. Л. Леонова его сын — корреспондент газеты «Северное утро» не только не был арестован, но работал с 1 апреля по 31 мая 1920 года в печатной стенной газете архангельского отделения РОСТА «Красная весть», то данные, сообщенные К. П. Гемп, кажутся сомнительными.

Ко времени отъезда в июне 1920 года из Архангельска в Москву, а затем на Южный фронт Леонид Леонов был заметной фигурой среди архангельской творческой интеллигенции. С ее двумя наиболее талантливыми представителями — писателем Б. В. Шергиным (1893—1973) и художником С. Г. Писаховым (1879—1960) его связывала сердечная дружба на протяжении всей их жизни.

Борис Шергин — коренной поморец, потомок архангельских корабелов, жил в больших заботах и трудах, всегда оставаясь незлобивым, мудрым и добрым человеком. В старости он прибился поближе к Троицкой лавре и, славя Преподобного Сергия Радонежского, умер анахоретом. В 1959 году у него вышла книга «Океан — море русское». Л. М. Леонов откликнулся на нее рецензией в «Известиях» (3 июня 1959 года), назвав эту чу́дную книгу «копилкой добротной северно-русской речи».

С художником Степаном Писаховым молодой поэт Леонид Леонов познакомился в 1918 году. После посещения мастерской Степана Григорьевича Леонов опубликовал в газете «Северный день» статью «Поэт Севера (у художника Писахова)». Позже появилась другая статья — «К предстоящей выставке картин

художника Писахова». Творчество Степана Григорьевича было близко и дорого Леонову, который так же, как и его старший друг, был влюблен в Север и остался верен его природе и людям. «В монотонности тундры больше оттенков, нежели в красочных гаммах юга, — писал Леонов. — Цветы, цветущие только раз белым цветом, прекраснее рдеющих, нагло намекающих гирлянд алоэ».

Мне повезло: в картинной галерее Архангельска была открыта ретроспективная выставка картин С. Г. Писахова и я смог познакомиться с работами, которые так восхищали Леонова, — «Тундра», «Полярные березы», «На Мурмане», «Зима в Белом море», «Сосна, пережившая бури», «Обетные кресты». Сотрудники галереи подарили мне копию автографа, оставленного в книге отзывов на выставке С. Г. Писахова в 1928 году в Москве: «Без вас не мыслю Севера. Л. Леонов».

Живопись занимает особое место в жизни и творчестве Л. Леонова. Ведь он и сам пробовал себя в живописи, мечтал поступить во ВХУТЕМАС. Не случайно же среди его самых близких друзей больше всего художников — В. Д. Фалилеев, И. С. Остроухов, Д. Н. Кардовский. Старшая дочь Л. М. Леонова Елена не без влияния отца стала профессиональным художником. Ее муж — известный пейзажист А. Н. Макаров.

То, что Леонид Леонов дарил Максиму Горькому свои скульптурные работы, резьбу по дереву, доподлинно известно, а вот показывал ли он ему свою живопись, не знаю. Однако Горький чувствовал тонкое своеобразие художественной палитры и манеры письма Леонова: «Мастер своего дела, он почти никогда не рассказывает, всегда изображает, пользуясь словом, как живописец краской».

Меня не покидает уверенность, что когда-нибудь удастся все-таки увидеть картину или этюд, написанные Л. М. Леоновым. Ведь встретил же я у деревни Полухино на Калужской земле женщину — соседку Леоновых, у которой был этюд церкви, что неподалеку от знаменитого родничка, описанного в «Русском лесе». Этюд этот кисти Леонова, что подтвердил сам автор, пропал в Москве при переезде его владелицы с квартиры на квартиру. Может быть, кто-то нашел его и сохранил? Искал я леоновские этюды и в Архангельске, но не нашел. А ведь он писал в ту пору маслом. Может быть, вместе с Писаховым ходил на этюды. Не мог он, как художник, пропустить ни вешнюю капель, ни ледоход на Двине, ни яркое цветение «ситчика» северных лугов где-нибудь у Заостровья. «Север люблю», — написал Л. М. Леонов в автобиографии в 1924 году и был, как я все больше и больше убеждаюсь, предельно искренним.

Уже возвращаясь домой, в поезде я раскрыл повесть «Белая ночь» молодого Леонова, и передо мной живо, как бы въявь, прошли трагические картины революции на Русском Севере.

●

ЗАЯВЛЕНИЕ ДУМЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБОРА

В многонациональной мирной Абхазии развязана кровавая бойня. Стотысячный абхазский народ с древней государственной традицией и самобытной культурой оказался на грани этнической катастрофы в результате широкомасштабных военных действий Госсовета Грузии. Наконец-то сорвал маску «гуманист-миротворец-демократ» Шеварднадзе, всего год назад пугавший депутатов и народ грядущей диктатурой. Этот политический преступник, разваливший Варшавский Договор, принимавший самое активное участие в уничтожении СССР, вершит вандализм, разбой и грабежи. Гибнут люди, льется невинная кровь, растоптаны честь и достоинство граждан Абхазии.

Дума Русского Национального Собора заявляет решительный протест преступным действиям клики Шеварднадзе!

Мы требуем вывести войска Госсовета Грузии из Абхазии и приступить к переговорам с законным руководством Абхазской республики.

Принимая во внимание решительный Указ Конфедерации Горских Народов Кавказа от 21 августа, предостерегаем Госсовет Грузии, что его противоправные действия могут привести к гражданской войне, в которую будут втянуты многие народы, и эскалации конфликта на территории России.

Мы призываем патриотов России: интеллигенцию, русских писателей, рабочих и крестьян, военных, казачество воспротивиться порабощению и физическому уничтожению народов Абхазии, откликнуться на их боль и страдания, заявить мощный протест агрессии и геноциду, развязанному Госсоветом Грузии.

Дума Русского Национального Собора обращает внимание на явное предательство Российским правительством и его МИДом государственных интересов России, братьев-славян в Югославии, русских в Приднестровье и Прибалтике, в Карабахе. Эта двойственная политика, нерешительность и прямое бездействие — преступление против своего народа. Снова искажается истина в средствах массовой информации: руководство Абхазии в течение четырех дней не могло опубликовать свое Заявление в центральных газетах. Российские власти не предприняли мер по эвакуации мирного населения, проявив полное равнодушие к судьбам людей.

Народы Кавказа должны знать, что Российское правительство не выражает интересы русского народа. Только объединившись, мы сможем возродить Отечество наше, прекратить войны, стать процветающей и сильной Державой!

Выражаем искреннее соболезнование семьям погибших.

ПРЕСС-ЦЕНТР РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОБОРА.
Пресс-релиз, № 1, 1992 г.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

По просьбе меценатов дальнего зарубежья сообщаем валютный счет «МГ»: просим пересылать денежные средства на счет Мосбизнесбанка № 608-205-281 в республиканском национальном банке Нью-Йорка, Нью-Йорк, США, для редакции журнала «Молодая гвардия» на счет № 001070245 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка.

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 26.08.92. Подп. в печ. 28.09.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 20,3.
Тираж 30 500 экз. Заказ 2080.
Типография акционерного общества «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская,21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ЦВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка на второе полугодие 1992 года производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Роспечати» без ограничения. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена на «Молодую гвардию» на один месяц — 40 руб.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70544
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер | на ~~газету~~ журнал | 70544
(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
(наименование издания)

Стоимость	подписки	____руб.____коп.	Количество комплектов
	переадресовки	____руб.____коп.	

на 19____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»!

«Молодая гвардия» — это бескомпромиссный разговор с читателем о судьбах народа, нашей многострадальной, ныне порушенной «демократами» России, об истории и будущем нашего Отечества. Возрождение государственности, духовности и культуры русского народа и всех народов нашего многонационального Союза, прекращение спада и новый подъем многоукладной экономики, социальная защита и защита всех прав человека-труженика, человека-творца — вот основная тема и боль наших авторов.

В 1993 году журнал «Молодая гвардия» предполагает опубликовать следующие произведения:

роман **Михаила АЛЕКСЕЕВА «Мой Сталинград»**, в котором ярко выражен взгляд писателя-фронтовика на грандиозную битву на Волге;

роман **Валерия БАРАБАШОВА «Высшая мера»**, в нем исследуется история предательства майора Советской Армии, научного сотрудника НИИ, расценившего приход рынка как возможность продать все, что прежде для офицера было свято: честь, Родину, верность присяге;

криминальный роман **Александра КРОТОВА «Охота на Президента»**. Время действия — 1992 год. Место действия — Россия;

роман **Ивана СТАДНЮКА «Меч над Москвой»**, раскрывающий мотивы катастрофических событий в октябре 1941 года в районе Вязьмы, где были окружены и наполовину разбиты немцами десятки советских дивизий;

остросюжетную повесть **Юрия СЕРГЕЕВА «Княжий остров»**;

из серии «Зарубежный детектив». Публикуется впервые» — **Эд. МАКБЕЙН. «Ищем глухого террориста»** (будни 87-го полицейского участка г. Изола, США);

повести и рассказы **Сергея Алексеева, Юрия Бондарева, Александра Баркова, Геннадия Воробьева, Николая Коняева, Владимира Кононова, Сергея Михеенкова, Анатолия Ткаченко, Вячеслава Фадеева, Сергея Шумского;**

стихи и поэмы **Сергея Викулова, Владимира Цыбина, Виктора Смирнова, Валентина Сорокина, Бориса Примерова, Ивана Савельева, Ольги Фокиной, Нины Карташевой, Станислава Куняева, Игоря Ляпина, Татьяны Глушковой, Владимира Фирсова, Феликса Чуева, Льва Котюкова** и других широко известных и молодых поэтов;

публицистические исследования доцента Академии МВФ **Станислава Кузьмина «Правда о ГУЛАГе»**, основанные на подлинных документах и действительных фактах; продолжение новой рубрики «Русская идея», где будет дано философское осмысление третьего, национального пути развития России;

статьи публицистов и критиков **В. Бушина, Ф. Бирюкова, М. Лобанова, З. Володина, С. Жарикова, Д. Жукова, В. Васильева, Ю. Калабухова, А. Кузьмина, В. Канашкина, Н. Федя, П. Ланина, А. Василенко, В. Якушева** и других.

Как всегда, читатель познакомится с материалами, которые могут быть опубликованы сегодня только в «Молодой гвардии» и нигде больше.

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы приближаете день спасения Отечества от интервенции иностранного капитала, от коррумпированных предателей Родины, вы способствуете возрождению духовности и национального достоинства всех народов, проживающих на территории СССР.